

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

Александр Твардовский

*С благодарностью к дочери Маршала Наталии
Ивановне Коневой за предоставленные матери-
алы из семейных архивов и всяческую помощь
при написании этой книги*

Глава первая

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ ЛОДЕЙНО

*“Моя родина там, где не было крепостно-
го права и не ступала нога завоевателя”.*

Когда бываешь в родных краях прославленного человека, судьба которого тебя волнует особенно, всегда пристально вглядываешься в черты его родины и пытаешься разглядеть в них нечто такое, что, кажется, и дало тот

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор многих книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

внутренний толчок, который помог выйти твоему герою, как говаривали совсем недавно, на широкую дорогу жизни.

У маршала Ивана Степановича Конева, как, впрочем, и у большинства крестьянских детей, родина довольно скромная. Тихая северная деревня Лодейно. Когда-то, в пору детства нашего героя, она относилась к Щёткинской волости Никольского уезда. В то время уезд входил в Северо-Двинскую губернию. Потом, когда начались деления и переделы, связанные то с одной властью и её политикой, то с другой, уезд и родная деревня Ивана Конева попеременно отходили то к Вологодской губернии, то к Вятской. Теперь Лодейно принадлежит Подосиновскому району Кировской области. Вот и спорят вологодские с вятскими, кому же из них приходится истинным земляком прославленный полководец XX столетия, кому он роднее. Подолью масла в огонь и я. Когда весной 1945 года в Южной Саксонии, где тогда стоял штаб 1-го Украинского фронта, маршал диктовал свою биографию писателю Борису Полевому, то начал буквально следующим: “Родился я в деревне Лодейно на Вологодчине...” Вот так и выпало из памяти маршала Конева северодвинское его происхождение: “...на Вологодчине”. Правда, как часто случается, всё своим мудрым ладом умиротворил поэт, на этот раз свой, местный, подосиновский, а устами поэта, как известно, говорит его родная земля:

*...Вологодские, вятские —
Все мы крови одной,
Наши судьбы солдатские
Перевиты войной. (М. Рыбин)*

Лодейно же деревня, как уже было сказано, довольно обычная. Таких по речке Пушме когда-то стояло много. Слава богу, что Лодейно и по сей день жива, шумит, рождает детей, трудится и кормится как может. И особо хранит в своей памятной душе образ одного из своих сыновей, который когда-то в смутный период истории России выпорхнул из родительского гнезда, и судьба его приласкала своей и доброй, и недоброй лаской, сделав маршалом СССР, и возложила на его плечи тяжкий груз ответственности за судьбы миллионов людей, которых он посылал на смерть, чтобы их потомки могли жить на своей земле хозяевами, в мире и довольстве.

Однажды в разговоре с народной артисткой СССР, актрисой МХАТа Ангелиной Степановой зашла речь о родине маршала. Разговор этот произошёл уже после войны, в стенах МХАТа. Чуткая к слову Ангелина Степанова поразилась чистоте и богатству речи маршала, его особым интонациям, в которых чувствовался русский Север, своеобразие, исконность. Актрису удивило ещё и то, что с годами Конев нисколько не растерял этот свой особый северный, родовой дар.

— Моя родина, — ответил Конев, — там, где не было крепостного права и не ступала нога завоевателя. Мы сохранили свободный и вольный язык славян, которые жили под Великим Устюгом.

Суровый северный край. Некогда Устюжский удел Ростово-Суздальского, а затем великого Владимиро-Суздальского княжества. Когда-то Устюг стоял несокрушимой крепостью на древнем торговом и военном пути новгородцев по реке Сухоне вниз, к хлебородным землям. Устюжская земля дала России знаменитого путешественника и открывателя новых земель Семёна Дежнёва, воина, покорителя Приамурья Ерофея Хабарова, исследователя Камчатки Владимира Атласова.

О своей родной деревне Конев вспоминал так: “...вологодская деревня, высокие дома с подклетьями, рубленные из толстых брёвен. Колодезные журавли. Корыта для пойки лошадей и коновязи чуть ли не под каждым окном. Это для проезжавших подводчиков, останавливавшихся на почлег или постой. Деревня наша была большая, лежала на большаке, ведущем из Котельнича в город Великий Устюг. По этому большаку непрерывно в оба конца, в особенности зимой, ходили длинные обозы с хлебом вглубь страны и с

водкой для всех казёнок¹ в обратную сторону. Вот этот оживлённый тракт в значительной степени и определял жизнь нашей деревни”.

Речка Волосница, на которой стоит Лодейно, неподалёку расходится вширь и образует небольшой залив. Можно предположить, что когда-то он был полноводнее. Именно здесь, на этом плёсе и его берегах, как утверждали местные старожилы, их предки ладили лоды.

По переписи 1895 года по Вологодской губернии записано буквально следующее: “Деревня Лодейно. Пушемско-Николаевского прихода Щёткинской волости Никольского уезда”. В более ранних письменных источниках упоминается в связи с событиями X—XII веков как место жительства племени угро-финнов. Когда новгородцы начали заселять земли Поюжья, то есть бассейна реки Юг, здесь, по всей вероятности, произошла ассимиляция народов. Из этой уникальной историко-культурной плавильни на берега реки Юг, Сухона, Вятка и их притоков вылилось удивительно красивое, самобытное и мужественное племя людей, веками пахавших свою землю, растивших на ней хлеб, строивших прочные и просторные жилища из кондовой сосны, защищавших норбужье от лихих и беспокойных соседей. Русский Север. Суровый быт накладывал отпечаток и на характер здешних жителей, веками выковывая в нём чувство собственного достоинства, свободолюбие, стойкость и умение общее, общинное, государственное поставить выше личного.

Дом, в котором родился Иван Конев, в середине XIX века построил его дед, тоже Иван Степанович. Дед имел прозвище — Епишня. Происхождение прозвища таково. В русских деревнях детей, рано оставшихся без отца, называли не по отчеству, а по имени матери. Мать Ивана Конева-1 звали Епифанией. А детей — Епишня.

Дом Коневых в Лодейной стоит до сей поры. Теперь в нём музей маршала.

Иван Епишня был человеком предприимчивым. И землю пахал, и лес валил, и извозом занимался, и торговлишку вёл. Его стараниями в Лодейной была построена школа для крестьянских детей. Детей тогдашняя Россия, в особенности сельская, рожала щедро. Не исключением был и русский Север. Вот и у Ивана Степановича Конева было четверо: трое сыновей и одна дочь.

Дети растут быстро. Сыновья поднялись и все трое, каждый в свой срок, отслужили службу в царской армии. Старшие вернулись в звании унтер-офицеров. Младший угодил на войну, в самое пекло, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве.

В феврале 1897 года Степан Иванович Конев высватал за себя крестьянскую девушку Евдокию Степановну Мергасову. 15 декабря того же года у молодых родился первенец. В фондах музея маршала Конева хранится копия выписки из метрической книги. Привожу документ целиком: “Выпись из Метрической книги на 1897 год. Часть 1-я, о родившихся. Мужеского пола. 106. Рождения декабря 15. Крещения 16. Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания: Деревни Лодейной крестьянин Степан Иван Конев и законная его жена Евдокия Степанова, оба православного исповедания. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: деревни Подволочьа крестьянский сын Иван Степанов Мергасов. Кто совершил таинство крещения: Священник Пётр Жуков и диакон Виктор Нечаев”.

Вторым ребёнком Коневых была девочка. Назвали её Марией. Но день её рождения был омрачён смертью матери. Такое прежде случалось довольно часто. Женщины умирали родами. Воспитательницей Ивана и его младшей сестры Маши, как говорили в деревне, нянькой, стала тётка, младшая сестра отца Клавдия Ивановна. Судьба повторялась в роду Коневых: родители Степана Ивановича, Клавдии Ивановны и двоих их братьев умерли рано, и Степан Иванович, ещё неженатый, остался с малолетним братом и сестрой на руках, заменив им сразу и отца, и мать.

¹ Казёнка — государственная винная лавка, где продавали хлебную водку. Водка носила то же название — “казёнка”. До 1917 года эта водка являлась монополией Российского государства.

Первым другом Ивана в детстве был его дядюшка, Григорий Иванович Конев, младший брат отца. Этот Григорий Иванович был всего на несколько лет старше своего племянника. Все детские забавы дядюшка и племянник делили вместе. Как и Иван, Григорий рано остался сиротой. И его тоже воспитывала Клавдия Ивановна, в замужестве Мергасова. Одному из них она доводилась тёткой, а другому сестрой. Но обоим-двоим, по самой своей сути, — матерью.

Был у Вани Конева и ещё один дядя — Фёдор Иванович. Службу в царской армии отслужил в уланском полку. Затем поступил на службу в полицию, состоял в должности местного урядника и обязанности свои исполнял исправно и с завидным рвением, которое порой смущало сельчан, в том числе и Коневых.

Что такое детство в деревне? Воля! Рядом лес, река. Грибы, ягоды. Пескаринные места и щучьи заводи. Река Пушма невелика, но не мала. Чем-то похожа на среднерусскую реку Угру. И размерами, и берегами, и своими рыбными омутами. Но и домашние обязанности, которые деревенские дети познают довольно рано, были частью детства будущего маршала. С шести лет Иван был приучен к труду. Когда взрослые, в том числе и дядя Григорий, уходили, к примеру, на полевые работы, на сенокос или в лес, заготавливать на зиму дрова, его оставляли домовничать. Что значит домовничать в крестьянском дворе? В первую очередь, конечно, сторожить дом. Одновременно приглядывать за домашним хозяйством. А что значит — приглядывать? Нет, это вовсе не глядеть со стороны. Убраться в доме, подмести полы, прибраться во дворе. Выпустить из курятника кур, покормить их, поставить воды. Вынести меса свиньям. Почистить за ними. Встретить с полей корову. А если запаздывает домой хозяйка, то и подоить. Вечером загнать в хлев овец. Наносить воды, дров. Начистить картошки. Если пошёл дождь, убрать всё, что может намочнуть, под крышу. Хозяйство...

Но детство есть детство. Проказничали.

Однажды дядя Григорий сказал племяннику:

— Вань, хочешь, я тебя летать научу?

Как тут не согласиться?

Северные дома высокие. Дядя спустил племянника на полотенце в окно и начал раскачивать.

— Ну как? Летает? — кряхтя от напряжения, спрашивал дядя, раскачивая племянника всё сильнее и выше, так что тот вскоре стал подлетать к обрезу кровли, к самым причелинам.

— Летая!

И Ванька полетел...

Вечером, когда царянины немного подсохли, а синяки проявились во всей своей лиловой красе, отцу он объяснял, что упал, выгоняя из огорода соседского козла.

Дом Коневых стоял на бойком месте, *на юру*, как говаривают в здешних краях. Служил он не только хозяевам, но и проезжим подводчикам. А потому в бойкую пору, когда по большаку на Великий Устюг и обратно шли обозы, превращался в самый постоялый постоялый двор.

Подводчики — народ простой. Но интересный. И разговоры у них были интересные. Всё же бывали они в разных краях, многое успевали повидать, о многом слыхивали. Многое могли рассказать. Почти как в сказке Пушкина: Ой вы, гости-господа! Путь свой держите куда? Славно ли за морем, иль худо? Да какое в свете чудо?... И — пускались корабельщики-подводчики в рассказы о своих странствиях и дальних неведомых краях...

Иногда в доме на юру останавливались постояльцы побогаче — приказчики, лесоторговцы. Вот тогда уж самовар на стол! Иван бежал в местную лавку за барашками и сахаром, за махоркой и водкой. Приказчики, те хоть и выглядели как настоящие господа, но почти все были из вчерашних крестьян. Курили махорку, чай пили вёдрами. Да и речи вели всё о том же. Вот, бывало, засидятся за полночь, захмелеют и — пошли языками чесать, рассказывать разные были и небылицы, сказки да побасёнки. У иного речь цветистая, заковыристая, с прибаутками да шутками, так что не сразу и ий-

мёшь, к чему он клонит. За извилистой дорогой пути не видать... Особенно нравились Ивану рассказы о войне. Дух захватывало, когда кто-нибудь из постояльцев заводил сказ о том, как он служил солдатом в полку: “А вот как отдали меня, братцы мои, в полк, а полк наш стоял там-то, тут я жизнь по-вида-а-ал!.. Плюй в ружьё, да не мочи дула!..” — “А на войне ж ты бывал?” — вдруг спрашивал кто-нибудь особо охотого до разговоров, чтобы пуще раззадорить его. “А как же!” — отвечал тот, как будто только того и ожидал. И начиналась какая-нибудь удивительная или страшная история о Русско-турецкой войне или походе генерала Скобелева в Закаспийскую область, чтобы усмирить непокорных текинцев. В то время ветеранам Шинки было по пятьдесят лет, а участникам Ахалтекинской экспедиции и того меньше. Только что отгремела Русско-японская война, и инвалиды в местную казёнку заходили в распахнутых шинелях, чтобы опрокинуть стакан-другой за здоровье государя-императора и за упокой души героя Порт-Артура адмирала Макарова.

Заметил Иван, что над теми, кто не послужил в солдатах, посмеивались, порою зло: “Грешно чужою кровью откупаться”. Или: “Служить, так не картавить, а картавить, так не служить, как говорил Суворов-батюшка”. Поглядывали приказчики на стройного парня, говорили и ему: “Вот вырастешь, и тебя под красну шапку отдадут...”

И деревенский мальчик, слушая эти истории, очень похожие на те, которые он знал по книжкам, понимал, что на свете есть другая жизнь, более интересная. И “красна шапка” казалась ему вовсе не тяготой судьбы, а почти что счастьем — пропуском в новую и необычную солдатскую жизнь, где гремят ружейные залпы, ухают пушки, звучит булат, визжит картечь, и с гулом летит конная лава, чтобы смять атаку противника... Эх, сказка, а не жизнь!

Когда Иван и дядя Григорий подросли, отец начал их брать в лес, на лесозаготовки. Конев вспоминал: “Зимний лесоповал — пелёгкое мужское дело. Сосны огромные. Надо её подрубить, свалить в пужную сторону, обрубить сучки, распилить, поднять на сани и отвезти к речке Пунме...” По реке лес сплавливали до деревни и дальше, смотря по надобности. Но прежде сплавивали, связывали в плоты, чтобы не растерять лес и труды всей зимы на водном пути. “Работа не для мальчика, — рассказывал Конев Борису Полевому, — что верно, то верно. Однако работа научила нас многому. Так, благодаря колу и ваге, которыми мы приподнимали и перекачивали брёвна, я понял, что такое рычаг первого рода, задолго до того, как узнал о нём в школе на уроки физики”.

Вначале Иван окончил сельскую трёхклассную школу — церковно-приходскую. Школа та находилась в четырёх верстах от Подейно в деревне Яковлевская Гора. В школу ходил вместе с дядюшкой Григорием. Так и росли вместе. Соседи, глядя на них, с улыбкой говорили: дядя с племянником, как чёрт с мельником... В классе Иван оказался недоростком, на год моложе своих одноклассников. Учителем в сельской школе был, как вспоминал Конев, человек уже пожилой, прекрасный педагог, любивший своё дело и особенно один предмет — чтение. Вот на чтение Иван сразу и нажал. Тем более что учитель, почувствовав страсть мальчика к военной истории, начал приносить ему книги из своей библиотеки, так как школу Иван Конев, освоив грамоту, перечитал довольно быстро.

“После первого класса, — как писал Борис Полевой в своей книге “Полководец”, — соседи уже заставляли его читать письма, а то и старые газеты, которые заводил в глушь из города какой-нибудь подводчик”.

Церковно-приходскую школу Иван окончил успешно в 1906 году. При выпуске ему вручили похвальный лист. А учитель от своего имени присовокупил к тому листу прекрасное издание комедии “Ревизор” Николая Васильевича Гоголя с очень значительной надписью: “За выдающиеся успехи и примерное поведение”.

— Учись, учись, Ваня, — папугствовал учитель лучшего своего воспитанника. — Образованный человек сможет больше послужить своему Отечеству. А что может быть выше служения своему народу?

Кто знает, возможно, именно эта надпись, сделанная старым приходским учителем, и его напутственные слова разбудили в мальчике то здоровое честолюбие, которое и повлекло его к дальнейшей учёбе и стараниям как можно лучше исполнять то дело, которое поручено и на которое наставила судьба и детская мечта.

Следующей ступенью в учении было Пушемско-Никольское четырёхклассное земское училище. Находилось оно в селе Щёткине, в десяти верстах от Лодейно. “Десять вёрст пешком отмахать зимой туда и обратно — не шутка, — вспоминал Конев. — Но тяга к учению была сильная”. Вскоре при училище был открыт приют, и Ивана, хорошо успевающего по всем предметам, сразу же приняли на полное обеспечение. Учителем в земском училище был либерал, толстовец, страстный любитель литературы Илья Михайлович. В Щёткине при выпуске, который состоялся в 1910 году, Иван был отмечен похвальным листом. “Сейчас вот вспоминаю моих учителей, — рассказывал маршал в 1945 году Борису Нолевому, — и сельского кузнеца, и ветерана Алёшку-турка, всех вспоминаю с большой благодарностью. Общение с такими людьми обогащает душу, а это ох как надо было в те глухие времена!”

Конев вспоминал о своей привязанности к кузнечному делу. Жил в Лодейном кузнец Алёша Артамонов. Человек мастеровой. Что угодно мог выковать из бесформенной заготовки. Известное дело, в деревне кузнец да коных — первые люди. Одно время подался Алёша в Ярославль, устроился там на завод. На курсах выучился грамоте. Пристрастился к чтению. Больше всего Алёша любил читать исторические романы, былины. Хотя почитывал и разные брошюры о текущей, как говорится, жизни. Однажды одну из таких брошюр в его вещах обнаружили полицейские, и Алёша был выслан из губернского города по месту жительства “по причине неблагонадёжности”. Алёша вернулся в родное Лодейно, открыл кузню. Дела его шли неплохо. Семью кормил. И по-прежнему в свободные вечера читал исторические романы. Некоторые из них знал почти наизусть. Вот почему деревенская ребятня, кроме того, что в кузне можно было постучать молотком по мягкому раскалённому металлу, так и крутилась вокруг кузнеца. Ошинует Алёша колесо, загонит на место новые втулки, отправит в путь очередного подводчика, сядет на лавке у горна, прикурит от раскалённой заготовки и начинает очередную свою сказку. О походах князя Олега в греческую землю, о Петре Великом, об Иване Грозном, о Суворове и адмирале Нахимове, о паходчивом и неунывающем русском солдате, которому сам чёрт не брат и который может и суп сварить из топора, и выйти из самого безвыходного положения героем, и всегда весел и счастлив! Как вспоминал Конев, самого положительного мнения из всех российских правителей Алёша-кузнец был о Петре Великом. Потому, что тот, кроме всего прочего, чем обязан заниматься царь, был добрым кузнецом, что заботился о могуществе России, и в первую очередь об армии и флоте.

Рассказы Алёши-кузнеца проникали в самую душу Вани, будили воображение. Хотелось поскорее вырасти, набрать тот гвардейский рост, при котором его непременно примут в Преображенский гренадерский полк, выдадут красивую форму, винтовку, подсумок с патронами...

Жил в деревне и ещё один Алёша. Этот носил прозвище Турка. И замечателен был другим. Человек он был вроде и зряшный, частенько запивал, не отличался хозяйственностью. Но было в нём то, чего не имели другие. Он был старый солдат. А значит, именно тот, о ком складывали в народе сказки и писали в книгах. Алёшка Турка отмахал на царской службе свои двадцать пять лет и вернулся на родину. И самым главным событием его службы была война с турками. Бои у Плевны. Шипкинский перевал. Попал Алёша в самое некло тех событий. Любил рассказывать о том, что довелось повидать, пережить. Человек он был с юмором, и подчас невозможно было понять в его рассказах, где он шутит, а где, сквозь слезу, говорит самую что ни на есть душевную правду. Очень часто ребятинки уговаривали Алёшу Турку рассказать о том, как он однажды всю атаку провисел на гвозде. А дело было так...

Изготовился их батальон к наступлению. Командиры поставили задачу, наметили ориентиры. Алёше с товарищами предстояло идти мимо болгарской

деревни. И вот пошли. Чтобы спрямить себе путь, он решил не обходить усадьбу, а перелезть через забор. Забор хозяин выстроил прочный, не хуже вологодского. И вот, перелезая его, Алёша зацепился ремнём ранца за кол и повис. Росточка солдат был далеко не богатырского, болтался-болтался, да так и провисел всю атаку на колу. Начальство его смеялки и рвения первым быть в атаке не оценило и приказало пропустить сквозь строй под шомполами.

Так что военная служба, как ещё в детстве уяснил себе Иван Конев, это не только красивая форма, героические атаки, штурмы вражеских укреплений и крепостей, походы, ордена и трофеи, но и опасность во время атаки оказаться на колу, с которого тебя снимут иод шомпола твоих же товарищей...

По праздникам Турка облачался в свою солдатскую гимнастёрку, надраивал медаль и шёл в казёнку, где опрокидывал рюмку-другую-третью и, захмелев, плёлся домой. Если павстречу попадалась ребячья ватага, оставливал её:

— Стройся! Равняйся! Кругом марш! Эх, сено-солома, курицыны дети!

Ваня Конев с дядюшкой Григорием со своими товарищами по детским забавам тут же охотно выстаивались *во фронт*, изумляя Алёшу-Турку и переполняя его гордостью за то, что тот был когда-то солдатом и служил под началом самого генерала Скобелева...

Было в этом старом деревенском чудике нечто такое, что не просто влекло к нему мальчишек, но и заставляло их потом с особым чувством брать в руки книжки о подвигах отцов и дедов, о походах русского войска в дальние страны, чтобы помочь братьям по вере и крови защититься от бусурман и притеснителей.

Так что учителями Вани Конева были и эти два Алёши, кузнец-книгочей и старый солдат-скобелевец, получивший за храбрость в период боёв на Шинкинском перевале медаль.

После окончания земского училища отец Степан Иванович устроил сына табельщиком по приёмке леса. Табельщик — должность на лесозаготовке серьёзная. Надо не только знать грамоту и быстро считать, но и быть добро-совестным, ответственным. Тут впервые его начали звать по имени и отчеству — Иваном Степановичем. Но быстро закончился рабочий сезон, табельщик на лесоскладе стал не нужен. Лес начали вязать в плоты и погнали вниз по реке Цушме к Яхренъге, где река впадала в более полноводную реку Юг, и уже мощный Юг, вобрав в себя силу притоков, нес плоты к Великому Устюгу.

Вот по этому водному пути в один из дней и проводил Степан Иванович своего сына Ивана Степановича *в люди*. Что ж, как говорят, что в людях ведётся, то и нас не минует. Судьба Конева до определённого времени ничем особым не отличалась от судьбы его сверстника, который с котомкой за плечами отправлялся из родительского дома в большую жизнь с надеждой устроить её так, чтобы не только самого себя обеспечить, но и помогать семье. В пути Иван, чтобы не быть нахлебником, помогал плотогонам. Благо и эту работу он знал. До Архангельска путь не близок. В берестяном коробе, собранном в дорогу пняей Клавой, лежала чистая косоворотка, пара белья и письмо отца к своему брату и дяде Ивана Конева Дмитрию Ивановичу Коневу. Дядя работал в архангельском порту грузчиком. Жил, как и все портовые люди, которым приходилось тяжёлым физическим трудом зарабатывать свою копейку, небогато, но племянника принял с добром, по-родственному, дал угол и помог устроиться в порту по прежней специальности — табельщиком.

Он ещё вернётся на свою родину, в Лодейно. Но это будет странное возвращение. Новое свидание с родиной станет следствием великой смуты, которая всколыхнёт всю державу, потрясёт её устои, обрушит многие основы, но вместе с тем и станет истоком новой жизни, и Иван Конев прикинёт к тем, кто первым и всем сердцем почувствует это. Та новая встреча станет недолгой. После неё Конев расстанется с родной Вологодчиной навсегда. Казалось бы, навсегда. Жизнь захватит новым вихрем. Но, как известно, детство человек не проживает бесследно, детство уходит в подсознание,

чтобы всю жизнь потом окликать неожиданными воспоминаниями, смутными голосами и яркими картинками счастья, которое принадлежит только тебе одному.

Изучая жизнь маршала, перебирая её, запечатлённую в документах, хрониках, свидетельствах родни и людей, знавших его, я пришёл к мысли о том, что родиной Конев был наполнен всегда, всю жизнь; её корни прорастали в нём, в его характере, в поступках и решениях, в отношении к людям, к делу, к службе, которой он отдал всё; его родовое светилось в его глазах, проступало в лице, звучало в лёгком северном говорке. И всегда в гуще людей, в, казалось, безликом скопище армейской массы, которая постоянной рекой протекала перед ним, он безошибочно узнавал земляков — по родной речи, по разрезу глаз и лёгкой скуластости лиц, по жестам, в которых угадывались одновременно и северная споровка, и несуетливость, чувствовалось достоинство терпеливых людей, привычных ко всему — и к тяжёлой физической работе, и к тяжкой обязанности идти на смерть.

Глава вторая

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

“... начал солдатом”.

Долго в портовых табельщиках при хорошем заработке Коневу ходить не пришлось.

1916 год. Уже два года шла война, которая впоследствии войдёт в историю войн как Первая мировая. Газеты пестрили тревожными сообщениями с фронтов. Дядя Дмитрий Иванович поглядывал на племянника с беспокойством. Потери обеих сторон росли. Старый солдат Дмитрий Иванович хорошо понимал, что вот-вот начнут призывать и Иванов год. В связи с военными действиями не улучшалась жизнь и внутри империи. Дорожали продукты питания, другие товары. Приходилось потуже затягивать пояса. Как и всегда, нестроения в государстве особенно тревожным эхом отдавались в глубине простого народа.

— На рать сена не напасёшься, — ворчал Дмитрий Иванович, снова и снова заглядывая в казённую бумажку, доставленную на имя Ивана Степановича Конева, 1897 года рождения и подписанную местным воинским начальником.

— Что это, дядя? — спросил Иван, а у самого уже колыхнулось внутри.

— Судьба твоя. Вот что. Иди и помни: то, что ниному по уши, удалому по колено. Коневы никогда перед врагом не дрожали. Отец тебе сказал бы то же.

И пошёл Иван на войну.

Но вначале была учёба. Запасной полк.

Из Вологды команду новобранцев отправили вначале в Моршанск. Здесь Конев окончил свою первую военную академию — солдатскую. Борис Полевой об этом периоде службы Конева, который теперь бы поименовали курсом молодого бойца, написал следующее: “Здесь новобранец показал себя грамотным и дисциплинированным. Ему не пришлось, как бывало с иными рекрутами, засовывать в голенища сапог сено и солому, чтобы отличать правую ногу от левой. Но он никак не мог свыкнуться с самодурством ефрейтора. Не сразу усвоил, что ефрейтор, например, может заставить тебя чистить сапоги, и тяжело переживал, еле сдержался, когда рядом с ним ефрейтор влепил его одноподчиненцу в ухо”.

По поводу “одноподчиненца” Борис Полевой, возможно, допустил неточность. Если Конев призывался в Архангельске, то рядом с ним вряд ли были его земляки из Лодейна. Что же касается “в ухо”, то, конечно, человеку, родившемуся и выросшему в краю, где не любили ломать шапку перед господами, не терпели любых притеснений, трудно было привыкнуть к новым отношениям между командиром и подчинённым. Можно себе представить, как хотелось Ивану Коневу засветить в ухо первому своему армейско-

му начальнику в чине ефрейтора. Но служба ему понравилась, и он понял, что, для того чтобы стать в армии кем-то, надо вначале многое претерпеть, многое подавить в себе. В книге “Маршал Конев — мой отец” дочь маршала Наталия Ивановна Конева пишет: “Во время отдыха в санатории “Барвиха” мама записала рассказ отца о событиях дореволюционных. Эта запись с небольшими сокращениями публикуется впервые. “В мае 1916 года я был досрочно призван в царскую армию. Через полгода призвали и моего отца, в ополчение. Призывной пункт находился в городе Никольске. (Значит, призывался Конев не в Архангельске. Повестку ему, по всей вероятности, в Архангельск переслали из уездного Никольска соседней Вологодской губернии. — С. М.) Я был парнем крепким, сильным, физически развитым, и меня решили определить во флот, что меня вполне устраивало, но уже на вторые сутки меня отправили в пехоту, в 212-й полк под Моршанск. Тут я прошёл свои армейские “университеты”: то ефрейтор приказал сапоги ему чистить, то сосед по казарме оплеуху поровнил вленишь, то с температурой “40” отправили на покос, нужно было запастись сеном для армейских нужд. Но служба в армии многому и научила. Я освоил все ружейные и строевые приёмы. Однажды в часть, где я служил, наведались офицеры, чтобы отобрать людей в школу прапорщиков. Меня отобрали в артиллерию, определив во 2-ю запасную тяжёлую артиллерийскую бригаду...”

Месяц муштры, скучной солдатской кашки, дееспотизма ефрейтора, который был, конечно же, не лучшим ефрейтором Русской императорской армии образца 1916/17 годов, и роту молодых солдат выстроили на плацу для того, чтобы распределить их по командам для дальнейшей службы. Образовательный ценз Ивана Конева, характеристика, данная ему за предшествующий период учёбы, в том числе и зверем-ефрейтором, позволили направить его для дальнейшего обучения воинской специальности. Так Конев впервые оказался в Москве.

Николаевские казармы располагались на знаменитой Ходынке. Здесь дислоцировалась 2-я Гренадерская артиллерийская бригада. С началом военных действий бригада отбыла на Юго-Западный фронт, а здесь, в казармах действовала учебная команда бригады. Здесь же, на Ходынском поле, был устроен артиллерийский полигон, и поэтому местные долго называли это поле Военным. После октября 1917 года Военное поле стали именовать Октябрьским. Там же размещался аэродром Московского общества воздухоплавания. Здесь, над Военным полем и Николаевскими казармами, закручивал свою “мёртвую петлю” поручик П. Н. Нестеров. С 1926 года это место стало Центральным аэродромом им. М. В. Фрунзе.

В учебной команде Иван Конев засел за книги. Дело в том, что специальность разведчика-наблюдателя требовала многих знаний, в том числе необходимо было быстро производить геометрические и тригонометрические вычисления. Приходилось консультироваться с товарищами, которым артиллерийская наука давалась легче, с офицерами, засиживавшись в учебном классе по ночам.

В архиве маршала, бережно хранимом дочерью Наталией Ивановной, сохранился учебник 1913 года, издательства “В. Березовский. Комиссионер военно-учебных заведений. С.-Петербург, Колокольная улица, дом 14”. Это учебник для пехотных учебных команд, руководство для унтер-офицеров. В разделе “Обязанности нижних чинов” рукой Конева синим карандашом отчёркнуты два абзаца. Приведу их полностью, так как суть, заключённую в них, конечно же, просеивая через сито семейного воспитания и тех нравственных ценностей, которые он вырастит в себе сам посредством дальнейшего образования и самообразования (в особенности чтением книг, литературы, специальной и художественной), Конев пронесёт через всю свою жизнь.

“Каждый нижний чин должен всегда и везде иметь бравый и молодецкватый вид, держать себя с достоинством, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в ссоры, не участвовать в сборищах, драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках”.

“Не посещать вовсе клубов, маскарадов, публичных танцевальных вечеров, ресторанов, буфетов и других заведений, где производится продажа

спиртных напитков и пива (кроме стационарных и пароходных буфетов 3-го класса) ”.

Пройдёт двадцать восемь лет. Бывший унтер-офицер 2-й тяжёлой артиллерийской бригады маршал Советского Союза Конев, стройный и подтянутый, выйдет на парад Победы и пройдёт по брусчатке Красной площади во главе 1-го Украинского фронта. В руке будет сиять сабля, на груди ордена и среди них орден Победы.

Второй пункт руководства для унтер-офицеров, настойчивое следование ему, погубит его первую семью. Однако и ему он будет следовать всю жизнь. Но об этом чуть позже.

На Юго-Западный фронт Конев отбыл в 1917 году. Зачислен на должность унтер-офицера 2-го отделения артдивизиона. 2-я Гренадерская тяжёлая артиллерийская бригада имела трёхбатарейный состав: первая и вторая батареи были вооружены шестидюймовыми гаубицами; третья — 42-линейными полковыми пушками образца 1910 г. Бригада считалась одной из лучших на этом участке фронта. Вскоре была включена в состав так называемых “частей смерти”. “Части смерти”, или “ударники”, имели даже особую форму и знаки различия. К примеру, офицеры и солдаты на фуражках и папахах носили кокарду в виде так называемой адамовой головы со скрещёнными мечами и лавровым венком. Такая же эмблема носилась на погонах и в петлицах. Погоны и петлицы обшивались серебряным галуном. А на рукав нашивался чёрно-красный угол. Эти знаки различия впоследствии были упразднены Приказом главнокомандующего Н. В. Крыленко № 979 от 9 декабря 1917 года.

В дивизион большевики приносили листовки и газеты. Чаще всего они тут же шли на сигарки. Но иногда батарейцы просили молодого фейерверкера почитать им какую-нибудь статью. Газеты Конев начал почитать ещё в Москве. Простым солдатам по душе пришёлся лозунг большевиков: “Фабрики — рабочим, земля — крестьянам, власть трудящимся”.

В 1965 году в Барвихе на даче в беседе с Константином Симоновым Конев, перечисляя свои служебные ступеньки и особо нажимая на то, что “пять лет командовал полком и в общей сложности семь лет дивизией”, сказал не без гордости:

— А начал солдатом! Практически прошёл все военные ступени, которые существуют.

Первая воинская специальность Конева — фейерверкер — не раз помогала ему в дальнейшем, а однажды спасла жизнь. Под Витебском в июле 41-го, в самый разгар летних боёв, ему пришлось стать к панораме противотанковой пушки, которую солдаты позднее прозвали “Прощай, Родина”. Он выстрелил удачно. В противном случае о Коневе, как о маршале Победы, эту книгу писать бы не пришлось. Выстрелил и попал в немецкий танк. Но об этом рассказ впереди.

Дальнейшая судьба унтер-офицера Конева складывалась так:

“Однажды мне в руки попала газета “Русское слово”. Помещённые в ней материалы были восприняты как правда, которую от нас долго скрывали: о нравах царского двора, о царице-немке, о Распутине, об упадке, который охватил Россию”. По всей вероятности, Конев имеет в виду публикации в связи со смертью старца Григория Распутина. В то время популярность Григория Ефимовича Распутина-Новых была необыкновенной. Фигура Распутина часто упоминалась в связи с царской фамилией и в весьма скандальном контексте, в котором религиозность, целостность и сексуальная озабоченность “старца” составляли одно целое. В России было смутно. Неудачи на германском фронте эхом отдавались по всей стране. Накалялись антинемецкие настроения. Распускались слухи, что Российской империей руководит “святой чёрт” Гришка Распутин, немка-царица Александра Фёдоровна и их сводница Вырубова”.

Известно также, что в марте 1916 года, то есть примерно за год до отправки унтер-офицера Конева на фронт, германские цепелины разбрасывали над русскими позициями в большом количестве “карикатуры, изображавшую Вильгельма, опиравшегося на германский народ, и Николая Романова, опиравшегося на половой орган Распутина”. Листовку использовали агита-

торы от различных революционных, настроенных антимонархически партий, распристрания их в окопах, в госпиталиях, на батареях и даже в штабах.

“Газету “Правда” тоже иногда добывал и внимательно читал, — вспоминал Конев. — Временное правительство готовило военные действия на юго-западном направлении. Стали готовить вооружение, оно, кстати, было английское. Вооружённые и оснащённые части отправляли из Тернополь. Наш дивизион задержали под Киевом, там нас стали обучать, повышать нашу боеготовность. А в это время в Киеве захватила власть Украинская Рада. Ночью гайдамаки произвели палёт на наши части и всех русских разоружили. Я прятал пашку и паган под полушубком — мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на родину”.

Можно предположить, что рассказ Конева, записанный женой Антониной Васильевной, и есть подлинная история унтер-офицера Конева. В 1965 году уже свободно можно было говорить о многом. В тридцатые же и сороковые годы признание вроде: “Все командиры перешли на сторону гайдамаков”, — могло послужить поводом для обвинений и ареста.

Не правда ли, рассказ Конева служит прекрасным комментарием для некоторых страниц романа Михаила Булгакова “Белая гвардия”.

В Киеве тяжёлый артдивизион задержался, по всей вероятности, по причине того, что летнее наступление, намечавшееся на южном участке фронта, провалилось. В основном из-за разложения, охватившего в то время армию. И дивизион, на всякий случай, чтобы сохранить хотя бы материальную часть, был оставлен в Киеве.

Вооружённое восстание в Киеве вспыхнуло вслед за восстанием в Петрограде. Власть в городе большевики захватили почти мгновенно. Но затем, 28 октября, отряд юнкеров и казаков окружил Мариинский дворец и арестовал находившийся там ревком в полном составе. Весть об этом мгновенно облетела город. Солдаты взбунтовались и атаковали казармы Николаевского военного училища, овладели артиллерийскими складами, гарнизонной гауптвахтой и выпустили арестованных революционно настроенных солдат. К 14 ноября повстанцы (против Временного правительства) победили. Но тем временем Центральная Рада стянула к Киеву верные войска, сформированные из солдат, настроенных националистически. Это были гайдамаки Петлюры и так пазываемые “вольные казаки”. Центральная Рада декларировала образование Украинской народной республики, а себя объявила верховным органом. Начались расправы над красногвардейскими отрядами. Рада не признала законности октябрьского переворота в Петрограде и власти большевиков. В начале декабря в Киеве начали разоружать красногвардейские отряды и подразделения, совсем недавно подчинившиеся Временному правительству, а теперь симпатизирующие большевикам.

Маршал Конев очень скупо и туманно пишет эту страницу своей биографии. Возможно, потому, что дивизион, в котором он в то время служил, входил в состав гвардейского кирасирского полка или был прикомандирован к нему. Полк отказался “украинизироваться”, имел несколько стычек с “местными” подразделениями и вскоре был заподозрен в подготовке восстания против Центральной Рады. Возвращаться в Россию, охваченную большевистским восстанием, гвардейцы не могли, оставаться среди враждебной среды стало невозможно, и собрание офицеров Кирасирского полка приняло решение о самороспуске. 10 декабря 1917 года был издан последний приказ (№ 343) по полку: “...Полк категорически отказался украинизироваться, что по единому решению офицеров и кирасир было бы явно недопустимым для старого русского гвардейского полка. Наша полковая Святыня — Штандарт — после отказа полка украинизироваться был заблаговременно вывезен за пределы Украины. Когда Господу Богу угодно, мы соберёмся вокруг своего Штандарта и снова станем на стражу чести нашей дорогой великой родины — России, истерзанной войной и междоусобными распрями. Соберёмся тогда все, как один, и снова будем служить так же честно, как 200 лет служили наши деды и как мы служили до сегодняшнего, последнего дня на-

него горячо любимого родного полка, просуществовавшего 215 лет...” Последним шефом полка был император Николай II. Офицеры вскоре собрались на Дону. Они были сведены в 3-й лейб-эскадрон под командованием штаб-ротмистра Вика. В январе 1919 года полк (полковник Коссиковский), в который был включён эскадрон лейб-гвардейцев, вступил в бой. Через месяц был сильно потрепан при встрече с конницей Будённого у станицы Егорлыкской. 2 ноября 1920 года в составе полка 3-й эскадрон погрузился на транспорт “Крым” и покинул родные берега. В эмиграции объединение 3-го лейб-эскадрона насчитывало 32 человека. С приходом Гитлера к власти в Германии и началом Второй мировой войны лейб-гвардейцы вошли в Русский корпус. Но Гитлер так и не решился послать русских белогвардейцев на Восточный фронт. Конечно же, многого из этого Конев не знал. Но упоминать в анкетах название и свою, пусть даже косвенную причастность к полку, который до последних дней сохранял преданность царю, было бы безумием.

На фотографиях той поры Конев всегда с шапкой, которую носит по-кавалерийски. И рост у него был вполне гвардейский — 180 см. И русые волосы. И глаза голубые. Что было непререкаемым условием для вступления в гвардейский Кирасирский полк. Но теперь всё это оставалось позади. И об этом не стоило напоминать никому, даже себе. Начиналась новая жизнь, более интересная и захватывающая.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИЯ НА МЕСТАХ

“... нельзя действовать грубой силой”.

Зимой 1917/18 годов бывший фейерверкер дивизиона тяжелых орудий особого назначения возвратился в родные края. На жизнь он уже смотрел иначе.

“В наших краях в то время ещё существовали земские управы, — вспоминал потом маршал Конев. — Пришлось начинать революцию на местах. Все мы, солдаты, вернувшиеся из армии, большевистски настроенные, взяли за организацию советской власти в своей Щёткинской волости Никольского уезда. Не скажу, что всё шло гладко, но у нас было большое желание произвести революционные преобразования, и нам удалось найти правильную линию, хотя теоретически мы были народ слабо подготовленный. Говоря откровенно, всю нашу премудрость получили мы тогда из весьма популярной книжки, из “Азбуки коммунизма” под редакцией Бухарина и Преображенского”.

Запомните название этой “популярной книжки”, мы к ней ещё вернёмся, ибо именно её коммунистические постулаты отравят семейную жизнь (в первой семье), а отчасти и здоровье Конева.

В беседе с Борисом Полевым Конев вскользь признался, что, когда возвращался домой, мечтал пожить в тишине, отдохнуть. Но беспокоило и другое. Он знал, каково сейчас в деревне.

С тяжелыми и противоречивыми мыслями возвращался Конев на родину, хотя в глубине души был искренне уверен в справедливости власти большевиков, в том, что именно она принесёт народу, его землякам желанную свободу, возможность трудиться и пользоваться плодами своего труда.

Конев сошёл с поезда, огляделся. Вздохнул с облегчением, почувствовав, наконец, вокруг себя то родное, о чём давно тосковал. Забросил за спину вещмешок и зашагал по знакомому просёлку. Где-то там, в снежной тишине, за километрами, заметёнными снегами, в таких же снегах лежала его родная деревня Лодейно. Вскоре позади услышал хрип лошади. Оглянулся. А из широких саней, застланных сеном, его уже окликнул подводчик:

— Садись, солдат. — Голос вроде знакомый. А может, это потому, что давно не слышал родного вологодского говорка, и вот теперь каждого встречного-поперечного готов признать за родню.

Опрокинулся в сено, и поплыли над головой облака, высокие сосны с шапками застарелого снега на могучих лапах.

— Ну, как тут живёте? Как новая власть? — спросил подводчика, которому и самому не терпелось поговорить попутчиком, тем более с солдатом.

— Что ж, живём, в долг не просим, — уклончиво ответил тот. — А что до новой власти... Она, может, и правильная. Свой брат, мужик, в волостных начальниках. Да только не крепко она на ногах стоит, эта самая советская власть. Ноги у неё дрожат.

— Это как же? С чего ей, нашей власти, дрожать? Власть народная, на своей, народной земле...

— Так-то оно так, — опять неопределённо согласился подводчик, — да только подламывают ей ноги, этой самой новой власти. Может, и ничего, устоит. А может... Так что это ещё вопрос.

— Какой вопрос? В Петрограде всё уже и решилось. Или ты не слыхал? Мужик усмехнулся.

— Слыхал, слыхал. В Петрограде ухнуло, а у нас отозвалось... Но что из этого выйдет, ещё на воде писано. Моё дело сторона. Мне что ни поп, то батька. Моё дело крестьянское — пахать да сеять. В Питере, может, и ясно всё как божий день, а у нас края лесные, глухие... Многие на новую власть своё мнение имеют. Ты, служивый, вижу, большевик? Или агитатор?

— Да нет. Пока ещё просто сочувствующий.

— Ну, что ж, и это тоже должность. По нынешним-то временам. Только я тебе вот что скажу. Парень ты молодой. Подумай, кому сочувствовать. А лучше пока осмотришься. Там и ясно станет, сочувствовать этой власти или пока подождать.

Лошадь шла ходко. Хорошая, сытая, она легко пела широкие попевки. Упряжь тоже добротная. Должно быть, подумал Конев, и дом у него такой же прочный, основательный, с вековым духом дедовской сосны. И хозяйство под стать. В хлевах скотина, в чулане хлеб, замороженные бараны туши да кули замороженных на всю зиму пельменей. А город голодает...

Начал расспрашивать подводчика дальше. Но тот, оглянувшись, только покачал головой:

— Здорово ж тебе, служивый, агитаторы голову заклумили. Вот скоро приедешь в своё Лодейно и сам всё увидишь.

Увидел. Услышал. Стал больше понимать, что столица — это одно. Там — сила. Там и на штыках власть можно поднять и удержать. А тут...

Дома обнял отца, няню Клаву. Заметил, как они оба постарели. Родня радовалась его возвращению. Особенно сестра Мария. Когда дядюшка Григорий вышел из комнаты при всём своём параде, Иван невольно ахнул: у того на груди сияли боевым серебром четыре Георгиевских креста. В душе позавидовал ему. Не пришлось Коневу повоевать за Отечество и отличиться в настоящем деле. А Григорий — настоящий герой! Только что-то глаз у дядюшки невесел...

Коневы жили дружно, большой семьёй. Затопили баню. Когда разделись, Иван увидел на исхудавшем теле дядюшки свежие, ещё не побелевшие шрамы. А тот, перехватив его взгляд, сказал:

— Вот мои кресты, Ваня. Тут их, как видишь, больше. — И вдруг спросил: — Ты у нас человек образованный. Вон сколько книжек привёз. Скажи, за что мы воевали?

— Боюсь, что война ещё не окончена.

Отец слушал их молча. Смотрел на сына, вспоминал себя в его годы. Но на душе было невесело. Новая власть слабая. Ни в волости, ни в уезде порядка нет. Всяк поровнит на свой интерес полоза поставить... Но молодые своё будущее волят связать именно с ней, с новой властью, склоняются к большевикам. Наслушался Иван армейских агитаторов, начитался газет...

Как в воду смотрел Степан Иванович Конев. Утром сын встал ещё затемно. Побросал в свой солдатский вещмешок ещё сырое, с вечера выстиранное заботливой Клавдией бельё, связал шпагатом нужные книжки и, дождавшись первого же подводчика, ехавшего по Никольскому большаку, отправился в уездный город.

В Никольске солдату, который хорошо разбирался в текущей политике и правильно мыслил по поводу роли и места в этой политике партии большевиков, дали поручение: подобрать надёжных людей в Щёткинской волости, избрать там исполнительный комитет. И Иван Конев кинулся в новую для себя работу. Вскоре он с другими земляками, разделявшими его взгляды, в основном бывшими солдатами, побывал во всех деревнях и сёлах, переговаривал с людьми. Созвали волостной съезд, избрали исполком. Время безвластия на родине заканчивалось. Его землякам тоже хотелось поскорее навести порядок, вот только не знали ещё крестьяне, какой он будет, этот большевистский порядок.

Маршал Конев вспоминал: “Затем меня избрали делегатом на уездный съезд Советов, где я был избран в уездный Исполнительный комитет и оставлен в городе Никольске на постоянную работу. Никольский уезд был очень большой, связь плохая, и ни одного шоссе, ни одной порядочной дороги. Страшное захолустье. Но мы выявляли в волостях актив: солдат, вернувшихся с фронта, представителей передовой интеллигенции, которые примкнули к большевикам...”

В 1918 году в Никольске, во многом по инициативе Ивана Конева, был создан “боевой революционный отряд”. Конев назначили его начальником. Всю жизнь в своём архиве он будет хранить дорогую его сердцу юношескую фотографию: первый состав того революционного отряда. На фотографии молодые николюцы, почти театральные нарочитые позы, обнажённые шапки, вигтовки с примкнутыми штыками и револьверы в руках, у ног пулемёт “гочкис” на станке с заправленной лентой. В лицах уверенность, энтузиазм. Они ещё не знали, что впереди их ждёт жестокая война, кровавая междоусобная битва, с которой не все вернутся домой, в родной уезд и милые сердцу деревни и сёла.

“Отрядов Красной гвардии тогда не было, — вспоминал маршал Конев. — Красной армии тогда ещё не существовало, а вооружённая сила была необходима, нужны были надёжные люди, которые были бы способны продолжать революцию. Мы набирали в отряд людей наиболее преданных, готовых активно бороться за идеи Октября, в первую очередь тех солдат, которые уже проявили себя, показали своё отношение к революции конкретными делами. На первых порах в отряде было двадцать пять человек, а в последующем — около ста человек. С этим отрядом я выехал в волости. Чутьё мне подсказывало, что, подавляя восстание, нельзя действовать грубой силой — ведь многие из восставших ещё не разобрались, что за события произошли в России, что такое революция”.

1918 год для Советской России был годом смут и трагедий. Весной активизировали свою работу в деревне левые эсеры. Борьба за наркомат земледелия в правительстве молодой Советской России между большевиками и левыми эсерами, которые возглавляли Наркомзем и не желали его уступать, вылился в противостояние на местах.

Некоторые военные историки и публицисты, касаясь биографии Конева периода его комиссарской юности в родном Никольске, говорят о его работе в “военной комиссии, ответственной за продразвёрстку и борьбу с кулачеством”. На самом деле из публикаций об этом периоде жизни и деятельности будущего маршала невозможно совершенно определённо сказать, что же входило в его обязанности как военного комиссара Никольского уезда. Продотрядником Конев не был. Он не отнимал “излишки” хлеба у своих земляков, поскольку продразвёрстка была введена советской властью позже, в начале января 1919 года “в критических условиях гражданской войны и разрухи”. Но ещё в марте 1917 года Временное правительство ввело хлебную монополию, предполагавшую передачу всего урожая хлеба за вычетом установленных норм потребления на личные и хозяйственные нужды. “Хлебная монополия” была затем подтверждена Декретом Совета народных комиссаров от 19 мая 1918 года.

В уездах по всей России началась борьба с “мешочничеством”, то есть со спекулянтами хлебом. В условиях, когда цены на продовольствие устанавливали чиновники, а инфляция рубля приобретала катастрофические разме-

ры, крестьяне склонны были придерживать хлеб. Известно, что когда рубль нестабилен, народ начинает приобретать валюту. Самой твёрдой валютой в 1918 году стал хлеб. Свободная торговля советскими законами запрещалась. Продовольственные управы на первых порах не справлялись с потоком поступающего из деревень хлеба, кассы не имели денег, чтобы расплатиться со сдатчиками. Крестьяне почувствовали себя обманутыми новой властью и начали продавать действительные излишки хлеба и вообще продовольствия перекупщикам и мешочникам. Как заметил один из отечественных историков, исследователь периода первой русской революции: “Поднималась волна русского мешочничества”. По пабитому тракту от Котельнича на Великий Устюг и далее на Сольвычегодск, к северным землям Архангельской губернии потянулись обозы и одиночные повозки новых ушкунников, промышлявших незаконной куплей-продажей хлеба. В тот год родилась поговорка: плохо с хлебом, зато хорошо с голодом. И голод в некоторых губерниях начался. Новая власть поняла, что она на грани катастрофы. Именно в этот период местные органы власти организуют отряды так называемых “легионов свободы” или “голодной гвардии”, которые изымали у спекулянтов припрятанные до лучших времён или вывозимые за пределы губернии или уезда партии зерна. Ситуацию подхлестнула в сторону её катастрофического обострения активизация левых эсеров. Справедливости ради стоит заметить, что именно продовольственная программа левых эсеров, которые считались большими знатоками крестьянского вопроса и которые в первый период революции были едины с большевиками, предложили идею “хлебной монополии”, а затем её реализовывали по всей стране.

В Никольске же в то время существовала и ещё одна серьёзная проблема. Наряду с новыми органами власти параллельно продолжала существовать и зачастую реально заправляла делами старая земская управа. В земстве заседали сторонники прежнего режима и гнули в свою сторону. Как говорится, бог своё, а чёрт своё. Хотя где бог, а где чёрт, мы, размышляя о том времени и исследуя его, страницу за страницей, до сих пор не можем разобраться.

Весной 1918 года Конев был принят на должность уездного военного комиссара Никольского уезда Вологодской губернии. Земляк маршала Геннадий Михайлович Пинаев вспоминал: “Иван Степанович в унтер-офицерской школе получил специальность артиллериста-вычислителя, поэтому умел пользоваться угломерными инструментами. Вот он и решил вдвоём с помощником иод видом уездного землемера провести личную разведку и установить силы и расположение бунтующих. Так на тараптасе они обхели эти волости, выяснили, что активных бунтарей мало, поддержки населения нет, поэтому открывать боевые действия нет необходимости, достаточно лишь арестовать зачинщиков. Что и было затем сделано. Меня в этой истории поразили тот факт, что двадцатилетний комиссар, имеющий в своём распоряжении сотню солдат и два пулемёта “максим”, не воспользовался удобным моментом показаться лихим рубакой-командиром, огнём и мечом задицающим родную советскую власть, а сам, рискуя своей жизнью, пошёл в расположение врага и этим предотвратил неизбежное, кажется, кровопролитие. В этом эпизоде проявился тот Конев, которого потом любили солдаты и офицеры...”

Но не всё было так безоблачно. Эсеры, активно действовавшие в волостях, в основном среди зажиточных крестьян и хозяев, в базарные дни присылали в Никольск своих агитаторов и эмиссаров, распространяли листовки, подстрекали народ к неповиновению новой власти, к срыву запланированных мероприятий, в том числе поставок продовольствия городу. В листовках недвусмысленно угрожали: скоро, мол, возьмём власть, а эту развешаем на фонарях... Отряд Конева действовал. Но пулемёты пока молчали. Даже когда случался повод открыть огонь, чтобы сломить волю и поглотить противника. Противника юный комиссар видел, но им был его земляк, вологодский мужик. Нет, не сразу запылаха по русской земле эта кровавая метель — брат на брата. Не сразу...

Как рассказывает военный историк Григорий Макаров, “весной 1918 года в деревне Дурово Конев был сильно избит крестьянами и чудом спасся, вывезенный из деревни товарищами по команде, выпущенными крестья-

нами к отступлению". Если это и так, то в драке Конев был безоружным, а это означает, что он пытался договориться с местными без кровопролития. В любом случае перед нами встаёт из прошлого не жестокий продотрядник, хладнокровно выгребаящий у крестьян последние зерна пшеницы, а человек, наделённый властью и употребляющий свою власть с искренним желанием наладить в уезде новую, справедливую жизнь.

В это же время, весной 1918 года, Коневу приписали в РКП(б). Очевидно, именно в этот период он окончательно решил связать свою судьбу с новой властью, со строительством в молодой Советской Республике вооружённых сил, новой армии. Вступление в партию большевиков стало серьёзным, глубоко осмысленным шагом к осуществлению мечты.

Летом 1918 года Иван Конев поехал в Москву. Его избрали делегатом на V Всероссийский съезд Советов. Вместе с ним на съезд ехал и ещё один делегат — уездный агроном от партии левых эсеров. Это характеризовало расклад сил, существовавший на тот период в политической жизни Никольского уезда Вологодской области. Любопытны впечатления Конева, которые он вынес из той поездки в Москву: "Мне помнится выступление на съезде одного из лидеров левых эсеров, Марии Спиридоновой. Нужно прямо сказать, оратор она была неплохой, говорила здорово. В чём только она не обвиняла большевиков, как только не клеймила Ленина. Вся наша фракция большевиков была возмущена её речью. Мы шумели, не давали ей говорить... Я наблюдал, как держал себя Ленин. Он сидел с краю за столом президиума и был совершенно спокоен. Иногда улыбался, покачивал головой, когда она бросала явно клеветнические обвинения. (...) 6 июля левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха и подняли мятеж против Советской власти... Когда мы утром пришли на заседание, Большой театр был оцеплен войсками. У входа стояли латышские стрелки и несколько броневиков. Мы выходили на заседание большевистской фракции через сцену, а надо сказать, что сцена Большого театра — это такой лабиринт, что, не зная там всех переходов и выходов, трудно оттуда выбраться, поэтому на всех поворотах стояли наши товарищи — члены большевистской фракции и, указывая путь, говорили: "Немедленно отправляйтесь на заседание фракции в здание Коммунистического университета — на Большой Дмитровке". И мы — бегом по Петровке на Большую Дмитровку. Заседание вёл М. И. Калинин. Михаил Иванович обрисовал обстановку, сложившуюся в результате выступления левых эсеров, сообщил о том, что убит немецкий посол, блокирован Кремль, что идёт борьба за московский почтамт, а в тот же день сообщил о том, что решением Центрального Комитета вся фракция большевистской партии съезда, партийная организация Москвы, весь рабочий класс столицы мобилизованы на разгром контрреволюционного мятежа левых эсеров".

Воспоминания маршала прекрасно передают атмосферу того периода русской революции, когда чаша весов вдруг заколебалась и почва, казалось, начала уходить из-под ног у большевиков.

"Мне было поручено охранять Калачёвскую площадь, теперешнюю Комсомольскую, три вокзала, с тем чтобы воспрепятствовать подходу враждебных мятежных сил в Москву. Задача эта была почётной и ответственной, но сил для её выполнения у меня было мало: всего два станковых пулемёта и максимум человек сорок бойцов. Впрочем, мы выполнили задачу довольно успешно.

На V съезде Советов была принята первая Конституция Советской России, показавшая всему миру, куда большевики ведут народ. Тогда же было принято решение создать регулярную Красную Армию для защиты молодой Республики Советов. Я уже сказал, что мы, солдаты-фронтовики, теоретически не были сильны, но у нас за плечами был тяжёлый опыт войны, и классовым чутьём мы поняли значение принятой Конституции, умом и сердцем поверили, что правда там, где Ленин, где партия большевиков".

Вернувшись из Москвы в родной Никольский уезд, уже без своего компаньона — "уездного агронома от партии левых эсеров", Конев уже твёрдо знал, кто враг новой власти, в которой он искренне видел власть рабочих и крестьян, на что способен этот враг и как с ним надо бороться.

Вслед за мятежом левых эсеров в Москве, словно по мановению дирижёрской палочки в хорошо вышколенном оркестре, вспыхивают восстания против большевиков в Ярославле, Петрограде, Витебске, Жиздре, Симбирске, Казани, сотнях уездных городов и посёлков. Одновременно активизирует свои действия чехословацкий корпус. Теперь чехословаки повсюду, где они в это время находятся (эшелоны растянуты от Самары до Владивостока), открыто, с оружием в руках выступают против советской власти. При этом союзниками их становятся все, кто против большевиков — от социалистов-революционеров до монархистов. Страны Антанты после подписания Советской Россией “похабного” (В. И. Ленин), по объективно необходимого молодому государству Брестского мира, фактически утратили столько выгодного в войне против Германии союзника и, более того, обнаружили вдруг в Советской России нового союзника Германии. Некоторые историки и публицисты склонны рассматривать эсеровский мятеж как тщательно спланированную акцию. Эсер Блюмкин, “человек Троцкого” или, как его ещё называют в некоторых публикациях, “агент по особым поручениям Троцкого”, убивает германского посла фон Мирбаха, и этот кровавый акт мгновенно ввергает Россию в кровавую мировую бойню. Возникают сразу несколько фронтов, внешних и внутренних.

В этих непонятных и до сей поры смутных хитросплетениях международной и внутренней политики Иван Конев и сотни тысяч таких Иванов — вятских, вологодских, смоленских, самарских и калужских, были простыми солдатами, которые, как любой солдат, в трудную для своего Отечества минуту вынуждены были взять в руки оружие и идти драться за свою свободу, за волю, за землю, за всё то, что только-только было обещано им, их семьям и всему народу. Они защищали то, что только-только обретали, а потому дрались за свою химеру с особой яростью.

Конев вспоминает: “...Враги Советской власти, белогвардейцы и английские интервенты высадились в Архангельске и начали продвигаться по северной Двине к югу, — уезд был объявлен на осадном положении”.

Как военком довольно обширного и многолюдного уезда, Конев тут же получил соответствующие инструкции и приступил к формированию коммунистических отрядов. “Эта работа проходила тоже не без трудностей. Иногда доходило до того, что, пробравшись, скажем, на уездный пересыльный пункт или сборно-пересыльный пункт, левозеровские пропагандисты, а также анархисты организовывали провокационные выступления. Они заявляли: “Хватит, повоевали! Пора передохнуть!” В связи с острой необходимостью организовать оборону уезда, а также чтобы предотвратить выход английских интервентов и белогвардейцев на его территорию, мы одну за другой проводили партийные мобилизации”.

Но его влекло то, что он уже почувствовал и полюбил. Конев рвался к воинской службе. Он уже тогда знал, что родной Никольск в той дороге, которую он выбрал, всего лишь небольшой полустанок с короткой стоянкой в несколько минут.

Глава четвёртая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

“И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат...”

В то время Никольский уезд отошёл к Северо-Двинской губернии, поэтому своё желание убыть на фронт с ближайшей же отправлявшейся командой Конев должен был решать с губернским военным комиссаром. Северодвинцы формировали и пополняли Шестую, северную армию. Но в это время жаркие бои шли на востоке — в Ярославле и на Урале. Ещё весной 1918 года был создан Ярославский военный округ. В него входили Владимирская, Костромская, Нижегородская, Петроградская, Псковская, Тверская и

Ярославская губернии. Военным комиссаром Ярославского округа стал М. В. Фрунзе. Именно ему Конев подаёт рапорт с просьбой отправить на фронт в составе первой же команды. Окружной комиссар, прочитав рапорт пастойчивого уездного комиссара, решил познакомиться с ним лично. Вскоре состоялась встреча Конева и Фрунзе.

Бравый вид русоволосого, высокого и стройного комиссара из глубинки, его армейская выправка, отточенные движения и точные лаконичные ответы не могли не подтолкнуть Фрунзе к мысли о том, что такие сейчас нужнее на фронте, в действующих войсках, а не в тылу.

— Ну что же, пойдёте на фронт, если так настаиваете, — ответил Фрунзе, не отходя от карты, на которую были нанесены условные обозначения, красные и синие стрелки, указывающие очаги восстания, направления ударов и передвижение войск. — Смотрите, сколько их теперь, фронтов. И везде нужны военные люди, преданные революции.

Конев стоял неподвижно, время от времени поглядывая на карту. Фрунзе перехватил его взгляд. Спросил:

— А военную карту читать умеете?

— Так точно, — с готовностью ответил Конев.

— Очень хорошо. Думаю, что на фронт вы попадёте очень скоро. Формируйте отряд земляков. С ним и поедете. Командуйте. Я понимаю вашу жажду и разделяю её. Желаю удачи. — И Фрунзе пожал Коневу руку.

В эти дни Конев познакомился с секретарём губкома Дмитрием Фурмановым. Вскоре судьба, а точнее, революционная необходимость пошлёт на фронт и его. Фурманов станет комиссаром Чапаевской дивизии, начальником политотдела Туркестанского фронта, комиссаром Красного десанта на Кубани. А потом, когда гражданская война утихнет, уйдёт в литературу, в творчество, напишет свои знаменитые книги “Чапаев” и “Мятеж”, которые встанут в один ряд с такими советскими шедеврами, как “Железный поток” Александра Серафимовича и “Как закалялась сталь” Николая Островского. Вспоминая Фурманова спустя многие годы, Конев скажет: “Дмитрий был одним из тех, кому хотелось подражать”. Должно быть, знакомство и общение с Фурмановым окончательно сформировала в представлении Конева то, каким должен быть комиссар.

На защиту новой власти из многих внутренних губерний и уездных городов России ехали тысячи добровольцев и бойцов, подлежащих призыву. Ехали со своими отрядами и три уездных военных комиссара: будущий герой гражданской войны легендарный В. И. Чапаев и два будущих маршала СССР — К. А. Мерецков и И. С. Конев. Двоих последних судьба ещё сведёт.

Вначале Конев попал в Сольвычегодск. Но вскоре его всё же направили на Восточный фронт, в Третью армию. Дали маршевую роту. Рота заняла оборону близ Вятки. Первое наступление Верховного правителя Сибири адмирала Колчака к тому времени было отбито. Но белогвардейские части, вооружённые и экипированные англичанами, казаки, поддерживавшие мятеж, эсеры и прочие партии и всяческие ватаги неясного происхождения, выступившие против большевиков, проводили перегруппировку своих сил, накапливались перед фронтом, чтобы на этот раз прорвать красную оборону и хлынуть в столицу и крупные города центра России.

“Там меня сразу назначили в артиллерию, в запасную батарею Третьей армии. Эта запасная батарея, — рассказывал впоследствии Конев, — по теперешним понятиям была больше, чем полк. В ней числилось около двух тысяч солдат и командиров, имелась большая партийная организация, около 200 коммунистов. Вскоре меня выбрали секретарём. Я почувствовал, что здесь меня могут опять задержать, поэтому, отправившись в политотдел с докладом о состоянии партийной организации и о задачах коммунистов батареи, решил снова проситься на фронт. Мне были предложены сразу три назначения: комиссаром артиллерийского полка, комиссаром пехотного полка и комиссаром бронепоезда. Причём было сказано, что политотдел предпочёл бы, чтобы я пошёл комиссаром бронепоезда, потому что бронепоезда в условиях гражданской войны являлись большой ударной и маневренной силой. Их роль была особенно велика в наступлении.

Я был назначен комиссаром бронепоезда, который сформировался из уральских рабочих и матросов-балтийцев — народ по-революционному боевой, но по части дисциплины не особенно сплочённый. Так что предстояло поработать по-настоящему, сделать бронепоезд действительно боевой ударной силой”.

“По части дисциплины” красногвардейцы, особенно на первых порах, сильно уступали своим неприятелям. Что же касалось матросов-балтийцев, то это была особая каста военных. Оставшись без кораблей (многие из них на палубу нигде и не ступали, а попали в водоворот событий из тыловых частей и учебных команд), эти вольные люди революции, не привязанные ни к земле, ни к родине, где бы им какой-нибудь подводчик из земляков мог заронить в душу свои сомнения и свою печаль о житье-бытье, исполняли любую работу, которая могла бы служить “делу революции”. На пехотных командиров “главный костяк революционного Петрограда” поглядывал свысока, а на комиссаров с недоверием. Как правило, у матросов были свои вожаки. Но юному комиссару Коневу, во многом благодаря своей армейской подтянутости, уму и постоянству удалось сплотить команду бронепоезда, подтянуть дисциплину, прекратить пьянки и вольности, наладить боевую и политическую учёбу. А начал Конев свою комиссарскую работу с... личной гигиены стрелков и артиллеристов бронепоезда. День, армейский распорядок во всей его последовательности, предусмотренной уставом, начинался с умывания. Так вот, первой заботой Конева стало то, чтобы вся команда, без исключения, умывалась и чистила зубы. Вольным людям революции, уставшим от пьянства и стрельбы, это комиссарское нововведение понравилось.

Бронепоезд № 102 относился к типу лёгких бронепоездов, но название носил достаточно увесистое — “Грозный”. Три вагона, обшитых стальными листами различной толщины, паровоз, обеспеченный такой же защитой, артиллерийская башня. Вооружение и оснастка имел соответствующую своему типу: две бронеплощадки; на каждой из них по 4 короткоствольных 76.2 мм пушки образца 1902 г. и 12 бортовых пулемётов “максим”; кроме того, одно орудие в башне, обеспеченной поворотным механизмом, так что оно могло вести огонь под любым углом; вагон-канцелярия, вагон-клуб и вагон для личного состава. Экипаж бронепоезда состоял из взвода управления, взводов броневагонов и башенных стрелков, а также отделений бортовых пулемётов, взвода тяги и вагонов. Толщина брони колебалась от 10 до 15 мм. Бронепоезд, в зависимости от необходимости и поставленной боевой задачи, мог цеплять по несколько пустых платформ, на каждой из которой помещалась стрелковая рота десанта. На одной заправке мог двигаться до 120 км при максимальной скорости 45 км/час. В качестве паровозного топлива использовались уголь, мазут или дрова. Учитывая то, что гражданская война, особенно начальный её период, была схваткой на дорогах или, вернее, за дороги, за основные коммуникации, по которым перебрасывались войска, боеприпасы и хлеб, бронепоезда играли подчас исключительную, даже решающую роль.

Командовал бронепоездом С. Н. Иванов, бывший морской офицер. Так же, как и комиссар, он был артиллеристом. В кронштадтской крепости командовал одной из артиллерийских батарей.

Из воспоминаний маршала Конева: “Бронепоезд, ведя огонь из орудий и пулемётов, врвался на станцию, прокладывая путь огнём, а пехотные цепи, охватывающие его справа и слева, овладевали этой станцией и близлежащими населёнными пунктами. Боевое взаимодействие бронепоезда и пехоты во времена гражданской войны не раз приводило к успеху. Так мы взяли Ишим. Однако атаковать Омск не смогли, потому что река Иртыш была для бронепоезда серьёзной преградой. Всё же подступы к Иртышу мы атаковали совместно с пехотой, а потом взяли да и дерзнули — по льду проложили рельсы и так переправили бронепоезд через Иртыш.

На подступах к Чите пришлось вести бой не только с белогвардейцами атамана Семёнова, но и с японскими самураями. И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат, атакующих нас при поддержке двух своих бронепоездов, атаку нашей кавалерии под командованием Н. А. Каландаришвили. Бывший сыльный революционер Каландаришвили

был одним из руководителей партизан Восточной Сибири, создал кавалерийский отряд, который сыграл важную роль в борьбе с Колчаком. В частности, вместе с другими отрядами он преградил путь Колчаку к Иркутску. Потом отряд Каландаришвили был переброшен в Забайкалье на разгром атамана Семёнова. Вот он-то как раз и участвовал в атаке на станцию Гоигота.

Когда кавалеристы при поддержке нашего бронепоезда начали крепко нажимать на белогвардейцев, на выручку им подоспели японцы. Нужно было принимать ответственное решение — бить японцев или нет (а приказано было в бой с ними не ввязываться). Однако обстановка требовала вступить в бой с японцами, так как они перешли в наступление при поддержке двух бронепоездов. Мы японцам продвинуться не дали, отбросили их. И Гоигота была взята”.

События, о которых вспоминал маршал Конев, относились к апрелю 1920 года. Народно-революционная армия Дальневосточной республики и отряды красных партизан дрались с Дальневосточной армией (забайкальские казаки генерал-лейтенанта Г. М. Семёнова и белогвардейские подразделения бывшей армии Колчака). К тому времени на фронте создалось такое положение, когда Дальневосточная армия, занимая крупные города и ключевые железнодорожные станции Чита, Карымская, Сретенск, Нерчинск, опасно разделяла Дальневосточную республику на две части. Для того чтобы пробить “читинскую пробку”, войска Дальневосточной республики провели несколько операций. Та, о которой рассказывает Конев, была первой. Потому и запомнилась Коневу.

Осенью войска Народно-революционной армии ДВР, наконец, дожали Дальневосточную армию в Забайкалье. Белые испытывали нехватку оружия и боеприпасов. В октябре 1920 года начали эвакуацию в Приморье. Там находилась их база снабжения. Бои продолжались до конца октября, в ходе которых войска ДВР и отряды красных партизан заняли станцию Даурия. Забайкалье стало частью Дальневосточной советской республики.

Именно в этот период у комиссара бронепоезда Конева вспыхнул и озарил его жизнь новым смыслом яркий роман с Анной Волошиной. Конев полюбил всем сердцем, и ему тогда казалось, что то, что у него происходило с Анной — на всю жизнь.

Анна Ефимовна Волошина родилась 30 августа 1901 года в селе Торчин Каменец-Подольской губернии. Для Ивана Конева встреча с Анной было первым сильным чувством. Для Анны нет. У неё уже была семья. До революции она работала в услужении в господском доме. Там у неё произошёл роман с хозяином. Родила от него дочь. Вихрь гражданской войны всколыхнул все основы, и то, что вчера казалось незыблемым и вечным, в один миг оказалось обесцененным. Земля, недвижимость, накопленное богатство... Всё казалось пенушкиным прахом перед валом наступавших частей красновардейцев и партизан. Новая власть оказалась неприемлемой для тех, кто до революции имел всё. И эта часть русских людей, в своё время не ушедших вместе с отступающей Дальневосточной армией, вскоре начала покидать родину. Уезжали в основном в Харбин, в Китай.

Китайский Харбин был в то время русским городом. Он и основан был русскими в 1898 году как посад при железнодорожной станции Трансманьчжурской магистрали. Старые кварталы до сих пор носят черты архитектуры, типичные для уездных городов старорусской Сибири. Наряду с китайской в городе существовала и русская администрация. До революции в Харбине размещался штаб-квартира Заамурского пограничного корпуса пограничной стражи Министерства финансов. В 1917 году в городе проживало более 100 000 человек, из них 40 000 русских. После Октябрьской революции Харбин начал наводниться эмигрантами из Советской России, которые по разным причинам бежали от новой власти, — дворяне, чиновники, офицеры. Затем начался новый поток — белогвардейцы и казаки из разбитых частей Дальневосточной армии. В 1924 году в Харбине проживало около 100 000 русских. Впоследствии многие из них уезжали в Европу или Америку.

Кем был тот, кто стал первым мужем Анны Волошиной, неизвестно. Может, чиновник. Может, офицер. Может, из купеческого сословия. Из семей-

ных преданий известно только, что, уезжая в Харбин, он умолял ехать с ним и Анну, которую страстно любил. Но сердце её, как писали в старых романах, уже принадлежало другому. Избранником её стал комиссар бронепоезда “Грозный”. Ехать за границу Анна отказалась. Не остановило её и то, что отец забирал с собой их дочь Варвару. Впоследствии Анна Ефимовна пыталась разыскать свою дочь, но поиски результата не дали. Ходили слухи, что первый её муж переехал в Америку и Варвару увёз с собой.

В книге “Маршал Конев — мой отец” Наталия Ивановна Конева пишет: “Никто не знает подробностей этой любовной истории, известно лишь, что Анна заслушивалась пылкими речами молодого комиссара, высокого, русоволосого, с яркими голубыми глазами. Вокруг него всегда люди, он умеет их выслушать и готов оказать помощь. Анне он кажется очень образованным, начитанным. Не осталась незамеченной и его физическая сила: на воскресниках легко таскает тяжести, видно, привык это делать в родном краю, где и крестьянствовал, и сплавлял лес, и работал в Архангельском порту. Романтический герой, да и только. Впоследствии она как-то сказала: “Он — мой Вроцкий”. (...) В 1921 году отец заболел тифом, болел очень тяжело, целый месяц провалялся в госпитале, ну а Анна выхаживала его, отпаивала клюквенным морсом, приносила домашнюю еду — и выходила, спасла. Он был ей страшно благодарен и решил, что, когда поправится, будет просить её стать его женой. Анна была привлекательной девушкой — энергичной, обаятельной”.

Семейную жизнь Коневы строили в соответствии с новой моралью, которая не предполагала обязательной регистрации брака. Кроме того, как известно, всякая революция — это расшатывание сложившихся веками устоев семьи, отношений между мужем и женой, их взаимных обязательств. “Азбука коммунизма” Бухарина и Преображенского внушала молодёжи той поры свободу в семейных отношениях, вольно раскрепощала женщину, в том числе и от многих обязательств по отношению к мужу и детям. Анне “Азбука...”ловой жизни очень поправилась. Конев, воспитанный в рамках старой культуры и впитавший в подсознание иные отношения между мужем и женой, где основой основ была верность, преданность мужу, вскоре понял, что “любовная лодка”, да что там любовная — семейная, даёт течь. С годами эта течь увеличивалась и сделалась необратимой. В конце концов, семья распадётся. Как всегда бывает в таких случаях, трудно искать причины, а тем более, первопричины разлада. Молодой командир не мог достаточно времени уделять молодой красавице-жене, а Анна Ефимовна, натура артистическая, утончённая, не могла в достаточной степени посвятить себя домашним заботам и мужу.

В 1921 году Конев возвращается в Забайкалье, теперь уже на должность комиссара 2-й бригады 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии. Дивизия усиленно готовилась к боям. Но с нею Коневу в бой пойти не довелось. В феврале того же 1921 года он срочно вызван в Верхнеудинск и получил новое назначение — комиссаром стрелковой дивизии. А буквально через несколько дней он уже ехал в пассажирском вагоне в Москву. Паровоз тащил состав по местности, освобождённой от чехословаков, колчаковцев и белоказачьих отрядов. В нагрудном кармане красноармейской гимнастёрки Конева лежала выписка из протокола партийной конференции о том, что он, комиссар 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии, избран делегатом X съезда РКП(б) и командирован в Москву. Соседом по купе оказался комиссар партизанской бригады и тоже делегат съезда Александр Булыга. Почти месяц тащил до столицы их состав неторопливый паровоз. В пути комиссары подружились. Спустя годы Конев прочитает роман Александра Фадеева “Разгром” и на фотографии автора узнает своего друга-дальневосточника. Как оказалось, Булыга — это партизанская кличка Александра Фадеева.

“Оба мы были молоды, — вспоминал маршал Конев о первой встрече с Фадеевым на страницах своих мемуаров (“Сорок пятый”). — Мне шёл двадцать четвёртый, ему — двадцатый, симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он правился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товари-

щеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде”.

Они не раз ещё встретятся. В самое тяжёлое время битвы за Москву Фадеев придет на Калининский фронт вместе с группой писателей. Вскоре в московских газетах появятся его очерки, рассказывающие о том, как дерутся войска генерала Конева. Они не раз будут встречаться и на войне, и после войны. В том числе и на премьерных спектаклях МХАТа, восхищаться игрой несравненной Ангелины Степановой, жены Фадеева.

А тогда, в 1921-м, они попали сперва не на съезд, а снова на войну. За несколько дней до открытия X съезда большевистской партии в Кроштадте, главной базе Балтийского флота, вспыхнул мятеж. Мятежные матросы, солдаты гарнизона и примкнувшее к ним население военного городка выдвигали в основном экономические требования. Не доверяя большевикам, они выбросили лозунг: “Власть Советам, а не партиям!”

Первый штурм был отбит. Во втором штурме приняли участие делегаты только что открывшегося в Москве X съезда РКП(б). Среди них были комиссары Конев и Фадеев. Конев, как артиллерист, во время штурма находился на косе Лисий Нос, где была установлена батарея тяжёлых орудий. Орудия вели огонь по крепости, поддерживая атаку ударного коммунистического батальона, в котором было много делегатов съезда. Большая часть восставших погибла. Около 8 000 ушли на льду в Финляндию. Остальные сдались и ответили за всех: 2 103 были расстреляны. Репрессии органов ЧК в отношении участников мятежа были очень жестокими. Потери среди штурмовавших крепость тоже оказались большими. Сейчас в Санкт-Петербурге рядом с Троицким собором Александро-Невской лавры находится братская могила, на плите надпись: “Памяти жертв Кроштадтского мятежа. 1921”.

После возвращения из Москвы Конев был снова направлен на Дальний Восток, но теперь уже на должность комиссара штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Штаб НРА ДВР находился в Чите. Летом 1921 года в должность командующего войсками ДВР вступил В. К. Блюхер.

В этот период Блюхер со своим штабом пытается сформировать из разрозненных подразделений Красной Армии и партизанских отрядов регулярные части, которые смогли бы решать любые тактические задачи на поле боя. В первую очередь необходимо было выстроить централизацию, систему подчинения, где всё могло управляться единой волей и из единого штаба. Для этого в первую очередь необходимо было ликвидировать партизанщину, при которой каждый командир партизанского отряда оставался и батькой, и атаманом, и верховной властью. Доклад, с которым выступил в июне 1921 года Блюхер, прекрасно характеризует не только ситуацию, существовавшую в тот период в НРА ДВР, но и самого Блюхера. Вот краткие выдержки из него: “В расплывшемся болоте штабов почти отсутствуют работники, преданные интересам революции. Должности заняты опытными, прекрасно подготовленными техническими специалистами, по оценке своей почти исключительно принадлежащими к группе... бывших офицеров капиелевских и семёновских частей. В армию они пошли ввиду своего безвыходного положения... При материальной необеспеченности и отсутствии идейной связи с армией они являются богатым материалом для японского шпионажа”. И далее: “Необходимы строгие меры... чтобы армия не разлагалась и могла оказаться боеспособной”.

Герой гражданской войны, отличившийся во время сражения на Переконе и во многих других боях, кавалер ордена Красного Знамени № 1 Василий Константинович Блюхер был незаурядной личностью, обладавшей высокими качествами командира и организатора. Он в короткие сроки с помощью своего штаба и преданных командиров сумел создать боеспособную армию. Вскоре на её основе был сформирован Приморский военный округ.

Летом 1921 года обстановка на Дальнем Востоке начала накаляться. Активизировались отряды казаков генерала Семёнова, возобновили свои претензии японцы, а с юга начала вторжение орда барона фон Унгерна.

Фон Унгерн-Штернберг со своей Конпо-Азиатской дивизией, состоящей из монголов, казаков, белогвардейцев, бурят, татар, баншир, японцев и ещё

десяти языков, пересёк границу ДВР и начал опустошать русские сёла и станции, двигаясь вдоль железной дороги. Этот поход действительно чем-то напоминал набег древних монголов, которые предавали огню и мечу всё, что попадало под копыта их коней.

Блюхер предпринял несколько атак на летучие отряды Конно-Азиатской дивизии “нового Чингисхана”. Сам “Цаган-Бурхан” (Бог Войны) в одной из схваток был ранен. В августе в стане Унгерн вспыхнул мятеж. Монголы, боготворившие его, предали своего предводителя. Они связали его и бросили в палатке, а сами усаkali в разные стороны, чтобы он не догнал и не покарал их. Через несколько часов Унгерн был схвачен красноармейцами.

“Забайкальского крестоносца” судили показательно-шумно, но записке самого Ленина, приказавшего расстрелять его в любом случае. Главным обвинителем на процессе, состоявшемся в Новоиколаевске (ныне Новосибирск), был Е. Ярославский-Губельман. Во время суда обвинитель, должно быть, желая подчеркнуть чуждое пролетариату происхождение барона, неосторожно спросил его: “Чем отличился ваш род на русской службе?” — “Семьдесят два убитых на войне”, — ответил подсудимый. На суде, так же, как и во время допросов, Унгерн вёл себя с величайшим достоинством и хладнокровием, уже зная свой исход. В тот же день суд приговорил его к расстрелу. Приговор привёл в исполнение председатель Сибирской ЧК И. Павлуновский, собственноручно. Перед расстрелом фон Унгерн-Штернберг зубами сломал на мелкие кусочки Георгиевский крест, который всё время носил на груди, и проглотил его.

Конно-Азиатская дивизия как боевое подразделение перестало существовать, хотя остатки его ещё долго беспокоили большевиков. Некоторые отряды ушли в Приморье.

В феврале 1922 года Народно-революционная армия под командованием В. К. Блюхера атаковала укрепленные позиции белогвардейцев у станции Волочаевка. Генерал Молчанов, командовавший обороной белых, пазывал свой укрепрайон “Дальневосточным Верденом”, считая его неприступным. Вспоминая последние, решающие бои на Дальнем Востоке, маршал Конев тепло отзывался о бывшем своём командующем: “Блюхер был замечательный организатор. Он объединил усилия своих красноармейских частей с усилиями партизанских отрядов, действовавших на Дальнем Востоке, преодолел элементы партизанщины, анархии, сконцентрировал всё, чтобы добиться поставленной цели. Авторитет Блюхера был непререкаем. (Не напрасно японский военный атташе в Москве капитан Коотани в своём секретном докладе 1937 года написал о Блюхере: “...в нынешнем положении он царёк Дальнего Востока”. Нарком внутренних дел Ежов тут же представил текст доклада Коотани Сталину. Тот внимательно его прочитал и сделал карандашные пометки там, где атташе писал о командующем Особой Краснознамённой Дальневосточной армией. Вообще Конев в своих характеристиках, которые он давал тому или иному персонажу нашей истории из числа тех, с кем сводила его жизнь, служба и войны, был довольно комплиментарен. Об отрицательных сторонах характера и о поступках — осторожные намёки для посвящённых, и только. Что ж, порой и этого достаточно. — С. М.) Его отличительной чертой была способность охватить обстановку на Дальнем Востоке в целом: и оперативно-тактические детали, и конкретные задачи, решение которых ведёт к победе. Это особенно проявилось в знаменитом штурме Волочаевска. Близ станции Волочаевка есть высоты, возвышающиеся над окружающей местностью. Блюхер правильно оценил, что эти высоты — “шверпункт” операции: пока их не возьмёшь, не овладеешь станцией Волочаевка. Оценив обстановку, изучив противника, Блюхер умело спланировал операцию, тщательно, скрупулёзно её готовил, выбирал момент удара, знал, каким полкам, под чьим командованием, какие задачи ставить. Операция под Волочаевкой — это, если хотите, операция прорыва сильно укрепленной обороны противника, и здесь Блюхеру помог солдатский опыт Первой мировой войны и опыт штурма Перекопа. Высоты под Волочаевкой были взяты двусторонним штурмом красноармейцев и партизан, которые продвигались по снегу, в мороз, под ожесточенным огнём белогвардейцев. Сблизились с

ними до рукопашного боя и разгромили. (...) Весь Дальний Восток был освобождён от белогвардейцев и интервентов. Ленин обратился с приветственной телеграммой к рабочим и крестьянам освобождённых областей и городов Владивостока. Мне выпала честь зачитать эту телеграмму Ильича на съезде. Помню, как японский представитель в ДВР демонстративно поднялся и ушёл со съезда, поняв, что японцам на советском Дальнем Востоке не быть. Вспоминаю сейчас то время, видишь наше прошлое ещё более значительным”.

Эта цитата — прекрасная характеристика самого Конева, иллюстрация того, как умел он видеть в человеке главное и ценить его за это, опуская второстепенное, на что, по большому счёту, действительно можно закрыть глаза. И ещё: Конев всегда был военным, и не просто военным, а полководцем; даже в воспоминаниях он без конца проигрывал в уме те или иные войсковые операции и умел восхищаться блеском маневра не только своих учителей, безусловных военных авторитетов, но и своих учеников и подчинённых. В мемуарах “Сорок пятый” и “Записках командующего...” мы находим много тёплых слов в адрес командующего 3-й танковой армией генерала П. С. Рыбалко, командующего 21-й армией генерала Д. Н. Гусева, командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. К. Баранова, командира 4-го гвардейского танкового корпуса генерала П. П. Подубоярова, командующего 60-й армией генерала П. А. Курочкина. Некоторые из этих генералов сейчас уже совершенно забыты. А ведь было в нашей истории время, когда их именно произносили с восхищением и благодарностью, потому что они олицетворяли новые победы. Маршал Конев с глубочайшим уважением отзывался о своих боевых товарищах и до конца жизни не изменил своего отношения к ним. Они были и остались верными генералами, солдатами, которые исполняли его приказания настолько, насколько простирались его командирские и человеческие надежды на них и позволяла обстановка. Он умел гордиться ими, как гордятся собственными подвигами. Но всё это будет потом...

В октябре 1922 года НРА ДВР вошла во Владивосток. А через месяц Народное собрание ДВР приняло решение о добровольном вхождении республики в состав Советской России. Президиум ВЦИК тут же ратифицировал это соглашение — Дальний Восток стал нераздельной частью РСФСР.

Вольно или невольно, красный командир Василий Константинович Блюхер, его штаб, командиры дивизий, полков, командиры партизанских отрядов и комиссары, а также рядовые бойцы Красной Армии, для нашей истории стали теми людьми, кто сохранил Дальний Восток для России.

За всеми действиями белогвардейских формирований, за каждым серьёзным шагом казачьих формирований атамана Семёнова и Земской рати барона Дитерихса, особенно на последнем этапе сражений в Приморье, явно просматривались иностранные интересы, в особенности Японии.

Японские войска вступили в пределы Советской России в апреле 1918 года, заняли Владивосток и по Транссибирской магистрали гарнизонами обосновались в Верхнеудинске, Хабаровске, Имане. Выбиты были в 1921 году. А с островов Северного Сахалина ушли только 1925 году.

Вместе с японцами во Владивосток вошли англичане. Ушли в 1920 году.

Канадцы в апреле 1921 года высадились на о. Врангеля. Хозяйничали ровно два года.

Войска США по Транссибирской магистрали гарнизонами стояли от Владивостока, через Верхнеудинск и Иман до Мысовска. Сохранились фотографии, где доблестные янки в стальных шлемах браво маршируют по булыжной мостовой Владивостока под звёздно-полосатыми знамёнами. Кроме того, с сентября 1921 года по август 1924 года американцы пребывали на о. Врангеля. На Чукотку их влекли дешёвая пушнина и золото. Золото там можно было добывать открытым способом и в очень больших количествах.

Франция ввела свои войска во Владивосток в августе 1918 года вместе с США. Вместе с американцами в 1920 году они отсюда и ушли.

Эвакуация войск вовсе не означает эвакуацию интересов. Там, откуда уходят солдаты, остаются различные эмиссары, агентурная разведка.

В семейном архиве Коневых хранится старая папка с надписью “1923 г., Никольск-Уссурийск”. В папке собраны собственные записи, выписки из

прочитанных книг. В ней то, что казалось комиссару Коневу главным в военном строительстве. В тот год он был назначен военкомом 17-го Приморского стрелкового корпуса, который дислоцировался на Дальнем Востоке. До корпуса сразу после бронепоезда была бригада, потом 2-я Верхнеудинская дивизия, откуда его перевели на должность комиссара штаба Народно-революционной армии ДВР. В то время армией командовал Василий Константинович Блюхер. Какие же мысли и какие идеи волновали тогда, в начале двадцатых годов, комиссара Конева?

“Взамен технической подготовки я выдвигаю усовершенствование сердца, потому что ведь не пушки и не ружья сражаются, а человек” (Полковник французской армии Кардр).

“Переживаемая эпоха характеризуется наибольшим обострением классовых противоречий внутри страны и вовне — борьбой между сильными государствами за рынки, владение колониями, господство над морями. Эти обострения временно сглаживаются, заглушаются, но неминуемо повлекут за собой величайшие потрясения, взрыв новых войн”.

“Грушова тактика и применение автоматического оружия, с его массовым и разрушительным действием, требуют большой военной выучки, самостоятельности, полного самообладания, моральной устойчивости и готовности бороться за идею советской власти...”

“...значение имеет в мирное время дисциплина, порядок в повседневном укладе: вовремя подъём, выход на занятия, вовремя сон, отдых в обед. Нужно рационально использовать свои силы и приучать солдат к сознательному автоматизму привычек, выпослности всех походных тягот и соблюдению дисциплины в бою”.

“Строй, конечно, не должен являться воспроизведением старых печальных традиций илацпарадности. Строем мы занимаемся и теперь, и не без увлечения. Строй нами понимается не как механическая, самодовлеющая форма, оторванная от общей воспитательной работы. Этот взгляд должен быть изменён. Строй должен иметь воспитательное значение: постоянное разумное упражнение в сомкнутом строю, в равенстве, в приёмах, он вырабатывает точность и правильность движений, напряжённость внимания, чувство времени, но, кроме того, он, что важнее, вырабатывает умение, когда нужно, ограничивать свою волю, согласовывать свои движения и действия с движениями и действиями товарищей; он вырабатывает чувство локтя, единства, без которого не может быть коллективного действия. Стройным должен быть не только строй, вся военная жизнь насквозь должна быть пронизана стройностью”.

“Взаимоотношения начальника и подчинённого должны покоиться целиком на основе единства целей, долга и товарищества. Тут важную роль играет принцип, положенный начальником в основу взаимоотношений с подчинённым. Прежде всего, не должны нарушаться права красноармейца как гражданина. Нужно устранить пережитки старого, принесённого в Красную Армию в форме денщикества и личного использования солдат. Это есть яркий образец нарушения прав гражданина. Нужно добавить, что в этом вопросе у нас нет особенно чёткой линии: наши отношения являют крайности, с одной стороны — грубость, цуканье, с другой — панибратство и фамильярность, всё это отражается на внутреннем единстве в части и на дисциплине. Необходима искренность, простота в обращении, способность вовремя прийти на помощь солдату советом и делом (ибо кому больше дано, с того больше спросится); важен личный пример выдержанности и дисциплинированности. Напротив, афиширование и дешёвая популярность, быющая на внешний эффект, послабления, демонстрация своего рвения перед подчинёнными, желание выставить себя покровителем и защитником там, где это выгодно, вот что должно жёстко изгоняться из взаимоотношений начальников и подчинённых в рядах Красной Армии”.

Любопытно в этих записках то, что Конев по-прежнему называет своих подчинённых “солдатами”, а не “красноармейцами” или “бойцами Красной Армии”. Это слово в применении к рядовому красноармейцу вернётся в армию в 1943 году с возвращением погона и георгиевской ленты.

Многие странички “Военного дневника”, как называет листки из папки 1923 года дочь маршала Наталия Ивановна Конева, посвящены прочитанным книгам. Размышления о тех впечатлениях, которые оставили только что прочитанный роман или специальная книга о военном искусстве. Мысль о том, что “культура избавляет от рабства”, засела в голове комиссара Конева настолько, что он повторяет её в нескольких местах. “Обучить красноармейца грамоте, расширить его общеобразовательный кругозор, что достигается школьными и внешкольными занятиями, клубной кружковой работой, которые призваны развивать навыки самостоятельности, самотворчества, поднимать культурный уровень, избавить от вековых предрассудков, как то: невежества и рабства”.

В этих записках сконцентрированы те чаяния и мечты поколения 20-х, с которыми они ходили в бой и шли к людям в часы мирной учёбы. Маршал К. К. Рокоссовский, который, как известно, в эти годы командовал кавалерийским полком и воевал в тех же местах, в разговоре со своим боевым товарищем и другом генералом П. И. Батовым, касаясь темы мемуаров, однажды сказал: “Очень хотелось написать воспоминания о гражданской войне, сожалею, что не успел... Ничего мне так не хотелось, как написать о гражданской войне, о подвиге революционных рабочих и крестьян. Какие это чудесные люди, и какое это счастье быть в их рядах!”

Маршал Конев тоже не оставил мемуаров о гражданской войне, и теперь биографы и историки собирают его историю периода гражданской войны по крупинкам, по отдельным фрагментам. В основном это чьи-то свидетельства, которые нуждаются в документальной перепроверке и уточнениях. Но, думается, что и он о том периоде своей жизни думал примерно то же, что и Рокоссовский.

“...красноармейцу недостаточно знать про Керзона, надо приобщить его к культурному быту, научить бережному отношению к народному достоянию и опрятности. С этой целью с помощью шефов заготовить для красноармейцев сапожные щётки, мазь для сапог, зубные щётки и порошок, носовые платки”.

“Нужно вести работу над общим образованием красноармейцев для того, чтобы общим образованием закреплялась политработа, а то красноармеец знает про политику, но не знает явлений природы, в этом случае политика может быстро улечься из его головы. Для того, чтобы ликвидировать культурную отсталость в армии, можно привлечь шефов. В армию необходимо присылать преподавателей-естественников, математиков, географов, предоставлять учебные пособия и книги, приглашать артистические труппы”.

Можно предположить, что во время одной из поездок к шефам Конев и познакомился с будущей своей женой Анной Волошиной.

В 1923 году, 1 мая, у Коневых родилась дочь. Назвали её Тамарой. Но, поскольку девочка родилась не просто в мае, а 1 Мая, в День Международной солидарности трудящихся, то, в соответствии со святыми тех времён, в повседневной жизни в семье её больше называли Майей. А когда пришла пора оформлять метрики, то со слов родителей урождённую Тамару вписали Майей. Майя Ивановна Конева проживёт очень яркую жизнь, всегда будет тянуться душой к отцу и нежданно переживёт его. Обо всём этом будет рассказано в своё время.

Глава пятая

КОМАНДИР

“Полководец начинается в полку”.

В 1924 году, когда Конев служил начальником политотдела и комиссаром 17-й Нижегородской стрелковой дивизии, произошло его знакомство с командующим войсками Московского военного округа прославленным конником, героем гражданской войны К. Е. Ворошиловым. В штабе Московского военного округа проводилось совещание, на котором обсуждалась проблема

введения в Красной Армии единоначалия. Идею единоначалия предложил Центральному комитету РКП(б) М. В. Фрунзе, который в то время занимал должность заместителя председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам, а с апреля одновременно начальника штаба Красной Армии и начальника Военной Академии. На совещании Конев выступил по очень актуальной в тот период теме, касающейся повышения дисциплины, а также организации и порядка перехода армейских подразделений к нормальной боевой и политической подготовки в мирный период. Ворошилову очень понравилось выступление комиссара Конева. После выступления он подошёл к нему и сказал:

— Ты, оказывается, комиссар со строевой жилкой. Как ты думаешь, если нам перевести тебя на командную работу?

— Не возражаю, — ответил Конев.

Ворошилов, конечно же, заметил, какой радостью вспыхнули глаза комиссара.

— Предварительно пошлём на курсы высшего командного состава при Военной Академии, а там... Там — как сам себя покажешь.

— Не возражаю.

Вот что об этом периоде своей жизни рассказывал сам Конев: “В 1925 году я был уже на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной Академии, готовивших командиров Красной Армии.

На эти курсы прибыло немало боевых комиссаров — участников гражданской войны, в том числе П. С. Рыбалко, будущий танковый командарм, Логинов, который во время Отечественной войны был у меня заместителем по тылу на Северо-Западном фронте, и ряд других товарищей.

Ещё на Дальнем Востоке в штабе армии и корпуса я учился у бывшего полковника Генерального штаба русской армии Андриана Андриановича Школипа. Это был замечательный человек, он, офицер царской армии, ещё до революции был большевиком. Сидел в царской тюрьме, в Александровском центральном, и только революция освободила его. (Революция дала маршалу Коневу и его поколению, выходцам из народа, всё. Поэтому вряд ли стоит, цитируя его, приглушать тот нафос, который окрашивает в совершенно определённый цвет его воспоминания. — С. М.) В последующем он партизанил на Дальнем Востоке. На Дальнем Востоке в период, когда командовал там В. К. Блюхер, начальником его штаба был Токаревский, старый генштабист, — на ВАКе он сказался преподавателем группы артиллерии. Партия привлекла к обучению красных командиров не только близких нам бывших офицеров, которые уже служили в Красной Армии, но и тех, кто принял Октябрьскую революцию не сразу. В академии лекции по тактике отлично читал профессор А. И. Верховский¹, бывший военный министр в правительстве Керенского; интересны и полезны были лекции по стратегии профессора А. А. Свечина² — он был начальником информационного отдела ставки Николая II, генштабистом. Я учился в группе профессора Лигиау — большого знатока пехоты.

Учился я отлично. Взял всё, что один год мог мне дать”.

Учился будущий маршал, победитель Манштейна, Шернера и других полководцев Третьего рейха, действительно блестяще. С жаром. С азартом. Командовать подразделением — это не агитировать за самый справедливый в мире строй и не прививать бойцам правила гигиены. Здесь требовалось иное искусство, которое создавалось веками, кровью побеждённых и восторгом победителей.

После успешного окончания Курсов усовершенствования высшего командного состава (КУВНАС) при Военной Академии им. М. В. Фрунзе Конев назначили командиром стрелкового полка. Вернее, он сам попросился на

¹ Верховский Александр Иванович (1886–1938) — русский и советский военный деятель. Генерал-майор (1917). Комбриг (1936).

² Свечин Александр Андреевич (1878–1938) — русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик, автор классического труда “Стратегия”. Комдив.

полк. По сути дела, сделав такой выбор, он вынужден был пойти на понижение. Снял с петлиц ромбы, прикрепил шналы. Сохранилась фотография середины 30-х, где Конев, командир 50-го стрелкового полка 17-й Нижегородской дивизии. Ему чуть больше тридцати пяти. Красивое лицо с правильными чертами, светлые глаза. В петлицах три шналы. Всё ещё впереди.

— Полководец, — подчёркивал Иван Степанович, — пачинается в полку. И как жалеют потом те, кто когда-то этой истиной пренебрёг. Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну, а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя.

В 17-й стрелковой Нижегородской дивизии Конев получил тот самый полк, в котором служил комиссаром. И командовал им пять лет.

Конев и его поколение, к счастью для Советской России, успело научиться у генералов и полковников старой русской армии многому. Их, *бывших*, расстреляют в 1937/38 годах. А в двадцатые и начале тридцатых годов они ещё преподавали в военно-учебных заведениях Красной армии. Они владели военной наукой, той наукой, какой добывали свои победы Суворов, Кутузов, Румянцев, Багратион, и будучи талантливыми педагогами и наставниками, знали, как её привить лучшей части красных командиров. В конце концов, кроме Красной, другой русской армии в России не существовало.

Много лет спустя, уже без Сталина, маршал Конев в беседе с Константином Симоновым о репрессиях тридцатых годов будет говорить с горечью. А о своих учителях — с восхищением. Но не скажет, как они погибли. За плечами уже будет жизнь, наполненная романтикой гражданской войны (и с нею не хотелось расставаться), победами в Великой Отечественной войне, послевоенной службой, сложной, в которой чисто военное дело, армейская работа тесно переплетались с политикой. Прошлое постигало. Но в нём виделось больше хорошего. Потому что служил он Родине, забывая порой и о семье, и о собственных пугах и здорovie.

Поколение маршала Конева, Рокоссовского, Жукова было особенным поколением. Конечно, если бы в кровавой смуте двадцатых и тридцатых годов сгинули и они, то армиями и фронтами под Смоленском, Москвой и на Курском выступе командовали бы другие полководцы. И кто-нибудь другой не хуже Рокоссовского провёл бы Сталинградское сражение. И кто-нибудь другой, а не Жуков, но с той же непреклонной волей, граничащей с жестокостью к собственным войскам, отогнал бы немцев от Москвы. И кто-нибудь другой, а не Конев, так же блестяще завершил бы Ясско-Кишинёвскую операцию, задумав в огромном “котле” колоссальную по численности и вооружению группировку противника. Но судьба выбрала в качестве избранных их.

А он, Маршал, понимал: расстрелянных уже не вернуть. Так же, как и погибших на полях сражений. Лежали они в разных могилах. Над одними стоялиobeliski, к ним носили цветы. Над другими шумели, колосились травы забвения. И это жгло душу. Но говорить об этом было не принято. Да и не хотелось.

...Год учёбы в Москве пролетел как одно мгновение. То, что Конев слышал на лекциях, преломлялось в его сознании через опыт боёв, тех или иных операций, участниками которых ему довелось быть. Строгий аналитик, он снова и снова прокручивал память-киноплёнку, на которой были запечатлены и эпизоды смелых рейдов их бронепоезда, и белогвардейские контратаки, и гибель товарищей, и неожиданные решения командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера, его многоходовый маневр, который всегда приносил успех.

И вот — снова войска. Полк. Маршал Конев размышлял: “Полк учит, полк воспитывает, полк по-настоящему готовит кадры. Комполка — организатор боя, он обязан правильно использовать артиллерию, полностью и до отказа дать огонь, а не штык, использовать танки, использовать поддержку сапёров и даже авиацию, запросив решения вышних инстанций. Он хозяин на поле боя, в организации боя. Вот кто такой командир полка, вот почему я с большим желанием пошёл на эту должность. Командовал полком пять лет. Многие говорили, что “засиделся”, предлагали всякого рода должности, намекали, иногда даже проинизировали... Я учил полк и учился у полка. Про-

водил занятия сам, очень сложные, продолжающиеся непрерывно днём и ночью, с выходом в поле, с отрывом от базы, учил полк маршам и походам, боевой стрельбе и тактике, взаимодействию...”

Основным пулемётом стрелкового полка в то время был станковый пулемёт “максим”. И однажды Конев вдруг понял, что недостаточно полно владеет тактико-техническими данными этого вида оружия. И вот, когда жизнь в палаточном городке замирала и службу несли только дозоры, комполка пригласил к себе в штабную палатку начальника боепитания. Пригласил не одного, а... с пулемётом. Бывший офицер Русской армии, опытный оружейник, тот быстро ввёл командира полка в курс дела. Ночи напролёт они разбирали и собирали “максим”, обсуждали его боевые характеристики. Не раз выезжали на стрельбище. Во время первых же нескольких стрельб комполка сам лёг в пулемётный окоп, заправил ленту в приёмник и выполнил задачу на “отлично”.

Войсками Московского военного округа, в который входили все войсковые подразделения, дислоцированные в Нижнем Новгороде и окрестностях, а значит, и 17-я стрелковая дивизия с 50-м полком Конева, командовал в тот период И. П. Уборевич. Впервые они познакомились ещё на Дальнем Востоке. Вообще, надо заметить, дальневосточники, оказавшись потом волею судьбы в других округах, легко сходились, дружили и в любом случае чувствовали нечто большее, чем просто служба. Потом, во время Великой Отечественной войны, дальневосточные корни тоже давали о себе знать. Берлин и Прагу маршал Конев будет штурмовать с дальневосточниками — генералами Рыбалко и Курочкиным.

Уборевич сразу выделил из массы командиров комполка Конева. Всегда подтянутый, аккуратный в одежде и службе, он привлекал к себе внимание командующего округом тем, что и полк его отличался прекрасной выучкой. Надо заметить, что Конев обладал и ещё одним даром, который всегда ценился в войсках и, пожалуй, ценится до сего времени. Он умел подать и себя, и свою работу, и боевую выучку своих подчинённых из числа командиров и бойцов. Что ж, ему было что и кого подавать. Это качество, которое, впрочем, он никогда не ставил впереди дела, он приобрёл в комиссарские годы.

В 1932 году город Нижний Новгород был переименован в Горький — в честь первого пролетарского писателя, которого очень уважал и любил Сталин. Название Нижегородская исчезло из наименования 17-й стрелковой дивизии. Какое-то время её пытались именовать Горьковской, но новое название не прижилось.

В тот же год Конев снова отбыл в Москву для продолжения образования.

Дочь маршала Наталия Ивановна бережно хранит среди прочего записки отца, сделанные им в дни учёбы, в тот самый период, когда он взахлёб слушал лекции Шапошникова, Свечина, Верховского, Лигнау. Вот некоторые фрагменты этих записей.

“Ныне действующей Академии Генерального штаба тогда ещё не было, и высший состав осваивал сложные проблемы вождения войск в Особой группе Академии им. Фрунзе.

(...) у нас к тому времени уже складывались собственные взгляды, определялись методы практического решения боевых задач. Новое в теории зарождалось не только в академии, но и в войсках, на опытных учениях и манёврах.

Мы изучали и разрабатывали вопросы глубокого боя и глубокой операции. Это была принципиально новая теория вождения массовых, технически оснащённых армий.

В ходе глубокой операции решались задачи прорыва обороны противника с одновременным ударом на всю её тактическую глубину, взлом фронта противника и немедленный ввод эшелона подвижных войск — танковых, механизированных корпусов для развития тактического успеха в успех оперативный”.

Здесь мы прервём записки маршала и, нарушив хронологию, вновь перенесёмся в 41-й и последующие годы Великой Отечественной войны. В июле 41-го, командуя 19-й армией, Конев станет свидетелем того, как захлебнутся

глубокие прорывы танковых корпусов в обороне немцев, усиленной короткими контрударами. Командуя войсками Западного и Калининского фронтов, он будет отражать удары танковых и моторизованных клиншев фельдмаршала фон Бока и генерала Моделя. И многому у них научиться. Уже в 43-м под Белгородом и Харьковом он проведёт одну из своих самых блестящих операций, а потом, в 44-м и 45-м, доведёт тактику глубокого маневра на охват противника до совершенства. В каждом из сражений будет участвовать всё большее количество войск и вооружения, техники и иных ресурсов войны, и каждое из них будет завершаться всё большим поражением войск противника и захватом многочисленных трофеев и пленных.

Записи маршала Конева: "По этим проблемам высказывались Тухачевский, Шапошников, Триандафиллов, — мы осознавали, что будущая война будет войной моторов.

(...) настрой на учёбу был глубоко характерен для военной академии. Он чувствовался а аудиториях, где негромко звучали оценки обстановки, отдавались приказы, и шумно проявлялся в перерывах между занятиями, в коридорах, в яростных спорах о том, как лучше обороняться, как лучше нанести удар. Думаю, что слушатели многих поколений сейчас тепло улыбнутся, вспомнив вечный вопрос о том, каким флангом бить".

Конев нишет о своих одноклассниках, не нюхавших пороха, с мягкой иронией. Можно его понять. Он и те, кто вернулся с фронтов гражданской войны, в лекциях преподавателей, в каждом их слове видели несколько иное. Теорию управления войсками они слушали примерно так, как в бою слушают приказ: прошлое и будущее мгновенно сопрягалось, выдавая картинку наиболее вероятного. Вот почему им, слушателям другой, Особой группы, так не терпелось вновь оказаться в войсках, в родной стихии, где на практике, в поле, на рельефе, применить то бесценное, что они впитали здесь, в аудиториях со слов преподавателей, из книг, которых раньше не знали, из журнальных публикаций, где обобщался опыт не только тех боёв, участниками которых совсем недавно были они сами, но и вся история войн.

"В Особой группе внешне всё выглядело иначе, — писал маршал Конев, — спокойней, солидней, значительней, но хорошо помню, что за сдержанностью скрывался накал страстей: сильные, умудрённые войнами люди, склонившиеся над картами, решали военную задачу с таким напряжением ума, точно в этом весь смысл бытия".

Конев дал очень точный психологический рисунок той особой атмосферы, царившей в Особой группе. Можно предположить, что во время этих занятий приобретали не только курсанты, но и преподаватели. И, конечно же, учились друг у друга. "Склонившись над картами", они, конечно же, мысленно "перевоспеивали" те боевые операции, которые совсем недавно разрабатывали или непосредственно выполняли во главе отрядов, полков, дивизий и дивизионов.

С ним же происходило то, что и с многими крестьянскими детьми, перед которыми открылись массивные двери аудиторий. Он вошёл в неё скромно, не тоная сапогами, но с достоинством командира, уже имевшего немалый боевой опыт. И налёг на учёбу с таким прилежанием, с такой жадностью, что по окончании курса получил предложение остаться на преподавательской работе.

"...с признательностью вспоминаю Бориса Михайловича по личному поводу. После моего доклада о Мартовской операции 1918 года профессор военной истории Коленковский рекомендовал командованию оставить меня преподавателем академии. Всегда внимательный, Шапошников после моих настоятельных просьб и доводов согласился, что моё место — в строю, хотя я очень люблю историю", — так об этом вспоминал сам Маршал.

Забегая вперёд на десятилетия, стоит заметить, что история всё же полюбила Конева. Он не оказался среди забытых. Ведь память истории, а уж тем более людская память — категория куда как тонкая, прихотливая.

Именно тогда, в конце тридцатых, в Особой группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, в самый канун войны, будущий маршал твёрдо уяснил одну из главных заповедей полководца: каждая операция должна глу-

боко и всестороннее прорабатываться, каждым маневр войск должен иметь мотивировку и просчитываться на несколько шагов, а также обеспечиваться маневром других родов войск и тылами. Однажды Б. М. Шапошников на очередном занятии по тактике обронил: “Не вытряхивайте свои дивизии из рукава, реально рассчитывайте марши. Ваши солдаты идут почью, в осеннее время, вы этого не учитываете и не представляете себе, какими придут войска к полю боя...” Конев тут же записал эту мысль и запомнил её на всю жизнь. И всю войну потом поверял ею свои действия. И тому же учил подчинённых. Ох как непросто будет овладеть этой теорией на практике! Какими колоссальными потерями будет оплачен опыт 41-го и 42-го годов! Но молодые маршалы и генералы Сталина всё-таки освою науку побеждать и перенрают опытных фельдмаршалов Гитлера в самой жестокой, самой масштабной и кровопролитной и самой маневренной войне XX века.

Глава шестая

РАССТРЕЛЫ. 37-Й ГОД И ДРУГИЕ

*“После 37-го года Сталин пригла-
дывался к оставшимся кадрам и брал
на заметку людей, на которых соби-
рался делать ставку в будущей войне”.*

После выпуска из академии Конев направлен в Белорусский военный округ. Его назначают на дивизию. 37-я стрелковая. Она была расквартирована в Речице. Именно с ней Конев участвовал в Белорусских маневрах 1936 года и получил высокую оценку командующего войсками округа И. П. Уборевича. В феврале 1965 года в беседе с Константином Симоновым Конев признается, что в Белорусский военный округ его “забрал” Уборевич.

Дивизия Конева в составе “синих” стояла в обороне. “Эта оборона была многолопной, глубоко эшелонированной, — вспоминал маршал, — с системой траншей, ярко выраженными батальонными районами и противотанковой системой огня. Это было новое. Система противотанкового огня была организована и на переднем крае, и в тактической зоне обороны, и по всей оперативной глубине”.

Именно тогда, строя оборону с противотанковыми рубежами, Конев, как он рассказывал потом Константину Симонову, отказался от “принятого тогда метода рыть одиночные ячейки и организовал целый укрепленный район с открытием траншей и ходов сообщения, с возможностью полного маневрирования внутри этого района, не поднимая головы выше уровня земли”.

— Мы оборудовали такой командный пункт, — не без гордости вспоминал те учения маршал Конев, — что на него приводили потом тогдашнего начальника штаба французской армии генерала Гамелена. Генерал был в группе иностранных наблюдателей. И вот пришел генерал Гамелен и осматривал образцовый командный пункт. КН французам понравился. Понравилось и то, как командир дивизии расположил и обустроил боевые линии своих полков.

Первую правительственную награду — орден Красной Звезды — Конев получил в августе 1936 года. Без войны. За прекрасную боевую выучку вверенного ему боевого подразделения. По пора тишины несякала. В воздухе всё явственней нахло войной.

Ровно через пять лет, почти в этих же местах Коневу придется, уже не на учениях, стоять в обороне против танков генерала Гота, который считался одним из лучших танковых генералов вермахта. Вот когда вспомнилось знаменитое суворовское: тяжело в ученье... Но тяжело оказалось и в бою.

Командующий округа И. П. Уборевич явно симпатизировал молодому и перспективному комдиву, называл его: “Суворов”. Хорошее образование, ярко выраженная командирская жилка, здоровые природные корни, что в те годы было немаловажно. Вскоре Уборевич перевел перспективного комдива на 2-ю Белорусскую дивизию. Дивизия считалась, как сейчас говорят, элитной.

“Это была особая дивизия, — признавался и сам Конев, — на положении гвардейской. Она была лучше других экипирована, полностью укомплектована, на всех учениях, маневрах и парадах всегда представляла Белорусский военный округ. К тому же 2-я Белорусская дивизия находилась на главном, минском, оперативном направлении”. Понятно, что Уборевич хотел иметь во главе такой дивизии хорошего и надёжного командира.

В это время Конев отработывает со своими полками взаимодействие с танковыми частями. Стрельбы — только боевыми патронами и снарядами. Характерно следующее: учились в основном наступательному бою, к обороне практически не готовились. Ни обороняться, ни отступать не собирались. Этого требовала тогдашняя военная доктрина. Бить, как тогда говорили, врага на его территории и малыми силами. Очень скоро Красная Армия будет пожинать горькие и катастрофические плоды этой доктрины на бескрайних полях сражений и поражений 1941 года. За первые пять месяцев войны наши потери были огромными.

В те дни, когда Конев водил по белорусским полигонам свою 2-ю стрелковую дивизию, в Минске и окрестностях квартировал кавалерийский корпус, которым командовал другой будущий маршал будущей великой войны — Георгий Константинович Жуков. Одновременно Жуков занимал должность начальника минского гарнизона.

Конев и Жукова связывали непростые отношения. Но попробую предположить, что осложнялись они больше окружением того и другого, а затем, в качестве второй волны, историками и публицистами, вольно рассуждающими о войне, а заодно и о сложностях взаимоотношений главных её действующих лиц.

Вспоминая белорусский период предвоенной службы, Конев, к примеру, сказал буквально следующее: “...наши добрые отношения завязались во времена, когда мы вместе служили в Белорусском военном округе”. О том же, как развивались взаимоотношения этих двух полководцев, которым суждено будет стать маршалами, бравшими в 45-м Берлин, мы ещё поговорим, и не раз.

В июле 1937 года, когда политическая атмосфера в стране была накалена до предела и при этом источник высокой температуры *был обнаружен* именно в войсках, Конев прямо с партийной конференции Белорусского военного округа вызвали к телефону — срочно прибыть в Москву к наркому обороны К. Е. Ворошилову.

У Коневы с наркомом были хорошие, деловые отношения. Благодаря Ворошилову он теперь занимался любимым делом, потихоньку, не спеша, но последовательно, с ощущением твёрдой почвы под ногами, осваивал военную науку и теории и на полигонах, одновременно поднимался по служебной лестнице. Не ловчил, не обходил трудности по мелководью да вброд, всё давалось потом и постоянной кропотливой работой, работой и работой. Иден партии принимал, борьбу её понимал. О том, что считал неправильным, помалкивал. На партийных собраниях вёл себя так, как подобает командиру, горячих на слово обрывал, хорошо понимая, чем это может кончиться.

И вот — звонок. Из Москвы. От наркома. Что он мог означать?

А означать он мог в то время всё что угодно.

Ещё весной, 29 мая, по “делу Тухачевского” был арестован командарм 1-го ранга И. П. Уборевич. Вместе с ним другие военачальники РККА: комкоры А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна, командарм 1-го ранга И. Э. Якир. 11 июня Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе В. В. Ульриха, маршалов Советского Союза В. К. Блюхера и С. М. Будённого, командармов Я. И. Алксниса, Б. М. Шапошникова, И. П. Белова, П. Е. Дыбенко и Н. Д. Каширина рассмотрело дело о военно-фашистском заговоре и приговорило его участников к расстрелу. Газеты тех дней пестрили заголовками и информационными сообщениями о ходе следствия и новых показаниях заговорщиков. “Военно-политический заговор против советской власти, стимулированный и финансируемый германскими фашистами”. “Органами

Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии". Однажды ему попала в руки довольно популярная тогда "Литературная газета": "И вот страна знает о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Примакова, Путны, Корка, Фельдмана..." В конце коллективного письма известных писателей, инженеров человеческих душ, негодующее: "Мы требуем расстрела шпионов!" Конев пробежал длинный список подписавших: Вс. Иванов, Вс. Вишневский, Фадеев, Федин, Алексей Толстой, Павленко... Заверстанное рядом такое же негодующее письмо ленинградских писателей: Слюсского, Зощенко...

Шпионов расстреляли на следующий же день после обнародования приговора, то есть 12 июня. По газетам *требовали* казни ещё неделю. Белорусским военным округом командовал командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов. Во время судебных слушаний Белов находился в зале заседания в качестве члена Военного совета при наркомате обороны. Позже, когда Конев был уже за тысячи километров от Минска, на Дальнем Востоке, до него дошли слухи, что командующий округа крайне неосторожно повёл себя на заседании Военного Совета 21 ноября 1937 года: заявил, что чистка, проводимая в войсках среди комсостава, отрицательно сказывается на ходе боевой и политической подготовки, что многие части практически парализованы.

Слухи оказались верными. Ивана Панфиловича Белова, что называется, прорвало: он заявил, что "было много перестраховочных представлений, было много слухов, когда люди сводили счёты, когда принимали за врага не того, кого надо. Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивали с плохой стороны, берутся органами НКВД". Герою гражданской войны, бывшему главкому Туркестанской республики и командующему Бухарской группой войск РККА, вероятно, простили бы и "перестраховочные представления", и "слухи", и то, что "принимали за врага не того, кого надо", но последняя фраза, сказанная им в запале об "органах НКВД", погубила Белова. Позже, уже в январе 1938 года, Конев узнает, что командарм 1-го ранга Белов арестован. История с Уборевичем повторится. Белова расстреляют 29 июня 1938 года.

И вот — звонок из Москвы. Так брали многих. Чтобы не будоражить войска и семьи, не поднимать шум в гарнизонах, командармов, комкоров и комбригов вызывали в Москву, а там, на вокзале, их ждали машины с вежливыми офицерами сопровождения...

На всякий случай Конев спросил о цели вызова и... что иметь с собой.

— Обо всём узнаете на месте. Захватите с собой пару белья. Больше ничего.

Семья в то время жила с ним в Минске. Пришёл домой, сказал жене о срочном вызове в Москву. Анна Ефимовна сразу побледнела. Конев решил тему не развивать, но, уезжая, попрыгал так, как если бы уезжал навсегда.

Внучка маршала Конева Анна, вспоминая семейные предания, рассказывала мне зимой 2010 года:

— Бабушка говорила, что в те дни дед спал с пистолетом под подушкой. Чтобы успеть застрелиться, если придут за ним...

Глава седьмая

КОМАНДИР ОСОБОГО "МОНГОЛЬСКОГО" ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

"Есть выход, товарищ Сталин!"

В Москве на Белорусском вокзале его уже ждала машина. Конев сразу взглянул на фуражку, на петлицы и вздохнул с облегчением: это был человек из секретариата К.Е. Ворошилова. Но, поздоровавшись, на всякий случай спросил:

— Куда едем?

— В Наркомат, — коротко ответил тот.

В Наркомате его тут же проводили к Ворошилову. О том, что было потом, пусть расскажет сам Конев: “После выяснения ряда вопросов К. Е. Ворошилов спросил меня, знаю ли я Дальний Восток. Я ответил, что знаю, воевал там, прошёл до Владивостока включительно. Знаю ли я Монголию? Ответил, что Монголию немного знаю: наша 2-я Верхнеудинская дивизия находилась на границе с Монголией и Маньчжурией, когда там развёртывались бои за освобождение Забайкалья от банд Семёнова, я хорошо представляю себе весь район, особенно восточную часть Монголии, её бескрайние степи, характер её местности. К тому же 2-я Верхнеудинская дивизия принимала участие в ликвидации банд Дитерихса. Ворошилов тогда сказал: “Нам нужно послать в Монголию представителя — советником при Монгольской Народной Армии. Как вы смотрите, если мы вас назначим на эту должность? Справитесь ли вы с ней?”

Для меня, разумеется, этот вопрос был неожиданным, но я сразу понял, что отказываться не имею права, и заявил: “Справлюсь, товарищ Народный комиссар, я согласен на это назначение”.

Ворошилов был в высшей степени удовлетворён таким ответом, и у него вырвалась реплика: “А говорят, что у нас нет кадров! Очень хорошо, товарищ Конев, что вы сразу согласились поехать в Монголию и выполнить это ответственное поручение. Сегодня состоится заседание Политбюро. Я доложу на Политбюро о вашем согласии, и вопрос о вашем отъезде будет окончательно решён”.

Примечательный эпизод. Он характеризует многое. И степень оперативности в принятии тех или иных государственных решений. И ту готовность командиров РККА выполнить порученное. И то, какое место при этом занимала личная жизнь и личные интересы. Конечно, Конев, услышав от Ворошилова такое предложение, мгновенно понял, что его звёздный час настал, что это не простое повышение, а то, которое, в случае если он выполнит порученное ему задание, не просто благоприятно повлияет на всё его будущее, а определит его. Так и произошло. И так потом, на протяжении всей службы в войсках, Конев, получая приказ любой сложности, будет по-солдатски отвечать: “Есть”. Так будет под Москвой осенью 41-го, так будет в 45-м южнее Берлина, а затем, уже после войны, маршал Конев без долгих размышлений и колебаний отправится в Венгрию (1956 год), в Берлин (1961 год), чтобы исправить ошибки, допущенные политиками и дипломатами.

Конев: “Действительно, вечером состоялось решение Политбюро о моём назначении. Меня известили, что в Монголию вместе со мной едет делегация. После этого сообщения я был вызван в кремль к Сталину с тем, чтобы получить от него личные указания в связи с предстоящей командировкой. Сталин объяснил обстановку, складывающуюся в Монголии. Он сказал, что в связи с наступлением японцев в Маньчжурии у них подготовлен и план захвата Монгольской Народной Республики, а задача советских войск — не допустить захвата Монголии японскими войсками, не допустить выхода японцев к границам Советского Союза в районе озера Байкал и не дать им перерезать нашу дальневосточную магистраль. Далее мне было сказано, что согласно договору о дружбе между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом поставить вопрос об опасной угрозе, нависшей над Монголией, и о готовности Советского Союза оказать Монголии необходимую военную помощь”.

На восточных рубежах СССР обстановка в этот период резко осложнилась активизацией японцев. Потерпев фиаско в схватке с Красной Армией и советской дипломатией в двадцатые годы, японцы пошли по другому пути. У юго-восточных границ Монголии из остатков своих военных ресурсов, дислоцированных на материке, они изготовили “тройного коня” — марионетное государство Маньчжоу-го, укрепили его, вооружили, оснастили самой новейшей на тот период военной техникой. Вскоре Маньчжоу-го предъявило территориальные претензии к МНР. Начались пограничные конфликты с Монголией. Угрозы простирались значительно дальше и глубже монгольских границ. Терпеть такого соседа стало опасно. В 1936 году Германия и Япо-

ния заключили “Антикоминтерниовский пакт”, после чего в отношении союзников СССР японцы начали паглеть в открытую. Квантунская армия, дислоцированная на материке, неподалёку, могла решить “монгольскую проблему” в результате одной стремительной операции. 7 июля 1937 года началась война между Японией и Китаем. Японцы быстро продвигались вглубь Китая. Под угрозой оказалась единственная коммуникация — Транссибирская магистраль, — которая связывала европейскую часть СССР с её дальневосточными областями и краями. Армия МНР насчитывала чуть больше 17 000 пштыков. Реальной силы, таким образом, она не представляла. Спассти ситуацию, то есть преградить путь японцам в Монголию, могли только советские войска. Пока Конев был в дороге, в штаб Забайкальского военного округа пришла секретная директива за подписью Сталина: “Первое. Пакт о взаимной помощи (имеется в виду Пакт от 1936 г. между СССР и МНР. — С. М.) гарантирует нас от внезапного появления японских войск через МНР в районе Байкала, повторяю, Байкала, от перерыва железнодорожной линии у Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ. — С. М.) и от выхода японцев в тыл дальневосточным войскам. Второе. Вводя войска в МНР, мы преследуем не цели захвата Монголии и не цели вторжения в Маньчжурию или Китай, а лишь цели обороны МНР от японского вторжения, а значит, и цели обороны Забайкалья от японского вторжения через МНР”.

В Забайкальском военном округе спешно разрабатывали операцию по вводу войск в Монголию. После гражданской войны, когда здесь сходились в кровавой рубке краспогвардейские отряды с одной стороны и казачьи формирования атамана Семёнова, а также орды самозваного правителя Монголии барона фон Унгерна, это была первая крупная операция.

Марш из Улан-Удэ на Кяхту начался 20 августа. В авангарде шли 36-я дивизия и 32-я мотомеханизированная бригада. Неделю спустя на монгольский аэродром в Баян-Тумене совершили посадку 52 советских самолёта. 28 августа механизированная колонна 36-й дивизии и 32-й бригады пересекли монгольскую границу и по тракту Кяхта—Улан-Батор двинулись вглубь Монголии.

Разведка тем временем сообщала, что Квантунская армия находится в местах постоянной дислокации в состоянии готовности, но приказа выступить не получала. Конев торопил войска. Вперёд! Вперёд! Можно было предположить, что японская разведка тоже не дремала, и марш советского экспедиционного корпуса на Улан-Батор секретом уже не являлся. Теперь важно было выиграть время. Опередить японцев, выйти к коммуникации Калган—Улан-Батор, оседлать её и тем самым отрезать для японцев всякую возможность для вторжения.

3 сентября передовые части экспедиционного корпуса достигли города Саин-Шанда, через который проходила дорога на Улан-Батор из Калгана, и оседлали её. К 9 сентября 1937 года Особый корпус закончил сосредоточение и занялся обустройством на новом месте.

Разведка доносила: части Квантунской армии не двинулись с места. Марш корпуса комдива Конева оказался настолько стремительным, что японцы, явно опаздывая с выступлением, решили остаться на месте, потому что иное теряло всякий смысл. Этот бросок в Монголию впечатлил не только японцев, но и самих участников марша. Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, Конев не раз будет применять нечто подобное — то с целью перехватить важнейшие коммуникации, то с задачей закрыть образовавшийся “котёл”, чтобы покончить с очередной группировкой окружённого противника. Дочь маршала Наталия Ивановна не раз повторяла мысль о том, что Конев и как человек, и как полководец *постоянно формировал себя*.

После завершения похода, в Москве, докладывая Главному военному совету, Конев более отчётливо прояснил обстановку, сложившуюся в тот период в Монголии и вокруг неё. Стилистика, характерная для того времени, в данном случае неважна. “Известно, что опоздание с вводом войск РККА в МНР на 8—10 дней могло изменить обстановку не в нашу пользу, так как банда шпионов и японских агентов Гэндэн, Дэмид, Даризан готовила переворот в МНР 9 сентября, в этот же день должен был состояться переход границы японскими войсками”.

Конев всегда, в любых обстоятельствах и при всех правителях был честным и верным солдатом своего Отечества. В тот период он, комдив, скорее всего, не был посвящён в тайны большой политики. В Монголии шла ожесточённая борьба за власть. Всё это происходило на фоне обострения международной обстановки.

Корпус Конева был мощнейшим подвижным соединением, усиленным двумя авиационными полками, двумя мотоброневыми и одной механизированной бригадой, которые имели 545 бронеединиц — танков и бронесамобилей. Ничем подобным Квантунская армия на тот момент не располагала. Можно себе представить, какие лица были у японских генералов, когда разведка донесла о марше русских, о численности группировки и, главное, о темпах движения тогда ещё пока потенциального противника.

В эти дни напряжённого марш-маневра, когда стало понятно, что график движения выдерживается с опережением и что отставших и потерь удалось избежать, комдив Конев в какой-то момент действительно почувствовал себя потомком Суворова. Среди любителей и почитателей русской военной истории бродит такой анекдот: однажды, когда Александр Васильевич Суворов после предательства союзников-австрийцев оказался запертым со своим войском в Мутенской долине и русским грозила гибель, он вышел вечером из своей палатки к солдатам. Те сидели у костров, доедали свою кашу, чистили амуницию, порядком изношенную в походе, и точили о камнях штыки и сабли. Все понимали то положение, в котором они оказались. Поглядывали за высокие пики перевала Рингенконф. Если бы можно было перебраться через перевал, они в одно мгновение не только спаслись бы от во много раз превосходящей их армии французов, ожидающих их у выхода из долины, но и мгновенно оказались бы в тылу у них. Суворов понял построение солдат и, глядя на озарённые закатным солнцем пики перевала Рингенконф, вдруг воскликнул: “А что, ребяташки, махнём-ка мы через эту горку! Вот они там очумеют!” Там — это во французском стане, и в австрийских штабах, и в Петербурге, где тоже считали их положение погибельным. Знал ли этот анекдот комдив Конев, нет ли, неизвестно. Но он знал о Суворове всё и восхищался переходом русской армии через Альпы. Однажды, много позже описываемых событий, выступая перед слушателями Военной академии им. М. В. Фрунзе, сказал следующее (запись сделана кем-то из присутствующих): “Даже в годы Великой Отечественной войны у меня не было, пожалуй, таких напряжённых двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Всё происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валият человека с ног, где нет дорог, где в ложбинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах земля порой так тверда, что лопата звенит о неё, как о камень... Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину “Переход Суворова через Альпы”, мне представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров... наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью”.

Нет, мне всё же кажется, что комдив Конев знал тот старинный анекдот об Александре Васильевиче Суворове. И вполне можно себе представить, как восприняли сообщение о появлении красноармейских мотострелковых колонн на фланге Квантунской армии перед перевалами Большого Хинганского хребта в японских, да и иных штабах.

В Москве тоже были довольны удачно проведённой операцией. Пройдут годы, Красная Армия и союзные армии США, Великобритании, Франции покончат с германским фашизмом на западе, и, планируя операцию по разгрому Квантунской армии Японии, советские штабы примут решение идти в центральную Маньчжурию именно по этому маршруту, через прорыв обороны противника на Хингане.

Когда Конев докладывал на Главном Военном совете, Сталин вдруг задал ему вопрос, которого он совершенно не ожидал:

— Говорят, вы в Монголии запрещаете пить нашим командирам?

С юных лет Конев испытывал почти отвращение к спиртному. С годами, правда, это отношение претерпело некоторую эволюцию: в сущности, хоро-

пий крепкий напиток или вино — это благо, но — в умеренных дозах, в качестве лекарства и как средство общения. В Монголии же, когда корпус остался в промёрзшей пустыне, в землянках, когда благом считалась железная печка, оханка дров и горячий чай, всё остальное быстро начала заменять водка. И Конев ввёл жесточайший режим её потребления. Слухи об излишне строгих порядках, которые были введены командиром корпуса, дошли до Москвы. Сталин счёл необходимым заговорить об этом на Военном совете.

— Запрещаю, товарищ Сталин, — ответил Конев.

Заседание Главного Военного совета, как правило, проходило в Овальном зале. Председательствовал Ворошилов. Сталин сидел за крайним столиком справа от стола Наркома обороны. Когда выступающий выходил к трибуне, а потом наступало время вопросов, Сталин подходил вплотную к трибуне и задавал свои вопросы, глядя прямо в глаза стоящему за трибуной. Так было и в этот раз. Сталин понял, что Конев ответил прямо, как солдат, не кривя душой. Но ответ его не удовлетворил. И он сказал:

— Может быть, не рекомендуете, скажем так...

— Не рекомендую, товарищ Сталин.

— Ну, это другое дело.

Кстати, признание Конева Сталину о том, что он сам стирает своё бельё и моет полы в своём жилье, не рисовка. Помните его юношеские записи о том, как отвратительно ему “денщиество и личное использование солдат” и что “не пушки, не ружья сражаются, а человек”? О людях он умел позаботиться. И, как видно из разговора со Сталиным, тему эту приготовил заранее и довольно стройно её изложил, дипломатично закончив шуткой, которая, возможно, в большей степени и помогла решить проблему. Подтверждением тому, что Конев себя в Монголии, да и везде, когда оказывался без семьи, обтирывал себя сам и сам наводил порядок в своём жилище, другой эпизод, который произойдёт спустя четыре года, на Калининском фронте. И именно ему, этому счастливому случаю, Конев будет обязан своему семейному счастью, которое он, наконец, обретёт с другой женщиной. Но об этом рассказ впереди.

За успешно проведённую монгольскую операцию Конев был награждён орденом Красного Знамени. А заместитель премьер-министра МНР маршал Чойбалсан вручил командиру Особого корпуса РККА высший орден республики имени Сухэ-Батора.

Осенью из Москвы пришёл приказ: передать дела своему заместителю и прибыть за новым назначением.

Командование 57-м Особым экспедиционным корпусом Конев передал своему комиссару Коровникову. С Иваном Терентьевичем Коровниковым он успел подружиться. Знал: передаёт налаженное хозяйство в надёжные и добросовестные руки. Расставаясь, два Ивана с искренней надеждой сказали друг другу, что судьба, возможно сведёт их вместе. И точно, свела. В декабре 1944 года из резерва Ставки в состав 1-го Украинского фронта маршалу Коневу передадут 59-ю общевойсковую армию. Командовать ею будет генерал Коровников. Армия генерала Коровникова в составе 1-го Украинского фронта примет участие в Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской и Пражской стратегических операциях.

Глава восьмая

КОМАНДУЮЩИЙ 2-й ОСОБОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ

“... он завёл на командиров и политработников чёрные списки”.

Дальневосточная одиссея Конева продолжалась. Уже в звании комкора он снова едет по знакомой дороге, по которой когда-то продвигался с боями на бронепоезде “Грозный”. На этот раз прибыл в Хабаровск. Здесь размещался штаб Второй Отдельной Краснознамённой армии.

Назначение комкора Конева на новую должность происходило на фоне драмы Блюхера.

Пока Конев со своим корпусом зарывался в землю, прикрывая юго-восточные границы МНР, японцы активизировались у озера Хасан. Судьбе так было угодно, что и эта короткая война ("События... немногих дней"), и выводы, сделанные по её итогам в Москве, и те кадровые перестановки среди высшего командного состава РККА, сделанные вскоре, непосредственно коснулись Конева.

“Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Народного комиссара обороны СССР

№ 0040

4 сентября 1938 г.

г. Москва

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного Военного совета РККА в составе членов Военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Будённого, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный Военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена Военного совета КДфронта тов. Мазенова, пришёл к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КДфронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочёты в состоянии КДфронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

(...)

Количество наших войск, участие в операциях наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери могли быть наименьшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковыми, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причём процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40%, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

(...)

4. Виновниками в этих крупнейших недочётах и в понесённых нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КДфронта, и в первую очередь — командующий КДФ маршал Блюхер.

(...)

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определённых задач и полномочий.

(...)

На основании указаний Главного Военного совета

ПРИКАЗЫВАЮ:

(...)

Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознамённого фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного Военного совета РККА.

1. Создать в войсках Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением Народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив Военному совету 1-й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать — г. Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив Военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознамённую флотилию.

(...)

4. Утвердить:

а) командующим 1-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Штерн Г. М., членом Военного совета армии — дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Конев И. С., членом Военного совета армии — бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба — комбрига тов. Мельника К. С.

(...)

11. Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознамённых армий:

а) немедленно приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность, о принятых мероприятиях и проведении их в жизнь Военным советам армий доносить Народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов народного комиссара обороны № 071 и 0165 — 1938 г. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7 сентября 1938 г.

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различного вида работы.

В случаях крайней необходимости Военным советам армий разрешается, только с утверждения Народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ

Начальник Генерального штаба РККА командарм 1 ранга
ШАПОШНИКОВ”.

Граница с Китаем проходила по Амуру от Кумры до Хабаровска. Манчжурно контролировали японские войска. На многочисленных островах на Амуре часто происходили стычки вплоть до применения стрелкового оружия. Японцы появлялись возле Хабаровска, в районе протоки Казакевича.

Два года назад, а именно 25 ноября 1936 года в Берлине Япония и Германия заключил договор, так называемый “Антикоминтерновский пакт”. Пакт обязывал стороны применять самые суровые меры против тех, “кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала”. В случае необходимости эту статью можно было трактовать довольно произвольно. Пакт был дополнен секретным соглашением о совместных действиях против СССР. 6 ноября 1937 года к пакту присоединилась Италия. 24 февраля 1939 года — Венгрия и марионеточное государство Маньчжоу-Го. В марте того же 39-го — Испания, а затем Болгария, Финляндия, Румыния, Дания. Постепенно оформлялся военный союз.

Тон в нём задавали Германия и Япония. Вскоре стало очевидным, что добром всё это не кончится.

Территории влияния для Второй Особой армии достались трудные. Достаточно сказать, что на отдалённых Сахалине и Камчатке гарнизонов не было. Японцы же поглядывали на эти земли с вождедением. Так уж сложилось исторически, что, как только в России начинаются пестроения, мятежи и смуты, Япония тут же начинает подплывать на своих каноэ к этим нашим полуостровам и островам.

Разведка доносила, что японцы наглеют не только в нейтральных водах, что их сейперы заплывают в советские территориальные воды и ведут незакононый лов рыбы. По островам шарит пеная разведка. Комкор Конев решил эту проблему радикально: на Камчатку была переброшена 101-я стрелковая дивизия комбрига Городнянского¹, а на Сахалин введена 79-я дивизия комбрига Макаренко. Архивные источники свидетельствуют о том, что, к примеру, 79-я формировалась спешным порядком, можно предположить, что создавалась она для прикрытия островов. Комбриг Иван Алексеевич Макаренко затем станет генералом, во время Великой Отечественной войны будет командовать 12-й Амурской, а затем 82-й гвардейской стрелковой дивизиями, закончит войну в Австрии. С Авксентием Михайловичем Городнянским Конев встретится на фронте летом 41-го. Под Смоленском в трудную минуту боя они окажутся в одной батальонной цепи, которую поднимут, чтобы контратакой выправить тяжёлое положение. Дивизия Городнянского входила в состав 16-й армии генерала Рокоссовского и обеспечивала стык между своей и 19-й армией Конева. Немцы ударили в стык и прорвались, угрожая флангам и тылам. Но об этом немного позже.

А тогда, на Дальнем Востоке, перед ними стояли японцы.

Связь с Петропавловском-Камчатским у Конева осуществлялась по радио. Очень часто командующий получал от начальника камчатского гарнизона такую шифровку: в территориальных водах появились японские рыболовецкие суда, высылаю на перехват боевые катера. Через час новое сообщение: подошли японские боевые корабли, предъявили ультиматум — мы незаконно разместили на островах свои войска, требуют немедленно вывести войска на материк, в противном случае угрожают открыть огонь из корабельных орудий и высадить на острова десант. Конев отвечал, стараясь выдерживать спокойный тон: Авксентий Михайлович, японцы вас недооценивают, полагая, что у вас слабые нервы... Но тут же приказывал привести войска в полную боеготовность. Городнянский радиовал: готовы. Во время таких обострений Конев иногда прибывал в Петропавловск. Смотрел в бинокль на японскую эскадру и видел наведённые на город стволы главного калибра.

На Сахалине, после того как там обособилась 79-я стрелковая дивизия, стало поспокойней. Дивизия эта в 45-м примет участие в боевых действиях против Квантунской армии. Расформируют её спустя многие десятилетия, когда государство и армия станут другими, — в 1995 году.

Граница по Амуру была территорией особого напряжения. После поражения на озере Хасан летом 1938 года японцы готовились к более масштабному вторжению. Как известно, на Амуре много островов. Демаркационная линия, проходившая по фарватеру рек Амура и Усури, оставляла за СССР сотни островов. И если раньше это были просто «покосные места», где местные жители заготавливали сено для домашнего скота и занимались земледелием, то впоследствии на них были оборудованы укрепления большой мощности. После расширения Хабаровского аэропорта над островом Большой Уссурийский проходила посадочная глиссада. Кроме того, здесь же находились дачные участки хабаровчан. Несмотря на это, в 2004 году тогдашние власти Российской Федерации передали Китаю 174 квадратных километра островной территории. Но невозможно не упомянуть о том, что в тридцатые годы

¹ Городнянский Авксентий Михайлович (1896–1942) — полководец, генерал-лейтенант. С 1918 г. в Красной Армии. Участвовал в Смоленском сражении. В ходе Харьковской операции Городнянский погиб при попытке выйти из окружения во время рукопашного боя. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями на хуторе Орлиноярск Петровского района Харьковской области.

и начале сороковых за эти острова гибли советские бойцы и командиры, пограничники и красноармейцы. Маршал Конев вспоминал: "...японцы пытались захватить острова или проливы, даже делали попытки высадить небольшие десанты, чаще всего в протоке Казакевича. Так что конец 1938-го и весь 1939 год я всё время был в состоянии боевого напряжения. За все годы службы, сначала в Монголии, а затем на Дальнем Востоке у меня, разумеется, не было ни одного выходного дня. Я не ездил в отпуск, и даже не возникал вопрос о том, что я могу поехать отдохнуть".

Интенсивная работа, полукочевой образ жизни, конечно же, не шли на пользу ни семейным отношениям, ни собственному здоровью. Всё это: и нестроения в семье, и пренебрежение заботой о регулярном питании и отдыхе — развилось в хроническую болезнь — язву желудка. Но первое Конев старался заглушать работой, работой и работой. А второе... Тогда ещё организм был молод, и молодость была лучшим лекарством от всех недугов. Правда, молодость относится к категории тех человеческих достоинств, которые с годами изнашиваются и исчезают почти бесследно...

За полтора годы службы в должности командующего 2-й ОКА Конев дважды отлучался из расположения армии: оба раза в Москву, куда выезжал по вызову наркома обороны для доклада на Главном Военном совете о мобилизационной готовности армии.

В марте 1939 года в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Конев принял участие в его работе как делегат от Хабаровской партийной организации. На съезде его избрали членом Центрального Комитета партии. В итоговом документе ставилась задача "усиления борьбы за предотвращение войны, активной поддержки народов, оказавшихся под угрозой порабощения, укрепления деловых отношений со всеми странами, выступающими против фашистской агрессии". Вместе с тем указывалось на необходимость "всемерно повышать обороноспособность страны, держать в боевой готовности советские Вооружённые Силы". Это касалось Конева непосредственно.

Конев: "Перед выборами руководящих органов партии я был приглашён на заседание Совета старейшин. Когда началось обсуждение моей кандидатуры, Сталин спросил, как я оцениваю деятельность Мехлиса, начальника Главпура, и какое у меня к нему отношение? Я ответил, что оцениваю его деятельность отрицательно, потому что он ведёт неправильную линию по отношению к командирским кадрам. Прямо, открыто сказал, что он завёл на командиров и политработников чёрные списки. Это недостойно. Сталин задал второй вопрос, спросил, какие у меня взаимоотношения со Штерном. Штерн был командующим 1-й ОКА. Ответил, что личные отношения нормальные, а по службе — плохие, так как товарищ Штерн хотел бы командовать всем Дальним Востоком, а я считаю, что его претензии необоснованные. Интересно, что даже такая деталь не ускользнула от Сталина. Это показательно. Он хорошо знал кадры, знал и взаимоотношения. Счёл необходимым в присутствии всех задать такой вопрос, я ответил прямо, как надлежит коммунисту".

Очень характерный эпизод. И для Сталина. И для Конева. Сталин предложил одному из своих командармов довольно жёсткий, как сказали бы теперь, тест. Он давно присматривался к молодому коммору. Что тот скажет в ответ? О сложных взаимоотношениях двух дальневосточных командармов Сталин уже был наслышан. После низложения "царька" Дальнего Востока Блюхера Сталин на время разделил властные полномочия в самом отдалённом своём гарнизоне. Но события складывались так, что командование, видимо, снова придётся сконцентрировать в одном штабе. Конев действительно ответил прямо. Он и потом, когда судьба будет подтаскивать к плахе или к черте, за которой могла последовать немилость того, от кого зависела не только карьера, но и сама жизнь и жизнь близких, будет отвечать прямо.

В лице Мехлиса Конев, конечно же, наживёт после того прямого ответа злейшего врага на многие годы. Но и в этой истории проявится прямота и последовательность Конева. Через три года он скажет Сталину о нецелесообразности присутствия в войсках комиссаров. Сталину было странно это слышать от бывшего комиссара. Может быть, потому он его не только выслушал, но и,

по сути дела, последовал его совету. После войны главный маршал авиации А. Е. Голованов расскажет писателю Феликсу Чуеву вот какую историю.

Голованов: “Осенью 1942 года в моём присутствии в разговоре с Верховным Конев поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, доказывал он, это единоначалие.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был! — говорил Конев. — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот участок работы, а с остальным я и сам справлюсь. Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле, а в институте комиссаров есть элемент недоверия нашим командным кадрам.

Рассуждения командующего фронта, его уверенный тон произвели впечатление на Сталина, и он, как это часто бывало в подобных случаях, стал выяснять мнения по *комиссарскому* вопросу среди высшего командного состава Красной Армии, особенно прислушиваясь к мнению командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. Большинство поддерживало Конева, и вскоре решением Политбюро институт комиссаров в армии упразднили, отметив, что он сыграл положительную роль в начальный период войны”.

Надо заметить, что к этому времени комиссар Конев уже стал командиром Коневым, а командир мыслит уже несколько другими категориями, да и повседневные заботы, обязанности и тревоги были уже иными. И когда он сколачивал 2-ю Особую Краснознаменную армию, когда навел порядок в дивизиях и полках, где зачастую процветало пьянство, неподчинение командирам, воровство, он, конечно же, в первую очередь, рассчитывал на помощь командиров. Многие командиры в это время оказались *изъяты* из армии, а точнее, арестованы органами НКВД, осуждены как враги народа, как японские шпионы и диверсанты. В лучшем случае они томились в лагерях, в худшем — были расстреляны.

Буквально накануне приезда Конева в Хабаровск по Дальнему Востоку прокатилась волна репрессий по так называемому делу “дальневосточной автороткистской шпионской диверсионно-вредительской организации”. Автором этой грандиозной трагедии был полпред НКВД по Дальнему Востоку Люшков¹. Во всех областях края были “выявлены” “участники” и “шпионы”. В том числе и среди военных. Поскольку Люшков обладал особым нюхом, идя по следу бывших белогвардейцев, последние, настоящие и мнимые, а также все, похожие на них, были вычищены под метлу. В том числе и из штабов воинских частей, из дивизий и полков. Вот цифры, которыми исчисляются ведомственные подвиги полпреда НКВД на Дальнем Востоке: с ноября 1937 года по май 1938 года уволено — 1 867 человек; арестовано — 642 человека. Когда Люшков бежал через границу, японцам он назвал другие цифры: в тюрьмы и лагеря отправлено 1 200 командиров и политработников и 3 000 младших командиров. Видимо, давая показания, Люшков пытался предъявить себя в глазах японцев тем человеком, который своей неутомимой деятельностью принёс им, врагам большевизма и СССР, огромнейшую пользу. Действительно, на такую акцию вряд ли способен целый отряд хорошо подготовленных диверсантов. Как отмечают исследователи репрессий на Дальнем Востоке, за эти годы “три-четыре раза сменились руководители всех сфер управления края и областей, включая органы НКВД, были обезглавлены вооружённые силы региона”. В июне 1938 года на Дальний Восток прибыли ещё два “красных коршуна”: Лев Мехлис и Михаил Фриновский — “для проведения чистки руководства Тихоокеанского флота, погранвойск и местного НКВД”. Волна репрессий снова захлестнула край. На повышение обороноспособности войск эти акции положительного влияния, конечно же, не имели. И Конев вынужден был молчаливо наблюдать за тем, как парили эти нездешние птицы над флотом и сухопутными войсками, над пограничными заставами и военными городками.

¹ Люшков Генрих Самуилович (1900–1945) — деятель ЧК-ГПУ-НКВД. В июне 1938 г. переехал к японцам. В 1945 г., ещё до краха Квантунской армии, японцами был застрелен.

Но его прорвало в Москве, когда сам Сталин спросил о Мехлисе. Давайте попробуем предположить, что всего, что было на сердце, при всей своей прямоте, Конев всё же не сказал. Возможно, и сказал бы, если бы Сталин пошёл дальше. Но дальше Сталин не пошёл. Видимо, ему было достаточно того, что он услышал. А может, он пожалел молодого комкора, который вдруг начал говорить слишком откровенно, что он думает о человеке, которому Сталин безмерно доверял? Помните, чем закончились откровения для командующего войсками Минского военного округа командарма 1-го ранга Безова? Помнил и Конев. И, возможно, Сталин понял его. Сталину было достаточно того, что Конев уже сказал. Сказать тому, кто к тому времени обладал уже исключительной властью в стране, о “чёрных списках” — это сказать многое. Лысцы мели хвостами. Гордецы молчали или валяли лес в отдалённых лагерях, поднимая на себя абсурдные обвинения. Коневу в тот год было уже за сорок. Не юнец, на молодость такое высказывание не слышен. Возможно, он почувствовал, что крылья “красных коршунов” застыли небо уже и над его головой? Его биография и его послужной список казались безупречными. Но когда за дело брались такие люди, как Люшков... В любой момент могла всплыть история первого мужа-эмигранта Анны Ефимовны и её исчезнувшая дочь, следы которой терялись то ли в Харбине, то ли в Америке. Да и сам он не всегда вёл себя безупречно с точки зрения отношения к врагам партии. В восемнадцатом в Никольске сквозь пальцы смотрел на активность старой Земской управы. А за что его пощипали, не добились кольями дуровские мужички? Да ещё гвардейский кирасирский полк, который потом появился на Дону... Такой, как Люшков, всё выведает.

Сталин к тому времени уже заметил Конева и внимательно следил за его работой в войсках, отмечая его профессиональный рост. Допосы шли. И он их прочитывал. И некоторым тут же давал ход. Но не позволял людям из НКВД трогать тех, кто ему был нужен, кто был надёжен, и в первую очередь профессионально. Правда, в первые два года не всегда нужные генералы и маршалы по его воле оказывались там, где они были нужны.

После съезда Конев вернулся в Хабаровск. Но вскоре получил из Москвы за подписью наркома обороны Ворошилова пакет со следующим предписанием: Дальний Восток, говорилось в нём, единый театр военных действий, поэтому в оперативном отношении разумнее было бы объединить все находящиеся в пределах края войска под единым командованием; в связи с этим образуется Дальневосточный военный округ и его командующим назначается командарм 2-го ранга Штерн. В том же письме предлагалось ему, комкору Коневу, принять должность командующего Забайкальским военным округом.

Главные события 1939 года на Дальнем Востоке снова минуют Конева. Новая короткая война с японцами, теперь уже на реке Халхин-Гол, будет более кровавой. Для советско-монгольских войск она станет победной. Штерн возглавит фронтовое управление, которое будет координировать действия советских войск и подразделений МНРА. А 57-й Особый корпус, тот самый, “монгольский”, коневский, на который в период решающих боёв будет возложена главная задача, возглавит тогда ещё мало кому известный комкор Георгий Константинович Жуков. Корпус будет усилен ещё несколькими стрелковыми дивизиями, артиллерией и танками и получит наименование 1-й армейской группы. Штерн и Жуков вскоре станут Героями Советского Союза.

Общепризнано, что результаты мощных атак, которые попыталась японская армия во время событий на Халхин-Голе, очень сильно повлияли на правительство Японии. После подписания пакта о ненападении между СССР и Германией в Японии разразился правительственный кризис. Правительство Хиракумы Кийитиро ушло в отставку. Восторжествовала так называемая “морская партия”, которая развернула свои вооружённые силы в сторону Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана. Сталин ликовал. Ведь это неминуемо вело Японию к столкновению с США. Динамика официальных взаимоотношений СССР и Японии такова:

— 15 сентября 1939 года правительства обеих стран подписали соглашение о перемирии;

— 13 апреля 1941 года заключён советско-японский пакт о нейтралитете.

Надо заметить, что и та, и другая стороны будут соблюдать условия этих договорённостей до конца лета 45-го. Когда в декабре 41-го группа армий “Центр” будет стоять у ворот Москвы и замерзать в её выстуженных полях, Гитлер яростно потребует от Японии вторгнуться своими силами в пределы СССР на Дальнем Востоке. Но японские танки и пехотные дивизии останутся в районах сосредоточения и не сдвинутся вперёд ни на шаг. Впечатления, полученные в мае-августе 1939 года, будут сильны. Японцы народ впечатлительный.

7 декабря 1941 года, буквально через двое суток после начала контрнаступления советских войск под Москвой, японцы атакуют американскую морскую базу Пёрл-Харбор и тем самым вовлекут США в число основных участников Второй мировой войны.

Сталин снова будет ликовать: для него японская атака американской базы станет более чем удачей. Из пассивного заокеанского наблюдателя США сразу стали активным союзником не только Англии, но и СССР.

Глава девятая

ЗАБАЙКАЛЬЕ

*“... в случае необходимости
нанести удар”.*

Весной, в начале апреля 1940 года, Конев был вызван в Москву. Главный Военный совет заслушивал доклады по итогам боёв только что закончившейся советско-финляндской войны.

Доклады были разные. Но Конев понял, что результаты Зимней войны, как её тогда называли, были нерадостными.

И эта война пронеслась мимо него. Те, кто хлебнул там пороха, рассказывали о боях скупо, неохотно.

Правда, всех порадовала поездка на полигон, где были продемонстрированы испытания новых танков. Т-34 даже с виду казались мощнее лёгких танков и танкеток, которые стояли на вооружении в бронетанковых частях. Легко маневрировали. Да и вооружение у них было более мощным. Там же, на полигоне, Конев познакомился с конструктором этой сверхмощной на тот период боевой машины М. И. Кошкиным. На полигоне во время испытаний “тридцатьчетвёрок” Конев оказался рядом с Жуковым и начальником артиллерии Красной Армии командармом 2-го ранга П. П. Вороновым. Разговорились. Обсуждали только что увиденное. И необычный внешний вид, и маневренность, и вооружение танка впечатляли. Боевые командиры, они сразу увидели новую машину в поле, в войсках.

После Москвы — Чита. Штаб Забайкальского военного округа.

К тому времени в Забайкальском военном округе собралась целая когорта военачальников, обладавших глубокими знаниями, владевших практикой управления войсками. В этот период на территории округа формировалась 16-я общевойсковая армия под командованием генерала М. Ф. Лукина. Буквально летом того же 40-го развернута 1-я армия генерала П. А. Курочкина. С Лукиным, плечом к плечу, Конев будет стоять в 41-м под Смоленском, а потом под Вязьмой. С Курочкиным встретит Победу. Одним из стрелковых корпусов в армии Лукина командовал В. Я. Колпакчи, 78-й стрелковой дивизией — полковник А. П. Белобородов.

В то лето Конев носил новые знаки различия — три звезды в петлицах нового образца. Звёзды он получил вместе с новым званием — генерал-лейтенант.

В декабре 1940 года командующие военных округов и начальники штабов прибыли в Москву. Новый нарком обороны маршал С. К. Тимошенко проводил не только совещание высшего командного состава своего ведомства, но и большую военно-стратегическую командную игру. Участвовали штабы округов и армий. С докладами выступили генералы, которые тогда хо-

дли в героях после двух войн. Они делились опытом и своим оперативным искусством. О наступательной операции в условиях современной войны докладывал командующий Киевским Особым военным округом генерал Г. К. Жуков. О танковом маневре в ходе наступательной операции говорит командующий Западным военным округом генерал Д. Г. Павлов. Пройдёт совсем немного времени, каких-нибудь полгода с небольшим, и один из них подпишет санкцию на арест и предание суду Военного трибунала другого — за трусость, бездействие и паникёрство, создание возможности прорыва фронта противником “в одном из главных направлений”. Начальник Генерального штаба генерал К. А. Мерецков сделает доклад по общим вопросам. Были заслушаны доклады командующих округов: Ленинградского — генерал Н. Г. Понеделин и Московского — генерал И. В. Тюленев. Заключительное слово взял маршал С. К. Тимошенко. Из выступлений стало совершенно очевидно, что угроза нависает с запада и что теперь противником РККА станет германский вермахт и армии союзников Германии.

Предоставлено было слово и генералу Коневу. Он сказал о необходимости пересмотреть некоторые статьи и положения уставов, которые устарели и уже не отвечают реальностям, в которых находятся и должны действовать вооружённые силы страны. Тактика современной войны, её приёмы значительно ушли вперёд. А уставы, оставшиеся прежними, действительно сдерживали развитие управления войсками в современном бою. Конев в своём выступлении особое место уделил боевому порядку войск в наступлении, затем остановился на проблеме построения противотанковой обороны. Завершил своё выступление по-комиссарски, в духе времени: “Я ставлю вопрос об обязательном изучении истории партии, изучении географии как обязательного предмета для командного состава. А у нас ещё существует такое положение, когда изучение марксизма-ленинизма поставлено в зависимость от построения. Мы не можем позволить, чтобы наши командиры были политически неграмотными, в таком случае они не могут воспитывать бойцов Красной Армии. Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма является государственной доктриной и обязательно для всех”.

К этому фрагменту выступления командующего Забайкальским военным округом можно отнестись как к общему месту. А можно и задуматься. На смену вычищенным из войск командирам, особенно старшего состава, пришли люди, не обладающие необходимыми знаниями, ни военными, ни общими, более того, малокультурные. Что впоследствии скажется. Вот о чём говорил Конев. Что уж говорить о топографии и умении читать карту; командиры полков и батальонов не знали географии, то есть не владели знаниями выше уровня трёхклассной церковно-приходской школы. Если определение “марксизм-ленинизм”, к примеру, заменить определением “патриотизм” (а в то время это было тождественно), то Конев завершил своё выступление очень верно. Что же касается необходимости, по словам Конева, обязательного изучения командирами военной истории и географии, то вынужден рассказать одну печальную историю, которой совсем недавно довелось быть свидетелем. Разговор с генералом, выпускником Военной академии им. М. В. Фрунзе уже постсоветского курса. Затронули тему войны. Оказалось, он термина Великая Отечественная война не признаёт. В беседе всякий раз вежливо поправлял меня — “Вторая мировая...” Правда, позже узнал, что мой собеседник генерал не командный — торгует оружием. Дело, конечно, тоже нужное. Только в нашей беседе он это почему-то скрыл. Иные времена — иные генералы...

После совещания состоялась оперативно-стратегическая игра на западном театре военных действий и на юге. И совещание, и большая военностратегическая игра проводились в обстановке особой секретности. Участники её впоследствии отмечали, что даже записей в эти дни не делали — не рекомендовалось. Маршал Конев отметил: “Игра прошла очень интересно. Из неё были сделаны правильные выводы, Сталин счёл необходимым лично провести разбор, пригласив в Кремль её участников. После совещания и военной игры в армии произошли кадровые перестановки. В частности, в январе 1941 года начальником Генерального штаба был назначен генерал ар-

мни Г. К. Жуков. Кроме того, в этот же период были произведены изменения в руководстве округами. Меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом, а на моё место был назначен Курочкин, командующий 17-й армией”.

Фраза Конева о том, что по итогам игры были сделаны “правильные выводы”, звучит убедительно. Особенно теперь, когда часть архивов того периода открыта, и можно понять, что усвоили тогда маршалы и генералы из уроков конца тридцатых годов в войнах на востоке и на севере, а также из штабных игр, а чем пренебрегли. Играя на картах в декабре 40-го в Москве, они ещё не знали, что основные уроки они получают летом и осенью уже следующего года, что армию им придётся создавать заново, заново перевооружать, да и учиться воевать они будут у немецких “преподавателей” — в полях под Смоленском, под Москвой и Сталинградом. Научатся. Но оплатят уроки большой кровью.

В связи с новым назначением нарком обороны маршал Тимошенко пригласил Конева к себе. Поговорили. В конце разговора после традиционного: “Мы рассчитываем на вас”, Тимошенко произнёс довольно многозначительную фразу, смысл которой Конев до конца разгадал только в июне следующего года:

— Будете представлять ударную группировку войск, в случае необходимости — нанести удар.

Теперь, когда много пишется и говорится о том, что Сталин со своими маршалами готовил армию к нападению на Германию задолго до 22 июня, слова тогдашнего Наркома обороны, его последняя фраза, сказанная генералу Коневу при назначении того на округ второго эшелона, действительно приобретает несколько иной смысл. Ведь именно таким порядком, в затылок фронту первого эшелона (Воронежского фронта) весной-летом 43-го Ставка расположит Стенной фронт с целью не только остановить, и не столько остановить, а ударить вперёд. И именно Стенной, с его свежими армиями, корпусами и частями прорыва, станет тем бронёбойным снаряжением, который проломит несокрушимую до той поры броню немецкой обороны на южном фланге Курской дуги и откроет возможность выхода на оперативный простор на белгородском и харьковском направлениях.

Сталин молчал на совещании. Молчал и во время игры. Он вёл свою игру. Опытный политик и стратег, он слабо разбирался в вопросах тактики, и это не было его слабой стороной. Он торопился и чувствовал, что не успевает. Не успевает перевооружить армию. Сформировать танковые корпуса. Дать своим “соколам” новые самолёты, которые бы не уступали скоростным “мессершмитам” и маневренным “юнкерсам”. Не успевал сделать необходимые кадровые перестановки.

Но главное было впереди.

Глава десятая

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

“Хорошие были войска — казаки, прекрасный русский народ”.

С запада уже явственно пахло порохом. И Конева направляли именно туда, где этот запах чувствовался острее.

Штаб Северо-Кавказского военного округа находился в Ростове-на-Дону. Конев прибыл туда в конце января 1941 года.

Что в это время происходило на западе?

Гитлер тонко почувствовал, какие семена нужно бросить в германскую почву, чтобы они буйно проросли и принесли ему и его партии необходимые плоды. Семена были брошены, и вскоре они дали нужные всходы...

Ещё в марте 1939 года Германия оккупировала Чехословакию. 7 апреля итальянцы, заручившись поддержкой Гитлера, вторглись в Албанию. 1 сентября немецкие части без объявления войны перешли польскую границу и

начали наступление вглубь страны, наращая силы вторжения и, следовательно, свой удар. Через два дня Великобритания и Франция объявили Германии войну. Европа снова запылала. Германские люфтваффе уничтожили польские самолёты на аэродромах, а довольно значительные по количеству пехоты и танков наземные войска были разгромлены молниеносными ударами. Полки не успели даже развернуться для организации сопротивления. Польскую кампанию вермахт провёл за один месяц. 17 сентября на территорию Польши с востока и юго-востока вошли войска Красной Армии. Марш был бескровным и неглубоким. На границе с Восточной Пруссией, по Бугу и в Галиции, советские войска остановились. Зимой 1939—40 годов между Германией и Францией, которые формально находились в состоянии войны, шли вялые перестрелки по линии Мажино. Историки потом назовут это “страшной войной”. Но на севере тем временем началась настоящая война. 30 ноября советские ВВС произвели бомбардировку столицы Финляндии Хельсинки. Начались бои на линии Маннергейма между войсками РККА и Финляндии. Советско-финляндская война длилась всю зиму. 13 марта при посредничестве Германии СССР и Финляндия подписали перемирие. К СССР отошли некоторые спорные территории, в том числе Карельский перешеек и город-крепость Выборг. Перемирие оказалось недолгим. В апреле 1940 года германские войска высадились в Норвегии. Вторжение немцев и итальянских войск началось 10 мая. Блицкриг удался странам Оси и на этот раз: через четыре дня без боя сдались Париж, а 22 июня Франция была вынуждена подписать капитуляцию. Почти вся территория Франции была оккупирована, армия разбита. Одновременно захвачена Дания. Началось вторжение в Бельгию. При этом разгромлен Британский экспедиционный корпус. Один из главных противников Германского рейха — Франция — пала. В результате молниеносной войны создан плацдарм для решающей атаки на Британские острова. 12—13 августа 1940 года германские люфтваффе произвели массированные налёты на Англию. Начальная стадия операции “Морской лев” прошла успешно. В феврале шли упорные бои между итальянцами и англичанами в Африке. Британские королевские ВВС потопили половину итальянского флота. Одновременно германский подводный флот начал топить корабли и суда под британским флагом во всех морях. В феврале того же 1940 года в Триполи высадился германский экспедиционный корпус “Африка”. Англия перенесла линию фронта с Германией за тысячи километров от своего побережья. 31 марта командующий Африканским корпусом немецкий генерал Роммель нанёс удар в Ливии. Англичане и их союзники опрокинуты и обращены в бегство. Впереди у Роммеля уже виднелись Александрия и Египет. Но Гитлер остановил своего генерала. Танки пужны были в другом месте, более важном. Ещё 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил план “Барбаросса” — блицкриг в России. Вторжение планировалось на середину мая. Но потом было отложено на несколько недель.

На новом месте Конев в курсе дел вошёл сразу. Провёл оперативную штабную игру на картах. Северо-Кавказский округ, как он обмолвился впоследствии, “не был приграничным”. Но, на всякий случай, не делясь ни с кем своими предположениями и опасениями, он в первые же дни объехал его, с целью “изучения территории как возможного театра военных действий”. “В результате этих поездок, — вспоминал маршал, — я пришёл к выводу, что Северо-Кавказский военный округ не готовился к войне. А война, как известно, пришла потом и на эту территорию”.

По результатам поездки Конев подготовил доклад и срочно направил его наркому обороны. Одновременно приказал войскам приступить к строительству оборонительных рубежей на наиболее важных оперативных направлениях.

Семью Конев перевёз в Ростов.

Страна готовилась к войне. В округе шло формирование нескольких новых стрелковых и кавалерийских дивизий, комплектовались техникой и вооружением танковые бригады, авиадивизии, артиллерийские подразделения. Части формировались уже по новым штатам. И эта суматошная суета, и новые штаты, и новое вооружение свидетельствовали о многом.

В мае 1941 года Конев вызвали в Москву. Принял его заместитель начальника Генерального штаба генерал В. Д. Соколовский и вручил директиву о развёртывании на базе войск округа 19-й общевойсковой армии. Встретился с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Семён Константинович передал следующие указания: срочно формировать армию по новым штатам, получать вооружение и снаряжение и под видом учений перебросить её на Украину в район Белой Церкви, где занять рубеж: Белая Церковь, Смела, Черкассы. Передислокацию завершить до конца мая. Когда Конев поинтересовался, какая задача ставится армии, услышал вполне определённый и лаконичный ответ:

— Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота.

С этим Конев и отбыл в Черкассы, где расположился штаб 19-й армии.

Войска перебрасывались в обстановке строжайшей секретности. Даже штаб Конева не располагал точной информацией о конечной цели манёвра на северо-запад, не говоря уже о дальнейших задачах. Уже под Белой Церковью в состав 19-й армии вошёл 25-й стрелковый корпус генерал-майора Честохвалова. Войска вышли в указанные районы и расположились компактно в палаточных городках. “За три недели до начала войны, — не без гордости впоследствии вспоминал маршал Конев, — заранее отмобилизованная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, как казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины”.

18 июня Конев прибыл в штаб Киевского военного округа, как он потом пояснил, “для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии”. Его армия не входила в состав Киевского Особого военного округа, а значит, и на довольствие её здесь надо было ещё устраивать.

К командующему округом генералу М. П. Кирпоносу Конев не попал. Ему сообщили, что тот болен. Беспокойство росло. А дальше я приведу цитату из воспоминаний маршала Конева. Она достаточно отчётливо характеризует обстановку неопределённости, осторожности и, в некоторой степени, растерянности, которая в те дни царила в штабе Киевского Особого военного округа. Никто не осмеливался брать на себя ответственность признать очевидное, чтобы принять необходимые меры к недопущению того разгрома, который начнётся уже спустя трое суток. “Отправился к начальнику штаба М. А. Пуркаеву. Я хорошо его знал ещё по Московскому военному округу, когда командовал 17-й дивизией, а он был заместителем начальника штаба Московского округа. Но, к сожалению, от него я не получил ясной картины обстановки. Тогда я направился к члену Военного совета Вапугину. Беседа носила дружеский характер, но узнать от него что-либо новое мне также не удалось. /.../ Впоследствии я узнал, что в первые дни неудачных боёв на Юго-Западном направлении он покончил жизнь самоубийством. /.../ Не прояснили ситуацию ни мой давний приятель, заместитель командующего войсками округа Всеволод Яковлев, с которым я вместе учился в Военной академии имени Фрунзе, ни генерал-майор А. И. Антонов, заместитель начальника штаба по материально-техническому обеспечению. И вот, проходя из кабинета в кабинет по коридорам и холлам прекрасного здания штаба Киевского военного округа /.../, я неожиданно столкнулся с полковником Иваном Христофоровичем Баграмяном. Он в то время был начальником оперативного отдела штаба округа и спешил на доклад к М. А. Пуркаеву. /.../ Через полчаса, когда Иван Христофорович вернулся, мы вместе с ним в его кабинете заслушали донесение начальника разведотдела. Как только разведчик открыл карту юго-западной границы округа, бросилась в глаза большая плотность условных знаков, нарисованных синим карандашом, а синим цветом, как известно, обозначают противника... Видно было, что на границе Советского Союза сосредоточивается большая немецкая группировка: моторизованные дивизии, корпуса, штабы, сосредоточение танков, авиации; на карте были зафиксированы и пролёты вдоль нашей границы немецких самолётов. Никаких сомнений быть не могло — это развёртывалась ударная группировка

противника для наступления. Я задал Ивану Христофоровичу и начаразведки один вопрос: “Знает ли об этом Москва, парком обороны и Генеральный штаб?” — “Да, знает, — был ответ, — мы ежедневно докладывали об этом в Москву”. И добавил, что, видимо, завтра или послезавтра Военный совет и штаб округа выедут на передовой командный пункт в район Тернополя, будут там в полной боевой готовности.

У меня, как и у каждого военного, мог быть только один вывод: да, это война”.

Конев срочно вернулся в штаб армии и отдал распоряжение о приведении войск в полную боевую готовность. Связался по телефону с начальником Генерального штаба Жуковым, доложил о том, что наблюдал в Киеве, и попросил разрешения срочно выехать в штаб округа в Ростов. Жуков выслушал его спокойно, выезд в Ростов разрешил, но предупредил, чтобы постоянно был на связи.

В Ростов Конев прибыл вечером 20 июня. Весь следующий день занимался делами округа. Выступал доклады об обстановке на границе. Проанализировав информацию, тут же отдал необходимые распоряжения для приведения войск в полную боеготовность. “В ночь на 22 июня, — вспоминал маршал, — находился у себя на квартире. В два часа ночи 22 июня раздались звонки по ВЧ. Жуков сообщил, что положение угрожающее, дал команду привести в готовность все средства противовоздушной обороны Ростова. “Командующим округа оставьте Рейтера, своего заместителя, а сами немедленно вылетайте в армию, быть там в полной боевой готовности”.

Рано утром, в четыре часа, Сп-47 вылетел из Ростова и взял курс в сторону Черкасс. Видимость была плохой, начался сильный дождь. Пилот опасался потерять визуальную связь с землёй и пошёл на бреющем. На борту, кроме командующего, находились член Военного совета 19-й армии комиссар Шекланов и начальник особого отдела армии Королёв. Вскоре внизу показалась широкая лента Днепра, и пилот потянул вдоль реки.

Около пяти утра Конев был уже в штабе армии. Спросил у начальника штаба, знает ли он о том, что произошло на границе. Ни начальник штаба, ни кто другой ещё не знали, что началась война. И Конев отдал приказ: боевая тревога! Спустя несколько минут доложил в генштаб, что подразделения 19-й армии находятся в состоянии полной боевой готовности. “Весь первый день войны штаб армии получал информацию из Генштаба о положении на фронтах. Этот день прошёл для нас спокойно, противник не бомбил район расположения армии, кроме железнодорожного моста через реку Днепр. Видимо, сосредоточение 19-й армии не было установлено противником. На второй или третий день парком обороны С. К. Тимошенко вызвал меня по ВЧ и приказал всей армии форсированным маршем следовать в район Киева. Поставил задачу: занять оборону по рубежу бывшего Киевского Уфа, по реке Тетерев и далее по периметру этого укрепленного района”.

В тот же день Конев прибыл в Киев с головной группой армейского управления и с удивлением обнаружил, что войск ни в Киеве, ни в укрепрайоне нет. Сам Киевский УР в весьма запущенном состоянии. Вооружение и обеспечение укрепрайона отсутствовало. Особо важные объекты охраняются небольшим числом бойцов-резервистов. Конев не увидел у них даже винтовок. Когда головные колонны дивизий начали втягиваться в район Киевского Уфа, Конев вызвал к ВЧ: звонил парком обороны.

— Севернее, на московском направлении, создалась угрожающая обстановка, — тут же сказал Тимошенко. — Противник развивает наступление на Смоленск. Может ли ваша армия передвигаться бегом?

— В каком смысле, товарищ парком? — спросил Конев.

— Срочно поворачивайте колонны в сторону погрузочных станций и перебрасывайте их на западное направление — в районы Рудни, Орши, Смоленска. Как только управление армии прибудет на Западный фронт, лично получите дальнейшие указания в штабе фронта.

Никакого плана перевозки, никакого графика погрузки и движения. Конев знал, чем это могло закончиться. Но приказ есть приказ. Война рушила все правила, планы и расчёты.

В первые эшелоны Конев приказал погрузить управления дивизий, средства обеспечения, тыловые части. Главные силы пришлось отправлять к месту назначения по мере их подхода к станциям погрузок. Станциями погрузок были определены: Золотопоша, Дарница, Фастов. Немецкая авиация, следя за движением эшелонов, тут же накинулась на эти коммуникационные узлы, стараясь их разрушить и, таким образом, парализовать движение по железной дороге. Состав, в котором находилось полевое управление 19-й армии и сам командующий, тоже был обстрелян парой истребителей. Произошло это на станции Рудня. К счастью, всё обошлось благополучно. Зенитки, установленные на открытых платформах, открыли ураганный огонь, и “мессершмитты” ушли.

Как только головные эшелоны закончили разгрузку, Конев отдал приказ начальнику штаба Рубцову выдвинуть полевое управление в район леса близ станции Рудня, а сам направился разыскивать штаб Западного фронта. Ясности не было. Где противник? Какой рубеж занимать дивизиям армии? Какая задача определена 19-й армии? Где соседи справа и слева?

Такой войны ни в штабах, ни в окопах не ожидали.

Глава одиннадцатая

ВИТЕБСК. ИЮЛЬ 41-го

“Сила силу ломит”

Ранним утром 9 июля 1941 года две штабных машины выехали из дачного посёлка Гнездово, что в нескольких километрах от Смоленска. Какое-то время они пробивались просёлком, маскируясь в зарослях придорожных ракут. Наконец, выбравшись на шоссе, миновали небольшой лес и помчались в сторону Витебска. В головной ЗИС-101 сидел генерал-лейтенант Конев.

Он прислушивался к дальним раскатам артиллерийской канонады, которая подкатывалась к городу с запада и северо-запада, и перебирал в памяти фрагменты всего того, что он увидел вчера и сегодня в Смоленске и в штабе фронта. Адьютант Лобов, сидевший рядом с водителем, время от времени беспокойно поглядывал в окно, щурился в прозрачную, будто умытую синеву неба, ещё прохладную, пронизанную свежестью минувшей ночи, ловил в зеркало заднего обзора идущую следом машину командующего артиллерией генерала Камеры.

Судя по тому, что противник активизировался на витебском и оршанском направлениях, размышлял Конев, судьба “котлов” под Белостоком и Минском решена. Тимошенко, конечно же, понимает всю сложность положения, в котором мы здесь находимся. Именно поэтому ставит задачи, которые вряд ли выполнимы. Но приказ есть приказ.

Несколько часов назад в одной из просторных дач пригородного посёлка Гнездово, которую приспособили под штаб фронта, командующий войсками Западного фронта Тимошенко чётко и лаконично изложил задачу для 19-й армии:

— Соберите всё, что имеется под рукой, товарищ Конев, и отбросьте немедленно противника от Витебска. За Двину. С подходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра. Вот здесь. — Тимошенко стоял у карты, наполовину задёрнутой чёрной шторой. Голос его был усталым. Маршал указал на карте полосу обороны, которую должна занять и в короткие сроки укрепить 19-я армия.

— У меня и дивизии-то нет, товарищ маршал, поэтому...

Тимошенко поднял на командарма тяжёлый взгляд и сказал:

— Знаю. Одновременно подумайте над тем, как лучше разгромить соединения тридцать девятого корпуса немцев.

— Так точно, товарищ маршал, подумаю.

— И не только думайте, но и действуйте. И не теряйте времени. События на фронте меняются быстро. — И Тимошенко кивнул на запад, в сторону не утихавшей ни на минуту канонады.

В Смоленске всю ночь полыхали пожары. Немецкие самолёты непрерывно бомбили железнодорожную станцию и другие объекты. Пожарные команды и бригады добровольцев тушили дома, заводские цеха, разбирали завалы, вытаскивали тела погибших. В основном это были гражданские, и вид убитых во время бомбёжки мирных жителей, среди которых были и женщины, и дети, холодил душу.

На фронте дела складывались хуже некуда. Немцы, думал Конев, глядя в засыпанное реденькой пылью окно, по всей вероятности, прервали оперативную паузу: “котлы” под Белостоком и Минском, возможно, уже ликвидированы, так что немецкие танки не сегодня-завтра будут здесь.

19-й армии судьба посылая схватиться с 39-м корпусом. Конев вспомнил очертания линии фронта, обозначенной на карте маршала синими и красными стрелками, и вдруг понял, что немцы, по всей вероятности, намереваются создать в треугольнике Витебск—Орша—Смоленск очередной “котёл”. Вот в него-то и может угодить группировка армий резерва Ставки: 20-я, 21-я, 22-я и его 19-я.

Он смотрел в мутноватое окно своего ЗИСа, перебирал в мыслях номера дивизий, прикидывал, сколько времени понадобится для того, чтобы все триста шестьдесят эшелонов с его 19-й армией смогли прибыть на место, чтобы благополучно разгрузиться и развернуться в боевой порядок. Пока прибыли сто тридцать...

— Воздух! — неожиданно прервал его мысли адъютант.

В своих мемуарах И.С. Конев рассказал об этом эпизоде так.

“На командном пункте фронта я пробыл примерно около часа, а затем выехал двумя машинами в Витебск. Я — впереди, на ЗИС-101, за мной — командующий артиллерией генерал Камера. Как только мы выехали из леса на шоссе Смоленск—Витебск, нас сразу атаковала пятёрка “хейнкелей”. Они натрулировали шоссе. Я, шофёр Яковенко и адъютант Лобов едва успели выскочить в кювет, как вспыхнула и взорвалась машина. Все пожитки, походное обмундирование и снаряжение тут же сгорели. Видя, что самолёты противника делают второй заход, я сделал перебежку и залёг в кювете. Утро было замечательное, солнечное, раннее. Видимость изумительная. На зелёном фоне генеральские шевроны и красные лампасы были отчётливо видны. Самолёты сделали ниже, пошли на новый заход...”

Меня обдало комьями земли и оглушило. Я оказался между двумя воронками. Ранен я был легко, несколько мелких осколков попало в бедро. Адъютант Лобов был тяжело контужен, пришлось его тут же отправлять в госпиталь. Шофёр Яковенко, раненный в шею, остался в строю. Вот так началась моя служба на Западном фронте.

После обстрела, добыв полуторку, мы вместе с шофёром вернулись в штаб армии в Рудню, где я выслушал доклад начальника штаба Рубцова. Затем с группой офицеров и членом Военного совета Шеклаповым снова выехал в Витебск, чтобы разобраться в обстановке и установить связь с генералом Е. А. Могилевчиком”.

Итак, Конев, имея приказ комфронта контратаковать противника, со своим штабом срочно выехал в Витебск. Войска тем временем всё ещё находились в пути. Не так-то просто перебросить на расстояние даже в сто двести вёрст такое количество живой силы, вооружения, снаряжения, техники, лошадей, боеприпасов и продовольствия.

За несколько дней до этого командующий войсками 3-й танковой группы генерал-полковник Гот поставил задачу: 57-му моторизованному корпусу овладеть Полоцком, 39-му — Витебском. В авангарде моторизованного корпуса, нацеленного на Витебск, шла 7-я танковая дивизия. Вторым эшелоном двигалась 20-я танковая дивизия.

Конев с офицерами своего штаба продолжал путь по шоссе в сторону Витебска. Вскоре встречный поток беженцев и бегущих в тыл бойцов разбитых частей стал настолько густым, что водитель заглушил мотор. Вода в радиаторе уже закипала. “Движение наших машин в направлении Витебска, — как впоследствии вспоминал маршал, — совершенно исключалось. Шоссе было забито. Я решил с офицерами штаба навести на шоссе порядок, дал

команду всех военных задержать, организовывать подразделения пехоты, отдельно собирать артиллеристов, танкистов и направлять всех обратно к Витебску. К моему удивлению, от Витебска в сторону Рудни двигались даже танки — несколько тяжёлых КВ и несколько Т-26”.

“К моему удивлению...” — это, конечно, слишком мягко сказано, не по-коневски. Хотя, возможно, годы смягчили крутой характер генерала и маршала Великой войны, которого по твёрдости натуры и напористости в достижении поставленной цели часто сравнивают с Г. К. Жуковым. Их всегда ставят в один ряд. И по праву. Да и судьба их слишком часто, и в довольно сходных обстоятельствах, сводила вместе. Одного в паре называют Маршалом Победы. Другого — Солдатским Маршалом. И то и другое определения верны. И то и другое — имеют свою глубинную историю и своё нравственное обоснование.

Когда командарм увидел толпы бегущих бойцов и командиров, можно представить себе, какая волна всколыхнулась в нём. И тут уж пистолет сам собой вылетел из генеральской кобуры.

“Особенно странно было видеть отступающие танки новых образцов. Три таких танка двигались на Рудню якобы на ремонт. Буквально угрожая оружием (просунув револьверы в люки механиков-водителей), мы остановили эти танки, кстати, они оказались исправными, и взяли их под контроль. Таким путём удалось к вечеру собрать около батальона пехоты, батарею 85-мм зенитных орудий и батарею 122-мм пушек армейской артиллерии”.

“Подойдя к Витебску с востока, мы увидели пожары в отдельных местах. К западу от Витебска никакого движения не обнаружилось. По всем признакам Витебск не был немцами занят, а пожары возникли при отходе наших войск. Из здания обкома партии валит густой дым, не могло быть и речи о том, чтобы связаться по ВЧ со штабом Западного фронта и доложить обстановку. На центральной площади я увидел людей. Окликнул. Оказалось, что это остатки 37-й Горьковской стрелковой дивизии, которая была разбита в приграничном сражении. Уцелел в этой битве работник штаба майор Рожков с группой тыловиков. Он прибыл на грузовой машине в Витебск и, обнаружив, что войск в городе нет, сформировал из местных жителей-осавахиимовцев роту и приказал ей занять мост через Западную Двину, а сам остался организовывать оборону в центре города.

Нужно отдать должное бесстрашному майору... Он всерьёз решил оборонять город и даже разведку организовал. Когда посланные мной офицеры к утру прибыли в Витебск, Рожков доложил, в частности, что к рассвету немцы подошли к Витебску и пытаются форсировать Западную Двину. Часть войск неприятеля — подвижные механизированные и танковые подразделения — по западной стороне реки проследовали к северо-западу.

К сожалению, удержать Витебск не удалось”.

Если верить памяти маршала, а не верить у нас нет никаких оснований, всю ночь с 9-го на 10 июня Конев с офицерами штаба провёл на одном из холмов на восточной окраине города. Командарм надеялся, что вот-вот подойдут прибывшие части его армии. И тогда немцев, которые замешкались перед мостом через Западную Двину, можно будет контратаковать.

Радиост постоянно выходил на связь. Новости были неутешительными. Основная часть войск армии всё ещё находилась в пути. Однако в район Лозно прибыла 220-я мотострелковая дивизия. Командарм отдал приказ командиру дивизии форсированным маршем двигаться в направлении Витебска. И вот к полуночи в тылу послышался рокот танковых моторов. Конев увидел, как беспокойно закрутили головами автоматчики охраны. Беспокойство было понятным: не обошёл ли их противник, что-то подозрительно затих правый берег. Вскоре прибыл офицер связи и доложил:

— Товарищ командующий, прибыл танковый батальон и артполк двести двадцатой дивизии.

Командарм с офицерами штаба тут же начал готовить прибывшие подразделения к атаке. Из города прибежал связной от майора Рожкова: сводная рота 37-й стрелковой дивизии и витебских добровольцев смята атакой противника, немцы заняли аэродром и приближаются к западной окраине

Витебска. Майор Рожков, конечно же, не мог удержать авангарды 20-й танковой дивизии противника, но дело своё сделал: задержал немцев до подхода основных сил, дал время на то, чтобы развернуть боевые порядки.

Читая воспоминания полководцев и солдат, исследования историков и расследования исторических публицистов, порой наталкиваешься на эпизоды, в которых рассказывается о том, что некоторые генералы и старшие офицеры боялись передовой и запаха пороха. Скажу лишь, что ни у одного из авторов не обнаружил ничего подобного в рассказах о Коневе. О Коневе написано много. Писали о нём в своих воспоминаниях и друзья, боевые товарищи, и недруги. И много чего о нём порассказали. Но в отсутствии храбрости, которой должен обладать солдат на войне, в недостатке твёрдости, решительности и умения владеть собой в самых крайних обстоятельствах его не упрекнул никто.

Под Витебском в июле 41-го Коневу пришлось побывать и комбатом, и истребителем танков. Выжить в буквальном смысле слова помогли навыки, полученные когда-то в артиллерийской батарее.

Витебское сражение продолжалось. Командарм-20 генерал-лейтенант Курочкин вновь и вновь бросал свои войска на Лепель. Но 5-й и 7-й мехкорпуса были обескровлены настолько, что продолжать наступление уже не могли. На северном крыле оборонительного рубежа наступило затишье.

Тем временем, не дожидаясь подхода основных сил своей армии и уже понимая, что, по всей вероятности, её так и не удастся собрать и развернуть единым фронтом лицом к противнику, Конев энергично действовал, опираясь на те силы, которыми располагал на тот момент. Частями 220-й сд и другими подразделениями прибывавшего 25-го стрелкового корпуса прикрывал шоссе на Смоленск, откуда продолжали идти к фронту его войска. Одновременно из последних сил удерживались позиции в самом городе. Армия западывала с сосредоточением и развёртыванием в боевой порядок. И это грозило тем, что противник, прорвав оборону и выйдя на оперативный простор, мог смять колонны полков и дивизий на марше. Дивизии вынуждены были вступать в бой там, где их застал противник.

Штарм продолжал запрашивать в эфир местонахождение частей и дивизий, переносивших ему буквально в последние часы. Большинство из них так и не отзывались.

Размышляя о причинах неудач лета и осени 41-го года, нельзя не брать во внимание то очевидное обстоятельство, что РККА, её зачастую наспех сколоченным, переброшенным из тыла дивизиям противостояли лучшие на тот период дивизии вермахта и СС. На полигонах Франции, Бельгии, Греции, Польши, на Балканах и во фьордах Норвегии германские войска отработали тактику блицкрига, до совершенства довели приёмы и тактику боя, способы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Противник, вышедший к линии Невель—Витебск—Орша—Гомель, был хорошо вооружён, действовал уверенно, дерзко, эффективно применяя танки, авиацию, противотанковую и тяжёлую артиллерию. Противостоять такому противнику было непросто. Но — противостояли! Вот почему группа армий “Центр” пришла к Москве не до наступления холодов, как планировали немецкие штабы и мечтали рядовые солдаты; к русской столице немцы подошли по расхлябанным дорогам глубокой осени, растеряв в пути значительную часть своей техники, вооружения, снаряжения и, самое главное, потеряв тех надёжных и опытных солдат, которым, казалось, не сможет противостоять ни одна армия мира. Вот фрагмент из воспоминаний немецкого танкового аса из 3-й танковой группы Отто Кариуса: “8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины. Это произошло возле полностью сожжённой деревни Улла. Наши инженерные части построили pontонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позиции вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища — и всё! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не требова-

лось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватился рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радиост потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепёжные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд”.

Бедняга Отто, подбитый артиллеристами 19-й армии генерала Конева, он впервые испытал со своим экипажем то, что случается на войне почти в каждом бою. Конечно, ему хотелось, чтобы от чешской стали русские снаряды отлетали, как теннисные мячи от стенки...

История показала, что, чем ближе они будут продвигаться к Москве, тем чаще им *придётся выбираться из подбитой машины...*

Получив второй приказ, Конев, конечно же, понял, в каком положении находится его армия, а точнее, те подразделения, которые после прибытия и изнурительного марша от места разгрузки до района сосредоточения оказались в его распоряжении. Противник начал обтекать их группировку с флангов. А это грозило окружением.

Опасность, угроза гибели действует на людей по-разному. Некоторые теряют самообладание или впадают в состояние паники. Инстинкт самосохранения подавляет в них всё остальное. Служебные, командирские обязанности, долг, честь — всё это, как едкой кислотой, мгновенно разъедает личное желание выжить — во что бы то ни стало, любыми путями и средствами. Других, наоборот, экстремальные обстоятельства максимально мобилизуют, делают сверхэнергичными, заставляют соображать мгновенно и с той же энергией принимать точные и единственно верные решения. К таким командирам принадлежал генерал Конев.

Буквально накануне этих событий командующие армиями встретились, обсудили создавшееся положение, наметили план взаимодействия. Обменялись офицерами связи. И Коневу, и Курочкину нужно было выполнять невыполнимый приказ штаба Западного направления, подписанный маршалом Тимошенко. О возможности отхода не проронили ни слова.

А фронт, изменяясь в своих очертаниях каждый день и каждый час, уже свидетельствовал о том, что Витебск не вернуть и линию фронта по Днепру и Западной Двине не восстановить. Угроза нависла над Смоленском.

Глава двенадцатая

ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ. ИТОГИ

“...танковые армии нельзя остановить бутылками с бензином”.

Витебское и Смоленское сражения были для генерала Конева и его армии первыми сражениями в Великой Отечественной войне. Будущий маршал, победитель Манштейна, начинался здесь, на позициях по Западной Двине и Днепру летом 41-го.

Второй Стратегический эшелон РККА, который, по первоначальным замыслам Ставки, должен был развивать успех армий, дислоцированных под Минском и Белостоком, вынужден был сдерживать натиск подвижных соединений группы армий “Центр” на линии Полоцк—Витебск—Жлобин—Андреаполь—Ярцево—Ельня. Западный фронт словно заново возродился.

Армии первого эшелона оказались частично разгромленными, частично окружёнными в Белостоке-Минском “котле”. Они распались на группы численностью иногда до полка, иногда до батальона и меньше. Некоторые из этих групп, несмотря на полную обречённость, продолжали драться изолированно. Одним в ходе этих отчаянных боёв выпадала удача пробиться к своим, на восток. Они шли по дорогам и лесам, минуя немецкие заслоны. Такие группы, как правило, уже не представляли опасности для противника, а для своих зачастую были просто обузой. Сломленные морально, они, поставленные в оборону, не выдерживали очередного артналёта или появления

вражеской авиации, бросали позиции и бежали дальше на восток. Вирус страха и паники действовал, как чума, угрожая распространиться и на войска Второго Стратегического эшелона. Катастрофа под Белостоком и Минском открыла путь противнику к Смоленску — историческим воротам на Москву.

В число семи общевойсковых армий Второго Стратегического эшелона, который теперь, в соответствии с изменившейся ситуацией на фронте, должен был остановить врага, входила и 19-я армия генерал-лейтенанта Конева.

Именно она оказалась в самом невыгодном положении в момент немецкого наступления. Ставка не ожидала, что на западе дела пойдут настолько скверно, что минский оборонительный район падёт так быстро, и поэтому фактически оказалась не готовой встретить немцев на рубеже Гомель—Могилёв—Орша—Витебск—Невель—Великие Луки. Только часть армий была развернута в боевой порядок, оказалась на своих рубежах, обеспечив себя тылами и подвозом. Но противник, наткнувшись на их твёрдую оборону, не стал упорствовать на этих труднопробиваемых участках и тут же начал искать более слабые места.

4 июля были арестованы и отданы под суд командующий войсками Западного особого военного округа генерал Павлов, работники его штаба и командующий 4-й армией генерал Коробков. За катастрофу под Минском и Белостоком должен был кто-то ответить. Но предположительно посланного в войска Мехлиса виновных нашли быстро.

По пути в 34-й ск Конев встретился с генералом Ерёмченко, в то время заместителем командующего войсками Западного фронта, отвечающего за витебское направление. “Он сказал, что уже побывал в 34-м корпусе и недоволен действиями комкора Хмелиницкого, — вспоминал Конев. — В резкой форме Ерёмченко совершенно необоснованно обвинил меня в том, что я лично не сумел остановить противника, который прорывается к Смоленску, обходя Витебск северо-западнее и одновременно обходя Оршу. Разговор был неприятный. Я дал Ерёмченко отпор, заявив, что, если он считает необходимым, чтобы я лично пошёл в атаку, в этом отношении затруднений не будет, но для меня сейчас важно взять в руки управление прибывшими частями”.

На той дороге они, два генерала, посмотрели друг другу в глаза и через мгновение заговорили уже спокойнее. Они прекрасно понимали, что происходит вокруг. А через несколько минут на дороге появились немецкие танки, и штабные машины были накрыты их огнём.

Об этом эпизоде уместно предоставить слово самим свидетелям и участникам этой истории.

А. И. Ерёмченко: “Мы с командующим армией выехали в передовые части. Он — под Витебск, я — на правый фланг, под Сураж, где действовала одна стрелковая дивизия. Связи с этой дивизией уже не имелось, так как она вела бой в окружении. В районе Кольшики я встретил стрелковый и артиллерийский полки другой дивизии, которые имели приказ выдвигаться на Сураж. Гитлеровцы тем временем уже захватили этот населённый пункт, продвинулись к городу Велиж и заняли его. Правый фланг 19-й армии оказался открытым. Я приказал стрелковому и артиллерийскому полкам прикрыть рубеж Полицовые—Кольшики, чтобы не допустить удара противника по открытому флангу армии, сам же вернулся в штаб, чтобы выяснить, как подходят войска.

Генерал-майор Рубцов доложил мне, что получен приказ, в котором для развертывания 19-й армии указывался новый рубеж, отнесённый вглубь на 50—60 км. Приказ вносил страшную путаницу в управление войсками, так как некоторые дивизии уже вступили в бой, а теперь их нужно было отводить.

Я был удручен этим непонятным решением. Без всяких на то оснований врагу оставлялась территория в 50—60 км глубиной.

Телефонной связи со штабом фронта не было, и я, не медля ни секунды, выехал туда. Ещё не взошло солнце, как я уже был у маршала Тимошенко. Он только что лёг спать, но я его разбудил и доложил о странном приказе.

— Андрей Иванович, — сказал маршал, — видимо, произошло какое-то досадное недоразумение, прошу вас, поезжайте быстрее обратно и восстановите положение.

Я немедленно выехал в район Рудни...

Передвижение штабов, да частично и войск, происходило главным образом по магистрали Витебск—Смоленск, поэтому перехватывать части было легко.

Однако штаб 34-го стрелкового корпуса мы перехватить не сумели. Командир корпуса, оставив части под Витебском, отошёл со штабом на 60 км, как и было приказано. (Обратите внимание, как мудро писали свои мемуары маршалы. Даже такой прямой человек, как Ерёмченко. Имя Хмельницкого, командира 34-го ск, он не называет. Зачем? Хмельницкий с лёгкостью, без последствий, вышел сухим из воды. Андрею Ивановичу дорогу он не переходил. Дело прошлое... А может, маршал Ерёмченко, да и наш герой, хорошо знали, к примеру, что Хмельницкий успешно служит по другому ведомству? Никудышний вояка и армейский генерал, он прекрасно выполнял приказы Лаврентия Павловича Берия... Вот тогда всё встаёт на свои места. — С. М.)

Мы выбрали свой передовой командный пункт в одном километре северо-западнее Рудни, в 150 м от шоссе на Витебск. Оперативная группа 19-й армии находилась в сторону Смоленска на удалении 18—19 км.

...Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услыхав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперёд, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта на повороте шоссе он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера.

Офицер связи, будучи находчивым человеком, выскочил из машины, бросил ручную гранату в машину фашистов и, нырнув в высокую рожь, бегом направился обратно, чтобы предупредить нас об опасности.

Танки противника на некоторое время задержались возле подбитой машины, затем снова двинулись в Рудню.

Пока офицер связи добрался до нас, вражеские танки вышли в район командного пункта. Они обстреливали дорогу и обочины. Над нашими головами то и дело проносились немецкие самолёты, бомбившие и обстреливавшие местность, лежащую на пути движения танков.

Мы находились в густом кустарнике в ложбине, в стороне от дороги. Машины и люди были отлично укрыты густой рожью, а выезд с командного пункта на шоссе был сделан далеко в стороне.

Когда вражеские танки оказались в полукилометре от Рудни, из города навстречу танкам, не подозревая об опасности, выехали две военные легковые машины. Сидевшие в них люди, заметив танки, вышли из машины и побежали к позициям противотанковой батареи, расположенным на подступах к городу. Несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам. Головной танк остановился, следовавшие за ним танки стали разворачиваться вправо и влево, открыв огонь по нашей батарее, но она продолжала стрелять, задерживая их продвижение. Люди, организовавшие борьбу артиллерии с танками, сели в машины и, свернув с шоссе, поехали по просёлочной дороге.

Позже выяснилось, что в машинах ехали командующий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев и начальник политотдела армии бригадный комиссар А. М. Шустин, который был в этом бою ранен. Они направлялись в передовые части, попутно предполагая заехать и на наш командный пункт. Выехав из города и неожиданно столкнувшись с вражескими танками, И. С. Конев быстро организовал отпор танкам.

На подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станции и городу. Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулемёты. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас.

Оставалась единственная возможность: выбраться на север. Впереди было открытое пространство метров 150—200. Я сказал шофёру Демьянову, чтобы он сделал несколько резких поворотов в сторону, пока мы не въедем в рожь. Со мною ехали Хирных и Пархоменко, остальные тоже приготовились к отходу, кто на машинах, кто на мотоциклах, кто пешком.

Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулемёты не были повернуты в нашу сторону, и наш маневр удался. Вслед нам раздалось несколько автоматных очередей. Спаслись все. Генерал Конев, считая меня погибшим, донёс об этом в штаб фронта...”

Наблюдавший дуэль между танками и артиллеристами, которыми командовал командарм-19, Ерёменко, в свою очередь, доложил в штабе фронта о вероятной гибели генерала Конева.

И. С. Конев: “У шоссе, идущего от Витебска на Рудню, я увидел брошенную 45-мм пушку с несколькими снарядами, а возле неё артиллериста. Чтобы поставить орудие на более выгодную позицию, мы вытянули его с обочины прямо на шоссе. Пока мы эту операцию проводили, подполковник Чернышёв, мой адъютант для поручений, вёл наблюдение в бинокль, и он вдруг докладывает: “Товарищ командующий, из леса выходят на шоссе немецкие танки”.

Смотрю, действительно, танки с крестами и свастикой. Тогда я встал к орудью, прицелился за первого номера, а тому парно-артиллеристу командовал: “Огонь!” Пальнул из пушки — и попали в передний танк. Облако дыма... Немцы, однако, быстро пришли в себя и стали разворачивать танки. Пришлось ретироваться, сперва на машине, она была под рукой, а когда машина, как назло, застряла у деревни Рудни на огороде, — бросить её и перебежать, укрываясь от огня за домами. Начальника политотдела, бывшего со мной, ранило в руку... Перемахнули через забор, но овражку вверх, а за ним на высотке стоял наш безвоз. Откуда-то подоспела легковая машина, в неё мы втащили раненого и под огнём по шоссе отправили его в штаб армии. Сам я на безвозове перевалил через высотку, нашёл ещё какую-то машину и к вечеру добрался в свой штаб армии, находившийся на станции Кардымово. Приехал, а мне докладывают: “Получено донесение, что вы убиты... Сообщил генерал Ерёменко. Он видел, как немецкие танки развернулись и вели огонь по командарму Коневу”.

Как видите, два генерала вспоминают один и тот же случай по-разному. Но, скорее всего, Конев в деталях точнее. Посудите сами, почему “противотанковая батарея, расположенная на подступах к городу”, не открыла огонь до того, как к ней подбежали офицеры штаба армии и сам командующий? Так что вряд ли соответствует действительности картина, нарисованная заместителем командующего Западного фронта о том, что “несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам”. Противотанковые пушки, скорее всего, были брошены своими расчётами. Конев, старый артиллерист, конечно же, умел обращаться с “сорокапяткой” — самой распространённой в наших войсках пушкой. При этом, из описания последовательности событий, произошедших в тот день на шоссе Витебск—Смоленск, следует, что Конев успел всех своих офицеров расставить по местам в орудийном расчёте. Но при этом знал, что лучше него никто выстрелить по танку не сможет. Поэтому объясности наводчика принял на себя. Обстоятельства, в которых оказался командарм и его офицеры, подтверждают, что артиллеристов в тот момент рядом не было.

Эпизод можно комментировать с разных точек зрения. С одной стороны, не дело командарма стрелять из НТО по немецким танкам. Его дело организовать свою армию так, чтобы по танкам палили те, кому это положено по штату. Как говорил Наполеон, храбрость генерала и храбрость ротного фельдфебеля не одно и то же. Но это был 41-й год. И генерал Конев каждую минуту не мог ручаться за то, что следующая не будет последней в его жизни, как и в жизни любого солдата. Однако в любом случае этот эпизод характеризует будущего маршала как воина, способного действовать при любых обстоятельствах.

Витебское сражение научило Конева многому. И не только управлению войсками. Но и управлению генералами. Уже под Смоленском он пишет представление Главкому Западного направления маршалу Тимошенко: “Командир 34 СК (стрелкового корпуса) генерал-лейтенант Хмельницкий в бою показал неустойчивость, плохо руководил войсками, снят с занимаемой должности. Предан суду. 27.07.1941”.

К сожалению, командиры корпусов 19-й армии показали полную неспособность руководить войсками в условиях военных действий. Можно предположить, что имел в виду Конев под словом “неустойчивость”. Цепу слову он знал, и только, видимо, в последний момент сдержал себя, и в документе, таким образом, не появилось слово “трусость”. А оно тогда было в ходу. Но можно предположить, что Конев знал или догадывался о второй сути своего подчинённого, и поэтому в представлении был сдержан.

Первые бои научили Конева ценить хороших, толковых командиров, которые не боялись запаха пороха, регулярно, как того требует обстановка, бывали на передовой, наблюдали не только противника с передовых НИ, но и хорошо знали, в каком состоянии пребывают их батальоны, роты и взводы, на что способны и не способны. Впоследствии, через все пять фронтов, с ним пройдут его боевые товарищи, генералы, полковники, которые к концу войны тоже станут генералами. Среди них генерал Н. Ф. Лебедево. В августе 41-го Лебедево командовал 91-й стрелковой дивизией, которая входила в состав 19-й армии. А в начале января 44-го генерал Лебедево, командуя 50-й стрелковой, которая тоже из бывшей 19-й, коневской, смоленского состава, одним из первых ворвётся в Кировоград. 50-я дивизия в то время будет драться в составе 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта. Генерал Н. А. Курочкин, стоявший с ним плечом к плечу на витебском рубеже (20-я армия), в период завершающей фазы Великой Отечественной войны будет командовать 60-й общевойсковой армией 1-го Украинского фронта. Генерал П. С. Рыбалко, командующий 3-й гвардейской танковой армией — на завершающем этапе войны в дни Берлинской наступательной операции именно его танки, смяв глубоко эшелонированную оборону, первыми ворвутся в логово врага. Генерал А. С. Жадов, командир 5-й гвардейской общевойсковой армии — они станут добрыми и преданными друзьями. После войны, оставшись уже не у дел, маршал и генерал будут вспоминать своих молодцов-гвардейцев, храбро дравшихся на Днепре и во время Львовско-Сандомирской наступательной операции, под Берлином и Прагой.

Не повезло Коневу с командирами корпусов. В послужном списке генерала Хмельницкого густо мелькают записи вроде: “агитатор в Харькове...”, “секретарь члена РВС Первой конной...”, “порученец наркома по военным и морским делам...”, “порученец наркома обороны СССР”. На должность командира самого сильного и многочисленного в РККА 34-го стрелкового корпуса он попал, видимо, случайно. Надо же было как-то оправдать доверие: в 1940 году его аттестовали сразу генерал-лейтенантом. Случай рядовой. Судьба прищучила его под Витебском в 41-м. Командарм, в подчинение которого поступил корпус, оказался человеком сугубо военным, требовательным, не из придворных ворошиловцев. Правда, и Рафаил Павлович сумел в критический момент сгруппироваться: от ответственности каким-то непостижимым образом таки отвертелся. По всей вероятности, помог богатый опыт, приобретённый за годы безупречной службы в Красной Армии, и, конечно же, связи. Неудавшегося командира корпуса спас его патрон и покровитель маршал К. Е. Ворошилов. Генерал Хмельницкий стал его порученцем, и в Центральном штабе партизанского движения вскоре занял должность снабженца. Потом снабженца сделал генералом для особых поручений при заместителе наркома обороны СССР. Была и такая должность. В конце войны Рафаил Павлович занимался (ну чем можно заниматься в конце победной войны?) трофеями. Вот уж воистину: кому война, а кому мать родна...

Война очищает. И под Смоленск Конев прибыл уже без Честохвалова и Хмельницкого.

ЯРЦЕВСКИЕ ВЫСОТЫ. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 41-ГО

*“Дни лёгких побед врага
уже миновали...”*

Хронологически Смоленское сражение началось 10 июля. Длилось ровно два месяца. Следуя исторической хронологии, 19-я армия в день начала Смоленского дела 1941 года атаковала противника в Витебске и окрестностях. Тяжёлые бои, серьёзные потери.

Об этих днях Конев вспоминать не любил.

Справедливости ради замечу, что воспоминания о боях под Витебском и Смоленском, а также об октябрьской катастрофе под Вязьмой Иван Степанович всё же оставил. Есть и страницы разрозненных воспоминаний и интервью, посвящённых Смоленскому сражению. Правда, они очень скупы. Перечитывая “Записки...” и те разрозненные публикации, которые хронологически к ним тяготеют, вдруг ловишь себя на мысли о том, что Конев всё же не любил писать о поражениях. И ошибках. А кто о них любит писать? Тем более что за спиной такие победы! Да и не поощрялось тогда каяться в ошибках и сыпать соль на раны, и свои, и своих непосредственных начальников и подчинённых.

Понятное дело, что мемуары полководцев, если бы они не прошли через чистилище Главпура и цензуры, могли быть человечней, правдивей и, таким образом, ценней для нас, внуков и правнуков. Кабы не обнизил, как говаривали старые солдаты, так бы не быть пуле в земле, а кабы не обвысил, так прямо бы в лоб...

На фронте в районе севернее Смоленска происходило следующее. 19-я и 20-я армия генералов Конева и Курочкина вели почти непрерывные встречные бои, стремительно истощая и противника, и собственные силы. Тем временем генерал Лукин со своей 16-й армией оборонялся в районе Смоленска.

После танкового маневра, в результате которого охватом силами 2-й и 3-й танковых групп был блокирован, а затем захвачен Смоленск, противник пытался замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки 16-й и 19-й армий. Но активными действиями небольшой по численности боевой группы генерала Рокоссовского и левофланговыми подразделениями 19-й армии кольцо постоянно размыкалось, и в результате основные силы 16-й и 20-й армий и части 19-й армии вырвались из окружения. Подвиг стойкости в эти дни совершили бойцы и командиры сводного отряда под командованием подполковника И. К. Лизюкова. Усиленный пятнадцатью танками, отряд удерживал переправу через Днепр у села Соловьёва и не позволял противнику ликвидировать коридор, по которому шли колонны войск, отходящих из-под Смоленска. Немцы пытались организовать здесь такой же классический “котёл”, как и под Минском. На этот раз у них ничего не вышло. Хотя часть войск всё же оказалась в окружении.

Войска Западного фронта с 21 по 31 июля потеряли 105 723 человека. Армия Конева 18 248 человек; из них убитыми около 4 000 человек, пропавшими без вести около 8 000 человек и около 6 000 — санитарные потери.

Сейчас много спорят, принесло ли Красной Армии Смоленское сражение июля-августа 41-го года пусть не победу, но хоть какие-то реальные результаты. И реальные результаты, и победы сражение на Смоленской дуге, конечно же, принесло. Правда, при этом, унесло много жизней. Но таяла и германская армия! И немцы оказались более чувствительными к потерям. Герман Гот в своих мемуарах, рассказывая о летних боях под Смоленском, признаётся, что в штабе 3-й танковой группы считали 19-ю армию разгромленной, что после боёв под Витебском она уже не в состоянии собраться в сколько-нибудь реальную силу. Но на новом рубеже под Ярцевом и Духовщиной его танки снова были встречены дивизиями и подразделениями 19-й армии. “... обстановка развивалась не так, как предполагали в штабе 3-й танковой группы, — вспоминал немецкий генерал, летом 41-го пытавшийся истребить армию генерала Конева. — Все данные указывали на то, что противник не намерен использовать преимущества, которые предоставляют ему

обширные просторы страны, а наоборот, несмотря на понесённые потери, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы контрударами и упорным сопротивлением на оборонительных рубежах остановить вторжение в его страну”.

Первым городом, отбитым у наступающих германских войск прекрасно спланированной и столь же блестяще проведённой масштабной контратакой, был городок Ярцево Смоленской области. Это произошло 19 июля 1941 года. В наступлении участвовала часть сил 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова и 44-го стрелкового корпуса комдива В. А. Юшкевича. Затем Ярцево снова было захвачено противником, а потом снова отбито, и так несколько раз городок переходил из рук в руки.

Впервые на востоке немцы явно почувствовали, что их железная кобыла не везёт именно здесь, под Смоленском.

16 августа Конев доложил в штаб Западного фронта план Духовщинской операции. Военный совет фронта идею наступления утвердил. Действия 19-й армии были частью фронтовой операции, разработанной штабом маршала Тимошенко. Одновременно с наступлением в районе Духовщины войска Резервного фронта под командованием генерала Жукова проводили Ельнинскую наступательную операцию. Обе они закончатся в сентябре примерно при одинаковом количестве потерь с обеих сторон. Потери будут большими. Немцы уступят Ельню, Ярцево, Батурино и другие населённые пункты. Продвижение фронтов окажется незначительным. Немцы удержат оборону, но потеряют нечто большее — уверенность в том, что война в России завершится, как обещал фюрер, быстро и триумфальной победой в Москве. Под Ельней и Духовщиной Красная Армия впервые в этой войне не просто контратаковала, а наступала, освобождая территорию, захватывая важные коммуникационные узлы и опорные пункты и нанося противнику значительные потери в живой силе и вооружении.

Основная роль в наступлении войск Западного фронта в районе Духовщины и Ярцевских высот предназначалась двум армиям: 19-й и 30-й генерал-майора В. А. Хоменко. Обе армии имели по три стрелковых дивизии, что примерно приравнивалось к корпусу. Следует заметить, что немецкий пехотный корпус по численности превосходил армию генерала Конева периода боёв под Духовщиной в августе—сентябре 41-го примерно вдвое.

Севернее наступала 29-я армия генерал-лейтенанта И. И. Масленникова. Южнее действовали 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и 20-я генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, прикрывая район Ярцева и днепро-повские переправы.

Немцы в это время имели перед фронтом 19-й и 30-й армий следующую группировку: до трёх пехотных и одну танковую дивизию. Одна мотодивизия находилась во втором эшелоне в качестве резерва.

Боевой приказ командующего войсками Западного фронта № 01 от 15 августа 1941 года маршала Тимошенко, в частности, предписывал: “...концентрическим ударом 30 и 19 армий в общем направлении Духовщина окружает и уничтожает духовщинскую группу пр-ка и выходит своим центром на рубеж Старина, Духовщина, Ярцево”. На рассвете 16 августа кавалерийская группа Доватора смяла редкие боевые охранения немцев и пошла по тылам, уничтожая тыловые объекты и базы снабжения в районах Велиж, Демидов, Духовщина.

Состав 19-й армии в день наступления был таков: 166-я, 91-я, 50-я, 64-я, 89-я, 162-я стрелковые и 101-я танковая дивизии. Армию поддерживала с воздуха 43-я смешанная авиадивизия, три гаубичных артиллерийских полка, две батареи “катюш”, артполк ИТО, инженерные части.

Утром 17 августа, оставив на фронте Потелица—Приселье усиленную 162-ю стрелковую дивизию, Конев бросил свои дивизии в атаку.

Это было второе наступление на Духовщину на Смоленском направлении. Первое, начавшееся 8 августа, ощутимых результатов не дало. На отдельных участках войска продвинулись до десяти километров и вынуждены были перейти к обороне. Бои отличались особым упорством и ожесточением. Поэтому главным их итогом стали огромные потери с обеих сторон.

Конев впервые именно здесь почувствовал себя командующим армией на войне. Войска удалось развернуть в боевой порядок, наладить связь и взаи-

модействие артиллерии, танков и пехоты, подтянуть тылы и обеспечить подвоз. Теперь он чувствовал, как дивизии и полки перемещаются в соответствии с указаниями штабов, как штабы реагируют на изменение обстановки. Сказать, что командарм часто бывал в войсках, на передовой, — это отделиться банальной расхожей фразой, которая, пожалуй, подходит к большинству военачальников. Но для Конева НП командиров дивизий, полков и даже батальонов станет местом постоянного живого общения.

Когда он к полудню вернулся в свой штаб в село Вадино, ему тут же доложили: оборона противника прорвана сразу на нескольких участках, в местах прорыва части первого эшелона имеют продвижение до десяти километров, захвачены богатые трофеи.

В эти дни фельдмаршал фон Бок записал в своём дневнике: “9-я армия докладывает, что противник ворвался в расположение наших войск на левом крыле VIII корпуса. 161-я дивизия истекает кровью и находится на пределе возможностей”. На следующий день, 20 августа, командующий группы армий “Центр” снова с беспокойством подводит результаты первых трёх суток боёв: “Прорыв на фронте 161-й дивизии оказался настолько серьёзным, что Гот, который временно принял на себя командование 9-й армией из-за болезни Штрауса, вызвал на подмогу свои последние резервы — 7-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии”.

Конев получил данные авиаразведки: из тыловых районов, где противник держал свои резервы, к фронту движутся колонны войск и бронетехники. Тут же на танкоопасных участках созданы противотанковые районы. Дороги, переправы и броды минированы, переброшены резервы противотанковой артиллерии. Контрудар немцев натолкнулся на заранее подготовленную оборону.

До сих пор некоторые исследователи, говоря о Смоленском сражении 1941 года, продолжают утверждать, что немцы в тот период не располагали танками, что танковые группы были направлены на север и на юг, чтобы помочь сдвинуться с места двум другим группам армий, которые тоже были остановлены контратаками и упорной обороной Красной Армии. Но ведь танками в вермахте располагали и некоторые пехотные дивизии. Кроме того, моторизованный разведбат каждой немецкой пехотной дивизии имел бронетранспортёры и лёгкие танки. А тут — целая дивизия, 7-я танковая.

Немцы подтянули свои резервы, произвели перегруппировку и контратаковали. Бой произошёл 20 августа возле деревень Задняя и Потелица. Местами немцам удавалось прорваться через линии 19-й армии. Группы танков углублялись в тыл. Но тут их встречали на новых рубежах огнём противотанковых пушек, связками гранат, бутылками с зажигательной смесью. Брешь, пробитые танковыми атаками, тут же заделывали резервами, огнём артиллерии и штурмовой авиации. Вечером бой затих. Немцы отошли. В предполье перед окопами первой линии противник оставил 37 танков и бронетранспортёров, сотни трупов солдат. За три дня непрерывных боёв перед позициями 19-й армии противник потерял около 80 танков. Данные взяты из донесений штаба армии штабу Западного фронта. Правда, в приказ Военного совета Западного фронта № 03/ОП, который в те дни зачитывали в войсках, значится другая цифра немецких потерь — 130 танков. Что ж, надо понимать: приказ о первых значительных победах должен был воодушевлять войска на новые победы, формировать в каждом бойце и командире личное мужество и уверенность в том, что врага можно бить в каждом бою. В своих воспоминаниях маршал Конев, рассказывая о боях на Смоленской дуге, повторяет эту цифру, правда, со ссылкой на вышеназванный приказ: “...войска 19-й армии в этих боях уничтожили 130 танков, много орудий и миномётов, враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. Дни лёгких побед врага уже миновали”, — такой был вывод”. И далее: “Я привожу эти выдержки из приказов как подтверждение того, что советские войска в июле—августе 1941 года не только выдержали натиск врага на московском направлении, но и нанесли ему серьёзные ответные удары. Хотя немецко-фашистской группе армий “Центр” и удалось за эти два месяца продвинуться на восток до Днепра на 170 километров, но это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских

войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля и снизили темпы его наступления до 6—7 километров вместо планировавшихся 30 километров в сутки. Группа армий "Центр" была вынуждена перейти к обороне".

Оборону, однако, немцы держали прочно. 22 августа Гальдер записал в своём дневнике: "9-я армия отразила перед своим фронтом сильные атаки противника. Серьёзные потери понесла 7-я танковая дивизия (30 танков потеряно безвозвратно)".

Безвозвратная потеря танка означало только одно: он повреждён настолько, что отремонтировать его, даже в тылу, в заводском цеху, невозможно — сожжён или взорван, и его разнесло на части.

Читая приказы штаба армии и боевые донесения тех дней, сразу обращаешь внимание на характер и стилистику боёв, в которых уже чувствовался определённый почерк и оперативное искусство командующего. Массирование огневых средств на участке прорыва. Использование полковой артиллерии во время наступления пехоты, ведение огня с открытых позиций прямой наводкой в тот момент, когда батальоны уже поднялись и пошли, а огневые точки противника вдруг начинают оживать. Вот тут-то и необходимо было подавлять их огнём миномётов и лёгких 45-мм пушек, которые, по приказу командарма, должны были передвигаться вперёд вместе с боевыми порядками рот и батальонов. Среди приказов есть довольно жестокие: Конев приказывал беспощадно расправляться с теми командирами и начальниками, которые не используют малокалиберную и полковую артиллерию и тем самым ставят под губительный удар противника стрелковые подразделения.

Впоследствии маршал вспоминал о тех боях:

"Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовицкой. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию придет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Западного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия. Подбито было 113 танков врага. Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15—16 километров и уже были на подступах к Духовице. К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он заинтересовался итогами наступления и спросил: "Не сумеете ли вы взять Духовицу? В Духовице находится штаб 9-й немецкой армии". Я ответил: "Немец оказывает бешеное сопротивление, все время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная". Тогда Сталин спросил: "А вы можете обстрелять Духовицу из артиллерии?" Я ответил: "Могу. Духовица находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнобойной армейской артиллерии". "Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовицу и будете непрерывно держать ее под огнём". Я принял к исполнению этот приказ".

В эти дни в газетах и сводках Совинформбюро публиковалось много материалов и сообщений об удачных действиях 19-й армии. В августе—сентябре из Москвы в 19-ю армию прибыл писательский десант: М. Шолохов, А. Фадеев, Е. Петров. Эта встреча известных писателей с генералом Коневым и его солдатами впечатлила и тех и других. Вскоре в журнале "Огонёк" появился очерк Евгения Петрова. Михаил Шолохов написал несколько очерков: "По пути к фронту", "Первые встречи". Многие впечатления и наблюдения, привезённые Шолоховым из поездки под Духовицу, впоследствии легли эпизодами, стали основой характеров героев романа "Они сражались за родину", рассказов "Наука ненависти" и "Судьба человека".

Встреча генерала и писателей запечатлена на известной фотографии.

Маршал вспоминал неожиданный приезд писателей так:

"Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочки войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разде-

лить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве”.

В книге “Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества”, составленной Т. Кузнецовой, запись за август–сентябрь 1941 года самая подробная:

“1941, конец августа — начало сентября

С командировочным предписанием № 239 и пропуском № 27224/89 полковой комиссар М. А. Шолохов вместе с бригадным комиссаром А. Фадеевым и старшим батальонным комиссаром Евг. Петровым прибыл на Западный фронт, в расположение штаба 19-й армии, которой командовал Конев, в 229 дивизию генерала Козлова. В сосновых лесах восточнее деревни Вадино, в трех километрах от переднего края, во время боев под Духовицкой провел на боевых позициях несколько дней. Встречался в землянке с военкорами А. Бусыгиным, М. Штительманом, И. Котенко, Г. Кацем, А. Софроновым, А. Оленичем-Гипененко. Беседовал с лейтенантом Наумовым, сержантом Беловым и бойцом А. Недзельским. Опубликовал в № 100 солдатской газеты 19-й армии “К победе” статью “Пленные”. Присутствовал при допросе Вернера Гольдкампна, немецкого ефрейтора. (Статья была написана по свежим следам этого допроса).

Из воспоминаний И. Котенко, бывшего сотрудника армейской газеты “К победе”: “...К нам, армейским газетчикам, Михаил Шолохов и Александр Фадеев зашли на второй или третий день пребывания в нашей армии. Было это недалеко от смоленской деревни Вадино. Ал. Бусыгин (он дружил с писателями) попросил их написать что-нибудь для газеты. <...>

Уже к концу второго дня у секретаря редакции Михаила Штительмана лежали готовые статьи. Особенно заинтересовали “Пленные” Шолохова. О героизме советских солдат мы и сами писали, а вот о военнопленных не довелось...” (Котенко И. На главном направлении).

Софронов А. В. “...Осень 1941 года. В ту пору я находился в одном из московских госпиталей. Помнится, ко мне в госпиталь приезжали мои друзья, с которыми мы вместе служили в газете 19-й армии “К победе”. Друзья рассказывали о приезде в нашу редакцию Михаила Шолохова, Александра Фадеева и Евгения Петрова. Они в подробностях передавали долгие беседы с нашими армейскими журналистами, среди которых было и несколько ростовских писателей. Таким образом, Михаил Александрович хорошо знал обстановку, сложившуюся осенью 1941 года на Западном фронте” (Софронов А. В. Шолоховское. М.: Современник, 1973).

Солдатам передовой линии фронта М. А. Шолохов подарил томик романа Л. Толстого “Война и мир” с надписью:

“Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом.

До встречи в Берлине!

Ваш М. Шолохов”.

Там же, в шолоховской летописи, говорится о том, что по приезде с фронта в Москву Шолохов передал Сталину записку:

“Дорогой тов. Сталин!

Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны.

Прошу принять меня.

М. Шолохов.

2 сентября 1941 г.”

Состоялась ли встреча, о которой просил прибывший из-под Духовицны писатель, неизвестно. В списке посетителей кремлёвского кабинета Сталина Шолохов не значится.

Конев любил писателей. Боготворил их труд. Умел с ними дружить, и это качество сохранил на всю жизнь. До последних дней был страстным книголюбом. Толк в литературе знал. И обе дочери его, Майя и Наталия, получают филологическое образование и посвятят свою жизнь русскому языку и литературе.

А тогда, в конце августа под Духовицкой, его обрадовала встреча с товарищем юности Александром Фадеевым, которого он знал ещё комиссаром партизанской бригады Александром Булыгой, знакомство с автором “Тихого

Дона" и "Поднятой целины" Михаилом Шолоховым, одним из авторов "Золотого телёнка" Евгением Петровым. Судя по очеркам, фронтовым зарисовкам и статьям, знакомство с командармом на писателей произвело такое же доброе впечатление.

Но на этот раз пишущая братия явно перестаралась. Главный редактор газеты "Красная звезда" Давид Ортенберг любил рассказывать в редакции вот какой случай. Когда войска Западного и Резервного фронтов контратаковали ельнинскую и духовщинскую группировки немецких войск, по командировке "Красной звезды" на этот участок фронта были направлены несколько бригад корреспондентов и писателей. Наступление шло успешно. Начиная с 20 августа в газете каждый день стали появляться статьи и корреспонденции примерно под такими заголовками: "Успешные бои частей командира Конева", "Новые успехи частей командира Конева", "Части командира Конева продолжают развивать успех". Случались дни, когда в один номер завёрстывали по два материала: "Части командира Конева продолжают громить врага" и "Славные коневцы разгромили вражескую дивизию". Так продолжалось до 28 августа. В своей книге "Июнь—декабрь сорок первого" Ортенберг так и напишет: "28 августа. Этот день мне запомнился..." Накануне в "Красной звезде" вновь прошёл развёрнутый материал, в котором сообщалось: "Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками Западного направления маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанесших крупное поражение врагу". Приказ маршала Тимошенко, разумеется, лёг и на стол Сталину. Приказ завершали слова: "Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте наступление!" Бдительный редактор Ортенберг, вычеркнул номер армии и написал: "...частей командира Конева". Дело в том, что существовало предписание, согласно которому в печати и в радиосообщениях допускалась необходимая редакция для соблюдения режима секретности.

Ортенберг: "Все это, надо полагать, было понятно читателю. Если что и было неясным, так эти самые "командир Конев", "части командира Конева". Что это? Дивизия, корпус, армия, фронт? И кто такой этот самый таинственный командир Конев? Майор, полковник, генерал? Зашифровывали Конева и его армию, понятно, в целях сохранения военной тайны, хотя я не очень был уверен, что немецкая разведка не знала, кто именно воюет под Духовщиной. (...)

Кстати, сам Конев, конечно, знал, почему мы не обозначали его чин, армию, и все же спустя некоторое время, когда мы вновь встретились, он в шутиливой форме мне напомнил, поздоровавшись: "Командир Конев!" Больше того, в середине 1944 года, когда я служил начальником политотдела 38-й армии, входившей в состав 1-го Украинского фронта, и вновь встретился с командующим фронтом Коневым, теперь уже маршалом, он, вспомнив, вероятно, мой приезд к нему в 19-ю армию и публикации "Красной звезды", не без подначки весело сказал:

— Что, будем вместе служить в частях командира Конева?..

Вернусь, однако, к событиям августа сорок первого года. Итак, мы продолжали день за днём освещать ход сражения 19-й армии. (...) Всё как будто правильно. Но 28 августа на моём редакторском столе зазвонил кремлевский телефон. Меня предупредили:

— Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Поздоровавшись, Сталин произнёс всего одну фразу:

— Довольно печатать о Коневе.

И повесил трубку.

Можно представить себе мое изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева "всё в порядке". Кинулся в ГлавПУР. Там сразу не смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и всё объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на "Красную звезду", чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать её за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда ещё не

было. В то время когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепронетровск, Новгород, Таллин, Гомель...”

Маршал Рокоссовский в своих послевоенных мемуарах оценивал бои на Смоленской дуге более скромно.

Обычно результаты боёв принято оценивать цифрами потерь. 19-я армия в августе–сентябре 41-го здесь, на Ярцевских высотах и на позициях по рекам Воиь, Лойня и Царевич отдала за каждого убитого немецкого солдата почти пятерых своих. Но в этих боях, не только армиями Западного и Резервного фронтов, но и всей Красной Армией было добыто иное: в войсках появилась уверенность в собственных силах. Именно в этих боях, под Ельней, родилась советская гвардия. Поколебленный в ходе летних боёв боевой дух Красной Армии был восстановлен и впредь возрастал от сражения к сражению, от битвы к битве.

23 августа немцы сделали ответный ход: на северном участке группа армий “Центр” атаковала позиции 22-й армии генерала Ершакова. Спустя двое суток были захвачены Великие Луки. 29 августа немцы овладели Торопцом.

Тем временем 19-я, 30-я и 29-я армии Западного фронта продолжали атаковать. Одновременно Резервный фронт 30 августа начал Ельнинскую наступательную операцию, успешно завершив её 6 сентября взятием Ельни. Противник был вынужден оставить ельнинский выступ.

Фон Бок уже не мог так свободно маневрировать резервами, потому что их попросту не осталось. 26 августа он сделал запись в дневнике: “Гот, временно занимающий пост командующего 9-й армией, давая оценку сложившемуся положению, упомянул о больших потерях, которые понесла его армия в оборонительных сражениях, и сказал, что, если ситуация не изменится, армии скоро придётся плохо”. В эти дни он предупредил командующего 4-й полевой армией фельдмаршала фон Клюге, что, если удержать Смоленск не удастся, 4-й армии также придётся отступить.

Но и Западный фронт исчерпал свой наступательный ресурс. Все резервы были буквально сожжены в гигантской топке под названием Смоленская дуга. 10 сентября пушки под Смоленском начали остывать. Ставка приказала фронтам прекратить наступление.

Удачные действия командарма-19 были замечены и по достоинству оценены в Ставке.

11 сентября Сталин назначил маршала Тимошенко командующим Юго-Западного направления. Там, в районе Киева, назревали крупные события. Маршал Будённый назначался командующим войсками Резервного фронта. А на Западный, по предложению генерала армии Жукова, решено было назначить командарма, особо отличившегося в ходе Смоленского сражения — командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Конева с присвоением ему звания генерал-полковник.

Сталин понял: для того чтобы выстоять в войне и победить, на высших командных должностях в действующей армии нужны другие люди. Армия нуждалась в других маршалах, способных быстро реагировать и мыслить на поле боя иначе. Других маршалов у Сталина в то время не было. Но были другие генералы. И он начал искать их и находить в войсках, продвигать и даже опекать, зачастую прощая серьёзные ошибки в надежде на то, что завтра они, его молодые генералы, наученные опытом летних боёв, принесут ему победы, которые и определят ход войны, а затем и её финал.

На огромном фронте, протянувшемся от Балтийского моря до Чёрного, прихотливые пути истории свели именно здесь, под Смоленском, троих генералов, которые впоследствии станут символами победы в Великой Отечественной войне. В середине августа генерал-лейтенант Рокоссовский возглавил 16-ю армию. Когда сосед справа, 19-я армия, атаковала на Духовщину на Смоленском направлении, 16-я армия наступала на Ярцево на том же направлении. Генерал армии Жуков тем временем будет выполнять приказ Ставки по ликвидации Ельнинского выступа. Через несколько лет они, все трое, получат маршальские погоны и закончат войну командующими войсками основных фронтов. Три маршала — три богатыря Красной Армии.

(Продолжение следует)

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ II

Глава четырнадцатая

ГИБЕЛЬ ФРОНТОВ. ВЯЗЬМА — ОКТЯБРЬ 41-ГО

“Жёсткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника...”

Наверное, это был самый сложный, самый трагичный период в истории Великой Отечественной войны. Да и в жизни Конева тоже. Немецкие танковые клинья, прорвавшие линии обороны наших войск и смявшие, разметавшие за несколько суток в жесточайшей схватке армии обоих наших фронтов, Западного и Резервного, оказались в нескольких десятках километров от пригородов Москвы. Командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева, допустившего серьёзные просчёты в ходе боёв на Ржевском и Вяземском направлениях и фактически утратившего связь с рассечёнными на части и окружёнными армиями, обречёнными на уничтожение, ожидала участь генерала Павлова.

Однажды кто-то из иностранных журналистов во время интервью, об итогах Берлинской операции, когда танки 1-го Украинского фронта первыми ворвались в столицу фашистской Германии, спросил маршала, что, видимо, эти события и были *высшей точкой его военной судьбы...*

Окончание. Начало см. в №5 за 2012 год.

— Нет, — ответил маршал. — Какая же это высшая точка? Высшая точка моей военной судьбы — это Москва, Московское сражение, когда терпели поражение от немцев, потом погнали их от Москвы.

Вышей точкой судьбы, таким образом, для Конева были не успех, не слава, а ответственность, исполнение долга на грани невозможного. Дни жесточайшего противостояния, когда именно на подмосковных рубежах решалось, кто кого.

Окрылённый относительным успехом под Духовицкой, внеочередной звездой в петлицы и новым назначением, Конев принялся готовить свои армии и соединения к предстоящим боям.

На центральном участке советско-германского фронта установилось временное затишье.

По плану “Барбаросса” немецкие войска должны были войти в Москву 1 октября.

Ещё 4 августа Гитлер прилетел в Борисов, в штаб группы армий “Центр” и провёл там совещание. Фюрер слушал доклады своих фельдмаршалов и генералов, командующих армиями и танковыми группами и решал с ними главный вопрос: где, на каком участке Русского фронта сосредоточить основные усилия — наступать на Москву или вначале всё же взять Киев? Он заявил:

— Я рассчитывал, что группа армий “Центр”, достигнув рубежа Днепр—Западная Двина, временно перейдет здесь к обороне, однако обстановка складывается так благоприятно, что нужно ее быстро осмыслить и принять новое решение. На втором после Ленинграда месте по важности для противника стоит юг России, в частности, Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских... Поэтому операция на юго-восточном направлении мне кажется первоочередной, а что касается действий строго на восток, то здесь лучше временно перейти к обороне.

Экономической концепции войны воспротивился главный на тот момент оппонент Гитлера фон Бок. Командующий группой армий “Центр” хорошо понимал, что главная цель — разбить русские армии, истребить Красную армию как таковую — ещё не достигнута. Русские ускользнули и из-под Минска, и из-под Смоленска, что ничего не даст и поворот танковых групп на юг и на север. Фон Бока и его сторонников из числа фронтовых генералов, реально оценивавших обстановку, беспокоило, кроме вопросов тактики, главное: пока Красная армия не разбита, продвигаться вглубь России опасно; необходимо навязать противнику, его основным силам решающее сражение. Основные же силы русских, по данным разведки, концентрировались на фронте группы армий “Центр”.

— Наступление на восток в направлении Москвы будет предпринято против основных сил противника, — заявил фон Бок. — Разгром этих сил решил бы исход войны.

“Тайфун”, по замыслу немецкого командования, должен был стать завершающей стадией “Барбароссы”. План “Тайфуна”, разработанный штабами с особой тщательностью, учитывал, казалось, всё. Но этой операции, грандиозной по своим масштабам и массе вовлечённых в неё войск, количеству боевой техники и вооружения, история уготовила иную судьбу.

Немецкая группировка насчитывала 1 800 000 солдат и офицеров. Их вооружение: более 14 000 орудий и миномётов, 1 700 танков. В ближних тылах для обеспечения группировки, изготовившейся к броску на Москву, были сосредоточены многочисленные склады с боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами и обмундированием. 2-й воздушный флот — 1 290 самолётов различных типов — занял наиболее удобные аэродромы и базы. Некоторые зарубежные историки называют цифры, которые значительно выше общепринятых. К примеру, американский исследователь Второй мировой войны Дэвид Гланц утверждает, что в последний и решающий бой на Москву Гитлер послал своих солдат, вручив им 3 350 танков и

2 770 самолётов. С учётом трофейной техники и вооружения, а также частей, формально принадлежавших в этот период группам армий “Север” и “Юг”, по действовавших в полосе наступления центральной группировки, возможно, так оно и было. Получив в распоряжение такой ресурс, равного которому за всю историю войн не имел ещё ни один военачальник, фон Бок, до этой поры довольно осторожный, готов был броситься вперёд даже с открытыми флангами. Ему казалось, что такую махину не остановит никто. Разведка подогревала его мечты: главная группировка советских войск стоит непосредственно перед ним, а дальше — пустота.

Читая немецкие документы того периода и дневники фон Бока, Гальдера, Гудериана, воспоминания офицеров, командовавших в период московских боёв полками, батальонами и ротами, а также рядовых солдат вермахта и СС, невольно приходишь к мысли о том, что все они не вполне отдавали себе отчёт, с кем имеют дело.

Гигантской группировке фон Бока, которой предстояло исправить историческую ошибку Наполеона, а именно — разбить русские войска и с триумфом войти в Москву, — противостояли три фронта: Западный (генерал-полковник Конев), Резервный (маршал Будённый) и Брянский (генерал-полковник Ерёменко).

По данным Института военной истории, силы советских фронтов насчитывали 1 250 019 человек.

В центре обороны стояли армии Конева. Их было шесть: 16-я (генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский), 19-я (генерал-лейтенант М. Ф. Лукин), 20-я (генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков), 22-я (генерал-майор В. А. Юшкевич), 29-я (генерал-лейтенант И. И. Маслеников), 30-я (генерал-майор В. А. Хоменко).

Армии к тому времени стали небольшими. Согласно решению Ставки, к осени практически был завершён переход к системе небольших армий в пять, максимум шесть дивизий без корпусных управлений. По штату от 29.07.41. дивизии, в свою очередь, тоже были уменьшены почти на 30% и теперь имели в своём составе 11 634 человека. К 17 сентября из стрелковых дивизий изъяли вторые артполки. В распоряжении командира дивизии для огневой поддержки полков оставался один артполк при 16 орудиях калибра 76 мм и 8 — 122 мм. Сократилось также количество автомобильного и гужевого транспорта. Таким образом, к началу осеннего немецкого наступления на Москву советская стрелковая дивизия, укомплектованная по полному штату, в полтора раза уступала немецкой пехотной по всем основным показателям, а по орудиям и миномётам в 2,1 раза.

Кроме того, многие дивизии с августа практически не выходили из боёв, проводя частные наступательные операции, и не имели даже сокращённого штата.

Когда Конев объехал свои войска и на месте ознакомился с обстановкой, когда воочию увидел то, о чём докладывали командармы, — растрёпанные в летних боях дивизии, маршевые роты, поступающие из тыла необученными и безоружными, когда батальонами командуют лейтенанты, на взводах в лучшем случае сержанты из резервистов, многие бойцы не знают материальной части виштовки, не хватает специалистов — пулемётчиков, миномётчиков, артиллеристов, — в общем, когда новый комфронта понял, на какое хозяйство его определила Ставка и судьба, с присущей ему энергией принялся наводить порядок. Уже 19 сентября был издан приказ по фронту о переходе на сокращённые штаты и полном укомплектовании подразделений. Приходилось идти на самые радикальные меры, чтобы повысить боеспособность войск. К примеру, были расформированы 170-я и 98-я стрелковые дивизии, а их остатками и матчастью доукомплектовали дивизии 22-й армии, нуждавшиеся в пополнении и оснащении.

“Мне было ясно, что войска Западного фронта ослаблены, — вспоминал маршал, — имеют недостаточную численность, были полки, которые насчитывали всего 120 человек, в некоторых дивизиях осталось по 7–8 орудий. Мы испытывали недостаток в артиллерии, в противотанковых средствах, даже бутылок с горючей смесью не хватало, а в то время они были основным

средством борьбы с танками. Были и такие части, где недоставало стрелкового оружия. К моменту, когда я принял фронт, запасный полк, например, совсем не имел винтовок. Дело не в том, что кто-то этого не предусмотрел, а в том, что немцы разгромили ряд складов, находившихся на территории Белорусского военного округа, и оружие приходилось доставлять с центральных складов, которые были от Москвы на большом удалении”.

14 сентября 1941 года Сталин срочно вызвал Конева в Ставку. Новый комфронта прервал свою поездку по подразделениям и прибыл в Москву.

Конев: “Встреча со Сталиным происходила в присутствии членов Государственного Комитета Обороны. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск. Однако в ходе дальнейшей беседы обсуждению подвергся ряд вопросов, непосредственно не относившихся к фронтовым делам, — это были общие вопросы строительства Советской Армии. Обсуждался также вопрос о награждении командиров орденами, не следует ли создать отдельные ордена для командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также офицерского состава. Сталин спросил, как я смотрю на то, чтобы установить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и присутствовавшие члены Государственного Комитета Обороны. Сталин тут же поручил начальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулёву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Советской Армии”.

Эти воспоминания маршал надиктовал уже после написания “Записок командующего фронтом”. Прошли годы, миновали времена, и уже стало возможным кое-что (пока ещё немногое) осмыслить по-новому. И неважно, что, видимо, по инерции маршал называет Красную армию Советской Армией. Суть в другом.

Самое тяжкое своё поражение Конев испытал именно тогда, под Москвой, когда ему был передан Западный фронт.

Конечно, когда только что назначенного на должность комфронта, прибывшего с передовой, где не хватало винтовок и бутылок с горючей смесью, в Ставке начали спрашивать, что он думает по поводу учреждения орденов Суворова и Кутузова, ему, обескураженному, ничего другого не оставалось, как отвечать по существу заданного вопроса. И надеяться на то, что разговор всё же вернётся к более насущному.

Но: “Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки”.

Конев вернулся в штаб фронта в Касню. На душе было беспокойно. Начальник штаба фронта генерал Соколовский тут же подал донесения авиационной и агентурной разведки: противник, прикрываясь вялыми действиями на фронте своей обороны, производит активную перегруппировку в своём тылу; установлен подход к фронту новых частей, в том числе танковых и моторизованных, в частности, в районе Духовицкы на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня—Кардымово и на левом крыле 20-й армии. Армейская и дивизионная разведка подтверждала эти данные.

В ту же ночь штаб подготовил директиву для командармов: активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки на всех участках; действовать сильными разведотрядами, главным образом ночью; держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовывать работу штабов; уточнить группировку противника, стыки подразделений, резервы перед фронтом армий.

Конев-мемуарист очень деликатен. Нет в его книгах попытки перевоевать какое-то сражение или бой задним числом и навязчивой идеи поиска виновных. Вот и здесь он словно бы мимоходом говорит о создании прочной обороны *с выводом войск в резерв*. Что это означало? А означало это то, что войска обучались маневру отступления, отходу на резервные позиции. Второе: как бы ни было тяжело на передовой, но командиры частей и соединений получили приказ комфронта создавать собственные резервы, и резервы

создавались. Вскоре это поможет некоторым дивизиям и полкам вырваться из окружения с минимальными потерями, более успешно действовать во время обороны и в момент прорыва.

Имел некоторый резерв и командующий: дивизии, которые были особенно ослаблены и пуждались в пополнении и вооружении, он приказал вывести во второй эшелон и пополнять их по мере поступления из тылов маршевых подразделений. Вооружали их тем, что поступало из оружейных и артмастерских, а также передавали новую технику, винтовки и автоматы, выделенные Ставкой для оснащения и усиления Западного фронта. Основные грузы, обещанные фронту — пушки, гаубицы, миномёты, грузовики, пулемёты, автоматы, винтовки, гранаты и бутылки с КС, — как говорят военные, с прибытием задерживались.

Поскольку новой техникой и вооружением поступало мало, Конев приказал отремонтировать и поставить в строй всю покалеченную, но вывезенную с поля боя технику, особенно танки и артиллерийские орудия, миномёты. Ремонтировалось и стрелковое вооружение. Особенно не хватало пулемётов — чтобы перекрыть надёжным огнём особенно беспокойные и опасные участки обороны.

Конев: “Несмотря на принятые меры, плотность обороны и в противотанковом отношении, и в артиллерийском была явно слабой. Ощущался острый недостаток стрелкового вооружения”.

В конце семидесятых годов в одной из деревень, входившей в 41-м году в Смоленскую область, мне удалось отыскать бывшего старшину, воевавшего под Вязьмой и попавшего там в плен. Ефим Трифонович Половой осенью 41-го года призывался уже на четвёртую войну. Сейчас бы такого назвали профессиональным солдатом. Таковым он по существу и был. На призывной пункт он прибыл в форме, в которой полгода назад прибыл из Западной Белоруссии. Затем, когда из запасного полка их маршевый батальон прибыл на передовую, он, кроме кадровых офицеров, командиров рот, был единственным, кто имел военную форму. Возможно, именно поэтому ему дали винтовку. Большинство были вооружены винтовками старого образца, по три-четыре винтовки на отделение, из них половина учебные, с рассверленными патронниками. Когда стали приближаться к передовой, всем выдали по тридцать патронов, даже тем, у кого не было винтовок, и по три запала для гранат образца 1914 года. “Когда те запалы раздавали, — вспоминал Ефим Трифонович, — я спросил: а где же, мол, гранаты? Там, сказали, на передовой, там и гранаты, и винтовки, и пулемёты. На передовой, сказали, всё получите. Получили...” А получил Ефим Трифонович 8 октября 1941 года контузию и осколок в бедро размером с ладонь, который ему вытащили уже в лагерьном лазарете. Чудом выжил в плену. Вернулся в свою родную деревню и всю жизнь вспоминал свой единственный бой под Вязьмой, который начался утром на рассвете 8 октября и закончился для него около полудня того же дня.

За неделю до немецкого наступления начальник Генерального штаба маршал Шапошников позвонил по “Бодо”:

Шапошников: — В связи с переходом вас к временной обороне Верховный Главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Конев: — Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование ещё не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

Шапошников: — Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев: — Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнев. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать её мотострелковой дивизией”.

Шапошников попросил охарактеризовать выделяемые дивизии: численный состав стрелковых полков и танкового полка 1-й мотострелковой ди-

визии. Как оказалось, он насчитывал 45 танков, правда, все танки старых образцов.

Любопытная деталь. Во-первых, диалог начальника Генштаба и комфронта демонстрирует проблему, которая в первый период войны буквально по рукам и ногам связывала командный состав Красной армии, — несамостоятельность в принятии тех или иных решений, полное отсутствие командирской инициативы. Шапошников действует как офицер по особым поручениям Верховного Главнокомандующего. Ни больше ни меньше. И во-вторых, Конев, хорошо понимая ситуацию и то, что отказать он не может, пытается затянуть сроки передачи дивизий. Можно предположить, что он ожидал: немцы ударят раньше, чем истечёт пятидневный срок. Затем, когда его дипломатия не удалась, делает ещё одну попытку хоть что-то выторговать: оставить ему 10-ю танковую, пополнить её и реорганизовать в мотострелковую.

Но в разговоре с маршалом Шапошниковым Конев отступает до определённого рубежа. Более того, несколько дней назад со смутной душой возвратившийся из Ставки, где ожидал много, более конкретного разговора о предстоящих боях, комфронта обрушивает поток информации на начальника Генерального штаба в надежде на то, что отреагирует хотя бы он, профессиональный военный.

Шапошников: — Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую, кроме 64-й, можете дать в резерв Ставки?

Конев: — Из стрелковых дивизий выделить больше ничего не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Пропшу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Всё, что могу сделать для их укомплектования, сделаю из внутренних ресурсов, по чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу. Ваши указания — побольше выделить резервов — сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулемётного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130—200 человек. Ваши указания приму к исполнению и всё, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но ещё стабильность не достигнута. Поэтому резервы на правом фланге иметь крайне необходимо, по сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой на направлении Иваньков на участке 22-й армии с тем, чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Пропшу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Всё”.

Беспокоило Конева и ещё одно довольно серьёзное обстоятельство. Армии Резервного фронта частично стояли слева, южнее Ельни, прикрывая район Снас-Демеска и Кирова по оси Варшавского шоссе. Взаимодействие с южным соседом было слабое. Успокаивало то, что значительная часть войск Резервного фронта стояла вторым эшелоном в затылок его дивизиям. Позже выяснится, что это не так...

Немцы атаковали 2 октября на рассвете. День “Т” начался мощной артподготовкой. Затем в наступление пошли танки и лёгкая бронетехника с пехотой. В небе повисла штурмовая и бомбардировочная авиация. Сразу по нескольким командным пунктам, в том числе и по месту расположения штаба Западного фронта, были нанесены бомбоштурмовые удары. Связь с некоторыми частями и соединениями нарушилась и не была восстановлена уже никогда, вплоть до окончательного их разгрома.

Вопреки ожиданиям, противник ударил в наименее защищённое место — в стык 30-й и 19-й армий. Вторым эшелоном, надёжно прикрывая стык, все эти дни напряжённо готовилась к обороне недавно сформированная 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина — полнокровные кадровые дивизии. Но буквально накануне начала операции “Тайфун” по приказу Генштаба армия почти в полном составе была снята с обустroенных и

пристрелянных позиций и начала грузиться в эшелоны для отправки на юг, в район Харькова.

3-я танковая группа Гота ударила из района севернее Духовщины и совместно с пехотными дивизиями 9-й полевой армии Штрауса повела наступление на Сычёвку, явно угрожая правому, внезапно оказавшемуся открытым флангу 19-й армии Лукина. Танковый клин начал охватывать Вязьму с севера, а затем, оттеснив и частично смяв войска 30-й армии Хоменко, и с северо-востока.

Исследователи вяземской катастрофы 1941 года говорят о том, что в полосе прорыва шириной до 16 километров, где стояла 162-я стрелковая дивизия и примыкавшие к ней — справа полк соседней 242-й стрелковой дивизии 30-й армии и слева полк 244-й стрелковой дивизии 19-й армии, — удар нанесла группировка, состоявшая из восьми дивизий.

Одновременно были атакованы порядки Резервного фронта на участке, прилегающем к Варшавскому шоссе. 4-я танковая группа при поддержке пехотных частей 4-й полевой армии, прорвав оборону войск маршала Будённого, вышла на шоссе. Часть сил ринулась к Юхнову, а часть начала загибать основание клина в сторону Спас-Деменска, охватывая Вязьму и всю группировку находившихся здесь войск с юга и юго-востока. Возникла реальная угроза окружения основных сил Западного и Резервного фронтов. Немецкий историк Пауль Карель в одной из своих книг, посвящённых походу Гитлера на Москву, об этом наступлении не без восхищения сказал: "Это был, наверно, самый выверенный план за всё время войны, и всё в нём работало как часы".

С атакованных участков командармы сообщали о прорыве и попытках латания брешей резервами и усиленным огнём артиллерии. С каждым часом положение становилось всё хуже.

19-я армия. Лукин сообщает о том, что обозначился прорыв на его правом фланге, на стыке с 30-й армией. Принял меры по воспрепятствованию охвата своего правого крыла, оказавшегося оголённым. Перебрасывает резервные части и артиллерию со слабо атакованных участков. "Связи с 30-й армией не имею".

30-я армия. Хоменко докладывает: противник силою до двух пехотных полков при поддержке большого количества танков и до 120 самолётов прорвал оборону 162-й и 242-й стрелковых дивизий. Полки дерутся изолированно. Противник наносит бомбовые удары по городу Белый и железнодорожной станции Канютино. "Прошу помочь авиацией фронта".

В 18.00 три группы пикирующих бомбардировщиков по 14—16 машин нанесли удар по командному пункту Конева в Касне. В налёте также участвовали бомбардировщики Ю-88, ими было сброшено несколько тяжёлых бомб весом 1 000 кг. Одной из таких бомб разнесло в щепки здание, в котором располагались оперативный отдел управления ВВС фронта и шифровальное отделение. Десятки убитых и раненых. Среди погибших 20 офицеров штаба, из них три полковника.

3 октября по приказу Конева Лукин и Ершаков (20-я армия) контратаковали частью своих сил на Сафоново и Красный Холм.

16-я армия. Рокоссовский докладывает о том, что его дивизии продолжают удерживать район Минского шоссе. Противник контратакован и отброшен на исходные. "Перед фронтом армии противник имел свыше двух ид в первом и до восьми ид в двух ид во втором эшелонах".

Рокоссовский твердил об этих танковых и пехотных дивизиях второго эшелона из сводки в сводку, и это сбивало с толку штаб. Главный же удар противник развивал севернее автостреды, в районе Холм-Жирковского. На фронте 16-й армии немцы лишь демонстрировали наступление, сковывая силы с расчетом, что противник не осмелится ослабить этот участок и перебросить силы в район прорыва. В своих мемуарах маршал Рокоссовский довольно сдержанно рассказывает об этих боях. Основное место в воспоминаниях о вяземской истории занимает описание того, как управление 16-й армии, получив приказ Конева, плутало по окрестностям Вязьмы, потом едва не попало под огонь немецких танков в самой Вязьме, а потом с боями пробивалось к Можайску.

Сведения, поступавшие от командармов, складывались в довольно противоречивую картину. Наметился явный прорыв в направлении на Белый и станцию Капютино. Но одновременно Рокоссовский настаивает на том, что вдоль Минского шоссе противник накопил во втором эшелоне огромное количество войск, и их состав и конфигурация построения свидетельствуют в пользу того, что это и есть главная ударная группировка.

Противоречивость сведений, неясность ситуации, а также, возможно, нерешительность комфронта способствовали тому, что вскоре поправлять положение оказалось почти невозможным.

Фронтные резервы по-прежнему находились в районах сосредоточения близ Вязьмы.

Утром 3 октября в 5.00 в штабы 19-й и 30-й армий ушёл приказ, согласно которому объединённая группировка этих двух армий, стык которых проломил бронированный конёк "Тайфуна", должна была произвести частичную перегруппировку и контратаковать прорвавшегося противника. Основная роль в намечавшемся контрударе возлагалась на фронтной резерв, сведённый в объединённую группировку. Командование этой группировкой Конев возложил на своего заместителя генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

Ударная группа состояла из одной стрелковой, одной кавалерийской и одной мотострелковой дивизии (69 танков), а также трёх танковых бригад, в которых насчитывалось 172 танка. Удар оперативной группы генерала Болдина должны были поддерживать войска 30-й армии.

Из донесений генерала Болдина, сохранившихся в архиве Министерства обороны РФ, видно, что наше командование, к сожалению, даже к исходу 3 октября не имело представления, насколько серьёзная угроза нависла над войсками и судьбой фронта. Болдин доносил в штаб фронта о "танковых группах силами 15 и 40 танков", прорвавших оборону 30-й армии и вышедших в район севернее Вязьмы. Реальность была в стократ (в буквальном смысле этого слова и этого числа) страшнее.

Части оперативной группы Болдина не смогли сосредоточиться для согласованного удара, а потому, выдвигаясь навстречу противнику, вступали в бой по мере соприкосновения с ним, то есть по частям, разрозненно. К тому же оперативная группа не располагала достаточным количеством противотанковой и зенитной артиллерии. Действовать пришлось одновременно на двух направлениях.

Немецкая разведка быстро определила состав и положение оперативной группы генерала Болдина. 4 октября на боевые порядки контратакующих частей обрушил всю свою мощь 8-й авиакорпус группы армий "Центр".

Тем временем генерал Лукин храбро и стойко отражал новые и новые атаки на своём фронте. Против него действовало до семи пехотных дивизий при поддержке 150 танков. Пока противнику не удалось пробить или опрокинуть порядки его дивизий. 5 октября 19-я армия продолжала удерживать свои рубежи к северу от Минского шоссе.

В этот же день, 4 октября, с южного крыла пришло известие, смысл которого потряс всех офицеров штаба Западного фронта: противник, частично смяв и рассеяв, а частично оттеснив войска 33-й и 43-й армий Резервного фронта, сделал глубокий прорыв в районе Спас-Деменск—Ельня.

И. С. Конев: "Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20-я, 16-я, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попала 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского".

И. С. Конев: "В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-й, 16-й и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но

не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по "Бодо" с пачальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на Гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на Гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30-й, 19-й, 16-й и 20-й армий".

Фразу Конева по поводу того, что Сталин выслушал его тревожный доклад, "но не принял никакого решения", историки потом интерпретировали как растерянность Верховного.

Что ж, возможно, Сталин на какое-то время растерялся. Но, как теперь стало известно, Сталин тут же позвонил Жукову в Ленинград:

— У меня к Вам только один вопрос, — сказал Верховный, — не можете ли сесть на самолет и приехать в Москву. Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах.

Директиву на отвод войск Конев получил только в ночь с 5-го на 6-е октября. Почти сутки Ставка думала, что предпринимать! А время — даже часы и минуты — работало в тот период не на Красную армию. Той же директивой Западному фронту передавались 31-я и 32-я армии. Но теперь они были не в помощь Военному совету фронта, теперь, когда предстояло отводить, снимать с позиций из-под носа, из-под огня противника, дивизии и отводить их под непрерывным обстрелом артиллерии, они были только обузой.

И. С. Конев: "Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона..."

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

"Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения... Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне* он писал, что "необученные войска не способны отступать, они могут только бежать". Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости, несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта... имели только конную тягу, то оторваться от противника войска были не в силах, так как преследование в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления — от Спас-Деменска.

В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19-й, 20-й и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и несение большие потери части группы Болди-

* "Севастопольские рассказы".

на. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска...

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма—Москва, не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делали. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство”.

К сожалению, и замедленная реакция Ставки и Генштаба на донесения Конева, и действия самого Конева в период Вяземского сражения 41-го года выстраиваются в цепь последовательных ошибок, результатом которых стало неминуемое — окружение армий, гибель, пленение сотен тысяч, катастрофа.

В 1966 году, к 25-летию битвы под Москвой, к печати готовился сборник воспоминаний её участников. По этикету тех лет основу книги должны были составлять тексты главных действующих лиц, т. е. маршалов и генералов. Так и получилось.

Представляю, как непросто было составителям: взять интервью, если герой по какой-либо причине не может написать воспоминания сам, литературно обработать их, а потом согласовать с другими участниками сборника, чтобы не случилось, не дай-то бог, нелепицы, когда один вспомнит о том, что было или чего не было, не так, как все остальные...

С особым вниманием Жуков читал статью Конева. В притухшую тонку соперничества двух маршалов обстоятельства бросили свежую охапку дров...

Жуков сделал ряд существенных замечаний. Первое: что Иван Степанович напрасно не включает в число окруженных 16-ю армию. И это справедливо: вне кольца оказалось только ее полевое управление во главе с Рокоссовским. Второе: Жуков отводил упрек Конева по поводу того, что “во всем виновата Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт”. Жуков настаивал: “...соотношение сил давало возможность вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае, избежать окружения и полного разгрома...”. Третье: Жукова буквально взорвала фраза Конева: “Бегать было некуда — сзади Москва”. “Как известно, — написал Георгий Константинович 15 августа 1966 года в своём письме в Воениздат, — сражение методом бегства не ведется. И тогда, когда назревает тяжелая обстановка (угроза окружения), опытный полководец должен отвести войска на тыловой рубеж, где вновь оказать врагу организованное сопротивление”. Четвёртое: на упрек Конева в адрес Резервного фронта, что “прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта”, автор письма, как мне кажется, справедливо возразил: “Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении — это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках”.

Что ж, эта история ещё раз убеждает нас в том, что с последними залпами война не заканчивается.

Не все упреки маршала Жукова маршалу Коневу состоятельны. Не все справедливы. К примеру, Конев совершенно прав, говоря об отсутствии роли Ставки и Генштаба в координации действий трех фронтов, прикрывавших московское направление, о том, что на сутки было задержано разрешение на отход войск Западного фронта. Ведь некоторым дивизиям, полкам, группам, да и просто одиночным красноармейцам и командирам нескольких минут не хватило для того, чтобы пройти мимо немецкого поста, выскольз-

путь по ещё свободному коридору из кольца, избежать смерти, плена и вечного клейма пропавшего без вести.

Очень противоречивыми оказались и эпизоды “Воспоминаний и размышлений”, где Жуков повествует о днях его прилёта из Ленинграда в Москву и назначения на новую должность командующего войсками Западного фронта.

Глава пятнадцатая

О ТОМ, КАК ЖУКОВ СПАС КОНЕВА

“Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...”

В ночь на 6 октября штабная группа во главе с Коневым и членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным прибыла в район Гжатска. Они тут же разыскивали штаб Резервного фронта. Штаб размещался в блиндажах и землянках в лесу восточнее Гжатска. Однако на КП маршала не оказалось. Семён Михайлович почевал в уютном домике на окраине города. Подходы к домику охранялись автоматчиками и танком КВ.

Вот тут-то и узнал Конев: то, что произошло с его войсками в районе Вязьмы, не могло не произойти. Штаб Конева был уверен в том, что за порядками 19-й и 30-й армий, надёжно прикрывая их стык и обеспечивая оперативную глубину обороны, стоит 49-я армия Резервного фронта. В штабе Западного фронта сетовали лишь на то, что ни Ставка, ни Генштаб не обеспечили взаимодействия двух группировок, вынужденных действовать практически на одном рубеже. Но тут выяснилось куда худшее. Стало понятным и то, почему не был поддержан удар оперативной группы Болдина...

И. С. Конев: “... как выяснилось в разговоре с Будённым, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, 49-я армия, находившаяся на вяземском оборонительном рубеже за сутки до наступления главных сил группы армий “Центр”, за сутки, повторяю, была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск—Сычёвка не оказалось”.

Вообще история с переброской 49-й армии, если рассматривать её в общем контексте событий, выглядит довольно мутной, если не сказать большего. Посудите сами: в самый канун немецкой атаки, и именно там, где намечен основной прорыв и ввод в дело главных сил (3-я танковая группа генерала Гота), построенная глубокоэшелонированная оборона ослабляется отводом целой армии. Причём кадровой, хорошо укомплектованной и оснащённой. При этом немецкое командование выстраивает свои атакующие части практически в один эшелон, без резервов, как будто наперёд зная, что никаких войск в глубине обороны русских нет, что главная задача — прорвать передовые линии. Так и произошло. К исходу второго дня наступления танки Гота углубились в оборону Западного фронта, разрезав его на стыке 19-й и 30-й армий на 50–60 километров. В образовавшуюся брешь шириной до 40 километров хлынули моторизованные и пехотные дивизии, части усиления. Они стремительно развивали удар, и вскоре охватили части 19-й, 16-й и 20-й армий, выйдя им во фланг и в тыл. 49-й армии не оказалось именно там, где она пужна была в эти дни более всего.

Надо признать, что приказы и распоряжения, исходившие в дни сражения под Вязьмой и из Москвы (Ставка, Генштаб), и из Касни, а потом и из Красновидова, катастрофически запаздывали. Порой они не учитывали реального положения дел. В то время как немецкие штабы работали на опережение.

Уже в Красновидове, в штабе Западного фронта, происходит событие, которое впоследствии настолько разноречиво описано в мемуарах главных её действующих лиц, что до сих пор нет единого мнения о том, что же в действительности произошло.

И здесь уместнее всего было бы предоставить слово тем самым главным действующим лицам.

Маршал Василевский, в то время заместитель начальника Генерального штаба: “Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я... 5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий”.

В те же дни, как уже известно, Сталин отзывает из-под Ленинграда Жукова и посылает его... И вот здесь вопрос: куда и кем он посылает самого надёжного и исполнительного своего генерала?

Маршал Жуков, в то время генерал армии (из первой редакции “Воспоминаний и размышлений”): “Подъезжая на рассвете к полустанку Обнинское (105 километров от Москвы), увидел двух связистов, тянувших кабель со стороны моста через реку Протва, и спросил:

— Куда тянете, ребята, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — ответил простуженным голосом солдат громадного роста с густо заросшей бородой.

Пришлось назвать себя и сказать, что я ищу штаб Резервного фронта и С. М. Буденного.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, мы Вас в лицо не знаем, так и ответили. Штаб фронта Вы уже проехали. Он два часа тому назад прибыл и остановился в домиках в лесу на горе, налево за мостом. Там охрана Вам покажет, куда ехать.

— Ну, спасибо, друг, выручил, а то пришлось бы долго разыскивать, — ответил я солдату.

Развернувшись обратно, через 10 минут я был в комнате Мехлиса, у которого находился начальник штаба фронта генерал Боголюбов. Мехлис говорил с кем-то по телефону и кого-то распекал.

На вопрос: “Где командующий?”, начальник штаба фронта Боголюбов ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, чего бы плохого не случилось с Семеном Михайловичем.

— А Вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров, но офицеры еще не вернулись.

— Что известно из обстановки? — спросил я генерала Боголюбова.

Мехлис, обращаясь ко мне, спросил:

— А Вы с какими задачами к нам?

— Приехал к Вам по поручению Верховного разобраться в обстановке, — ответил я.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговора с Боголюбовым я ничего не узнал о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал через Малоярославец, Медынь в сторону Юхнова, имея в виду, что там, на месте, скорее выясню обстановку.

(...)

Проехав до центра города Малоярославец, я не встретил ни одной живой души. Не то люди еще спали, не то уже бежали дальше, в тыл страны. В центре, около здания райисполкома, увидел две легковые машины типа “Виллис”.

— Чьи это машины? — спросил я у спавшего шофера. Шофер, проснувшись и часто заморгав, ответил:

— Это машина Семена Михайловича, товарищ генерал армии.

— Где Семен Михайлович?

— Отдыхает в помещении райисполкома.

— Давно вы здесь? — спросил я у шофера, который окончательно проснулся.

— Часа три стоим, не знаем, куда нам ехать.

Войдя в райисполком, я увидел дремлющего С. М. Буденного, видимо, более двух-трех суток не брившегося и осунувшегося.

С Семеном Михайловичем мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти трагические дни.

— Ты откуда? — спросил Буденный.

— От Конева, — ответил я.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи... Вот сижу здесь и не знаю, где мой штаб. — Я поспешил порадовать Семена Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на 105 километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Боголюбовым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

— У нас не лучше. 24-я и 32-я армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, с целью обхода с востока.

<...> В районе Калуги меня догнал на машине офицер штаба Резервного фронта и вручил телефонограмму начгенштаба Шапошникова, в которой было сказано: "Верховный Главнокомандующий приказал Вам немедленно прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом".

Развернув машину, мы тотчас же поехали в обратном направлении — в штаб Западного фронта. Утром 10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в 3—4 километрах северо-западнее Можайска.

<...> В штабе работала комиссия Государственного Комитета Обороны в составе Молотова, Ворошилова, Василевского, — разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному Комитету Обороны... Во время комиссии ГКО и моего разговора с ней вошел Булганин и сказал, обращаясь ко мне:

— Только что звонил Сталин и сказал: как только прибудешь в штаб, чтобы немедленно ему позвонил.

Я позвонил, по телефону ответил лично Сталин:

— Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить Вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности, — ответил я Верховному.

— А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и мне нужно иметь там вспомогательные управления, — доложил я Верховному.

— Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, Можайской линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии обороны. Берите скорее все в свои руки и действуйте.

— Хорошо. Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара немцев на Москву.

Войдя в кабинет, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным. Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвел 16-ю армию, как было приказано, в лес, восточнее Вязьмы, а отвел только штаб армии. Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от Вас такого приказа не было. Было приказано отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что и выполнено.

Лобачев (член Военного Совета 16-й армии):

— Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него.

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобраться позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино; второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на калининское направление; третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на можайском направлении. Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву".

В более поздней редакции мемуаров, найденной в архиве Жукова, Георгий Константинович выправил эту историю, и теперь она преподносится в таком виде: "Меня вызвали к телефону. Звонил Сталин:

— Ставка решила освободить Конева с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил Сталин.

За разгром противником Западного фронта, которым командовал Конев, Верховный намерен был предать его суду. И лишь мое вмешательство спасло Конева от тяжелой участи. Надо сказать, что до Курской битвы Конев плохо командовал войсками, и ГКО неоднократно отстранял его от командования фронтом".

Тут Жуков, конечно же, излишне пристрастен. Несправедливость его оценки опровергается следующим фактом: за успешные действия в период Московского сражения 1941–42 годов командующий войсками Калининского фронта был награжден орденом Кутузова I-й степени и медалью "За оборону Москвы". Жуков, о чем он неоднократно говорил и сам, был награжден только медалью. Так что Государственный Комитет Обороны достаточно высоко оценил командные способности генерал-полковника Конева.

Константину Симонову история отстранения Конева от командования войсками Западного фронта и спасения от расстрела будет пересказана Жуковым ещё более красочно и ещё дальше от правды. "Сталин был в первом настроении и в страшном гнев. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конев и Ерёменко и ни словом не умянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится. Тогда Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Конева моим заместителем.

Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Конева? Что он, ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу. Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выеха-

ла к нему на фронт во главе с Молотовым, паверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом”.

В действительности все произошло иначе.

После того, как Конев разыскал на окраине Гжатска маршала Будённого и с ужасом узнал об отводе 49-й армии, по приказу Генштаба покинувшей укрепленный рубеж обороны в глубине передовых линий Западного фронта на стыке 19-й и 30-й армий, события развивались следующим образом.

И. С. Конев: “На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки Молотов, Ворошилов, Василевский и другие. По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к Можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию...”

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов пужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...

Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по “Бодо” 15.45. 10.10.41 года”.

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении. Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом”.

Заметьте, подписи Жукова на документе нет.

Еще один участник того, в буквальном смысле судьбоносного совещания в Красновидове и член комиссии в своих воспоминаниях даёт несколько иную, отличную от жуковской, но не противоречащую коневской, версию назначения командующего войсками Западного фронта.

Маршал Василевский: “Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта”.

Значит, Жукова в штабе Западного фронта и вовсе не было?

Кто же тогда спас Конева? Да никто. Потому что никто его и не собирался арестовывать. Потому что стало очевидным: промедли ещё немного, и козлами отпущения станут и сами судьбы...

Вот и вся интрига. Не будь впоследствии 57-го года и злополучного пленума ЦК КПСС, Жуков рассказал бы в своих мемуарах о крушении под Вязмой Западного и Резервного фронтов и своём назначении на должность комфронта совершенно новую историю.

В гибели под Вязмой фронтов, прикрывавших Москву, Сталин Конев не вишил. Возможно, именно поэтому столь мрачен был в день пребывания в штабе Западного фронта Молотов. И, возможно, первая реакция Ворошилова на появление Рокоссовского оказалась такой бурной. В 1965 году маршал Конев рассказывал о событиях тех дней Симонову: "Именно тогда он позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице: "Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение!"

Доверился кавалеристам...

Кавалеристами были не только Будённый, Ерёменко и Ворошилов, но и Рокоссовский. Конев же по специальности был артиллеристом.

Вот и причёсывал кавалерист маршал Ворошилов кавалериста генерала Рокоссовского. После боя. Как старший — младшего. Так было принято на фронте.

Сейчас историки говорят о том, что якобы Конев, понимая, куда идут события и чем всё кончится, намеренно вытаскил Рокоссовского из окружения. Вряд ли это так. Но события сложились именно в такой сюжет.

Глава шестнадцатая

СЕВЕРНЕЕ МОСКВЫ. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 41-го

"...Его стремление воевать было огромно".

В ту же ночь 12 октября Военный совет объединённого Западного фронта решил направить Конева на калининское направление с целью объединения армий и частей, действовавших на правом крыле. Немцы к тому времени окончательно сломили сопротивление наших войск на рубеже Сычёвка—Ржев и устремились на Калинин. Наши же войска, находившиеся в районе Торжка и Калинина, действовали разрозненно, не имея общей задачи. К тому же туда продолжали выходить из-под Сычёвки, Оленино части 22-й, 29-й, 31-й и 30-й армий. Из них предстояло сформировать правое крыло Западного фронта, сомкнуть его с Северо-Западным фронтом. Противник продолжал развивать удар на Торжок и Бежецк с выходом в тыл Северо-Западному фронту и одновременно нашим войскам, действовавшим на московском направлении. Миссия Конева заключалась именно в том, чтобы предотвратить угрозу развития удара противника на Ярославль.

Вечером он въехал в горящий Калинин. Только что закончилась очередная бомбёжка. Пока разыскивал военкомат, не увидел ни одной зенитки. Да и войск в городе не было. Как вскоре выяснилось, в распоряжении военкома имелся истребительный батальон, сформированный из коммунистов и комсомольцев города. Батальону выдали десяток учебных винтовок, с которыми те несли караульную службу, охраняя особо важные объекты. Когда Конев попросил военкома доложить обстановку, тот мрачно и коротко сказал:

— Войск нет. Город защищать нечем. В городе начинается паника. Кто-то распространяет слухи, что за Волгой в стороне Лихославля высажен парашютный десант, что немцы движутся на Калинин и вот-вот будут здесь. — И указал на окно.

Там, на улице, у входа в военкомат колыхалась толпа. В основном женщины и дети. Чемоданы, баулы, узлы... Военком тут же пояснил, что это офицерские семьи — требуют немедленной эвакуации в тыл.

— А у меня — ни одного грузовика. Даже лошадей нет.

Слух о том, что в Калинин приехало высокое начальство — генерал! — тут же разлетелся по городу, и толпа у военкомата начала расти. Люди негодовали по поводу того, что город брошен войсками, что многие руководители и целые службы благополучно выехали ещё накануне, вывезли свои семьи и даже имущество.

Конев после войны рассказывал, как ему удалось успокоить женщин и детей и заставить их в эту ночь разойтись по домам.

Спустя несколько минут, когда толпа уже готовилась брать военкомат приступом, мимо неё охрана пронесла разобранную солдатскую койку с узлом белья. На крыльцо вышел военком и сказал, что генерал двое суток не спал — это соответствовало действительности — и что он ложится отдыхать, а завтра будут решены все вопросы, касающиеся эвакуации, что члены семей военнослужащих будут отправлены в тыл в первую очередь. Люди начали расходиться.

Однако отдыхать Коневу не пришлось и в эту ночь. Когда толпа разошлась, Конев приказал военному проводить его в обком партии. Там его встретил секретарь обкома И. Н. Бойцов. Секретарь тоже не спал, вместе с членами обкома и активом занимался подготовкой области к партизанской борьбе на оккупированной территории. Западные районы были уже под немцами.

Разговор между Коневым и Бойцовым оказался кратким. Уже через час, по тревоге, был поднят актив городской и областной парторганизации с задачей: эвакуировать население, создать отряды ополчения, подготовить город к обороне.

Уже за полночь в обкоме Конева разыскал офицер связи и доложил: на железнодорожную станцию прибывают эшелоны с 5-й стрелковой дивизией, командир дивизии подполковник Телков находится на вокзале и ждёт дальнейших указаний. Конев знал эту дивизию. Её отводили в тыл на пополнение и доформирование, так как в предыдущих боях она понесла большие потери. Однако боеспособности она не потеряла и по меркам 41-го года была вполне пригодна к выполнению боевой задачи. В полках насчитывалось до 450 активных штыков. Он тут же отдал распоряжение: пополнять батальоны 5-й стрелковой дивизии за счёт жителей города призывного возраста. Уже через полчаса на мосту через Волгу стояли посты, которые буквально выдёргивали из потока беженцев молодых мужчин. Из них тут же формировали маршевые роты, вручали оружие и направляли на позиции.

На вокзале Конев встретился с подполковником Телковым. Вид у того был непарадный. Осунувшееся, почерневшее от усталости лицо, но подтянут и собран. Но доклад подполковника обрадовал: артдивизион имеет некоторое количество орудий и боеприпасы, а утром прибудет эшелон с танками. Эта небольшая, потрёпанная дивизия, первой поступившая в его распоряжение в район Калинина, в действительности стояла полнокровной. Из короткого разговора с подполковником он узнал, что дралась она с первого дня войны, сохранила свой костяк и сибирский дух. Да ещё имела пушки и даже некоторое количество танков!

Прямо с вокзала, отдав необходимые распоряжения подполковнику Телкову, Конев поехал на КП командарма 30-й армии. Доклад генерала Хоменко тоже был нерадостным. Конев уточнил расположение частей армии, приказал включить в состав армии 5-ю стрелковую дивизию, которая в это время спешно занимала окопы на южной окраине Калинина. Задачей 30-й армии было не допустить прорыва немцев вдоль Московского шоссе на Клин.

Затем выехал в сторону Селижарова и разыскал КП 22-й армии генерала Юшкевича. Здесь, как вскоре выяснилось, обстановка была более или менее спокойной. Изучив на карте конфигурацию обороны армии, приказал командарму срочно, на грузовиках, перебросить 256-ю стрелковую дивизию генерала Горячева в район Калинина и занять пустующий участок фронта по восточному берегу Волги с задачей не допустить наступления противника по Бежецкому шоссе на Бежецк и Ярославль.

Генерал-майор Василий Александрович Юшкевич был из тех командармов, которым Конев доверял. Он знал: такие, как Юшкевич, прошедшие же-

стокую школу жизни, умеют ценить доверие, умеют воевать и держаться в самых безнадежных ситуациях.

22-я, в августе правофланговый сосед 19-й армии, действуя на торопецком направлении, попала в окружение и, не растеряв основных сил и вооружения, с боями вышла в район Аидеополя. Вот и теперь, уклоняясь от удара "Тайфуна" и выполняя приказ штаба Западного фронта об отходе, генерал Юшкевич отвёл дивизии из-под Осташкова на Селижарово на заранее подготовленный рубеж и прочно закрепился.

Ещё до приезда в район Калинина заместителя командующего войсками Западного фронта генерала Конева из состава правофланговой группировки были изъяты 5-я, 133-я, 110-я, 119-я и 243-я стрелковые дивизии и переброшены на Можайскую линию обороны. После того как немцы замкнули кольцо под Вязмой и приступили к ликвидации окружённой группировки армий и частей Западного и Резервного фронтов, на Наро-Фоминском, Малоярославецком и Можайском направлениях войск, способных противостоять "Тайфуну", попросту не оказалось. Существовала реальная угроза захвата Москвы. Если бы окружённые под Вязмой не продержались сутки-двое, отвлекая на себя основные силы группы армий "Центр", и если бы фон Бок смог выделить для продолжения наступления хотя бы один танковый корпус, они прошли бы к Москве колонной, не съезжая с шоссе.

У Конева была тяжелейшая задача — стабилизировать положение на правом крыле огромного и самого напряжённого в тот период фронта. Тем самым предстояло одновременно решить две задачи: первую — остановить продолжавшие наступление корпуса 3-й танковой группы и 9-й полевой армии; вторую — обеспечить стык с Северо-Западным фронтом.

Именно в эти дни в районе Калинина была ликвидирована брешь и предотвращена угроза широкого охвата Москвы с севера.

Катастрофически не хватало войск, чтобы противостоять танковым атакам противника. Резервы Ставки начали поступать чуть позже. А в середине октября фронт пришлось латать тем, что оказалось под руками: истребительными отрядами, наспех сформированными из калининских добровольцев, батальонами НКВД. К счастью, из-под Сычёвки и Белого продолжали выходить из окружения разрозненные части и отдельные группы разбитых дивизий. Некоторые сохранили оружие и тяжёлую технику. Из них формировали роты и батальоны и тут же вводили в бой.

Любопытна запись, сделанная фон Бокм в своём дневнике 12 октября, именно в тот день, когда Конев, прибыв в Калинин в качестве заместителя командующего войсками объединённого Западного фронта, метался с одного КП на другой, пытаясь организовать взаимодействие армий и дивизий и выстроить линию фронта.

Фёдор фон Бок: "Гудериан пока наступать не может; как и Вейхс (2-я армия), он занят ликвидацией Брянских "котлов".

"Котел" под Вязмой "съежился" еще больше. Число пленных выросло до огромных размеров. Потери противника в живой силе и технике также очень велики.

Правое крыло наступающей в восточном направлении 4-й армии заняло Калугу. Корпус, находящийся в крайней оконечности северного крыла 9-й армии, достиг позиций противника на западе и на севере от Ржева и прорвал их силами своего правого крыла.

3-я танковая группа заняла Старицу. Сейчас танковая группа напрямую подчинена группе армий и получила от нее приказ двигаться на Торжок, чтобы не позволить русским, противостоящим внутренним крыльям группы армий, отступить на восток. Одновременно 3-я танковая группа должна захватить Калинин и удерживать Старицу и Zubцов".

Когда танки немцев начали продвигаться к Калинин, Конев, мгновенно поняв замысел противника, принял решение отбить их коротким контрударом силами правофланговых частей. В районе Ржева оборону держала 29-я армия генерала Масленикова. Активных действий она пока не вела и, по замыслу Конева, "могла, прикрывшись незначительными силами, перегруппироваться и нанести удар с запада в тыл противнику, наступающему на

Калинин". 29-я армия должна была наступать вместе с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизией генерала Горячева. Дивизия уже выходила на исходные. В первый же день, сразу с КИ генерала Юшкевича Конев поехал в штаб 29-й. Командарм принял его холодно. По всей вероятности, Масленников понял, что контратаковать противника — дело слишком опасное и на девяносто девять процентов безнадёжное. А потому приказ Конев он вначале согласовал с наркомом НКВД Лаврентием Берией. Затем позвонил в штаб Западного фронта Жукову. Но Жуков приказ своего заместителя не отменил. В результате Масленникову свою армию всё же пришлось выдвигать к Калинин, но марш был осуществлён не по южному берегу, как приказывал Конев, а по северному. К тому же в район сосредоточения авангарды дивизий первого эшелона подошли с опозданием. В результате согласованного удара не получилось. Противник ворвался в Калинин.

Только спустя годы, изучая дело Берии, Конев узнал многие детали истинных причин того, почему же в октябре 41-го так неудачно действовали подчинённые ему генералы и их войска. То, что Масленников, будучи командующим 29-й армией, сохранял за собой высокую должность заместителя наркома НКВД, Конев прекрасно знал и тогда. Именно это и сдерживало его от мгновенной реакции в адрес слишком независимого командарма. Но неприязненное отношение к своему подчинённому Конев, по всей вероятности, испытывал весь период их совместной службы. Сохранилось оно и после войны. Злопамятство не было даже слабовыраженной чертой характера Конева. Как все вспыльчивые люди, он быстро забывал то неприятное, что исходило от того или иного человека или было связано с ним, особенно если это был подчинённый. Но генерал Масленников был подчинённым особенным. С первой же встречи в штабе 29-й армии Конев понял, что ему предстоит работать *под присмотром*. Чекиста Масленникова генерал Конев хорошо знал по службе в Белорусском военном округе, где тот в 37-м году занимал должность первого заместителя командующего войсками НКВД округа. Тогда многие командиры полков, дивизий и корпусов спали на твёрдых подушках, под которыми лежали табельные револьверы, и ждали стука в дверь...

Как только пали Ржев и Калинин, в штабах было зачитано решение Ставки об аресте и предании суду командующего 31-й армии генерал-майора Далматова, начальника штаба армии полковника Анисимова, начальника политотдела армии полкового комиссара Медведева. Наверху потребовались козлы отпущения. Их, разумеется, тут же нашли.

Армии Далматова с самого начала не везло. Сказывались и весьма скромные полководческие данные её командующего. Во время немецкого наступления севернее Минского шоссе часть войск была передана в оперативную группу генерала Болдина. 110-ю и 119-ю стрелковые дивизии Жуков перебросил в центр Западного фронта. Поэтому, когда немцы подошли к городу Ржеву, оборонять ржевские позиции оказалось попросту некому. Остатки разрозненных подразделений 31-й армии, теснимые противником, были задержаны заградотрядами стоявшей в затылок 29-й армии. Полевое управление во главе с Далматовым находилось в Ржеве. Оборона города, а также эвакуация имущества и армейских складов была поручена ему. Но никакой обороны, да и эвакуации складов из города, не получилось. И без того тяжёлые обстоятельства усугубил взрыв моста — во время авианалёта сдетонировали заряды, заложенные под опоры. Поэтому многое, что уже невозможно было вывезти, уничтожили на месте. Потом следствием будет установлено, что прямой вины генерала Далматова и его штаба в оставлении военного имущества и складов боеприпасов двух армий — нет. Военный совет 29-й армии, переподчинивший себе остатки 31-й армии, как оказалось, сам проявил нераспорядительность, допустил паникёрство и неустойчивость своих первых эшелонов, при этом никаких приказов о вывозе военного имущества из Ржева не отдал.

Опытный в таких обстоятельствах заместитель наркома НКВД генерал Масленников ещё до оставления Ржева от имени Военного совета 29-й армии направил в Военный совет Западного фронта ходатайство о привлечении к судебной ответственности виновных. Ими были назначены Далматов и

его заместители. Однако в Генштаб из Главной военной прокуратуры вскоре ушло письмо следующего содержания: учитывая тяжёлые условия на фронте и положительные характеристики на "пазванных лиц", следствие пришло к выводу, что "оснований для предания их суду нет", и предложило дело о них "решить в дисциплинарном порядке".

12 октября полевое управление 31-й армии перешло в резерв Западного фронта и расположилось в районе Торжка. 15 октября по приказу Жукова оно временно было преобразовано в штаб его заместителя генерала Конева. Потому что Конев в это время действовал практически в одиночку с несколькими офицерами и личным водителем. Ни начальника штаба, ни оперативного отдела. Позднее при создании 17 октября Калининского фронта по ходатайству Конева Ставка приняла решение о восстановлении полевого управления 31-й армии, которому были подчинены 119-я, 133-я стрелковые дивизии и 8-я танковая бригада. 19 октября командующий фронтом дополнительно включил в состав армии 183-ю стрелковую, 46-ю и 54-ю кавалерийские дивизии, отдельную мотострелковую бригаду, а 133-ю стрелковую дивизию вывел в свой резерв. В тот же день командование армией принял генерал Юшкевич.

Конев действовал решительно и быстро. И вскоре фронт в районе Калинина окреп настолько, что начал беспокоить противника частыми контратаками.

Что касается бывших членов Военного совета 31-й армии первого состава, то они получили новые назначения с понижением в должности: Далматов был назначен командиром 134-й стрелковой дивизии Западного фронта, полковник Анисимов стал командиром 130-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Полкового комиссара Медведева Конев оставил в штабе Калининского фронта на должности начальника организационно-инструкторского отдела полевого управления. Все трое служили до конца войны и неоднократно были награждены орденами и медалями.

Вот так разрешилась судьба генерала и двух полковников РККА, которых под горячую руку могли расстрелять в те кровавые дни 41-го.

Калинин в планах немецкого командования занимал особое место: город представлял собой, кроме всего прочего, крупный коммуникационный узел — здесь сходились Октябрьская железная дорога, шоссе Ленинград—Москва и водный путь по Волге с выходом на канал Волга—Москва, а также шоссе, ведущие на Ржев, Волоколамск, Бежецк. С захватом Калинина немцы связывали дальнейшее развитие наступления в направлении на Москву, а также на промышленные центры СССР — Ярославль, Рыбинск, Иваново.

13 октября 1-я танковая дивизия противника атаковала позиции ополченцев и одного из полков 5-й стрелковой дивизии в районе Рябеево—Мигалово. Расклад сил в этом бою был таков.

1-я танковая дивизия вермахта атаковала после мощного авианалёта и артподготовки. Дивизия к тому времени имела два танковых полка, два панцергренадерских полка, артиллерийский полк, разведбатальон, противотанковый батальон, сапёрный батальон и батальон связи, а также части обеспечения. 111 танков, в основном средних типов. Артиллерия — 160 стволов различных калибров. Около 12 000 солдат и офицеров. Её поддерживала 6-я танковая дивизия: около 170 танков и два полка мотопехоты, усиленной артиллерией и крупнокалиберными пулемётами.

Кого им противопоставил Конев? Несколько батальонов калининских ополченцев: рабочие заводов и фабрик, служащие различных учреждений, студенты и курсанты высшего военно-педагогического института. Рядом с ополченцами — роты курсантов школы младших лейтенантов. Два батальона НКВД. И полк 5-й стрелковой дивизии. Основным оружием оборонявших город были винтовки и бутылки с зажигательной смесью. При этом и того, и другого не хватало. Бывшие ополченцы вспоминали, что их собрали на стадионе "Динамо" за несколько часов до немецкой атаки, выдали канадские винтовки системы Росса и по несколько горстей патронов — 80–100 штук. Ни пулемётов, ни гранат у ополченцев не было.

Вечером немцы заняли западную окраину Калинина. Начались уличные бои, перестрелки через Волгу и схватки за Горбатый мост.

Тем временем Конев гнал сюда, к городу, на атакованный участок, всё, что можно было снять с других участков и что поступало к городу из тыла: 8-ю танковую бригаду, батальоны 256-й стрелковой дивизии и лёгкий артполк, 46-й мотоциклетный полк.

Особенно яростная схватка произошла у Горбатого моста. Немецкие танки попытались с ходу перескочить через Волгу и ворваться в город. Но их встретили огнём. И тогда немцы пошли в обход, через Тверецкий мост. Там их уже ждали артиллеристы 256-й стрелковой дивизии. Оставив у моста четыре горящих танка и несколько грузовиков, колонна повернула назад.

Но соотношение сил было не в пользу обороняющихся. Немцы произвели перегруппировку и после очередного артналёта при поддержке штурмовой авиации начали теснить подразделения 5-й стрелковой дивизии и ополченцев.

Утром 14 октября во фланг немцам из Заволжья ударила 256-я стрелковая дивизия генерала Горячева, с ходу смяла противника и передовыми отрядами захватила железнодорожный мост. В городе шли уличные бои. Немцы, пользуясь численным превосходством, а также тяжёлым вооружением, постепенно отжимали наши войска к реке Тьмака.

Утром 15 октября бои шли уже на восточной окраине Калинина.

До сих пор не утихают споры о чуде под Москвой. Что же произошло с немецкой машиной, отлаженной и настроенной для действий практически в любых условиях? Советские войска трёх фронтов были ликвидированы и пленены в гигантских “котлах” под Брянском, Рославлем и Вязьмой. За полмесяца до “Тайфуна” советский фронт был ликвидирован в районе Киева. Всё! Разгром! Виктория! *Drang nach Osten* наконец-то удался! Впереди столнца гуннов, их промышленные районы, наполненные рудой и бесплатной рабочей силой, и — никаких войск!

Командование группы армий “Центр” было практически уверено в успехе предстоящего наступления в районе Валдая. Ни фон Бока, ни командующих 9-й полевой армией генерала Штрауса и 3-й танковой группой генерала Рейнхардта не смущало разделение главных сил группы на несколько направлений. Донесения разведки и показания военнопленных не обещали особых трудностей германским войскам. Противник, согласно разведанным, имел впереди слабо выраженную очаговую оборону и располагал лишь отдельными частями НКВД и милиции, не прикрытыми ни артиллерией, ни другим тяжёлым вооружением.

То, что произошло дальше и что продлилось до весны 42-го, стало для немцев большим потрясением.

Уже в октябре 41-го левое крыло группы армий “Центр” было остановлено на взмахе, а затем его начали щипать и подрубать короткими контратаками и глухой обороной части правого крыла Западного фронта.

После захвата Калинина и остановки в районе восточных окраин города и Волжского водохранилища 3-я танковая группа и 9-я армия получили дальнейшую задачу атаковать в направлении на Вышний Волочек. Началась операция по окружению советских войск в районе Валдайской возвышенности. Штаб Конева тут же разгадал маневр противника, который и дальше пытался действовать широкими охватами, и упредил его. Торжок, который стал первой крупной целью Тюрингско-Гессенской 1-й танковой дивизии, был основательно укреплен. При подходе к району Торжка немцы были контратакованы. Контратаку они отбили, но вынуждены были остановиться. Спустя сутки боевые охранения советских частей заметили, что немцы начали окапываться. Характер войны изменился.

Конев, внимательно следивший за продвижением противника в направлении Торжка, приказал атаковать немецкую группировку, растянувшуюся по узкому коридору, пробитому её авангардом в северо-западном направлении. Операцию успешно провела 133-я стрелковая дивизия генерала Швецова и части 29-й армии.

Конев всегда радовался встрече с земляками. Издали узнавал вологодский или архангелогородский лёгкий говорок. Интересовался, откуда родом и не случалось ли бывать в Никольске, в Великом Устюге или в его родном Лодейном. А тут оказалось, что командир 133-й стрелковой дивизии свой, вологодский, из-под Кадуя, что на реке Суде.

Василий Иванович Швецов воевал с августа месяца, его дивизия отличалась под Ельней. А теперь, глядя на карту, разложенную перед ними, вздохнул и сказал:

— Не думал, что отступать придётся до родных мест. Лихославль, Бежецк... — Карандаш в его руке скользнул вверх, на северо-восток. — А там уже Устюжна рядом и мой Каду́й. Некуда уже дальше отступать, товарищ командующий.

— Ну вот что, дорогой земляк, — уловив построение командира дивизии, сказал Конев, — считайте, что это ваш последний рубеж. Дальше, Василий Иванович, вас родина не пустит.

Задачей 133-й дивизии Швецова было атаковать колонны противника прямо на шоссе, на марше, подрубить основание прорыва, оседлать дорогу и удерживать её, пока не подойдут основные силы.

Генерал Швецов свою задачу выполнил блестяще. Немецкие колонны были буквально сметены внезапной атакой.

Позже немецкий историк напишет: “В германских подразделениях начал сказываться недостаток в боеприпасах. Солдаты вермахта были переутомлены тяжелыми маршами по проселочным дорогам, когда приходилось продвигаться по колено в грязи. Вскоре 1-я танковая дивизия была отозвана с полноты к Торжку обратно в Калинин. Наступление захлебнулось. Во второй половине октября значительная часть подвижных соединений 3-й танковой группы перешла под Калинин к обороне. 41-й моторизованный корпус еще некоторое время пытался пробиться к Торжку, но успеха не достиг и был отведен в тыл”.

Всё же удивительно: о пехватке горячего — ни слова...

Здесь, в трагических неудачах под Вязьмой и в первых успехах под Калинин, оттачивался тактический почерк будущего маршала.

Коневу всегда “везло” с противниками. Перед ним и в 41-м, и в 42-м, и в 43-м, и в последующие годы, до самых последних залпов, стояли опытные немецкие генералы, искусные тактики, лучшие полководцы Германии — Гот, Рейнхардт, Модель, Хейнриц, Кемпф, Манштейн.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов, пришедший в ВВС из гражданской авиации и за кратчайший период времени создавший авиацию дальнего действия, оставил прекрасную книгу мемуаров. Человек он был сдержанный, суровый и достаточно строгий в оценках и характеристиках. Познакомился он с нашим героем как раз в период битвы за Москву. Октябрь, ноябрь, вплоть до первых чисел декабря 41-го — этот период для Конева был окрашен мрачным цветом поражений. Можно только догадываться, как тяжело он переживал катастрофу своего войска под Вязьмой. А. Е. Голованов о Коневе написал следующее: “Нелегко дался ему начальный период войны, а вернее, первые год-полтора... И всё-таки не сломали его имевшие место неудачи, его стремление воевать было огромно. Совершенствуя и совершенствуя свой полководческий талант, он добился того, что овладел управлением вверенными ему войсками в такой степени, что стал проводить по плану ставки Верховного Главнокомандования смелые, решительные, успешные операции на окружение крупных сил врага, их пленение и уничтожение. Характер у маршала Конева был прямой, дипломатией заниматься, прямо надо сказать, он не умел. Комиссар ещё со времён гражданской войны, он привык общаться с солдатскими массами. В войсках его звали солдатским маршалом. Он мог вносить и вносил Верховному немало различных предложений и отстаивал свою точку зрения по ним. Был смел и решителен, отправляясь подчас непосредственно в батальоны и роты для личного руководства боем, оставляя штаб фронта, а следовательно, и управление войсками. После вступления со стороны И. В. Ста-

лина о недопустимости подобных явлений послушался его и такие выезды в дальнейшем прекратил, оставшись, однако, при своём мнении.

Осенью 1942 года в моём присутствии, в разговоре с Верховным, он поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, это единоначалие, доказывал он...

— Нужно, чтобы командир отвечал за всё состояние своей части... Командный состав доказал свою преданность Родине, и он не нуждается в дополнительном контроле. Я скажу больше, наличие института комиссаров есть элемент недоверия нашим командирам, — заключил он.

Решением Политбюро институт комиссаров был упразднён. Что касается личного отношения Сталина к Ивану Степановичу Коневу, то могу сказать, что отзывался он о нём всегда положительно, хотя и указывал ему и на его недостатки".

Чудо под Москвой... Оно возникло из множества составляющих. Из того, о чём было уже сказано. И из того, о чём читатель узнал из фрагментов воспоминаний бывшего комбата 133-й сибирской стрелковой дивизии Александра Чайковского и младшего лейтенанта Иппокентия Щеглова. И из того, о чём долгое время не принято было говорить. В том числе и из твёрдости, а подчас и жестокости приказов, которые подчас кажутся невыполнимыми, особенно теперь, когда можно сопоставить возможности и боевой ресурс тех, кому эти приказы отдавались. Но тогда, под Наро-Фоминском, Серпуховом, Тулой и Калинином был иной час, и иной музыкой было наполнено пространство, пропавшее ужасом отступления, которое всё никак не удавалось остановить. И приказы выполнялись не всеми и не всегда. Но стало очевидным: если эти жестокие приказы не будут выполняться, то завтра враг сомкнёт кольцо вокруг Москвы.

16 октября. Этот день стал, пожалуй, самым тяжёлым в обороне Москвы. Как известно, в Москве началась паника. Из города бежало начальство, вывозило на грузовиках свои семьи, продовольствие и ценности. На Калужской заставе произошли стихийные погромы. Люди останавливали машины с бегущим начальством, сбрасывали на землю имущество, избивали беглецов невзирая на их чины и ранги.

А здесь, под Калинином, немцы внезапно атаковали на Торжок. Танковая бригада полковника Ротмистрова из оперативной группы Ватутина замешкалась и вовремя не прибыла на исходные, чтобы развить удар во фланг 1-й танковой дивизии противника, прорвавшейся по Ленинградскому шоссе и развивавшей удар на Торжок. Ротмистров передоверил выполнение задачи танковому полку майора Егорова, но и тот не выполнил приказа. Тем временем немцы прорвались к селу Марьино и овладели переправой через реку Логовеж. До Торжка им оставалось 20 километров. Ротмистров, уклоняясь от боя, продолжал отводить свою бригаду за Лихославль. Конев, получив донесение об отводе танков от Ленинградского шоссе в тыл, был взбешён и приказал Ватутину немедленно арестовать Ротмистрова и предать суду военного трибунала "за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с бригадой". Ватутин исполнил приказ Конева по-своему: "Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185-й стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!" О том, как танкисты оперативной группы Ватутина, части 185-й стрелковой и вторые эшелоны сибирской дивизии генерала Швецова исправляли положение, отчасти рассказано в воспоминаниях комбата Чайковского. Подкрепление подоспело в самый пик сражения на шоссе, когда стрелковый батальон и артиллеристы уже выдыхались, израсходовав боеприпасы и потеряв больше половины своего состава убитыми и ранеными. Конев их пригнал к Медному вовремя. Так комфронта помогал своим подчинённым избавляться от трусости. Что было, то было.

Судьба сложится так, что Конев и Ротмистров почти всю войну, с непрерывными перерывами, будут служить рядом. Почти одновременно

станут маршалами. Летом 43-го 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова приказом Ставки будет выведена из состава войск Степного фронта и брошена вперёд, на укрепление дрогнувших позиций Воронежского фронта. Действия армии окажутся неудачными, танковые корпуса в первый же день потеряют большую часть танков и самоходных артиллерийских установок, много экипажей. Но в январе-феврале 44-го мехкорпуса 5-й гвардейской танковой армии Ротмистров блестяще выполнит приказ командующего войсками 2-го Украинского фронта генерала Конева и замкнут у Звенигородки кольцо вокруг Корсунь-Шевченковской группировки генерала Штеммермана (XI армейский корпус). О Ротмистрове снова заговорили как о способном командире. А ведь тогда, в октябре 41-го под Калинином, по ходатайству Конева Ротмистров в два счёта мог пополнить число расстрелянных...

В эти же дни вполне мог появиться и другой документ — ходатайство о привлечении к ответственности командующего 29-й армией генерала Масленникова. И было за что. Но замахнуться на самого заместителя наркома НКВД Конев, видимо, не осмелился. Хотя спустя годы, вспоминая кризис под Калинином, всё же признался: «На 29-ю армию возлагалась самая ответственная задача — отрезать группировку врага в Калинин от главных сил 9-й немецкой армии и во взаимодействии с 30-й и 31-й армиями разгромить её. Однако командарм Масленников, как видно было из его приказа, понял задачу по-своему. Он предусматривал лишь создание кордона, преграждавшего пути отхода противнику на юго-запад, полагая, что Калинин будет взят войсками других армий. В результате гитлеровцы форсировали Волгу в районе Акишево и, захватив на её левом берегу плацдарм, начали распространяться к северу и северо-востоку, пытаясь прорваться вдоль железной дороги Ржев—Торжок. Для прикрытия этого направления мне пришлось выдвинуть на рубеж Высокое — река Тьма 188-ю стрелковую дивизию из резерва фронта».

Положение командарма Масленникова было особым. И то, что командарм 29-й мог себе позволить приказы штаба фронта понимать и исполнять *по-своему*, не могло не возмущать командующего, отвечавшего за всё Калининское направление. Пройдут годы, закончится великой Победой война. Закончится и эпоха господства в стране всемогущего министерства во главе с маршалом Берией. Коневу, которому всегда доставались самые трудные участки всех войн и битв, судьба пойдёт быть председателем военного суда над Берией. «Так вот, когда арестовали Берию, — рассказывал Иван Степанович, — то в его сейфе обнаружили несколько подстрекательских донесений командующего 29-й армией, освобождавшей Калинин, сподвижника Берии генерала Масленникова на Конева. Имелось в виду, ошельмовав меня несправедливо, добиться отстранения от командования фронтом. На этих грязных сообщениях была резолюция Сталина: «Не верю, возражаю».

Конечно, Конев навсегда сохранил чувство благодарности своему бывшему Верховному за веру в него и как в полководца, и как в человека.

Глава семнадцатая

КАЛИНИНСКОЕ “СИДЕНИЕ”. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 41-го

“Задача фронта — очистить от противника район Калинина...”

К двадцатым числам октября оборона на правом крыле Западного фронта стабилизировалась. Из тыла и внутренних округов подошли свежие дивизии. Продолжало поступать пополнение — по железной дороге и на грузовиках, а иногда и пешим ходом из запасных полков к фронту шли и шли маршевые роты. Усиливалась огневая мощь дивизий. Войска зарывались в землю, создавая глухую глубокую оборону в несколько эшелонов.

Захватом Калинина немцы сильно затруднили возможность маневра всему Западному фронту. Труднее стало проводить перегруппировку войск из района Валдая к Москве, осложнилось взаимодействие между центром и се-

верным флангом Западного фронта. Это вынудило командующего войсками фронта генерала Жукова ходатайствовать о создании отдельного фронта в районе Калинина.

Скоро Конев докладывал в Генеральный штаб о бое на Ленинградском шоссе, в ходе которого были разгромлены колонны немецкой танковой дивизии. Докладывал Конев прямо в Генштаб, минуя штаб Западного фронта. О первой победе и первых богатых трофеях хотелось доложить самому. Иван Степанович свои успехи преподносит уметь. В Москве ещё не утихла паника, в верхах царило настроение подавленности, а тут такое известие... Пытался дозвониться и в Ставку, но дивизионный телефонист смог связаться только с Генштабом. Ему ответил генерал Василевский. Выслушал и тут же предупредил:

— С вами сейчас будет разговаривать товарищ Сталин.

Конев ещё плотнее прижал к уху трубку. После небольшой паузы послышался знакомый глуховатый голос:

— Здравствуйте, товарищ Конев. Мне доложили об успехах в районе Калинина. Это правда?

— Да, товарищ Сталин. Авангарды сорок первого моторизованного корпуса третьей танковой группы противника остановлены и опрокинуты атакой наших частей на участке шоссе Калинин-Медное. Захвачены богатые трофеи и пленные. К северо-востоку от Калинина создан сплошной фронт.

— Как работает связь? Вы откуда звоните?

— С дивизионного командного пункта генерала Горячева, товарищ Сталин.

— Пора обзаводиться своим. Ставка приняла решение создать отдельный, Калининский фронт и поручить его вам. Вы не возражаете?

— Нет, товарищ Сталин, не возражаю.

Вспоминая тот разговор с Верховным, маршал Конев писал, что “впервые создавался фронт, управление которым начиналось с единственной реальной личности — командующего фронтом”. “Пока в моём распоряжении, — писал маршал, — были лишь офицер для поручений полковник И. И. Воробьёв, адъютант майор А. И. Саломыхин и два шифровальщика”. А ещё в его непосредственном подчинении был сержант-связист, который всюду за своим генералом носил радиостанцию. “Правда, я поначалу мог опереться на штаб 256-й стрелковой дивизии, на её замечательных офицеров во главе с генералом С. Г. Горячевым. Они оказали мне неоценимую помощь в самые критические дни”.

Директива Ставки последовала в тот же день и поступила телефонограммой уже вечером в штаб 259-й стрелковой дивизии, где постоянно находился заместитель командующего войсками Западного фронта, а с этого дня командующий войсками вновь созданного Калининского фронта.

Штаб Калининского фронта обосновался в Змееве близ Калинина. В городе хозяйничали немцы. Но Конев намеренно не стал отводить свой штаб в глубокий тыл. Тем более что северо-восточные кварталы по-прежнему контролировались частями Красной армии.

Связисты быстро наладили телефонную и телеграфную связь. Теперь с Генштабом и Ставкой Верховного Главнокомандования можно было разговаривать по прямому проводу и оперативно получать указания.

Развернулись большие инженерно-саперные работы по развитию обороны в глубину. Строились противотанковые заграждения на танкоопасных направлениях, создавались противотанковые районы, и в первую очередь в направлении Медного, Ново-Завидова, Бежецка, откуда в любой момент можно было ожидать удара противника.

Подтягивались резервы фронта. Местное население работало на строительстве противотанковых рубежей. Мужчины призывного возраста получали винтовки и тут же становились в строй воюющих подразделений.

Ставка требовала отбить у противника Калинин.

Наступление началось 21 октября.

К этому времени немцы успели подтянуть к городу дополнительные силы и значительно уплотнить оборону по всему периметру калининской дуги.

Главной ударной силой противника по-прежнему были танки. Конев же располагал несколькими десятками танков различной модификации. В основном они принадлежали 8-й танковой бригаде полковника Ротмистрова.

19 октября, за два дня до атаки на Калинин, командующий группой армий "Центр" записал в своём дневнике: "Я сказал Штраусу, что Калинин еще долго будет оставаться "кровоточащей раной" армии, если в этот район не подойдут сильные пехотные части. Потом я сказал ему, что центры приложения главных военных усилий армии должны находиться по обе стороны от Старицы. Штраус высказал предложение послать "хотя бы один танковый корпус" на север от Калинина в направлении Бежецка. Я ответил, что для этого еще не настало время, но что он — в соответствии с ранее полученным приказом — должен проводить разведку боем в этом направлении. Еще слишком рано говорить, куда лучше нацелить острие наступления 9-й армии — на Бежецк или на Торжок. Так как враг перед фронтом 16-й армии продолжает цепляться за свои позиции, есть большая вероятность того, что объектом наступления 9-й армии останется Торжок". 20 октября: "9-я армия смыкает свои ряды и медленно движется на север. 3-й танковой группе пришлось отозвать свои части, посланные в направлении Торжка, и задействовать их в боях с противником, который со всех сторон атакует Калинин". 21 октября: "Под Калинином русские продолжают атаковать".

Директива, отданная фон Боком своим войскам, действовавшим в районе Калинина, была следующей: "9-я армия и 3-я танковая группа должны не допустить отвод живой силы противника, стоящей перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии (выделено мной. — С. М.), взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем — уничтожить противника. 3-я танковая группа с этой целью, при удержании Калинина, как можно быстрее достигает района Торжок и наступает отсюда без задержки в направлении на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мста на восток. Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашии — Бежецк — Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин — Старица и южнее до подхода частей 9-й армии".

Итак, обе стороны готовились к наступлению.

20 октября Конев отдал четырём своим армиям приказ о переходе в наступление:

"...2. Войскам Калининского фронта (...) главными силами окружить и уничтожить группировку противника в районе Калинина, между рекой Волгой и Московским морем, и к исходу 21.10 овладеть г. Калинин, не допустить перегруппировки противника для наступления на юго-восток, на Москву..."

Далее командармам расписывался порядок наступления, направление атаки, время и пункты выхода на конечные цели.

Немцы успели основательно подготовиться к обороне. Свои позиции они уступали только перед явным преимуществом противника. Но и, отходя, как правило, контратаковали и в большинстве случаев возвращали первоначальные рубежи. Атаки длились несколько дней. К концу октября армии Калининского фронта выдохлись. Продвижение вперёд было незначительным. Конечная цель наступления — освобождение Калинина — не достигнута. Отдельные группы зацепились за юго-восточные и северные окраины города, но, понеся большие потери, вынуждены были отойти на исходные.

Эта книга — попытка написать биографию маршала. Но маршала без солдат не бывает. Солдаты, бойцы, красноармейцы, рядовые, сержанты, старшины, лейтенанты, капитаны — они, по большому счёту, и есть часть биографии маршала. Привожу фрагмент воспоминаний бывшего пулемётчика 185-й стрелковой дивизии В. С. Флёрова.

Давайте перенесёмся из ближнего штабного тыла в ту среду, которая непосредственно на местности, в окнах и среди развалин городских кварталов, исполняла приказы командиров и пыталась сделать реальностью замыслы штабов.

Василий Сергеевич Флёров, бывший пулемётчик 26-го пульбата 1319-го стрелкового полка 185-й дивизии: "...Два наших расчёта, прикрывая фланг

батальона, участвовали в одном из штурмов городских окраин. Пехотинцы ворвались в город, продвинулись на два-три квартала, и мы затащили станкачи в немецкие окопы. Здесь были огневые точки с укрытиями под домами, несколько отрытых в полный рост окопов в 5—7 метров длиной. Мы установили пулемет, чтобы можно было вести огонь вдоль улицы. Кругом беспорядочная стрельба: винтовочная — наша, треск автоматов — немцев. Позади частокол разрывов минометных мин, а впереди хлопки ручных гранат и разрывы снарядов. Я лег у пулемета, а братва ринулась осматривать немецкий блиндаж, обследовать соседние ДОТы. Пожар в доме через улицу разгорался, я оттащил пулемет в тень. Меня все время грызла мысль о возможной контратаке. Впереди нарастала стрельба, сквозь грохот пробивались крики, по дворам и огородам к нам, размахивая винтовками, бежали солдаты. Обзора справа фактически не было, все закрывали домишки, сараи, сарайчики и прочие хозяйственные постройки. И тут я увидел нечто, заставившее меня вскочить: дом, обычный маленький деревянный дом городской окраины как бы лопнул изнутри, и из облака не то дыма, не то пыли просунулась лобовая часть немецкого танка.

Немцы бросили в контратаку танки, против которых мы были беспомощны. Я закричал, выпрыгивая из окопа, ко мне бежали солдаты расчета. Мы подхватили станкач, завернули за дом, перебежали на другую сторону улицы, прикрываясь дымом пожарища, повели огонь в ту сторону, где, сокрушая постройки, ворочался немецкий танк. Выпустили ленту, раздалась команда: "Отходи!" Опять волокли станкач через поле, усеянное мелкими воронками. Мы оглохли от близких разрывов, но пулемет не бросали, хотя потеряли последнюю, третью коробку с нерасстрелянной лентой. Для нас все обошлось без потерь, а у соседей из 16 человек осталось только трое...

Никакого опыта уличных боев у нас не было, выбить немцев мы могли, но удержаться не удавалось. После этого стали готовить подручные противотанковые средства: брали пять обычных ручных гранат РГД, у четырех свинчивали ручки и прикручивали эти гранаты к пятой телефонным проводом. Так получалась связка, которая, понав под гусеницу, могла ее перебить и остановить вражеский танк.

29 октября 1-й и 3-й батальоны ночью штурмовали кварталы северо-восточной окраины Калинина. Немцы бросили в контратаку танки и авиацию. Уже днем пришлось отойти на исходные позиции. В этом бою, как рассказывали, командир полка майор Казак личным примером воодушевлял бойцов.

На следующую ночь новая атака — и все вновь повторилось, опять противник восстановил положение. 2-й батальон, который мы поддерживали, тоже должен был идти в наступление, но приказ отменили, послали другой батальон, а нам приказали спешно заняться изготовлением связок гранат. Как впоследствии выяснилось, командир дивизии получил сведения, что немцы попытаются танками протаранить нашу оборону у шоссе на Бежецк, и наш батальон оставили как резерв командира дивизии, как противотанковый заслон. Но, видимо, немцам было не до наступления на этом участке фронта.

Сковав немцев под Калинином, 185-я стрелковая дивизия, не добившись большого успеха, тем не менее, вместе с другими соединениями помогла другим фронтам.

..."Калининское сидение", как потом называли бойцы почти месяц боев под Калинином, закончилось. 15 ноября началось новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Одним из направлений главного удара был Клин. И нашу дивизию, числившуюся в резерве командующего Калининским фронтом, перебросили туда".

Неудача октябрьского наступления на Калинин имеет множество причин. Военные историки называют и весьма распространенную в 41-м году практику введения в бой сил и огневых средств не единой мощной группировкой, согласованной по времени, а частями. Именно начальный период войны оставил в истории множество примеров того, когда даже крупные группировки, вводимые в дело "начками", терпели поражение от противника, который уничтожал их также последовательно, частями.

Ответный удар противник нанёс 2 и 3 ноября на стыке 29-й и 31-й армий, пытаясь вновь прорваться к райцентру Медному, захватить плацдарм на северном берегу реки Тверцы и оседлать участок Ленинградского шоссе, тем самым нарушив коммуникации обороны Калининского фронта. Немцев встретили сосредоточенным огнём на заранее подготовленных и укреплённых позициях. Два дня пехотные дивизии VI-го армейского корпуса генерала Фёрстера при поддержке авиации, танков, артиллерии, миномётов и штурмовых орудий безрезультатно пытались таранить советскую оборону. На третий день, опасаясь прорыва, Конев приказал всё же отвести войска на рубежи нижнего течения реки Тьмы. Это были тыловые позиции, которые в создавшихся обстоятельствах представляли наиболее выгодную оборону. Маневр удался. Танки и пехота Фёрстера дальше не прошли ни на шаг. Следующую атаку немцы предприняли в районе Селижарова. Произошло это 6 ноября на участке 22-й армии генерала Вострухова. Противнику удалось смять оборону 22-й армии, прорваться к Селижарову и захватить город. Но Конев тут же ввёл в дело свой резерв: 54-ю дивизию полковника Есаулова и 8-ю танковую бригаду полковника Ротмистрова. Немцы были отброшены.

Ноябрь на Калининском фронте прошёл в серии взаимных ударов.

Однажды во время боёв на селижаровском направлении, в самый их пик, когда Конев бросил резерв, во время одной из контратак, были захвачены пленные. Ещё до начала допроса и по одежде, и по снаряжению сразу заметили — к фронту прибыла свежая часть. Допрос пленных, а затем агентурные сведения подтвердили догадки: немцы начали переброску войск в район южнее Калинина — накапливают крупную группировку перед фронтом 30-й армии.

Армия генерала Хоменко прикрывала клинско-солнечногорское направление, протяжённость её фронта составляла 70 километров. Боевой состав: стрелковая и мотострелковая дивизии, танковая бригада, моторизованный и запасный полки. Вторые эшелоны и резервы отсутствовали. Оборона носила очаговый характер, промежутки между опорными пунктами составляли три-четыре километра. Немецкая разведка, конечно же, перед наступлением тщательно обследовала местность, по которой 3-й танковой группе и частям 9-й полевой армии предстояло осуществить второй, завершающий этап наступления на Москву.

Правды ради надо заметить, что командарм-30 своим донесением предупреждал штаб Калининского фронта о том, что перед его фронтом в последние сутки противник ведёт переброску войск, в том числе крупных танковых соединений, что армия ослаблена предыдущими боями, нуждается в пополнении и усилении огневыми средствами, особенно противотанковой артиллерией. К сожалению, Конев не придал информации генерала Хоменко должного значения.

Немцы атаковали 15 ноября.

И. С. Конев: “Оно развёртывалось в обычном для немцев стиле — атака пехоты и танков при массированной поддержке авиации”.

Удар пришёлся на 30-ю армию Калининского фронта и на 16-ю — Западного. Противник таранил стык фронтов, обнаружив здесь самое слабое место в советской обороне и перспективное для развития удара с целью охвата Москвы с севера.

Одновременно под Тулой и Алексинем группа армий “Центр” перешла в наступление, охватывая тульскую и серпуховскую группировку наших войск с целью замкнуть гигантское кольцо окружения южнее Москвы.

Снова, как и в первых числах октября, на карту ставилось всё.

В первый день 5-я стрелковая дивизия, на которую пришёлся основной удар танкового клина, удержала позиции. Противник понёс большие потери в танках и живой силе. Но давление нарастало. Немцы подошли к Волге. Чтобы не подвергать 5-ю дивизию, стойко державшуюся на своём рубеже, угрозе охвата со стороны соседей, где наметился прорыв фронта, Конев при-

казал генералу Хоменко отвести дивизию за Волгу. Одновременно на угрожаемый участок начал переброску резервов.

Исследователи московского сражения считают это решение комфронта “обоснованным, но запоздалым”. Возможно. Но, тем не менее, 30-я армия в момент наивысшего накала боёв была усилена 185-й стрелковой, 46-й кавалерийской дивизиями, 8-й танковой бригадой и отдельным мотоциклетным полком.

К исходу 16 ноября 5-я стрелковая дивизия заняла заранее подготовленный рубеж на левом берегу Волги и отразила все попытки противника форсировать реку на этом участке. 21-я танковая бригада, 2-й моторизованный и 20-й запасный стрелковый полки продолжали вести тяжелые бои на рубеже Городня, Красная Горка, не допуская прорыва противника к мостам через Волжское (Иваньковское) водохранилище. Южнее водохранилища, у переправы через р. Ламу, дралась 107-я мотострелковая дивизия полковника Чанчибадзе с приданными частями усиления. К вечеру противник усилил нажим, бросил в бой до 60 танков и штурмовых орудий, потеснил полки Чанчибадзе и форсировал Ламу, овладев опорными пунктами Дорино и Гришкино. Мосты через переправы во время отхода были взорваны. Но это не остановило немецкого наступления, а лишь задержало его.

Спустя сутки, 17 ноября к исходу дня, войска 30-й армии действовали уже в трех расчлененных группировках: за Волгой — у Поддубья, Судимирок, Свердловка; на южном берегу Волжского водохранилища — в районе Ново-Завидовского и Завидова; восточнее р. Ламы — на участке Дмитрово, Гришкино. Брешь между группировками, действовавшими в районах Ново-Завидовского и Дмитрова, увеличилась до 20 километров.

И. С. Конев: “Для уяснения обстановки и оказания помощи командующему 30-й армией я направил в его штаб исполняющего обязанности начальника штаба фронта, генерал-майора Е. П. Журавлева. Туда же прибыл и член Военного совета Западного фронта Д. А. Лестев. Гитлеровцы нажимали. Их авиация непрерывно бомбила войска и тылы армии. В один из налетов фашистских стервятников бомба попала в избу в Завидове, где находились Хоменко, Журавлев и Лестев. Был ранен Журавлев и убит Лестев. Это была очень тяжелая утрата — Лестев пользовался большим авторитетом, стойкий коммунист, душевный человек и мужественный воин.

К 17 ноября положение на фронте еще более обострилось. Противник упорно теснил фланговые армии Калининского и Западного фронтов”.

17 ноября Ставка приняла решение передать 30-ю армию в состав Западного фронта. Жуков со свойственной ему решительностью отстранил генерала Хоменко от должности командарма и назначил на его место генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

Дмитрий Данилович Лелюшенко, талантливый командир, танкист, Герой Советского Союза, к тому времени только что вернулся из госпиталя. В октябре в районе Можайска он был тяжело ранен. Жуков, обладавший феноменальной способностью из массы военачальников выбирать, а в критический момент буквально выхватывать нужных ему людей и расставлять их на нужные места, точно определил, кто сможет справиться с ситуацией в районе Волжского водохранилища.

Впоследствии генерал Лелюшенко будет успешно командовать 30-й армией в ходе многих операций на ржевском и других направлениях в составе Калининского фронта. Затем война разведала пути двух генералов, но в 44-м снова сведёт на 1-м Украинском. Конев будет командовать фронтом, а Лелюшенко — 4-й танковой армией. Конев уже назовут в войсках “Солдатским маршалом”. А Лелюшенко — “Генерал *“ВПЕРЕД!”*” Но это будет не скоро...

А тогда, в середине ноября 41-го, когда центр тяжести боёв сместился в полосу Западного фронта, Коневу было поручена задача действовать таким образом, чтобы противник не смог снять для усиления своей ударной группировки ни одной дивизии, ни одного танка.

Говорят, что именно в эти дни Конев завёл себе палку.

Ох уж эта палка! О ней порой говорят больше, чем о том, что действи-

тельно тогда решало судьбу фронта в районе Калинин и Торжка. Мол, генерал Конев был настолько неотёсан и груб, что выстругал себе специальную палку, чтобы бить ею проштрафившихся командиров. Что ж, давайте же разберёмся и с палкой.

Слово — очевидцам.

Генерал Громов: "...мы дрались на Калининском фронте. В конце 1941-го, в начале 1942-го, трагическая, кошмарная обстановка была. Длина фронта — 580 километров. В одном месте "мешок" подозрительный. И танки лезут со всех сторон. Каждый день меня "расстреливал" Конев за то, что я танки не отражаю. Я Конева в душе уважаю. Он грубоватый, как топор, может врезать палкой, но довольно быстро отходил, иногда понимал, что не прав. Как он меня распекал! "Это что же вы делаете? Вы чем командуете? Вы знаете, что такое Ил-2? Да он если "эрэсом" по танку даст, танк переворачивается!" — "Товарищ командующий, я просил всех командармов, кто какую повинку получит, особенно танки немецкие, доставлять мне на полигон, чтобы я мальчишек приучал, и мы сами бы понимали, что за штука вишна и как ее раскусить". Как же он меня пушил: "Хоть ты и национальный герой, но я тебе спуска не дам!" У него было такое представление, что Ил-2 — идеальный самолет, и как только появится, от его выстрелов, от "эрэсов" все летит. Но ничего подобного. Может гусеницу разорвать, если попадет в слабое место, вмятину хорошую сделать. Вот когда на нем противотанковые бомбы появились, ПТАБы, другое дело..."

Свои мемуары бывший комбриг и командующий ВВС Калининского фронта написал очень откровенно, правдиво, особо не оглядываясь на авторитеты и высокое положение тех, с кем в годы войны был рядом и на равных. Палкой от Конева, видимо, попадало и ему. Но об этой пресловутой палке генерала он упомянул без обиды, без злобы. Притом отметил одну из замечательных человеческих черт характера своего бывшего командующего — незлопамятность, отходчивость. Однажды Конев, став свидетелем невыполнения одним из лётчиков-истребителей приказа, тут же распорядился: "В расход!". Громов рассудил по-своему: понимая, что в воздухе в момент боя с лётчика может овладеть минутная слабость, объявил тому наряд вне очереди и ни в коем случае больше не попадаться командующему на глаза. Но через несколько дней Конев увидел того лётчика и спросил Громова, почему тот не выполнил его приказа. "Выполнил, — сказал Громов. — Вы приказали его в расход, вот он на кухню и пошёл..." Конев только головой покачал и больше к этой теме не возвращался.

Но вернёмся к палке. Потому как она всё же была.

И — снова слово непосредственному свидетелю.

Из рассказов Главного маршала авиации А. Е. Голованова писателю Феликсу Чуеву.

"Александр Евгеньевич отмечал, что Конев был удивительно храбрым человеком. Командуя Калининским фронтом, он получил донесение, что одна из рот оставила свои позиции и отошла. Иван Степанович поехал туда и, лично руководя боем, восстановил положение. "Правда, — говорил Голованов, — я был свидетелем, как Сталин ругал его за такие поступки и выговаривал ему, что не дело командующего фронтом лично заниматься вопросами, которые должны решать, в лучшем случае, командиры полков, но храбрых людей Сталин очень уважал и ценил".

— Я тебе скажу следующее дело, — продолжает Голованов, — Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: "Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!"

Сталин, конечно же, знал о палке Конева. Но ни разу ему не выговорил. Видимо, разделял его прямоту и желание решать некоторые проблемы, минуя трибунал.

Палка же, как рассказывает дочь маршала Наталья Ивановна, у Конева появилась по причине того, что в этот период у него обострились некоторые застарелые болезни. После вяземской катастрофы обострилась язва желудка. Вернулась боль в ногу, да такая, что иногда по нескольку дней хро-

мал. Ещё до войны, готовясь к какому-то смотру войск, упал с коня и повредил ногу. Вот и завёл себе, как в народе говорят, третью ногу...

Сталин Конева растил как полководца. Многие ему прощали, особенно на первых порах. Он видел в нём будущего блестящего тактика, будущего победителя тех, кто пока был не по зубам Красной армии и её штабам. Той же любовью он любил Жукова, Рокоссовского, точно так же будет формировать Черняховского и Голованова. Влияние Сталина на Конева было огромным. Хотя во время войны встречались они не так уж и часто. Можно предположить, что Конев постоянно чувствовал Верховного Главнокомандующего рядом. Но эта тень его не угнетала, напротив, вселяла уверенность в собственные силы и решения.

Однажды в кабинете Сталина появились два новых портрета — Суворова и Кутузова. В тот день Верховный проводил совещание, и участники совещания обратили внимание на портреты прославленных русских полководцев. Начался разговор. Сталин сам подбросил щенок в огонь, зная, что среди его генералов и маршалов нет единства. Между двумя фельдмаршалами действительно всегда существовало и доныне существует некое историческое соперничество. Одни, как вспоминают участники того памятного разговора, отдавали предпочтение Суворову, другие выше ценили мудрость и осторожность Кутузова. И тогда Сталин внимательно посмотрел на Конева, приглашая к разговору его. В то время Конев в сталинском кабинете был человеком редким, вёл себя сдержанно. Конев сразу назвал Суворова, отметил в нём такие полководческие качества, как быстрота и внезапность действий, сказал, что Суворов не проиграл ни одного сражения, разбивая всякого врага, с которым ему приходилось иметь дело. Верховному очень понравилось то, с каким жаром и искренностью отстаивал свою позицию Конев.

Сам Сталин своего предпочтения не высказал. Но когда появились полководческие ордена, высшим стал всё же орден Суворова.

Конев будет награждён этим орденом дважды, оба I-й степени: в августе 1943 года и в мае 1944 года.

В мае 1945 года Конев будет вручать этот орден командующему 12-й армейской американской группой генералу Омару Брэдли.

Дважды будет удостоен и ордена Кутузова I-й степени.

Среди генералитета эти ордена подчас ценились выше “Золотой Звезды” Героя Советского Союза. Особенно в среде генералов и маршалов-фронтовиков.

Сталин, внимательно наблюдая за тем, как его питомец мужает в боях и на равных дерётся с лучшими генералами и фельдмаршалами Гитлера, ревниво ограждал Конева от нападок со стороны, от всяческих неприятностей, которые могли помешать главному. Точно так же он относился и к другим своим любимцам — Рокоссовскому, Жукову. Он считал себя их создателем, творцом. Так оно и было. И когда несправедливо умаляли заслуги кого-то из них, воспринимал это как личное оскорбление.

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: “Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населенного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал “шапку” приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. “Шапку” занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные. Я опять пошел в маинбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным, неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст!

В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил “шанку”, заголовок написал сокращенно: “Ком. 1 УФ”, упустив, что имею дело не с штабными машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развертывали заголовки. Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безымянный приказ? Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать все заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти”.

Такие, как Конев, не стремятся к наградам и звёздам. Такие стремятся к победам. А ордена и звёзды на петлицы и на погоны приходили сами собой, с победами. Личная храбрость дополняла характер будущего полководца теми бесценными чертами, которые обычно завершают портрет героя. И если порой доклад можно было подсластить пиллолей и преувеличить значение скромной победы, представив её как нечто более значительное, чем отличались во время войны почти все штабы без исключения, то личную храбрость и умение держать себя в руках в самых скверных обстоятельствах имитировать было невозможно. Солдат знал, чем пахнет окон и как ёкает селезёнка, когда надо было подниматься в атаку или когда перед окопом появлялась “бронеединица” противника.

В ноябре под Калининном был момент, когда Конев поднял роту в контратаку, и положение на угрожаемом участке было восстановлено как раз благодаря этой неожиданной стойкости отступающего, наполовину разбитого и рассеянного подразделения.

Конев сам был храбр и умел ценить храбрость своих подчинённых. Он чувствовал солдатскую душу.

Ноябрьское наступление, проводимое немцами как второй этап операции “Тайфун”, так же, как и октябрьский бросок на Москву, своей цели не достигли. Противник был остановлен.

Красная армия накопила силы и готовилась к контрудару.

Калининский фронт выполнил приказ Ставки.

Фельдмаршал фон Бок, все эти дни не покидавший своего передового командного пункта и лично руководивший последним решающим броском на Москву, как отметил в дневниковой записи за 22 ноября Гальдер, “со своей невероятной энергией он всеми силами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии и 3-й танковой группы ничего путного уже не получится. Войска здесь выдохлись... Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только может”.

Последний батальон, который действительно мог решить судьбу Москвы, тем временем находился под Калинином. Но снять оттуда его фон Бок так и не осмелился. Этот батальон день и ночь не выходил из боя, его непрерывно атаковал батальон противника, принадлежащий одной из стрелковых дивизий Калининского фронта.

Командующий группой армий "Центр" начал получать из штабов своих армий и соединений тревожные донесения: его войска не могли больше продвигаться вперед, а то, что в результате жесточайших боёв достигнуто, оплачено слишком большой кровью германских солдат. Переутомлённый и больной, фон Бок запросил главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича об остановке операции. Браухич, зная, что Гитлер отреагирует на такое известие слишком нервно, ответил, что "не в его компетенции принимать такое решение". Бои продолжились. Фон Бок, видимо, чувствовал, что русские вот-вот предпримут нечто такое, что германским войскам ещё не доводилось испытывать во время похода на восток.

И фон Бок, и фон Браухич на своих постах продержатся недолго, вскоре они будут отстранены от командования войсками и отправлены — один в резерв, другой на излечение.

Глава восемнадцатая

БИТВА ЗА КАЛИНИН И МОСКВУ. ВПЕРЕД!

"... Принято к исполнению, начинаю воевать!"

В дни калининского "сидения" в жизни Конева произошло некое событие, которое впоследствии изменит всю его личную жизнь. Однако вначале он не придавал этому событию особого значения.

Все эти дни, как вспоминал адъютант командующего Саломехин, они жили в просторной избе. Обед им готовила хозяйка. Саломехин приносил тушёнку, хлеб, и хозяйка варила им картофельное пюре, одобренное тушёнкой. Тем немногочисленный штаб Калининского фронта и питался. Когда у Конева обострилась язва желудка, он попросил Саломехина найти опрятную женщину, которая умела бы хорошо и более разнообразно готовить и которая бы согласилась ещё и убираться в его комнате. Не мог он заставлять своих сослуживцев, будь это даже рядовой боец тыловой части, принуждать ухаживать за собой. Дешифрование он возненавидел с 1916 года, когда в 212-м полку вынужден был терпеть власть глумливого фельдфебеля.

Саломехин отправился в расположение тыла 30-й армии. Разыскал заместителя по тылу, сказал: так, мол, и так, нужна скромная, работающая, чистоплотная.

— Есть такая? — спросил он тыловика.

— Есть, — тут же ответил тот. — Антонина Васильевна Петрова. Самая что ни на есть образцовая. Имеет благодарность по службе. Только ты сам с нею договаривайся. Если согласится, я отпущу.

— А где она, твоя Антонина Васильевна?

— Да вон она. — И офицер кивнул на буфетчицу.

Рассказ Антонины Васильевны Коневой (Петровой) в пересказе дочери Наталии Ивановны Коневой: "В штабе фронта, куда Антонину привез адъютант Саломехин, была комната командующего. В ней стоял заваленный картами стол, деревянная скамья, узкая железная кровать, накрытая солдатским одеялом, а под кроватью тапочки. В комнате было пыльно, неуютно. Мама тут же начала наводить порядок и чистоту. Вошел командующий — высокий, худой и очень усталый, как вспоминала мама. Он куда-то спешил и на ходу надевал шинель. Посмотрел на молоденькую девушку, растерянно стоявшую посреди прибранной комнаты, и сказал очень мягко, несмотря на суровый вид и привычку отдавать приказы: "Ну, будь хозяйкой", — и почти сразу уехал.

Их близкие отношения начались спустя полгода после этой встречи.

Он к ней долго присматривался, расспрашивал о родных, о ее жизни до войны. Она с самого начала понимала, что приглянулась командующему. Отец все больше привязывался к этой милой, кроткой с виду, но с сильным характером девушке. Молоденькая Тоня обладала той женской преданностью и надежностью, теплом и добротой, которых ему не хватало в другой жизни, с женщиной, что “не умела ждать”.

На первый взгляд, типичная ситуация. Полевые жёны были и у Рокоссовского, и у Жукова, и даже у многих командармов. Война, какой бы долгой она ни была, в конце концов закончилась, и генералы вернулись в свои семьи, к законным жёнам.

Но для Конева фронтовая любовь стала судьбой.

Антонина Васильевна Петрова родилась на хуторе Мухино Торопецкого уезда Псковской губернии в многодетной крестьянской семье. Вот откуда и трудолюбие, и умение делать любую домашнюю работу. Тем не менее Антонина смогла окончить сперва начальную школу, а потом и среднюю. В шестнадцать лет с подругами уехала в Москву, на заработки. Устроилась в Наркомат леса, буфетчицей. На паях с подружкой снимала комнату. Вскоре началась война. Подружки пошли в военкомат. Их направили в 31-ю армию. Во время вяземского сражения 31-я армия была сильно потрепана и отошла в район Ржева. Когда началось отступление и паника, кто-то из штабных офицеров приказал весь женский персонал отправить на грузовиках в Москву. В военкомате девчат начали агитировать пойти работать на заводы. Но они снова попросились на фронт. Их направили под Калинин, в 30-ю армию.

Когда случались свободные минуты, Конев просил Антонину рассказать о своей родине. Она рассказывала, какой красивый край — окрестности Торопца — Жижицкое озеро, где сохранилось имение композитора Мусоргского, каменистые холмы, поля, засеянные льном, прозрачные, как небо, реки... Конев слушал её и представлял свою родину — засыпанные снегами леса, кондовые дома Лодейна, лица земляков. Эта простая псковская девушка подарила ему то, что, как ему казалось, он потерял уже навсегда.

Живому человеку на войне — не только война...

В ночь на 1 декабря 1941 года в Ставке решалась судьба не только Калининского фронта, но и всей битвы под Москвой. Как рассказывал маршал Жуков в своих мемуарах, после тщательного и всестороннего изучения характера и результатов боев войск фронта Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых на различных направлениях 27–29 ноября, неэффективен и в дальнейшем он не принесёт тех результатов, которые нужны теперь.

Ещё накануне Коневу позвонил Сталин, поинтересовался обстановкой и пока в общих чертах, без обозначения конкретной даты, сказал, что Калинин в ближайшие дни должен быть взят.

По замыслу Ставки и Генштаба предусматривалось одновременное нанесение ударов силами Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов с целью разгрома ударных группировок противника, действовавших севернее и южнее Москвы с охватом всей западной группировки. Контрнаступление предполагало создание контрклещей, почти в зеркальном их виде.

Маршал Конев: “В соответствии с замыслом Ставки командующие фронтами приняли свои решения. Жуков решил нанести главный удар на клинском и истринском направлениях, разбить основную группировку противника на правом крыле фронта, а ударом на Узловую, Богородицк — фланг и тыл группировки Гудериана на левом крыле фронта. На правом крыле удар в общем направлении на Клин наносили войска 30-й армии, 1-й ударной армии, 20-й, 16-й армий. Должен сказать, что Западный фронт был усилен 1-й ударной армией, 20-й армией, а на левом крыле 10-й армией.

Войска Калининского фронта, не имея, повторю, превосходства в силах и средствах над противостоящей им 9-й армией противника, вместе с тем зажимали исключительно выгодное оперативное положение, глубоко охватывая с севера вражеские войска, наступавшие на Москву.

В результате активных действий наших войск в октябре — ноябре 1941 года 9-я немецкая армия развернулась, точнее, мы ее заставили развернуться, фронтом на северо-восток. Войска Калининского фронта нависали над ней. Мы знали, что 9-я армия развернута на широком фронте в одну линию, все ее войска втянуты в сражение и уже начали выдыхаться. Момент для начала контрнаступления был самый подходящий”.

Маршал Жуков (“Воспоминания и размышления”): “Командующий фронтом генерал И. С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению Калинином.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противостоят общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой.

И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И. С. Коневу по “Бодо”:

“Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен”.

Затем А. М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

“Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвертого”, — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчета Ставки и дать заверение, что он соберет все для удара.

“Иду на риск”, — заметил И. С. Конев все же в заключение”.

Возможно, Жуков таким образом хотел показать нерешительность Конева и то, что тот не был посвящён в главную суть операции, что вся машина войск, двинувшихся вперёд, попросту понесла в том же направлении и войска Калининского фронта... Не случайно упомянул и о советах Василевского, которые тот дал Коневу накануне наступления: откуда что снять и где что усилить...

Видимо, все эти размышления были связаны с тем, что первыми начали наступление всё же войска Калининского фронта. Не было у Ставки уверенности в том, что декабрьские удары перерастут в наступление всех трёх фронтов, прикрывавших московское направление. Вот и решили: пусть начнёт Конев, а там посмотрим.

Сам Конев тоже понимал, что 5 декабря может превратиться в 14–16 ноября, когда тоже пытались контратаковать и здесь, на севере, и под Серпуховом, в центре, но ничего не вышло, только израсходовали резервные дивизии.

Вот почему вырвалось это: “Иду на риск”.

Но Конев продолжал забрасывать Ставку и Генштаб просьбами о пополнении людьми и в особенностях танками. Но все основные резервы к тому времени уже были переданы Жукову, и Калининскому фронту дать было попросту нечего.

Конева иногда упрекают за то, что не смог окружить калининскую группировку немцев, что взял город штурмом, с большими потерями, что, мол, как начал наступление — не совсем удачно, — так и дальше пошло, и всё уткнулось в Ржев и дальше Ржева наступление не развивалось.

На первый взгляд, так оно и было. Но при более тщательном рассмотрении проблемы причина тогтания на месте наших войск, полукольцом охвативших Калинин, весьма банальна — не хватало сил. В отличие от Западного фронта, который перед контрударом получил из резерва несколько армий, танковых бригад, артиллерийских и дивизионов “катион”, Коневу передали всего одну стрелковую дивизию. Чуть позже, когда недостаток сил стал очевидной причиной неудач в ходе начавшегося наступления, сюда направили ещё два отдельных танковых батальона. Вот это больше походило на крохоборство. И только когда Ставка приказала Жукову вернуть 30-ю армию в состав Калининского фронта, у Конева появилась возможность более свободного и широкого маневра.

Накануне, 12 декабря, Сталин позвонил Коневу.

— Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют, — сказал Верховный. — Вместо того, чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы, как крохобор и кустарь, вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от вас, чтобы крохоборскую тактику вы заменили тактикой действительного наступления.

В трубке зашуршала тишина. Надо было докладывать.

— Докладываю: все, что у меня было собрано, брошено в бой. Группировка наших войск состоит из пяти стрелковых дивизий, одной мотобригады, превращенной в дивизию, одной кавалерийской в составе 300 активных сабель. Танковые батальоны удалось собрать только в составе легких танков к исходу 10 декабря. Дело осложнилась оттепель. Через Волгу тяжелые танки переправить не удастся. Лично не удовлетворен командармом 31-й армии Юшкевичем. Приходится все время толкать и нажимать, в ряде случаев принуждать под угрозой командиров дивизий. Две стрелковые дивизии направлены для усиления. Сегодня к исходу дня сосредоточилась одна. Требуется на приведение в порядок — раздачу оружия, освоение оружия — два-три дня. Вторая дивизия — разгрузилось два эшелона. Ваши указания поняты, приняты к исполнению. О противнике: противник, кроме обороняющихся 161 и 162 ид, подбросил частично 129 пд, один полк 110 пд. Сегодня в Чуприяновке уничтожили два батальона дивизии неустановленной нумерации. Кроме того, вчера авиация отмечала движение от Пушкино на Калинин до 800 машин. Все эти силы противника значительно потрепаны нашими действиями. Все контратаки врага успешно отбиваются. В боях захвачено пятьдесят орудий, из них восемь тяжелых — калибр 150 мм, 203 мм, 305 мм. Много другого имущества. Все.

— Какая последняя у вас обстановка?

— Сегодня овладели Марьино, Чуприяново. Идет бой за овладение Салыгино, Гришкино. В Гришкино ворвались наши танки. На участке Можжарино, Гришкино до двух полков противника. В остальном без изменения. Все.

— Большие вопросы нет. Я думаю, что вы поняли давшие вам установки. Действуйте смело и энергично. Все. До свидания.

— Понял, все ясно, принято к исполнению, нажимаю вовсю.

— Все. До свидания.

Такие наставления, которые время от времени Верховный главнокомандующий делал своим командующим, как правило, действовали магически. Дальнейшие события к северу от Москвы свидетельствуют о том, что должное впечатление они произвели и на Конева.

Маршал Жуков в “Воспоминаниях и размышлениях” действиям своего соседа справа посвятил немало строк. В частности: “В первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника, но опрокинуть врага не смогли. Лишь после десятидневных упорных боев и изменения тактики наступления войска фронта начали продвигаться вперед. Это произошло после того, как правое крыло Западного фронта разгромило немецкую группировку в районе Рогачево—Солнечногорск и обошло Клин”.

Их соперничество никогда не исчезало. И когда они воевали под Москвой, и когда подходили к Берлину, и спустя десятилетия, когда засели за ме-

муары. При этом Жуков не скупился на оценки. Конев оказался более сдержанным.

Первый значительный успех наметился на южном участке фронта: 30-я армия генерала Лелюшенко ударом из района северо-восточнее Клина отбросила войска 3-й и 4-й танковых групп. Противник откатился на линию шоссе Клин—Солнечногорск и начал немедленную эвакуацию войск и тяжелого вооружения в тыл. 20-я армия Западного фронта одновременно атакует по своему фронту, левее. Армией командует генерал Власов. Войска 30-й армии хлынули вперёд и захватили район Клина. Задвигался весь фронт.

16 декабря в 11.00 по московскому времени части 29-й и 31-й армий вошли в Калинин. В составе многих подразделений были бойцы калининских истребительных батальонов, к тому времени зачисленные в полки 5-й и 256-й стрелковых дивизий в качестве рядовых красноармейцев, младших командиров, лейтенантов и политработников. Они дрались за родной город с особым азартом и ожесточением.

Впереди были ещё годы и годы войны. Десятки освобождённых городов. Вначале России, потом Украины, Молдавии, Чехословакии, Польши, Германии... Конев станет почётным гражданином многих из них. Радость освобождённых граждан, которые благодаря советскому солдату вновь станут хозяевами своих городов и своей судьбы, будет безмерной. Но Калинин останется в памяти маршала навсегда. После войны он будет приезжать сюда по приглашению местных властей и граждан города, встречаться с ветеранами, своими боевыми товарищами.

В боях за город, в попытке отстоять этот выгодный для себя опорный пункт с хорошо развитой системой обороны противник израсходовал последние свои резервы. Армии Калининского фронта продвигались вперёд, преследуя отступающего врага.

Однако это не был бег побеждённого противника. Немцы отходили. И только на отдельных участках удавалось окружать разрозненные подразделения и уничтожать их в коротких ожесточённых схватках.

Средний темп продвижения войск вперёд в эти дни составил 6 километров в сутки. Для пехоты, более того, пешей пехоты, которая составляла основную массу войск Калининского фронта, такой темп был удовлетворительным. Жуков, с присущей ему энергией гнавший вперёд войска соседнего Западного фронта, имел примерно такой же темп марша на запад.

С продвижением войск вперёд сужалась протяжённость фронта. В таких случаях боевые порядки уплотняются. Но этого не происходило. Армии тянули. Потери убитыми, ранеными, больными, пропавшими без вести росли.

В январе наступление фронтов начало постепенно замедляться. Ресурсы дивизий иссякали. Армии Западного фронта уперлись в юхновский и гжатский рубежи обороны противника. Войска генерала Конева какое-то время продолжали обтекать сильно укреплённый Ржев, но противник предпринял серию контратак, и армии остановились.

5 января 1942 года в Ставке состоялось заседание. Сталин заслушал своих наркомов, маршалов и генералов и настоял на продолжении наступления. Главный удар намечалось нанести силами двух фронтов, Западного и Калининского, с целью охвата и разгрома группы армий "Центр". Второй удар планировался на севере, где войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояло выполнить задачу снятия блокады Ленинграда.

Жуков и заместитель Председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенский выступили против плана январского наступления. Первый заявил, что наступающие войска уткнулись в мощную, заранее подготовленную оборону противника на выгодном для него рубеже, что разумнее сконцентрировать усилия на одном направлении, западном, передав ему как командующему войсками Западного фронта все имеющиеся резервы и средства. Второй — что "государство в данный момент не располагает материальными ресурсами для обеспечения одновременно всех девяти фронтов".

Но Верховный настоял на своём.

Встречался ли Конев со Сталиным в канун нового наступления или позже, об этом сведений в архивах не обнаружено. В журнале посещений кремлёвского кабинета Конев не значится. Для сравнения: фамилия Жукова только в феврале фигурирует четырежды.

Одновременно с московским контрнаступлением крупные победы были одержаны на севере под Тихвином и на юге в районе Ростова. По выражению Жукова, у многих в те дни шапки были набекрень от удач, от хороших известий с фронтов, которые потоком шли в Ставку и Генштаб. Но в отличие от многих штабных, высокопоставленных штатских и полuvoенных, Жуков прекрасно понимал, что происходит на фронтах и что может произойти в ближайшее время. Многим казалось, что теперь Красную армию не остановить, а у вермахта исчерпан весь ресурс, что теперь немцы побегут до Берлина... Этим же построениям был подвержен и Сталин. Попытка Жукова и Вознесенского просветлить туман наступательно-победной эйфории желаемого результата не дали.

Верховный заметил, что недостаток сил и огневых средств можно компенсировать “умелыми действиями войск”, а именно: “...заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении... и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением”.

Метод концентрации артиллерии на участке прорыва, а затем её наступления вместе с пехотой до тех пор, пока не будет взломана оборона противника на всю её глубину, Конев отрабатывал ещё до войны. Под Духовицкой, Ярцевом и Калинином неоднократно пытался применить его в ходе наступательных действий своих войск. Однако в полной мере сделать это было невозможно — у артиллеристов просто не было достаточного количества боеприпасов. Заводы, эвакуированные из центральной России, ещё не наладили ускоренный выпуск снарядов для пушек и мин для миномётов. Конечно, когда нечем стрелять, *умелыми действиями* делу не особенно поможешь. Но когда боеприпасы на огневые позиции всё же доставлялись, расходовать их пужно было с умом. Известно, что бывший фейерверкер отводил артиллерии особую роль в бою, а потому перед боем умел держать артиллеристов, что называется, в тонусе.

Глава девятнадцатая

РЖЕВ, ОЛЕНИНО, ВЯЗЬМА...

“...Я убит и не знаю, наш ли Ржев наконец?”

Командир 6-й немецкой пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал пехоты Хорст Гроссман после войны написал книгу о боях подо Ржевом. Книга называется “Краеугольный камень Восточного фронта”. Само название книги свидетельствует о степени важности, которую германское командование придавало обороне так называемого Ржевского выступа, образовавшегося в ходе зимних боёв 42-го года. Хорст Гроссман, дивизия которого дралась в районе Ржева, писал: “Шаг за шагом отходила с боями 9-я армия от Калинина на юго-запад в направлении Ржева, южнее — другие армии на запад. 3 января 1942 года четыре северные армии группы армий “Центр” встали на общую линию Юхнов—Медынь—Боровск—Лотошино—Алексино—Ельцы—Селижарово (южнее Осташкова). Но на правом крыле группы армий “Север” зияла брешь почти в 45 километров. Термометр показывал минус 40 градусов! Тяжелые бои на всем фронте. И все же измотанным и замерзающим войскам, несмотря на чудовищное напряжение от численно превосходящих, отлично подготовленных для зимней кампании и хорошо вооруженных сибирских дивизий, удавалось держать цельную, правда, слабую и тонкую, линию обороны. Только постепенно отступая, командование армии могло снасти фронт от его расчленения и уничтожения по ча-

стям. Только используя гибкую тактику, было возможно отбивать атаки и не допустить прорыва”.

7 января 1942 года штаб Калининского фронта получил новую директиву Ставки: охватывающими ударами по сходящимся направлениям из района северо-западнее Ржева на Сычёвку и Вязьму отсечь основную группировку немецких войск группы армий “Центр”; одновременно левое крыло Западного фронта, ведя позиционные бои в центре, наступает на Вязьму, срывает юхновский выступ, перехватывает Варшавское, Гжатское и Вяземское шоссе. Планировался захват Ржева, Сычёвки, Гжатска. Наступающие группировки двух фронтов должны были соединиться в районе Минского шоссе северо-западнее Вязьмы. Директива Ставки была довольно амбициозным проектом 1942 года. В ней, как в зеркале, отразилось настроение, царившее в тот период в Кремле, в Ставке и в подземных казематах станции метро “Кировская”, где размещался командный пункт Генерального штаба с узлом связи и другими службами.

В штабах Калининского и Западного фронтов, на которые ложилась вся тяжесть столь масштабной операции, картина предстоящего наступления виделась не такой радужной, как в Москве. Чем ближе к передовой, тем меньше энтузиазма. Это понятно. В снежных окопах первой линии бойцы думали о том, чтобы вовремя старшина доставил термосы с горячей кашей и патроны, да чтобы не молчала артиллерия и миномёты, когда ротный даст приказ наступать на ближайшую деревню...

Немцы тем временем усиленно укрепляли занятый рубеж. Войска были отведены на линию Юхнов—Гжатск—Ржев—Селижарово, вывезена техника и тяжёлое вооружение. Здесь шло строительство опорных пунктов, инженерных сооружений, коммуникаций. Расчищались дороги и ближние аэродромы. На пределе возможного работала железная дорога, день и ночь из тыла поступали необходимые войскам грузы, новое вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты. Немцы руководствовались директивой месячной давности. Называлась она так: “Директива ОКХ относительно задач сухопутных войск на Востоке”. В основной части своей актуальности она не потеряла: “Группа армий “Центр” после завершения операций в районе Москвы должна так эшелонировать свои войска, чтобы быть в состоянии отразить удары русских против участка фронта, выдвинутого в направлении Москвы, и против своего левого фланга. Для защиты растянутого фланга группа должна предусмотреть приведение в боевую готовность резервов в районе южнее Осташкова”.

Как и в декабре, первым позиции противника атаковал Конев.

Для проведения операции в районе Старицы и севернее Ржева была сосредоточена ударная группировка в составе двух общевойсковых армий и кавалерийского корпуса, усиленная артиллерией и небольшим количеством танков.

Первой в наступление пошла свежая 39-я армия генерала Масленикова. Оборона противника была сразу же прорвана на всю её тактическую глубину. Авангарды, преодолевая незначительное сопротивление немецких гарнизонов и отдельных опорных пунктов, начали обходить Ржевскую группировку с юга. Через две недели полки первого эшелона 39-й армии стояли уже под Сычёвкой, готовясь к штурму железнодорожного вокзала. Из Сычёвки в Вязьму срочно был эвакуировано полевое управление 9-й армии. Командующий армией генерал Штраус отдал своим войскам, оборонявшим район Сычёвки, приказ город ни при каких обстоятельствах не сдавать, так как именно через сычёвскую железнодорожную ветку шло снабжение 9-й армии. Сам он со своим штабом отбыл в Вязьму. Вязьма тоже оказалась вдруг не тыловым местом, к ней, охватывая город с запада, юга и юго-востока, приближалась ударная группировка Западного фронта: 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова и части 33-й армии генерала Ефремова.

После прорыва в образовавшуюся брешь Конев ввёл 11-й кавалерийский корпус полковника Горина и 2-ю армию генерала Шенцова.

Наступление шло в тяжелейших условиях морозной и снежной зимы 42-го года. Леса, болота, реки, овраги, бездорожье. Орудия разбирали и везли на

саях. Тяжёлая артиллерия отставала, и зачастую опорные пункты приходилось брать без достаточной огневой поддержки. Несмотря на всё это, ударная группировка Калининского фронта к 26 января 1941 года продвинулась вперёд на 110 километров и перехватила Минское шоссе западнее Вязьмы. Задача была выполнена. Кавалеристы, седлая автостраду, отрывали в снегу окопы, сооружали снежные валы, обливали их водой, устанавливали у дорог противотанковые орудия. Уже слышалась впереди, западнее Вязьмы, канонада. Там навстречу им шли ударные части Западного фронта. Казалось, кольцо вокруг сорока немецких дивизий вот-вот замкнётся и с самой мощной армейской группировкой противника будет покончено.

13 января Гальдер сделал в дневнике очередную запись: «Наиболее тяжёлый день!»

В районе Ржева крупные силы противника проникли на стыке между 6-м и 23-м армейскими корпусами в наше расположение и наступают на железнодорожную дорогу Ржев — Сычевка. В Сычевке идут бои за железнодорожную станцию. Таким образом, мы лишились единственной магистрали для снабжения 9-й и 3-й танковых армий.

Последствия этого невозможно предусмотреть».

В это время Жуков гнал вперёд свои армии, он буквально толкал в спину своих командиров и командиров дивизий. Успех правого соседа его подхлёстывал. Верховный, как бы между прочим, в телефонных переговорах ронял слово-другое о том, как хорошо наступает Конев. Сталин был тонким психологом, хорошо знал характер своих генералов. Иному подчас и морали читать не надо, достаточно сказать об успехах соседа, и кровь его закипит.

33-я армия Западного фронта, воспользовавшись узким коридором, почти не занятым войсками противника, вошла в прорыв и вскоре оказалась на окраинах Вязьмы. «Нажимайте, — напутствовал Жуков Ефремова 21 января. — Можете отличиться на этом как никогда». Но в начале февраля короткими согласованными ударами под основание прорыва немцы отрезали 33-ю от тылов. Началась медленная агония окружённых, лишенных подвоза, эвакуации раненых, возможности свободного маневра. Генерал Ефремов вместе со своим штабом тоже оказался в окружении. 33-я продержится до середины апреля. Ставка не давала разрешения на выход. Когда начнётся таяние снегов и вскрыются реки, в одночасье сделав дороги непроходимыми, а реки превратив в моря, армии разрешат выход. Во время боя на прорыв неподалёку от села Климов Завод (ныне Калужская область) тяжело раненный генерал Ефремов застрелился, чтобы не попасть в плен. Генерал Ефремов вошёл в историю Великой Отечественной войны как храбрый генерал, не бросивший своих солдат перед лицом смерти и разделивший участь большинства из них.

Кавкорпус генерала Белова, с боем пробившийся в район Вязьмы через Варшавское шоссе, которое контролировал противник, тут же был отесчён. В прорыв не смогли войти стрелковые части, артиллерия и танки. Только кавалерия.

Соединиться с кавалеристами Калининского фронта ни группировка Ефремова, ни части Белова так и не смогли. Действовали они несогласованно, разрозненно, единого командования не имели.

В середине января, когда под ударами армий Калининского фронта трещал и распадался фронт 9-й армии, когда в окружении оказался 23-й корпус, и генерал Штраус начал запрашивать штаб ОКХ о немедленном отходе, Гитлер отправил его в тыл «по причине болезни» и на его место назначил генерала танковых войск Моделя. Моделю было запрещено отступать. Более того, задачей нового командующего было восстановление положения на начало января. Моделя в немецком Генштабе называли «гением обороны», а ещё «мастером отступлений». В боях под Ржевом и Вязьмой он оппортунистически закрепил за собой обе легенды. Впоследствии, благодаря своей необыкновенной энергии, интуиции и точному расчёту в принятии мгновенных решений, а также бесстрашию, приобретёт третью — «пожарный фюрер». Он покончит с собой в апреле 45-го, запертый американцами в рурском «котле». Человек долга и чести, как о нём после войны скажет бывший его

сослуживец, военный историк Вильгельм фон Мелленгген, он будет выполнять свой долг до конца с присущей ему беспримерной дисциплинированностью. К тому времени фельдмаршал, командующий группой армий “Б” — двадцать одна дивизия — 15 апреля он отдаст приказ о прорыве самых боеспособных групп на восток, подальше от русских, 17-го издаст приказ по группе армий об увольнении из вооружённых сил младших и старших возрастов, а 18-го застрелится, перед этим приказав адъютанту похоронить его там, где упадёт его тело...

Генералу Моделю только что исполнился 51 год. Русскую кампанию он начал командиром 3-й танковой дивизии, в октябре возглавил XXXI моторизованный корпус. В октябре 41-го передовые части корпуса заняли Зубцов, Старицу, Погорелое Городище, а затем первыми ворвались в Калинин. Его танки гасили все контратаки 31-й и 29-й армий. Он не позволил Коневу сомкнуть вокруг “шверпункта” Калинин. А потом так и не отдал Ржева. Кроме высоких полководческих качеств, Модель обладал и другими — он был убеждённым нацистом. Именно 9-я армия первой начала массовые облавы на подростков и молодёжь на оккупированной местности с целью их отправки в рейх в качестве бесплатной рабочей силы. Вербовать бельгийских, французских и швейцарских рабочих для Германии было экономически невыгодно — тем пужно было платить, предоставлять хорошие бытовые условия для проживания. А русских можно было содержать в свинарниках и кормить баландой и заставлять работать под страхом смерти. Конев знал, как немцы обращаются с местными жителями. Насмотрелся и на сожженные деревни, наказанные немцами за то, что молодёжь, чтобы не быть угнанной, пряталась с лесу. Видел повешенных, пытавшихся бежать из вагонов на отправку.

Коневу и Моделю долго придётся стоять друг против друга на ржевском рубеже. Летом 43-го, произведя искусный маневр отхода, Модель со своей 9-й армией займёт исходные на левом, северном крыле Курской дуги, а Конев располжит свой Степной фронт на южном фланге. На этот раз судьба разведёт их.

Основная тяжесть боёв за Ржев легла тоже на Калининский фронт. Ударные группировки великолепно выполнили свою задачу — прорвали оборону противника и охватили её группировки. Теперь предстояло завершить операцию — полностью блокировать район Ржев—Вязьма—Юхнов и добивать группу армий “Центр” в гигантском “котле”. Но замысел такого масштаба невозможно было осуществить наполовину выбитыми, усталыми дивизиями. Ровно через год сталинградская история покажет, насколько это непросто и какая нужна подготовительная работа, чтобы состоялось более скромное окружение с последующим разгромом противника.

Однако проба сил, первая тренировка штабов и войск на охват крупных сил противника состоялась именно здесь. Более того, практически непрерывающееся сражение на ржевско-вяземском выступе, как теперь стало совершенно очевидным, было частью Сталинградской битвы: немцы были связаны постоянными атаками наших войск так, что не смогли перебросить на юг, в район Сталинграда, ни одного тактического соединения.

И если быть уверенным в том, что так оно и было, монолог героя стихотворения Александра Твардовского “Я убит подо Ржевом...” воспринимается не как завешание *бесмысленно* погибшего и не как своего рода завешание жертвы войны, бессмысленной бойни, как это трактовалось некоторыми литературоведами и публицистами, а как монолог героя, выполнившего свой солдатский долг до конца, по сути дела победителя во имя будущей, более значительной, быть может, великой победы, но при этом не претендующего на славу победителя. Миссия Калининского фронта, а затем и части войск Западного фронта была именно такой. Пока на юге не решилась судьба Сталинграда.

15 января с некоторым опозданием вперёд двинулась 22-я армия генерала Вострухова. Тем не менее, она быстро развивала удар на юг и юго-восток, стремительно охватывая противника в районе Оленино. В окружении оказалось семь немецких дивизий.

В помощь войскам двух фронтов Ставка бросила в наступление право-фланговые 3-ю и 4-ю ударные армии Северо-Западного фронта, подчинив их штабу Калининского фронта. Эти армии в январе 42-го действовали довольно успешно, очистив от противника обширный район и углубившись за запад до 250 километров. Они освободили города Тороец, Андреаполь, Западная Двина, уничтожили крупный опорный пункт немцев Пено и перехватили железнодорожный перегон Ржев—Великие Луки. 3-й ударной командовал генерал Пуркаев, а 4-й ударной — генерал Ерёмченко, только что прибывший из отпусков.

Для Андрея Ивановича Ерёмченко назначение на армию было понижением в должности после командования Западным, Центральным, Брянским фронтами. Но там его хронически преследовали одна неудача за другой. В основном — в виде сильных противников, таких, как генерал Гудериан. Ерёмченко лично Сталину обещал разбить “подлеца Гудериана”, но был им разбит сам, к тому же тяжело ранен. Сталин недолго любил Ерёмченко, и в первую очередь за склонность к лёгким обещаниям. Однако 4-й ударной армией в ходе Торонецко-Холмской операции, действовавшей совместно с 3-й ударной, удалось достигнуть, пожалуй, самого значительного успеха в этот период боёв. Ерёмченко умело и энергично вёл свои войска, быстро очищая от противника озёрный и лесной край западнее Осташкова. Уже к концу января ударная группировка этих двух армий охватила с юга Демянскую группировку немцев и вышла к Витебску. Для сравнения: если бы так действовали армии Западного фронта, к примеру, на оси Варшавского шоссе, то они к этому времени стояли бы юд Рославлем и Ярцевом у Смоленска.

Войска Конева и Жукова, несмотря на все трудности, граничащие с объективной невозможностью выполнить то, что приказывала Ставка, благодаря своему упорству, способности действовать на грани возможного, а точнее, невозможного, поставили группу армий “Центр” и правое крыло группы армий “Север” в тупик.

Январь 42-го стал ником атак в районе дуги Вязьма—Ржев—Холм. Казалось, ещё чуть-чуть...

Но роль личности в истории всё же велика. Новый командующий 9-й полевой армии сумел совладать и с собственными нервами, и с порученным ему участком фронта.

В конце января Модель предпринял ряд мер по деблокированию войск, окружённых в районе Оленино, и одновременно перехватил узкий коридор, по которым ударная группировка, пробившаяся к Вязьме (29-я, 39-я армии и 11-й кавалерийский корпус), осуществляла подвоз. В какой-то момент Конев понял, что новый командующий противостоящей его наступающим войскам 9-й армии переиграл его. Армии Западного фронта выходом в заданные районы запаздывали. Чтобы спасти ситуацию, Конев приказал генералу Лелюшенко срочно перебросить свои дивизии с левого фланга, где ситуация была более благополучной, на правый, чтобы предотвратить окружение глубоко ушедшей вперёд и растянувшей свои коммуникации ударной группировки. Но тут случилось то, чего комфронта никак не ожидал от одного из лучших своих командармов.

Генерал Лелюшенко вдруг отказался выполнить приказ, сославшись на то, что дивизии вымотаны боями и бесконечными маршами, что некоторые из них ещё в пути. 30-я армия, согласно приказу Конева, должна была выйти на правый фланг к исходу 23 января. Сроки были нереальными. Лелюшенко, видя непреклонность Конева, обратился напрямую в Ставку. К тому времени в 30-й армии остались три дивизии. В некоторых полках — по 85—100—120 активных штыков. Армия только что вышла из жестоких боёв под Погорелым Городищем и представляла собой жалкие остатки того, что было брошено в бой полтора месяца назад. Он изложил все свои соображения, при этом заметив, что “ожидаемого тов. Коневым эффекта, при указанных обстоятельствах, армия дать не может”.

Но Лелюшенко видел перед собой армию, Конев — фронт, у которого появились серьёзные проблемы, а Ставка — угрозу всей Ржевско-Вяземской операции, и приказала командарму-30 следовать указаниям комфронта и, не медля, занять северный участок фронта.

Генерал Лелюшенко был опытным и храбрым командиром. Но то ли в нём выиграло что-то субъективное (Герой Советского Союза, получивший Золотую Звезду в 40-м за удачный прорыв на “линии Манштейна”, да и не Конев, а другой командующий, другого фронта поставил его на армию), то ли в действительности армия находилась в крайне плачевном состоянии, но факт есть факт — обратился за приказом через голову. Однако Конев сумел в себе подавить вспышку гнева, владеть собой он умел. Передал Лелюшенко две дивизии и направил на правый фланг, выручать из беды 29-ю армию генерала Швецова.

Забегая вперёд, замечу, что с Лелюшенко Конев дойдёт до Берлина. Характеры их притрутся. Война постепенно отбирала лучших. К 44-му окончательно отобрала. Рыбалко и Лелюшенко, два командующих танковыми армиями, как два свирепых ветра, послушные воле маршала, будут сметать всё на пути 1-го Украинского фронта. И Конев подпишет представление одному из лучших своих командармов ко второй звезде Героя. Но это произойдёт не скоро.

А тогда, в 41-м, приходилось драться на пределе сил, отдавать невыполнимые приказы и исполнять их.

Модель замкнул кольцо окружения вокруг 29-й армии. Все попытки Лелюшенко пробиться к окружённым полного успеха не имели. Захватывали одну-две деревни, закреплялись в них, потом противник отбивал одну из них. Потом снова возвращали её. Силы истощались.

Ставка требовала от командующих войсками Западного и Калининского фронтов продолжения наступления. Жуков топтался перед Юхновом и Сухиничами. Конев не мог взять Ржев. В начале февраля немцы в результате серии согласованных ударов с применением танков, штурмовых орудий и авиации отбили ударные группировки Калининского и Западного фронтов от Вязьмы.

Стало очевидным, что положение на фронте изменилось. Противник в результате мощного контрнаступления наших войск отошёл на восток, занял заранее подготовленный рубеж обороны, произвёл перегруппировку сил, подтянул резервы и приступил к добросовестному выполнению стоп-приказа Гитлера, который гласил: ни шагу назад! Немцы зарывались в землю до весны, до нового наступления.

Но Модель не ждал ни весны, ни лета, он наступал. В феврале немецкие войска начали дробить на части “котёл”, который к тому времени они сформировали вокруг 29-й армии.

8 февраля в 5 часов 50 минут утра Коневу позвонили из Генштаба. Командующий узнал голос Василевского.

— Как дела у Лелюшенко? Что у Швецова? — спросил Василевский.

— У Лелюшенко сегодня в течение всего дня и ночи идёт напряжённый бой. Противник оказывает упорное сопротивление, жертвуя силами, которые здесь находятся. Сегодня особенно активизировалась авиация противника по боевым порядкам Лелюшенко, Швецова и по тылам до Мологино. К исходу дня Лелюшенко окончательно очистил от противника Соломино. 359-я стрелковая дивизия ночью наступает на Лобзино. 363-я, 371-я и 375-я ведут бои за Ножкино, южнее Кокошкино, отбили неоднократные атаки противника силою до батальона с тремя-пятью танками. 174-я наступает на Тимошево, Кокош, обеспечивая армию слева и разворачивает проход.

— Что говорят пленные?

— По показаниям пленных, захваченных на разных участках наступления, перед фронтом армии Лелюшенко действуют 86-я, 216-я пехотные дивизии, полк СС, части 251-й пехотной дивизии. Пленные показывают, что главная позиция обороны немцев Соломино—Клепонино—Кокош—Большое Косачёво. Следовательно, эта главная позиция сломана, уничтожены основные узлы в Соломино и в Клепонино. До Швецова осталось три-четыре километра. Сегодня отдан приказ во что бы то ни стало преодолеть эти последние километры и соединиться со Швецовым.

— Как себя чувствует Швецов? Что там у них? Жмут?

— Жмут, товарищ Василевский. Несколько часов назад получил от не-

го донесение. Его НП в Каменцах уничтожен. До двух полков пехоты с семью танками наступают на его опорные пункты Ступино, Звягино, Окороково. Пробирается навстречу Лелюшенко. Швецов слышит бой южнее Волги и видит разрывы снарядов артиллерии Лелюшенко в районе деревень Жуково и Бугрово. Я отдал приказ Швецову упорно драться в окружении до подхода Лелюшенко и частью сил пробиваться навстречу Лелюшенко. Прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу усилить Лелюшенко ещё тридцатью танками, из них двадцать Т-34 и десять КВ, причём КВ, лично убедился, могут быть использованы хорошо вдоль дорог.

Никаких танков для Лелюшенко, чтобы выволить из окружения остатки 29-й армии Швецова, Конев не получил. Ставка делила свои усилия между Западным, Калининским и Северо-Западным фронтами, между желанием овладеть Юхновом и Вязьмой, Ржевом и Холмом. Желаящий получить всё не получает ничего...

В середине февраля остатки 29-й армии оказались сдавленными в Мончаловских лесах западнее Ржева на территории размером менее двадцати квадратных километров. Немцы уже свободно простреливали расположение частей генерала Швецова из артиллерии и тяжёлых миномётов, поражая любые цели. Самолёты-разведчики непрерывно висели в воздухе, корректируя огонь наземных частей.

Ставка в это драматичное время приказывает Коневу все свежие резервы, прибывающие из тыла, бросить в направлении Холма, в помощь 3-й ударной армии генерала Пуркаева. Ещё 9 февраля Василевский Пуркаеву передал по телефону приказ Верховного: "Учитывая наличие сил в армии в данный момент, основными задачами на ближайший период поставить — срочно, прикрывшись со стороны г. Великие Луки, овладеть городом Холм и одновременно во взаимодействии с войсками Северо-Западного фронта окружить и уничтожить демянскую группировку противника. Повторяю — разгром демянской группировки противника и овладение Холмом при прочной обороне на великолукском направлении являются основными и единственными задачами армии на ближайший период".

Армиями командовали из Ставки и из Генштаба, порой даже не ставя в известность комфронта. Да что там армиями — дивизии, бригады выдёргивали из-под руки, чтобы перенаправить их удар в нужном направлении.

Ещё в начале февраля Ставка приняла решение объединить усилия двух фронтов, Западного и Калининского, с целью более тесной координации действий и оперативного принятия необходимых решений для успешного проведения Ржевско-Вяземской операции. Было образовано ранее существовавшее Западное направление. Командование войсками общего направления Ставка возложила на Жукова.

Порой случалось так, что штаб Жукова отдавал один приказ, Конев настаивал на своём. Так случилось и с выходом из окружения 29-й армии. Жуков приказал Швецову выходить в полосу 22-й армии, так как противник там держал слабую группировку. Но Конев настаивал на прежнем направлении, юго-западном. 17 февраля в помощь окружённым был выброшен батальон десантников. Одновременно выслана ударная группа из состава 81-й танковой бригады — 10 танков и рота автоматчиков.

Выход остатков 29-й армии начался в ночь на 18 февраля. Несколько суток тянулись из лесов обозы с медсанбатами, пла усталая, измученная бессонницей, нескончаемыми стычками с противником, голодная и холодная пехота. Основной поток вышел на позиции обороны 39-й армии. Некоторые группы пробились к боевым порядкам 30-й армии Лелюшенко.

Но некоторым сведениям, вышло чуть более 6 000 человек. Тяжёлое вооружение было выведено из строя и брошено. Часть орудий закопана в землю. Последние дни солдаты кормились мясом убитых и павших от истощения и непомерных нагрузок лошадей.

Потери 29-й армии составили 14 000 человек. Убитыми, пленными, ушедшими в партизаны, оставшимися в деревнях.

Среди тех, кому посчастливилось выйти к своим, была группа писателей. Среди них Александр Фадеев и Борис Полевой. Фадеев о той кошмарной по-

ездке на фронт не написал ни строчки. Да и вспоминать не любил. Насмотрелся. А Нолевой оставил следующие записи.

“Все здесь простреливается даже не из орудий, а из минометов. Бьют по скоплению людей, бьют по кострам, по любому дымку. Не брезгают и отдельным бойцом, если он зазевался на открытом месте.

Ходим только по лесу. Странный это лес. Он весь посечен и поломан снарядами и минами. По ночам на машинах с величайшей осторожностью, без огней, по дорогам, выющимся по дну промерзших оврагов, подвозят боеприпасы. Продукты бросают с самолетов, но больше все мимо. Выкапываем из-под снега лошадей кавалерийского корпуса, побитых здесь еще осенью, пилим замерзшую конину, строгаем ее ножами на тонкие куски и, натерев чесноком, а на худой конец хвоей, чтобы отбить запах тления, откусываем и глотаем, стараясь не дать ей растаять во рту...

В полку по сотию, а то и по несколько десятков активных штыков...”

Западный фронт пошёл ещё более серьёзные потери. В окружении оказался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, части 4-го воздушно-десантного корпуса полковника Казанкина, Западная группировка 33-й армии. Корпуса долго будут скитаться по лесам, удерживать обширный район в партизанских лесах Смоленщины. Но 33-ю армию ждала горькая судьба. В апреле, когда, наконец, генерал Ефремов получил разрешение на выход, немцы сожмут “котёл”, ударят по советским войскам на марше, рассеют выходящие колонны. Генерал Ефремов будет сражаться до последней возможности и, когда станет очевидной угроза пленения, застрелится.

Одновременно против 11-го кавалерийского корпуса немцы бросили две пехотных дивизии. Но генерал Соколов сумел вывести из-под удара своих конников. Вместе с частями 39-й армии они вели бои в полуокружении до лета.

Директивы, которые шли и шли из Ставки, заклинали войска Калининского фронта об одном: “...ликвидация ржевско-гжатского-вяземской группировки противника недопустимо затянулась”; “уничтожить оленинскую группировку, захватить Ржев, овладеть Белым...” Группировка войск Калининского фронта усиливается резервами: гвардейским стрелковым корпусом, семью стрелковыми дивизиями, четырьмя авиаполками. Казалось бы, мощь!

Но по ту сторону фронта тоже шла, кипела работа по укреплению передовых линий и тылов. Резервы для некоторых боевых участков доставлялись на самолётах прямо из Германии, Чехословакии и Франции.

Только что получивший звание генерал-полковник Модель, казалось, дневал и почевал на передовой, появляясь то на НП командира батальона, то в расположении истребителей танков, то на собрании офицеров дивизии.

Командир 6-й пехотной дивизии, стоявшей под Ржевом, генерал Гроссман рассказывал такой случай. Гитлер имел обыкновение вмешиваться в дела командующих армиями и группами, перебрасывать дивизии и корпуса туда, куда считал пужным оп. Вступив в командование 9-й армией, Модель решил покончить с этим раз и навсегда. Ему, как командующему наполовину проваленным направлением, необходима была полная свобода действий. Но Гитлер не изменял себе и однажды решил воспользоваться правом главнокомандующего и на участке действий 9-й армии. Начальник штаба Группы армий “Центр” по телефону сообщил Моделю, что “Гитлера очень беспокоит советская угроза Вязме, поэтому он решил не использовать XLVII танковый корпус, дивизию “Дас Рейх” и 5-ю танковую дивизию для наступления под Сычёвкой, а отвести их в резерв для использования в районе Гжатска. Испугавшись, что армию заставят наступать по двум расходящимся направлениям, 19 января Модель, кипя гневом, примчался в Вязьму из Ржева, а оттуда на самолёте вылетел в Восточную Пруссию. Модель добился личной встречи с Гитлером в обход фон Клюге, своего непосредственного начальника. Сначала он попытался изложить свои аргументы в спокойной и рассудительной манере Генерального штаба, но обнаружил, что логика на фюрера не действует. Модель чуть не пришёл в отчаяние, ему пришлось искать слова, которые дадут ему моральное превосходство над главнокомандующим германской армии. Уставившись на Гитлера сквозь монокль, Модель

грубо потребовал ответа: “Мой фюрер, кто командует 9-й армией, я или вы?”. Гитлер был потрясён столь открытым вызовом новоиспечённого командующего армией. Он попытался прекратить спор, прямо приказав использовать войска фон Фитингофа в районе Гжатска. Модель покачал головой: “Это меня не устраивает”. Растерявшийся диктатор наконец ответил: “Хорошо, Модель. Поступайте, как знаете, но вы отвечаете своей головой”.

Этот эпизод невольно заставляет подумать над тем, а смог ли бы кто-либо из советских генералов подобный диалог держать со своим Верховным? Разве что Жуков. В период московского противостояния, в октябре 41-го, когда в Ставке и в Генштабе царила всеобщая растерянность, когда Сталин, как последний свой резерв, вызвал из Ленинграда генерала Жукова, и тот, мгновенно овладев ситуацией, начал сращивать отдельные группировки, армии, дивизии и полки в фронтовое объединение.

Конев, имея твёрдый внутренний стержень, не всегда его демонстрировал. Но случались эпизоды, когда он был непреклонным и в разговоре со Сталиным. Такой разговор произойдёт зимой 43-го. На приказ Верховного наступать Конев ответит резким отказом, заявит о неготовности войск к полномасштабному наступлению, о том, что, наступая без основательной подготовки, армии понесут неоправданные потери, а достижения будут сомнительными... Так отвечать Сталину было нельзя. И через несколько дней Конев будет отстранён от командования войсками фронта. Но об этом мы расскажем в своё время.

Ржев и Холм, Вязьма, Сычёвка, Гжатск... Об эти бастионы ещё год будут разбиваться волны наступающих армий Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов, омытые их солдатской кровью. Английский историк Лиддел Гарт, размышляя о неудачах советских фронтов в схватке с группой армий “Центр” и “Север” в 1942 году, очень точно заметил, что немцы очень удачно в этот период применили тактику удержания городов-бастионов: “Эти города-бастионы были мощными препятствиями с тактической точки зрения. В стратегическом отношении они также имели большое значение, поскольку представляли собой узловые пункты путей сообщения. Немецкие гарнизоны этих городов не могли воспрепятствовать проникновению русских войск в промежутки между ними, но, блокируя пути сообщения в этих пунктах, мешали русским развить успех прорыва. Таким образом, эти города-бастионы выполняли точно такую же функцию сдерживания, на которую были рассчитаны форты французской линии Мажино. Во Франции эти укрепленные позиции смогли бы выполнить отведенную им роль, если бы цепь фортов вдоль французской границы не обрывалась на полпути, что дало немцам возможность обойти их с фланга.

Поскольку Красной Армии не удавалось подорвать оборону городов-бастионов в такой мере, чтобы вызвать их падение, глубокие клинья, вбитые советскими войсками в промежутки между ними, позже обернулись для Красной Армии недостатком. Естественно, оборонять эти клинья было труднее, чем города-бастионы, и поэтому для удержания их требовалось большое количество войск. Вклинившимся русским войскам постоянно грозило окружение в результате ударов во фланг из удерживаемых немцами бастионов.

К весне 1942 года линия фронта в России имела так много глубоких зубцов, что походила на изображение береговой линии Норвегии с ее многочисленными фиордами, далеко проникающими вглубь суши. Тот факт, что немцам удавалось держаться на “полуостровах”, красноречиво говорил о возможности современной обороны. Этот урок, как и оборона русских в 1941 году, опровергал поверхностные выводы о возможностях обороны, которые были сделаны на основе легких успехов наступающими при действиях против слабой обороны или исходя из тех случаев, когда наступающая сторона имела решающее превосходство в вооружении либо встречала плохо обученного и растерявшегося противника. Опыт зимней кампании 1941 года также подтверждал что наибольшая опасность для обороняющихся кроется в начальной стадии боев и с течением времени уменьшается, если обороняющиеся выдержат шок, вызванный угрозой уничтожения в условиях окружения, и не сдадут немедленно своих позиций.

При ретроспективном рассмотрении становится ясно, что запрет Гитлера на сколько-нибудь значительный отвод войск способствовал восстановлению у немцев веры в свои силы и, вероятно, спас их от крупного поражения, а его требование придерживаться “круговой” обороны дало им важные преимущества в начале кампании 1942 года”.

Итак, всё усилие сдвинуть немецкую оборону, все попытки вклинения с целью раздробить, расслонить, изолировать опорные пункты противника с последующим их уничтожением наталкивались на упорную оборону 9-й армии.

На фронтах наступил период напряжённого противостояния. Частные операции с целью овладения тем или иным городом, будь то всё тот же Ржев, или Холм, успеха, как правило, не имели. Они приносили лишь новые потери в живой силе и вооружении.

Обе стороны готовились к летней кампании.

Глава двадцатая

“ОЗВЕРЕВШИЕ СОКОЛЫ” КОНЕВА

“...искупить свою вину кровью”.

10 мая 1942 года во исполнение приказа Народного комиссара обороны СССР был издан приказ войскам Калининского фронта: “...в целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных ударов авиация Калининского фронта объединяется в единую воздушную армию с присвоением ей наименования “3-я воздушная армия”.

Командующим армией был назначен Герой Советского Союза генерал-майор авиации Громов. Срок формирования 3-й воздушной армии отводился минимальный — пять суток. Вся ответственность за выполнение приказа НКО, в том числе и за сроки, возлагалась на генерала Громова.

Через пять дней Громов доложил Коневу о выполнении приказа.

Громов сиял от радости. А Конев ликовал — теперь у него под рукой будет своя воздушная армия!

В состав 3-й воздушной армии входили: две штурмовые авиадивизии — 7 полков, три истребительные — 8 полков, одна ближнебомбардировочная авиадивизия — 4 полка.

Кроме того, в мае 1942 г. в 3-ю воздушную армию вошло шесть отдельных авиаполков и две отдельные корректировочные авиаэскадрильи.

В подчинении командующих общевойсковыми армиями оставалось по одному смешанному авиаполку. Они выполняли задачи в интересах армий. В основном это были задачи разведки и связи.

В оперативных сводках группы армий “Центр” с этого момента всё чаще и настойчивей появляются тревожные сообщения: “Положение в воздухе: на всём участке XLVII-го корпуса противник вёл крупные воздушные операции с многочисленными бомбардировками”; “на участке V-го армейского корпуса железнодорожная линия восточнее станции Алферово разрушена бомбардировкой...”.

В мае, когда противник перешел в наступление в районе Великих Лук и Холма, Конев приказал Громову массированными ударами авиации действовать в интересах правогофланговых 3-й и 4-й ударных армий.

В июне началось обострение в районе Ржева, Белого и Оленинно.

Однажды в штаб фронта приехал Громов. Ездил командующий 3-й Воздушной армией по фронтовым дорогам на своём “кадиллаке”, подаренном ему президентом США за героический перелёт через Северный полюс в Америку. Вошёл, поздоровался с Коневым и сказал — так, мол, и так, есть у меня друг, зовут Иваном, лётчик от бога, но авантюрист и гусар, за что может неоплатиться штрафбатом...

Только что вышел приказ № 227 от 28.07.42.: “Сформировать в пределах фронта от одного до трёх штрафных батальонов. В пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью”.

— А что натворил твой Иван? — спросил Конев.

Иван Фёдоров прилетел на фронт самовольно. Во время испытательных полётов, нарушая инструкцию, несколько раз нырнул под мост над Окой, надеясь на то, что за это его накажут увольнением из конструкторского бюро и высылкой на фронт. Но когда пролетал под мостом в очередной раз, увидел, что охрана открыла по машине огонь. Видимо, из опасения, что он может повредить мост. И тогда он решил лететь на запад. Где-то под Калининском, в районе Клина, базировался аэродром авиадивизии, которой командовал Михаил Громов. К нему и решил махнуть, ещё не зная, что его друг теперь командует воздушной армией. Но горючего хватало только до ближайшего аэродрома. Он сделал промежуточную посадку в Мошину. 419 километров — без карты. Сел, огляделся. Моросил мелкий дождь. Погода явно пелётная. На аэродроме пусто. Только на дальней площадке возле двух бомбардировщиков стоит заправщик. Подрулил к нему. Солдат заправляет самолёты. Сказал ему: “Эй, друг, срочно надо лететь. Заправь, пожалуйста”. Тот сослался на разрешение коменданта аэродрома. Фёдоров кивнул: есть, мол, разрешение коменданта... Вытащил пистолет, направил его на заправщика и сказал: “Ты в бога веруешь?” Тот начал заправлять. Но попросил, чтобы он оставил расписку. Заправился. Взлетал в последний момент, когда от КИ по полю к заправке уже мчался “форд” охраны. А вот и Клин. Сразу отыскал аэродром. Место знакомое. Осмотрелся, нет ли истребителей. Чужого могли сбить без предупреждения. Небо чистое. Чтобы привлечь внимание человека, который сейчас ему был нужен больше всего, начал выделять фигуры высшего пилотажа. Генерал Громов как раз проводил совещание с командирами авиадивизий и авиаполков. Прибежал дежурный и доложил, что какой-то сумасшедший, явно “не из наших”, закладывает над “взлёткой” немыслимые виражи. Все вышли посмотреть. И невольно залюбовались. Самолёт был действительно чужой, новый ЛаГГ-3. Некоторое время они смотрели на него, он — на них. Потом сел. Докладчик, обращаясь к Громову: “Товарищ генерал! Лётчик-испытатель Фёдоров прибыл на фронт в ваше распоряжение!” В тот же день Громов послал на авиазавод телеграмму: “Лётчик-испытатель вашего завода майор Фёдоров с согласия Народного комиссара временно переведён для выполнения спецзаданий по боевой работе в истребительную авиацию Калининского фронта”.

Конев выслушал Громова и сказал:

— Так-так... Значит, твой друг Иван дезертировал, так сказать, на фронт. А ты за паркома расписался. Так?

— Выходит, так.

— Но не с этим же ты ко мне пожаловал?

— И с этим тоже. У меня сейчас таких, как Иван, набралось человек двадцать. Кто снорову стрельбу в расположении соседней части затеял, кто женщин не поделил, кто от боя уклонился. Отправлять их в штрафбат, в пехоту, чтобы они там в первом же бою, на сухопутье... как-то не по-хозяйски. Пусть в небе искупают свою вину. До первой крови. Есть такие полёты, такие задания, которые... Ну, сами знаете.

— Да кто же с такой ордой справится? Кто за них отвечать будет?

— Иван справится.

Конев задумался. Покачал головой: мол, всегда у тебя что-нибудь из ряда вон... Но идея Громова ему понравилась.

В тот же день он позвонил Сталину и изложил свою идею по поводу того, чтобы проинтравившиеся лётчики дрались в составе своих воздушных армий, что для отбытия наказания целесообразно не посылать специалистов лётного дела в пехоту, а создавать в ВВС свои собственные штрафные части и подразделения. Сталин слушал Конева примерно так же, как Конев — Громова. Выслушав, задал тот же вопрос:

— Кому можно поручить командование этими разгильдяями?

— Есть такой человек. Я считаю, первую эскадрилью можно поручить майору Фёдорову.

— Этому анархисту? Который бросил важный военный завод и дезертировал?

— Он дезертировал на фронт, товарищ Сталин.

— Да, да, знаю. Он храбрый человек. Думаете, справится? Одно дело — личная храбрость, а другое — командовать такими же, как он.

— Справится, товарищ Сталин.

4 августа 1942 года Верховный подписал приказ Ставки ВГК о том, что с сего дня в воздушных армиях вводятся штрафные эскадрильи. Для многих проштрафившихся лётчиков, по разным причинам попавшим под суд военного трибунала, это было спасением. А советские ВВС получили эскадрильи и целые авиаполки, способные выполнять приказы, которые до этого считались невыполнимыми.

Так майор Фёдоров стал командиром первой штрафной эскадрильи 3-й воздушной армии Калининского фронта. Через некоторое время эскадрилья разрослась в смешанный авиаполк. В него входили бомбардировочные и штурмовые эскадрильи. Но основу составляли всё же истребители. Фёдоров часто вылетал на задание сам. Позывной у него был — “Анархист”.

Немцы знали о необычной эскадрилье. Не раз в бою видели их работу. Прозвали их “фалконтирами” — озверевшими соколами. В единоборство с ними вступали только опытные асы.

После войны Иван Евграфович Фёдоров любил рассказывать такую историю, связанную с “крёстным отцом” штрафной эскадрильи генералом Коневым: “Лётчиков-штрафников одели как простых красноармейцев и приносили всем без исключения звание “рядовой”. Полномочия мне дали большие: за малейшую попытку неповиновения расстреливать на месте. Я, слава Богу, этим правом не воспользовался ни разу.

Помню, командуя фронтом Иван Степанович Конев поставил перед Громовым задачу прикрыть с воздуха истребителями участок фронта в виде выступа, или “анпендикса”, километров 18.

Видимо, немецкое командование решило там создать плацдарм. Приказ Конева был такой: “Если хоть одна немецкая бомба упадет на наших пехотинцев, приеду — отдам под трибунал...”

Составили очередность и стали летать “шестерками”, барражируя над этим чертовым “анпендиксом”*. Была облачность. Летали так: группа прилетает, когда у нее кончается горючее, ее сменяет другая...

Вдруг звонит мне Громов:

— Кто у тебя летал в 9 часов утра?

— Ломейкин, Гришин... (мой друг). Они только что сели.

— Всю “шестерку” Конев приказал расстрелять и в 14.00 доложить об исполнении. Наши войска не были прикрыты с воздуха...

Я так думаю, что, возможно, из-за облачности пехотинцы не увидели наших истребителей. Дело принимало дурной оборот. И я говорю:

— С кем же воевать будем, если своих же под расстрел? Они четыре дня назад сбили одиннадцать самолетов. Я против этого, тем более что летчики не виноваты...

Скоро на аэродром приезжает сам Иван Степанович Конев на трофейном “онель-адмирале”. Кроме него, в машине еще какой-то подполковник. Конев злой, настроен на скорую расправу, кричит мне: “Знаешь, кто ты такой?” Отвечаю: “Знаю — сталинский сокол”. Конев опять: “Знаешь, кто ты такой?” Приехавший с ним подполковник торопится сорвать с меня ордена. У меня “маузер” с 25 патронами. Думаю: “Кажись, приходит время застрелиться...”

Между тем Конев приказал выделить взвод автоматчиков (“расстрельная команда”). Поодаль уже вырыты могилы, не в длину, а в глубину, чтоб предатель или штрафник лежал в земле, согнувшись в три погибели. Ритуал такой казни был хорошо отработан СМЕРШем.

Несмотря на такую нервную обстановку, я, стараясь быть спокойным, в кратком докладе все же убедил Конева, что тщательная проверка показала, что летчики район прикрывали, прикрывали за облаками и в расчетное время, и что их с земли или блиндажа могли не увидеть... Страха я тогда не ис-

* Речь идёт от Ржевско-Сычёвском выступе.

пытывал. Конев посверкал глазами, успокоился и сказал: “В первый раз отменяю свое решение”.

Мои штрафники за все время боев в воздухе сбили около 400 самолетов, не считая сожженных на земле, но эти победы им не засчитывали. Фотоконтроля тогда не велось... Так и воевали “за общую победу”. Сбитые штрафниками самолеты в штабе “раскладывали” по другим полкам, что было в порядке вещей, или вообще не засчитывали. Вот и получалось: “Каков пошел, таков и воротился”.

Что было, то было.

В другой раз Конев поинтересовался у Громова, как воюют его “озверевшие соколы”.

— Да вот, воюют. Остановить невозможно, — ответил Громов. — Иван “девятку” сколотил. Все — асы. Осмелели. Летают за линию фронта на “свободную охоту”.

— Кто им это разрешил?

— Никто. Товарищ Сталин лично дал ему позывной. “Анархист”! Но дерётся мастерски. Благодаря им у нас потери в воздушных боях сократились почти вдвое.

И рассказал Громов командующему вот какую историю.

Разведка в авиаполках была поставлена хорошо, и лётчики прекрасно знали расположение немецких аэродромов. “Девятка” Фёдорова вылетела ближе к вечеру. Аэродром отыскивали быстро. С высоты двадцати метров бросили вымпел — банку из-под тушенки с шестерней для веса и куском белой материи. В банке записка по-немецки: “Вызываем на бой по числу прилетевших. Не вздумайте шутить. Если запустите хоть на один двигатель больше — сожжем на земле”. Немцы условие приняли. Первый “мессер” взлетел, второй. Иван кричит по рации: “Гришка, твой пошел!” — “Есть мой!” — отвечает Гришка. Немец шасси убрал — наш уже рядом. Набрали высоту, разошлись — и бой начался. Иван первого сбил, бросился помогать товарищам.

Конев выслушал Громова молча. Рассказ ему понравился, по виду он не подал. Спросил:

— И что ты обо всём этом думаешь?

— Что думаю? Хорошо летать “девяткой”. Отработали они этот метод ведения боя до совершенства.

Конев покачал головой и сказал:

— Всё же эти полёты, на ту сторону, запрети.

— Уже запретил, — с тоской ответил Громов.

Вскоре на базе штрафной эскадрильи начали формировать полк. Судимость с лётчиков снимали.

Конев вызвал в штаб майора и сказал ему:

— Пиши отчёт. Предлагай, что делать со штрафниками.

— Предлагаю всех немедленно отпустить по родным полкам. Это — первое. Второе: лучших представить к правительственным наградам. Четвертых — к званию Героя Советского Союза.

— Вот и пиши представления. — И вдруг спросил: — Слыхал я, что и жена воюет?

— Да. Анна Артемьевна. Летать её учил сам, так что в бой отпускать не боюсь. На её счету три сбитых немца.

— Пиши и на Анну Артемьевну.

Летом началось новое наступление на Ржев и Зубцов. 3-я воздушная армия успешно действовала перед фронтом 29-й и 30-й армий. Задача для лётчиков была непростой: взламывание глубокоэшелонированной обороны противника перед фронтом нашей ударной группировки в полосе прорыва и на флангах на всю глубину. Решение этой задачи возлагалось на штурмовиков и бомбардировщиков. Истребители прикрывали их действия, а также действия наступавших наземных войск, в том числе танковых частей и артиллерии. Удары наносились большими группами, эшелон за эшелон.

В первый день наступления шестерка ЛаГГ-3 во главе с гвардии капитаном Лавейкиным, тем самым, которого Конев сгоряча чуть не расстрелял

за уклонение от боя, вступила в схватку с восемнадцатью бомбардировщиками. Группу бомбардировщиков прикрывали двенадцать “мессершмиттов”. Но они замешкались и не сразу бросились наперехват, оставив бомбардировщики без прикрытия. ЛаГги воспользовались заминкой, атаковали строй немецких “юнкеров”, сбили несколько машин. Остальные начали беспорядочно сбрасывать бомбы. Когда бомбардировщики повернули назад, завязался бой с истребителями противника. Капитан Лавейкин сбил одного “мессершмитта”, другого поджёг молодой лётчик из недавно прибывшего пополнения.

Особые надежды в начавшемся наступлении Конев возлагал на штурмовые эскадрильи самолётов Ил-2, считая их универсальными и совершенными боевыми машинами для поддержки пехоты. В одном из штурмовых полков командиром звена служил Георгий Береговой, будущий космонавт СССР.

Группа “Илов” сделала несколько удачных заходов, поразила цели и взяла обратный курс. Уже на аэродроме обнаружилось, что среди вернувшихся нет машины лейтенанта Берегового. Где он, что с ним, никто не знал. Прошло трое суток, и Георгий вернулся целым и почти невредимым. Но — не на самолёте, а на грузовике одной из стрелковых дивизий.

А произошло вот что. После последнего бомбометания он израсходовал не весь боезапас. Делать ещё один заход на цель — внизу всё горело — бессмысленно. Отделился от группы, которая уже ложилась на обратный курс. Сделал “горку” и тут заметил эшелон, шедший к фронту из немецкого тыла. Боевой разворот. Пошёл вдоль железной дороги, догнал эшелон. Атаковал. Разворот. Снова атаковал. Отметил прямое попадание серии бомб в паровоз. Паровоз сошёл с рельсов и потащил под откос и состав. Надо было возвращаться. Вывел свой штурмовик в горизонтальный полет, и тут почувствовал тряску. Мотор работал с перебоями. Была пробита система водяного охлаждения. Сразу начало падать давление масла. Мотор в любое мгновение мог заглохнуть, и тогда самолёт “клюнет” вниз. Земля — рядом, высоту набрать не успел. Выход один — садиться. Но внизу территория, занятая противником. Дотянуть хотя бы до нейтральной полосы, там заметят свои...

Но мотор заглох раньше. Машина заметно теряла скорость и пошла со снижением. Внизу лес. В школе военных лётчиков учили: на лес садиться так же, как на взлётную полосу. Плоскости уже рубили верхушки деревьев. Удар, другой, скрежет металла, треск дерева... Когда очнулся, увидел застрявший среди деревьев фюзеляж своего Ил-2, дымящийся мотор улетел далеко вперёд, кругом срубленные деревья...

Оттегнул лямки парашюта. Начал выбираться из кабины. Снизу тянуло едким дымом. Отдышался. А к обломкам машины уже бежали красноармейцы. Быстро вытащили стрелка старшину Анашьева. У старшины были обожжены ноги. Его тут же положили на санитарную подводу и отвезли в лазарет. Лейтенант Береговой денёк погостил у пехоты. Принимали в окопах хорошо. На прощание пехотинцы выделили ему машину и отправили в полк.

В сущности, обычная история, какие на фронте происходили каждый час, каждую минуту. О таких происшествиях командующему войсками фронта не докладывали.

Глава двадцать первая

ЗАПАДНЫЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЫ

“...я не мог считать это решение справедливым”.

В августе 1942 года Конев назначили командующим войсками Западного фронта. Жуков в должности заместителя Верховного Главнокомандующего отбыл в Сталинград.

Центр тяжести боёв, основные свои усилия на Восточном фронте немецкое командование переместило туда, на юг, в низовья Волги. Но 70 диви-

зий, которые по-прежнему стояли на центральном направлении и угрожали новым походом на Москву, заставляли Ставку держать здесь крупную группировку и по возможности постоянно усиливать её резервами и другими расходными ресурсами войны.

Как вспоминал И. С. Конев, “в течение осени и зимы 1942-го и начала 1943 года Западный фронт в основном решал задачи обороны рубежей, достигнутых в начале 1942 года. Мы проводили частные операции, сковывая неприятельские силы, чтобы исключить возможность их переброски отсюда. В это время, как известно, развертывались бои под Сталинградом. Должен заметить, что ни одной дивизии с Западного стратегического направления и, в частности, с участка, противостоявшего Западному фронту, немецко-фашистское командование на сталинградское направление не перебросило. Враг рассчитывал, видимо, что после успешной операции под Сталинградом вновь создастся благоприятная обстановка для обхода Москвы с юга и нанесения фронтального удара крупной группировкой, которая находилась в обороне против войск Западного фронта. Советское Главнокомандование, со своей стороны, разработало и подготовило план, в соответствии с которым, в случае подхода противника, советские войска должны были стремительно перейти в наступление. Были созданы ударные группировки, были даны направления ударов, но мне, к сожалению, эту задачу выполнить уже не пришлось”.

Лето под Ржевом прошло в непрерывных боях. Очередное наступление Калининского и Западного фронтов с целью разгрома ржевско-вяземско-гжатской группировки противника патолкнулось на встречный удар противника. Немцы провели операцию по ликвидации юго-западнее и западнее Вязьмы группировок кавгруппы Белова и остатков десантного корпуса. Затем приступили к ликвидации холм-жирковского выступа. Выступ занимали 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус генерала Соколова. Они действовали в районе между Белым и Сычёвкой, образуя так называемый “второй фронт”, который сильно досаждал противнику, не позволяя ему действовать здесь более свободно. 9-я полевая армия приступила к проведению операции “Зейдлиц”. В операции были задействованы двадцать три дивизии, а также авиация. Широко применялись спецподразделения, в том числе русские формирования — отдельные батальоны и роты из числа перебежчиков и военнопленных, согласившихся воевать на стороне Германии против Красной армии и большевизма.

6 июля 1942 года войска Моделя замкнули кольцо вокруг армии Масленникова и кавкорпуса Соколова. В окружении оказались также левофланговые подразделения 41-й армии и правое крыло 22-й армии. Выход окружённых какое-то время осуществлялся через коридор в районе Нелидова. Но спустя несколько дней нелидовский коридор был перехвачен. Начались отчаянные бои на прорыв. Конев приказал атаковать со стороны Нелидова навстречу прорывающимся из “котла”. Всё оказалось тщетным. Когда все меры были исчерпаны, Конев приказал вывезти из окружения полевые управления на самолётах.

На спасение штабов вылетела эскадрилья “У-2”. Тщетно кружили они над лесными полянами, пытаясь сесть. Три самолёта из девяти разбились при посадке. Остальные всё же выполнили задачу, если удачно. Генерал Масленников вылетел из “котла”, поручив командование своему заместителю генералу Богданову. Когда лётчик предложил командующему потесниться и забрать своего заместителя, возникшую неловкую паузу прервал Богданов: “Провьёмся. Нужны самолёты. Много раненых”.

Генерал Богданов был тяжело ранен во время боя на прорыв. Утром генерал Богданов и начальник политотдела 39-й армии дивизионный комиссар Шабалин свели остатки своих дивизий и частей 11-го кавкорпуса в полк. По некоторым источникам, сводный полк насчитывал до 5 000 человек. И пошли на прорыв.

Из окружения на разных участках фронта мелкие группы и одиночки выходили весь август. Всего вышло около 18 000 человек. В “котле” погибли, пропали без вести и оказались в плену более 40 000 человек. Среди по-

гибших заместителей командующего 22-й армии генерал-майор А. Д. Березин, командир 18-й кавалерийской дивизии генерал-майор П. С. Иванов, начальник штаба 39-й армии генерал-майор П. П. Мирошниченко. Генерала Иванова немцы похоронили со всеми воинскими почестями. Существует две версии гибели генерала Иванова. Первая: командир дивизии погиб во время боя на прорыв. Вторая: получив ранение в бою на прорыв, застрелился на глазах у окруживших его немцев. Генерала Богданова, умершего от тяжёлого ранения в госпитале, похоронили в Калининe.

Это сейчас мы знаем, что генералы погибли смертью героев, восхитив даже врага. А тогда, когда Коневу докладывали о чудовищных потерях, у многих в голове стоял гул: а вдруг попали в плен... Плен — хуже смерти.

В конце апреля войска облетела весть о гибели под Вязьмой генерала Ефремова. Ефремов застрелился, чтобы не попасть в плен. И генералы знали, как надо поступать в безвыходной ситуации.

Несмотря на понесённые потери, войска обеих фронтов вскоре были пополнены и приступили к выполнению очередной наступательной операции. Директива Ставки от 16 июля требовала от войск Калининского и Западного фронтов в срок с 28 июля по 5 августа 1942 года “очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территорию к востоку от р. Вазуза в районе Зубцова, Карамзинно, Погорелого Городища, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-моны в районе Ржева и Зубцова”.

Ржев не отпускал Конева. Уже больше полгода держал в кровавых объятиях. Вцепился и он в него.

Артиллерия Калининского фронта взревела 30 июля. Тучи снарядов и мин различного калибра завершали свои стремительные траектории в полосе немецкой обороны, в том числе и в кварталах Ржева, выковыривая из ДОТов и окопов огневые точки противника. Генерал Н. М. Хлебников, в то время командующий артиллерией фронта, вспоминал: “Мощь огневого удара была столь велика, что немецкая артиллерия после некоторых неуверенных попыток ответить огнём замолчала. Две первые позиции главной полосы обороны противника были разрушены, войска, их занимавшие, — почти полностью уничтожены”.

В самый разгар (первой) Ржевско-Сычёвской наступательной операции Ставка приняла решение: возложить на генерала армии Жукова “руководство всеми операциями в районе Ржева”.

Типпельскирх, подводя итог оборонительным мероприятиям августа 1942 года, писал: “Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара”.

Основная тяжесть атак легла, как и прежде, на 30-ю армию генерала Лелюшенко.

23 августа войска Западного фронта совместно с левофланговыми дивизиями 29-й армии Калининского фронта, наконец, ворвались и очистили Зубцов. Захватом Зубцова была завершена (Первая) Ржевско-Сычёвская операция.

Но бои продолжались.

В этот же день в журнале боевых действий Калининского фронта записано: “Командарм 30-й решил перейти в наступление с задачей во взаимодействии с 29-й армией уничтожить Ржевскую группировку противника и овладеть Ржевом”.

Азартный Лелюшенко, наблюдая успех соседей, — 29-я армия вышла к Волге между Ржевом и Зубцовом — уже не мог остановиться. Вскоре его дивизии вышли к Волге, с ходу форсировали её и захватили плацдарм на правом берегу в пяти километрах западнее Ржева.

Когда Конев возглавит войсковые объединения Западного фронта, он стоит перед Верховным, чтобы ему — “для удобства управления войсками” — передали 29-ю и 30-ю армии, разумеется, вместе с ржевским участком фронта.

Ржев на целый год стал его судьбой. Он так и не смог сломить Моделя и ступить на руины города освободителем.

Вступив в новую должность, а по сути дела, вернувшись на то направление, которое оставил в октябре 41-го после катастрофы под Вязьмой, Конев обратился к Сталину с неожиданным предложением — остановить намеченную гжатскую операцию, “накопить снаряды, привести войска в порядок, отремонтировать танки и самолёты и организовать заново удар 29-й и 31-й армиями с юго-востока и 30-й армией с северо-запада”. Конечную цель, ставшую делом чести, Конев сформулировал так: “Сомкнуть кольцо южнее Ржева”.

Сталин прислушался к мнению Конева и согласился с приостановкой наступательных действий. На фронте наступило временное затишье.

9 сентября на рассвете 30-я армия после полуторачасовой артподготовки атаковала позиции противника в районе Ржева. На этот раз артиллерии удалось подавить огневые точки, и стрелковые части с ходу заняли несколько кварталов на северо-восточной окраине города. Уличный бой — бой особый. Противники зачастую сходятся вплотную. Между перестрелкой и рукопашной схваткой паузы в несколько секунд. Обе стороны дрались с ожесточением обречённых, и потому никто не хотел уступать. Командир 6-й пехотной дивизии, оборонявшей Ржев, впоследствии вспоминал об этом дне: “Из всех дней борьбы за Ржев этот был жесточайший... подразделения, действовавшие в месте прорыва, были так обескровлены, что дивизию приказано было сместить...”

Илья Эренбург, автор знаменитого лозунга “Убей немца!”, в те дни написал: “Мне не удалось побывать у Сталинграда... Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоившие больше человеческих жизней, но не было, кажется, другого, столь печального — неделями шли бои за пять-шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да за крохотный бугорок...”

Ветеран 52-й стрелковой дивизии 30-й армии бывший командир огневого взвода Пётр Алексеевич Михин вспоминал о схватке в немецкой траншее: “В траншее чуть ли не по колено в воде, под водой наши и немецкие трупы, что-то мягкое и скользкое еще шевелится под ногами, а ты, балансируя на этом неровном дне окопа, увертываешься от смертельных ударов и из всех сил наносишь их сам. Кто кого. На этот раз наша взяла. Немцы перебиты. Но и нас осталось мало. Не успели отдышаться, как свежими силами теперь уже немцы атакуют и выбивают нас из траншеи. Мы снова ползем через трупное поле назад в свои окопы. Немцы стреляют в спины, и трупное поле пополняется. В отличие от старых трупов тела убитых лежат, как живые, как будто заснули...”

Антонина Васильевна по-прежнему была рядом. Теперь, и до окончания войны, “ординарец Тоня”, как в шутку называл её Конев, будет следовать за своим командующим всюду, куда бросит его фронтовая судьба, а вернее, куда направит Верховный Главнокомандующий. Заботливая, хлопотливая, она будет находить его со своими термосами даже в окопах, на передовых дивизионных и полковых НП, чтобы, следуя предписаниям врачей, генерал вовремя поел горячего. Он привыкнет к её ненавязчивой заботе, к умению всё предусмотреть и всё предупредить. Будет восхищаться её природным тактом и растить в себе новое чувство, которое осталось безответным с женщиной, которую он всё ещё любил, но которая уже не была единственной.

Их взаимные чувства, которые уже прорастали в них, поглощали их, проверит война, испытают годы разлуки. Всё у них будет, прежде чем произойдёт окончательное слияние в одну судьбу, в одну радость и в одну боль.

В современной историографии множатся мнения и досужие домыслы о том, почему да как так случилось, что ни Жуков, ни Конев так и не смогли одолеть немцев на ржевском выступе и взять город, что все операции были либо спланированы бездарно, либо так же бездарно исполнены, что генералы под руководством Сталина положили перед ржевским выступом миллион,

а то и полтора миллиона солдат, а результат оказался пулевым, и что Ржев, по сути, город воинской славы не Красной армии, а вермахта...

Перед Жуковым и Коневым стояли лучшие генералы Гитлера. В окопах сидели те, кто прошёл Францию, Польшу и Норвегию. Они прекрасно владели оружием, знали, что такое дисциплина и чувство товарищества, владели собой и готовы были умереть за великую Германию. А богу войны угодно было пайти такое поле, где неприятели могли бы сходиться многократно, чтобы состязаться в своей жестокости и свирепстве, в преданности родине и верности солдатскому долгу. И такое поле бог войны нашёл под Ржевом.

К началу октября немцы не только не смогли что-то выкроить и перебросить из центра на юг, где Гитлер готовил решающий бросок с целью отрезать промышленные районы СССР от нефти, но вынуждены были усилить свою группировку ещё двенадцатью дивизиями. Некоторые из них прибыли с юга. Генерал Гроссман писал, что 18-й гренадерский полк его 6-й пехотной дивизии в боях за Ржев потерял всех ветеранов, пришедших в Россию в 1941 году, а в целом в его дивизии, только в августовских боях, потери составили 3 294 человека.

Немцы жертвовали богу войны под названием “Ржев” многое. Они отказались от запланированной операции под Сухиничами, от наступления на Юхнов. Они отдали Зубцов и плацдармы на Волге. Они уплотнили свои боевые порядки от Велижа до Гжатска. Мокли в окопах, болели малярией, терпели засилье вшей и нашествие комаров. Мирились с тем, что партизаны в здешних лесах и деревнях — это неистребимо. И всё это ради одного — удержать в своих руках твердо, святилище — Ржев.

Известно, что одновременно с операцией под кодовым названием “Уран” — наступление советских войск под Сталинградом — штабы планировали операцию “Марс” — наступление с целью ликвидации немецкой группировки на ржевско-вяземском выступе.

Конфигурация фронта в низовьях Волги очень сильно напоминала дугу в её верховьях. Немцев магически влекла Волга. Как будто на левом её берегу их ожидало нечто, что, подобно копыю судьбы, магическим образом могло решить судьбу войны в их пользу.

Известно, что и та, и другая операции планировались при непосредственном и решающем участии заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Жукова. Масла в огонь, вокруг которого застыли в ритуальных позах, протянув руки, наши историки, подлили американский историк Дэвид Гланц. Американец произвёл сложные расчёты и вывел: по уровню подготовки, по количеству дивизий и накопленным ресурсам (боеприпасы, вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты) “Марс” выглядел внушительнее и мощнее “Урана”. Во всяком случае он называет эти операции “близнецами”.

Но генерала Моделя не постигла судьба генерала Паулюса. Модель сумел отвести рок, нависший над 9-й армией в виде армий Западного и Калининского фронтов с их амбициозными планами покончить с ржевско-вяземским выступом, угрожающим Москве.

В двадцатых числах октября 1942 года Жуков, занимаясь планированием операций “близнецов”, побывал на Калининском фронте. Засезжал ли он в штаб Западного фронта к Коневу, неизвестно. Но доподлинно известно другое: они в этот период не раз встречались у Верховного. В журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина только в сентябре они встречались дважды: 28 и 29 числа. Оба раза к Сталину Конев входил вместе с командующим войсками Калининского фронта генералом Пуркаевым, а также своим начальником штаба генералом Соколовским и членом Военного совета фронта Булганиным. Всякий раз совещания проходили в присутствии не только Жукова, но и Василевского. В октябре в кабинете Сталина Конев не появлялся. А в ноябре — снова три встречи почти в том же составе.

Так получилось, что в военной историографии “Марс” — самая засекреченная операция. Многие архивы этого периода закрыты. До сих пор не опубликована директива Ставки ВГК о целях и задачах операции. Лишь в последние годы в печати начали появляться некоторые исследования, проли-

вающие свет на эту таинственную звезду. А ведь масштабы “Марса” действительно были колоссальными. Приготовления к сталинградскому сражению выглядят куда скромнее.

Западный и Калининский фронты в черте Московской зоны обороны располагали следующей группировкой: 1 млн 890 тыс. солдат и офицеров, 24 682 орудий и миномётов, 3 375 танков и 1 170 самолётов. Сталинградская группировка к середине ноября 1942 года располагала более скромным ресурсом: 1 млн 103 тыс. солдат и офицеров, 15 501 орудий и миномётов, 1 463 танков, 928 самолётов. Цифры взяты из советского издания “Истории Второй мировой войны” и, конечно же, приблизительны. Но тенденция очевидна. Справедливости ради необходимо отметить, что и протяжённость фронта в районе проведения операции “Уран” была меньше, и плотность обороны там была помпезней. Во время операций такого рода воюет не весь фронт и не на каждом километре войска атакуют и обороняются. Войска концентрируются и уплотняются там, где это необходимо.

Фронтам Конева и Пуркаева противостояла группа армий “Центр” под командованием фельдмаршала фон Клюге: 79 дивизий, все дивизии немецкие. Ржевский выступ, как и прежде, держала 9-я полевая армия генерала танковых войск Моделя: 16 пехотных, 5 танковые, 2 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия. Уже в ходе боёв сюда было переброшено из резервов и с других участков советско-германского фронта 10 дивизий. Соотношение сил складывалось в нашу пользу.

Задачи новой Ржевско-Сычёвской операции были теми же, что и в начале года. Армии Западного и Калининского фронтов охватывающим ударом должны были прорвать фронт в двух местах, окружить 9-ю немецкую армию, разрезать её по частям и уничтожить.

Планировал операцию “Марс” Жуков. В своих мемуарах он недвусмысленно говорит об этом. Известно, что и в период боёв он бывал в войсках, в частности, на северном участке, в районе Великих Лук, где действовала 3-я ударная армия генерала Галицкого. В этой операции армия Галицкого добилась значительного успеха — освободила город Великие Луки, захватила большие трофеи.

Наступление несколько раз откладывалось из-за плохой погоды. Началось 25 ноября. Артподготовка проведена при плохой видимости и существенных результатов не дала. Пурга накрыла всё пространство. Пехота пошла в атаку и вскоре была встречена плотным огнём противника. 20-я армия всё же смогла пробить брешь в обороне противника на глубину 10 километров и ширину 3—4 километра. В прорыв были введены вторые эшелоны — стрелковый корпус и подвижная армейская группа в составе кавалерийского и танкового корпусов. Однако противник предпринял ряд контратак и закрыл брешь резервами. Часть войск оказалась в окружении и вырвалась отсюда лишь спустя несколько суток, потеряв много личного и конского состава, а также почти все танки.

8 декабря 1942 года последовала новая директива Ставки войскам Западного и Калининского фронтов: к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районах Ржев, Сычёвка, Олешня, Белый.

Жуков, находившийся в районе наступления в качестве представителя Ставки и наблюдая неумелое руководство войсками некоторых командующих, недавно назначенных на свои должности, тут же заменил некоторых из них. Полномочиями он обладал большими, характером крутым. Коснулись кадровые перестановки и Западного фронта. Командующий 20-й армией генерал Кирюхин был заменён на генерала Хозина. Кирюхин действительно не справился с управлением войсками во время атаки 25 ноября и в последующие дни. Но замена его на Хозина оказалась равноценной. Заменены были командиры танковых корпусов. А 41-й армией Калининского фронта Жуков в дни повторной, декабрьской атаки командовал сам.

Новые бои ничего, кроме новых потерь и разочарований, не принесли. Единственным утешением для выживших стало то, что они в эти зимние дни сражались здесь, на ржевском выступе 30 немецких дивизий.

Тем временем на юге, в районе Сталинграда, армии Юго-Западного,

Донского и Сталинградского фронтов трепали 6-ю немецкую армию и дивизии союзников Гитлера — румын, итальянцев, венгров.

9-я армия Моделя была измотана до крайней степени. Она так и не сможет восстановить свои силы и вскоре будет отведена с ржевско-вяземского выступа, уступив его практически без боя.

Страна праздновала победу под Сталинградом.

В сущности, если рассматривать проблему всего фронта от моря до моря, если видеть её исторически, то праздновать можно было и победу на ржевском выступе. Но...

Под Ржевом и Гжатском зализывали раны, проводили перегруппировку, исследовали причины неудач и провалов.

А в Ставке уже велась работа по подготовке новой операции Западного, Калининского, Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов на февраль 1943 года.

Из воспоминаний И. С. Конева: “Зимой 1943 года я был снят Сталиным с командования Западным фронтом в обстоятельствах, при которых я не мог считать это решение справедливым. Как командующий фронтом я получил целый ряд настороживших меня сведений о том, что немцы предполагали совершить отход с того выступа, который они тогда занимали перед Москвой.

Разумеется, я не мог пройти мимо этих сообщений, обязан был их проверить и быть готовым к тому, чтобы принять свои меры на случай, если немцы действительно начнут отход с этого выступа. Было бы целено и обидно, если бы мы с опозданием узнали об их отходе, получив бы эти сведения тогда, когда уже ничего не смогли бы предпринять, и отходящие немецкие части были бы уже в пятидесяти километрах от нас. А это вполне могло случиться, если не провести предварительной проверки полученных нами сведений.

Если бы проверка показала, что намерения немцев соответствуют нашим сведениям, — мы могли бы впоследствии при достаточной бдительности и подготовленности ударить по войскам противника в самый невыгодный для них момент начавшегося отхода, преследовать их по пятам, наносить им потери, нарушив весь их план.

Проверяя полученные сведения, я предпринял на фронте частные операции. Сначала операция была проведена с 5-й армией, которой командовал тогда генерал Я. Т. Черевиченко. Надо признать, что операция, проводившаяся армией Черевиченко, оказалась неудачной. Мы понесли неоправданные потери, и вообще она была плохо организована. Черевиченко плохо справился со своими обязанностями командующего армией, и я имею основания сказать, что он подвел меня как командующего фронтом.

После этой неудачи у меня возник конфликт с Булганиным, который был в то время членом Военного совета Западного фронта. Хотя Черевиченко действительно плохо провел операцию, часть ответственности за это, разумеется, легла и на командование фронтом, в первую очередь на меня. Но я, сказав Черевиченко все, что считал необходимым, оценив его действия достаточно жестко, тем не менее воспротивился намерению Булганина сделать Черевиченко таким “козлом отпущения” и такой ценой самортизировать возможные неприятности со стороны Ставки.

После неудачи с 5-й армией я уехал на южный участок фронта в армию И. Х. Баграмяна. Там разведывательно-наступательная операция прошла в целом удачно. Мы захватили пленных, получили нужные нам сведения, заняли несколько узлов обороны. Однако развивать наступление дальше мы не могли. Да, собственно говоря, я с самого начала не считал возможным проводить крупную операцию с далеко идущими целями, поскольку для этого у нас не было сил и прежде всего техники, не только танков, но даже достаточного количества артиллерии и боеприпасов. При всем желании и старании я не мог сосредоточить даже на главном участке прорыва ста орудий на километр фронта.

И вот, когда эта частная, удачно закончившаяся операция была в основном завершена, на командном пункте Баграмяна, где я тогда находился, раздался звонок от Сталина. Сталин раздраженным тоном спросил меня, почему я не развиваю наступление. Я ответил ему, что у меня для этого нет

необходимых сил и средств. Он стал настаивать. Я оставался при своем мнении. Он сказал:

— Смотрите, как действуют ваши соседи, как наступает Воронежский фронт! А вы!

Надо отдать должное Воронежскому фронту, он действовал в это время действительно весьма удачно, но справедливости ради следует отметить, что против войск этого фронта стояли в тот период не немецкие части, а войска немецких союзников, по целому комплексу причин в тот период куда менее боеспособные, чем немецкие части.

Отвечая на упрек Сталина в адрес Западного фронта, я сказал ему, что там, перед Воронежским фронтом, один противник, а здесь перед нами — другой, полноценные немецкие дивизии, собранные в большой кулак.

Это было действительно так. Немцы к этому времени держали под Москвой большую силу, кулак, которым в любой выигрышный момент могли ударить по Москве, если бы мы предоставили им такую возможность. На Западном фронте противник сосредоточил против нас более тридцати полнокровных дивизий. Мое решение не развивать в глубину ту частную операцию, которую провела армия Баграмяна, в значительной степени объяснялось тем, что мы не вправе были рисковать на таком участке фронта, который отстоял еще совсем недалеко от Москвы.

Когда я сказал, что перед нами другой противник, Сталин очень рассердился и резко сказал мне:

— Ну, конечно, вы не можете. Перед вами, конечно, особый противник. Сказал и бросил трубку.

Через 24 часа после этого разговора, еще находясь в армии Баграмяна и “ползая” там по переднему краю, чтобы дополнительно уточнить некоторые интересовавшие меня вопросы, связанные с возможностью отхода немцев, — а надо сказать, что я вообще, пока был на Западном фронте, весь его “использовал” по переднему краю, — так вот, именно там, — говорю об этом только потому, что это в какой-то мере усугубляло степень моей обиды, — я узнал, что пришло решение Ставки о снятии меня с командования Западным фронтом с формулировкой “как не справившегося с обязанностями командующего фронтом”.

Не буду говорить о том, насколько тяжело я это переживал, это и так понятно. Правда, не подать вида и сохранить выдержку мне, хотя с трудом, но удалось.

Баграмян переживал эту историю не меньше меня. Он присутствовал при моем предыдущем разговоре со Сталиным всего 24 часа назад и, узнав о моем неожиданном снятии, пытался душевно поддержать меня, совершенно открыто и прямо заявил, что считает принятое Ставкой решение неправильным и несправедливым.

Я немедленно выехал в штаб фронта, сдал фронт генералу Соколовскому, который был начальником штаба Западного фронта, и поехал в Москву.

У меня сложилось впечатление, что мое снятие с фронта не было прямым следствием разговора со Сталиным. Этот разговор и мое несогласие были, что называется, последней каплей. Очевидно, решение Сталина было результатом необъективных донесений и устных докладов со стороны Булганина, с которым у меня к тому времени сложились довольно трудные отношения. Сначала, когда я вступил в командование фронтом, он действовал в рамках обязанностей члена Военного совета, но последнее время пытался вмешиваться в непосредственное руководство операциями, недостаточно разбираясь для этого в военном деле. Я некоторое время терпел, проходил мимо попыток действовать подобным образом, но в конце концов у нас с ним произошел крупный разговор, видимо, не оставшийся для меня без последствий.

Состояние у меня было тяжелое, но чувства раскаяния я не испытывал. Я оставался при своем мнении, что правильно поступил, приостановив наступление. С нашими силами против той группировки немцев, которая была перед нами, в большом наступлении успехов мы иметь не могли. Могли занять кое-какие населенные пункты, для отчетности, и на взятии этих нескольких пунктов размотать силы фронта. Уложить людей недолго, наступ-

ление их быстро съедает. Ничего серьезного не добившись, фронт в итоге мог поставить себя под угрозу даже в обороне”.

Сталин, к несчастью, имел весьма распространённую слабость, которой подвержено большинство диктаторов, — он любил подхалимов, позволял им опутывать себя паутиной своей тягучей липкой лести. А значит, в какой-то мере и управлять собой. Правда, эту паутину он умел быстро, в один мах, рвать и принимал совершенно независимые решения. Проклинал подхалимов. Но потом снова позволял им приближаться и заниматься прежним ремеслом. Иногда сам приближал их к себе. Слишком сладкозвучны были их песни...

Подхалимы и интриганы напевали Верховному и о Коневе.

Возможно, некоторую роль в отстранении Конева от командования войсками Западного фронта сыграла вспыльчивость Сталина. Вспыльчивость, импульсивность — одна из родовых черт характера диктатора. Кавказ! Но на этой нежной струне кто-то сумел сыграть очень тонко и вовремя.

После отстранения от командования фронтом он приехал в Москву и, как впоследствии вспоминал, “три дня не вылезал из дому, нигде не показывался”. Но время лечит. И Конев вскоре пришёл в себя. Пошёл в Генеральный штаб, отыскал генерала Бокова и узнал от него, что происходило на фронтах. Генерал-майор Ф. Е. Боков служил в Генштабе в качестве заместителя по оргвопросам. Так сложилось, что разработки Генштаба (“канцелярии”, по выражению Сталина) Верховному докладывал именно он. Маршал Шапошников часто болел, Василевский мотался по фронтам.

Неожиданно в кабинет Бокова вошли командующий войсками Волховского фронта генерал Мерецков и член Военного совета фронта Мехлис. Она знали о смещении Конева с должности комфронта. Мехлис внешне ничем не выказывал своих эмоций, но внутренне, и это Конев сразу почувствовал, был удовлетворён произошедшим. Мерецков спросил:

— Что ты тут делаешь? За назначением?

— Ничего не делаю. Свободен.

— Как свободен?

— Сам знаешь, как... С фронта снят. Впереди — ничего определённого. Вот, зашёл узнать, как дела у моего преемника Соколовского.

— А какое-нибудь назначение получил?

— Пока нет. И это и угнетает, и раздражает больше всего. Пускай бы с понижением в звании, в должности, но — лишь бы на фронт.

— А ко мне на армию пойдёшь?

Конев усмехнулся:

— Суворов в лучшую свою пору, когда турок громил, корпусом командовал. А ты говоришь, пойду ли на армию...

Вошёл дежурный офицер и сказал, что товарищей Мерецкова и Мехлиса вызывают в Ставку.

— У нас сейчас встреча с товарищем Сталиным, — пояснил Мерецков. — Я ему напомним о тебе.

В то, что Мерецков действительно заведёт со Сталиным разговор об опальном генерале, Конев и верил, и не верил. Но Кирилл Афанасьевич сдержал своё слово. Вернее, всё произошло несколько иначе: у Мерецкова одной из армий командовал заместитель, хороший штабист, но в практических делах человек неопытный. И он попросил Сталина утвердить на должность командарма Конева.

Сталин внимательно взглянул на Мерецкова. Сразу ничего не ответил. И вдруг спросил:

— А что Конев, в каком он настроении?

— Настроение у него... Рвётся на фронт. Сказал: приму хотя бы и корпус.

Спустя час на квартиру Конева прибыл офицер по особым поручениям и вручил листок, на котором был написан номер телефона, по которому он должен позвонить в ближайшие часы.

Конев понял, что судьба его решилась. Метнулся в Генеральный штаб. Из кабинета Бокова позвонил по номеру, который ему был вручен. Послышался знакомый глуховатый голос:

— Товарищ Конев, здравствуйте. Как ваше настроение?

— Плохое, товарищ Сталин.

— Почему плохое?

— Я — солдат, в такое время солдат не должен сидеть дома, он должен воевать.

— Подождите. Дайте мне три дня на то, чтобы разобраться. Мы вас пошлём вновь командовать фронтом.

— Товарищ Сталин, если вы считаете, что я не могу справиться с командованием фронтом, то я готов ехать командовать армией. Надеюсь, что с этим я справлюсь.

— Я знаю, вы договорились с Мерецковым. Мерецков решил воспользоваться ситуацией... Нет, мы не можем себе этого позволить. Мы вас пошлём командовать фронтом. Подождите три дня, дайте мне срок разобраться. Желаю всего хорошего.

О дальнейших событиях И. С. Конев вспоминал так: “Через три дня я явился к Сталину и был назначен командующим Северо-Западным фронтом.

Направляя меня на фронт, Сталин резко и, я бы даже сказал, грубо отозвался об одном из моих предшественников на этом фронте, сказав, что тот “расстрелял веру своих солдат в победу”. Меня покорило от этой категоричности суждений. Всего неделю назад я испытал это на себе”.

Но это Иван Степанович сказал, диктуя свои воспоминания спустя многие годы. А тогда, в 43-м, он был счастлив новым назначением.

Что же произошло в феврале 43-го на Западном фронте? За что Сталин отстранил Конева от должности? Только ли придворные интриги стали причиной отлучения Конева от командования войсками?

С 22 февраля по 23 марта 1943 года левое крыло Западного фронта проводило наступательную операцию против Жиздринской группировки 9-й армии генерала Моделя. Целью операции было “развить успех, достигнутый на южном стратегическом направлении и не допустить переброски туда немецких сил с центрального участка фронта”. Подобные операции, имевшие те же цели, в это время проводились соседними фронтами: Малоархангельская операция, Севская операция, Ржевско-Вяземская, Старорусская.

Жиздринская наступательная операция проводилась силами 16-й армии генерала Баграмяна. Задачи Баграмяну были поставлены серьёзные: прорвать фронт в восемнадцатикилометровой полосе в районе Запрудное, Высокая юго-западнее города Сухиничи и наступать на Жиздру, а затем на Брянск. Совместно с войсками Брянского фронта охватить и взять Брянск.

Армия имела в своем составе шесть стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду. Для усиления удара и развития успеха сюда же, во второй эшелон, прибыли 9-й танковый корпус и танковые бригады.

Приготовления наших войск, переброска достаточно крупных танковых резервов не прошли незамеченными противником. Немецкое командование спешно усилило свои войска в районе Жиздры и Сухиничей двумя нехотными дивизиями, а также перебросило на угрожаемый участок до 100 танков и птурмовых орудий, на предполагаемых местах прорыва сосредоточило противотанковую артиллерию.

22 февраля 1943 года 16-я армия перешла в наступление. Сразу стало очевидным, что противник успел создать здесь мощнейшую оборону. Везде, где войскам 16-й армии удавалось достигнуть каких-то успехов, тут же следовала контратака с танками и при поддержке авиации. К 28 февраля наши подразделения смогли захватить ряд населённых пунктов, превращённых противником в опорные пункты, и продвинуться в глубину до пяти-шести километров. Но Баграмян к этому времени ввёл в дело все свои дивизии и рассчитывал уже только на второй эшелон. Однако танковые части второго эшелона ему не подчинялись. Превратить вклинение в прорыв 16-я армия уже не могла — выдохлась.

Баграмян запросил резервов. Но Конев вводить в бой танковый корпус не решился. Что произошло, неизвестно. Скорее всего, Конев понял всю абсурдность проводимой операции и решил приостановить её на той стадии,

когда в мясорубку под Жиздрой ещё не был брошен танковый корпус генерала Шамина. Вооружённый в основном ленд-лизовскими танками “валентайн” с лёгким бронированием и слабой 57-мм пушкой, а также ещё более уязвимыми для немецкой противотанковой артиллерии отечественными Т-60, он не сыграл бы решающей роли, а только увеличил потери.

Немцы же усилили свою группировку 5-й танковой и двумя пехотными дивизиями, спешно переброшенными с ржевско-виземского выступа.

Позже, в марте, когда Конев будет проводить наступательную операцию под Старой Руссой, на севере, генерал Соколовский бросит 11-ю армию Баграмяна вперёд с той же целью, пытаясь развить успех на тех же направлениях. Но результат окажется тем же, только более кровавым.

Сталин, однако, положительно оценил действия 11-й армии, и вскоре она стала именоваться 11-й гвардейской.

Сам Иван Христофорович Баграмян, вспоминая кровавые дни и ночи под Жиздрой, в своих мемуарах написал: “Должен признаться, что уже в то время я видел, что причина невыполнения армией поставленной задачи сводилась не только к нашим упущениям. Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки. Тогда у всех нас были еще свежи достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной Армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен, и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на все новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу”.

Иван Христофорович был очень деликатный и очень осторожный человек. Он сказал, что мог.

А вот чем так подвёл Конева командарм 5-й армии Черевиченко, остаётся тайной.

О Черевиченко Конев вспоминал со сдержанной неприязнью.

Генерал Черевиченко в годы войны прославился тем, что его 7-й стрелковый корпус успешно дрался в Берлине и брал рейхстаг. Егоров и Каптария — из 7-го корпуса.

Что же было до Берлина? В начале войны самая мощная на южном участке фронта 9-я армия оказывается разбитой и отступает. Её командующего генерала Черевиченко отстраняют от должности. Но вскоре он уже командует Южным фронтом. Доводит до катастрофы и фронт. И вот — на 5-й армии... С 5-й его убирают вместе с Коневым. В один день. Но если Конев вскоре возвращают, то Черевиченко в распоряжении Ставки находится до апреля 43-го. Потом его всё же снова ставят на командную должность — заместителем командующего фронтом. Но... не растёт жито на камне. Какое-то время он состоит кем-то при Военных советах армий и фронтов. В 44-м получает в управление Харьковский военный округ. И что же? В архивах хранится документ — приказ Сталина от 27 января 1944 года, в котором говорится о безобразном состоянии запасных частей округа: дезертирство среди бойцов, пьянство, воровство, мордобой среди офицеров; личный состав запасных частей голодает, бойцам не хватает даже хлеба, нет обуви, обмундирования... Этим же приказом Верховный отстранил Черевиченко от должности командующего округом. Но Черевиченко был другом Жукова. Вместе когда-то служили в кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. И Жуков, командуя войсками 1-го Белорусского фронта, нацеленного на Берлин, берёт старого друга к себе. Назначение произошло 27 апреля 1945 года.

Но проия судьбы заключается вот в чём: в апреле 43-го генерал-полковника Черевиченко прислали Коневу в качестве заместителя. Какое-то время служили вместе.

И. С. Конев: “Конец истории с моим снятием с Западного фронта был такой. Уже в 1943 году после взятия Харькова, когда я командовал Степным фронтом, в Москве проходило специальное совещание членов военных сове-

тов, на котором рассматривались вопросы, связанные со взаимоотношениями членов Военного совета с командованием.

Говоря об отдельных случаях неправильного отношения членов Военного совета к командующим фронтами, Сталин как пример привел историю со мной и сказал:

— Вот в свое время с Коневым не разобрались, поторопились, сняли с фронта, а смотрите, как он сейчас воюет.

В такой форме им была признана несправедливость тогдашнего молниеносного решения о снятии меня с Западного фронта. Об этих словах Сталина на совещании мне доверительно рассказывал возвратившийся с совещания член Военного совета Степного фронта генерал И. З. Сусайков.

После того как мне удалось провести некоторые положительные, на мой взгляд, мероприятия на очень сложном и очень неблагоприятном для любого человека, оказавшегося там в роли командующего, Северо-Западном фронте, Сталин в июне месяце 1943 года вызвал меня и назначил командовать Резервным фронтом.

Взаимоотношения Конева и Булганина были действительно отвратительными. Булганин как человек, понимающий политику партии, несомненно, глубже и правильней, всегда оставался ближе Сталину. Когда закончится война, это проявится особенно отчетливо. Маршалы, которых Сталин и любил, и опасался одновременно, будут отодвинуты на второй план. На первый выйдут партийцы. Любовь к военным в Кремле станет своего рода анахронизмом.

Но что же происходило на Северо-Западном фронте весной и в первой половине лета 43-го?

Ещё в январе Ставка разработала план наступательной операции под кодовым названием “Полярная звезда”. Полное окружение и уничтожение немецкой группировки (16-я полевая армия генерала Эрнста Буша группы армий “Север”) на демянском выступе. Затем, без оперативной паузы, глубоким ударом в направлении на Старую Руссу прорвать оборону противника и выйти в тыл Ленинградской и Новгородской группировкам немцев. Общее руководство ходом операции осуществлял Жуков. Войсками Северо-Западного фронта руководил маршал Тимошенко. Демянскую группировку отрезать от тылов и уничтожить изолированно не удалось. Немцы удержали “Рамушевский коридор” и вывели группировку из выступа. 4 марта 1943 года начался второй этап операции “Полярная звезда”, которая вошла в историю Великой Отечественной войны как Старорусская наступательная операция. Началась весенняя распутица, дороги распустило. Лыжные бригады пошли в бой в пешем строю. Танки свободно маневрировать не могли. Болота и реки стали непроходимыми. Явно неудачным был и сам замысел операции — повторное наступление на тех же направлениях, да ещё без средств усиления. При этом отставала даже та артиллерия и тяжёлая техника, которую войска имели. Немцы же, видя перегруппировку наших войск, значительно усилили свои оборонительные рубежи, особенно под Старой Руссой. Продвигнувшись вперёд на 10–15 километров, войска Северо-Западного фронта подошли к Старой Руссе. Здесь произошла вынужденная остановка. Ставка изымала из состава фронта и в срочном порядке перебрасывала на юг, под Харьков, 1-ю танковую армию генерала Катюкова, другие части.

С Катюковым Конева судьба ещё сведёт. Но это произойдёт не скоро. Но самые блестящие свои операции и танковые удары генерал Катюков проведёт именно под командованием к тому времени уже маршала Конева.

Началась перегруппировка. Маршал Тимошенко был отстранён от командования войсками фронта. Это по его адресу Сталин выражался резко и грубо, посылая Конева туда, в северную грязь, в старорусские хляби поправлять положение.

В конце марта наступление окончательно выдохлось, и Конев приказал войскам зарываться в землю на достигнутых рубежах, как сообщалось в сводках Совинформбюро, “южнее озера Ильмень”.

Завершилась жуткая бойня, продолжавшаяся с 4 по 19 марта. Исследователи этих событий говорят о том, что ежесуточно наша группировка теря-

ла убитыми и пропавшими без вести по 6 444 человека, что в истории Великой Отечественной войны уровень потерь был превышен только однажды — в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции, когда произошло встречное танковое сражение.

... "Ординарец Тоня" и верный адъютант Саломахин были всегда рядом и здесь, под Старой Руссой.

Глава двадцать вторая

РЕЗЕРВНЫЙ СТЕПНОЙ ФРОНТ

"Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?"

Жаркое лето 43-го... На фронтах длилась оперативная пауза. С апреля обе стороны готовились к решающей схватке. Полем предстоящей битвы на этот раз выбрали так называемый Курский выступ — линию фронта от Думищицы на севере (ныне районный центр Калужской области) и до Харькова на юге.

И. С. Конев: "Эта врезавшаяся в наш фронт дуга была для Красной армии не просто неудобным обстоятельством. Она удлиняла наш фронт почти на 500 км и требовала для его удержания значительных сил. Дуга прорезала железнодорожные пути и перегоны, перехватывала шоссейные дороги, которые вели из района группы "Центр" в направлении Харькова и представляли для наших войск важные коммуникации, расположенные, к сожалению, по ту сторону фронта. Наконец, эта дуга могла служить противнику исходным пунктом для наступления как на северном фланге группы армий "Юг", так и на южном фланге группы армий "Центр". Особую опасность она представляла на случай, если было бы решено нанести контрудар из района Харькова против советских сил. При одновременном наступлении с юга и севера можно было отрезать в ней сравнительно большие силы противника и высвободить потом значительные немецкие силы".

Собственно выступ, дуга проходила от Малоархангельска до Белгорода. Но, как всегда происходит во время стратегических операций, которые, по замыслу их авторов, образуют гигантскую центростремительную воронку, вбирающую, засасывающую в себя сотни и сотни километров окрестностей вместе с войсками, рубежами и коммуникациями, всё это пространство превратилось в колоссальное побоище. Курская битва происходила на землях нынешних Калужской, Орловской, Воронежской, Белгородской областей России и Сумской и Харьковской областей Украины.

Судя по журналу посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете, в 1943 году Конев Верховный вызывал к себе четыре раза. И все четыре посещения состоялись накануне операции "Кутузов". Последняя беседа состоялась 24 июня. Началась она в 0.30, а закончилась в 2.35. Сидели долго. Десятью минутами раньше в кабинет к Сталину зашли Василевский, Аптон и Голиков. Его, командующего войсками Степного фронта, пригласили потом.

— Стенной фронт, — сказал Сталин, обращаясь ко всем присутствующим, — должен сыграть важную роль в контрнаступлении.

Затем раскурил свою трубку и взглянул на Конева. Кивнул в его сторону трубкой:

— Вы понимаете, товарищ Конев, какое назначение вы получаете в связи с обстановкой, которая складывается на южном направлении? Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности. Если противник прорвётся, вам необходимо отразить его удары и не допустить развития прорыва дальше на

восток как на орловском, так и на белгородском направлениях. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны. Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?

— Готов, товарищ Сталин, — ответил Конев.

— Хорошо, мы надеемся на вас.

И той, и другой стороне нужен был Курский выступ. И Ставка в Москве, и руководство вермахта связывали с удачным исходом дела на этом участке фронта свои дальнейшие планы ведения войны.

Биографы Конева рассказывают о подробностях разговора в кабинете Сталина несколько иначе. Сталин в разговоре якобы рекомендовал Коневу побывать в первом эшелоне, на Воронежском фронте, “чтобы быть в курсе обстановки, знать направление возможных ударов противника...” Но перед тем, как приступить к исполнению обязанностей командующего Стенного округа, посоветовал слетать “к семье в Куйбышев”.

К семье он, видимо, ездил. Скучал по детям. Да и на Анну хотелось посмотреть.

Анна Ефимовна Конева, несмотря на то, что генеральская жена, работала в одном из военных госпиталей Куйбышева. Выполняла ту же работу, что и другие женщины из числа госпитальных служащих, — убирала, мыла, подавала, выносила, писала письма безруким, перетаскивала безногих.

Сейчас порой говорят: и как мы, страна, выдержали? Как победили? А победили единством. Все были едины. И искренни в своём единстве. Желание победить врага и освободить свою землю от иноземных приобрело силу молитвы, и эта всенародная молитва восходила к небесам с огромного пространства — одной шестой части земного шара. Это была молитва матерей о сыновьях, жён — о мужьях, дочерей — об отцах. Женщины молились, чтобы их мужчины поскорей вернулись домой. Но для того, чтобы они вернулись, им надо было одолеть врага. И они молили небеса об одолении врага.

Но главная битва происходила всё же на земле. Надо было сражаться. Действовать. И действовать лучше врага. Трудиться не покладая рук. Война — это тяжёлый труд, каждодневная, ежечасная изнурительная работа. В том числе и в тылу. Выполняли её все. В том числе и генеральские жёны. Впоследствии, по возвращении из Куйбышева Анна Ефимовна продолжила свою госпитальную миссию сестры милосердия в Москве.

Об Анне Ефимовне Коневой как о сестре милосердия рассказал мне капопник церкви Воскресения Христова, что в Тарусе на Оке, Николай Данилович Сапкин. Его ранило в 44-м. Осколок близко разорвавшейся мины перерубил несколько рёбер и остановился под лопаткой. Товарищи вынесли на плащ-палатке. В полевых условиях человеку с такой раной чем можешь? Отправили ближайшим поездом в тыл. В Москве санитарный эшелон остановился. Начальник поезда приказал снять мёртвых и тех, кого дальше везти было бессмысленно. До станции назначения было ещё больше суток пути. А этим, по его расчётам, жить оставалось несколько часов. Сняли с поезда и Николая Даниловича. Привезли в ближайший госпиталь. Стали готовить к операции. “А от меня смрад идёт, как от мёртвого, — вспоминал Николай Данилович. — Меня ведь ранило в разведке. Ползти — грязные, потные, а тут ещё кровью всего залило. Ни одежды, ни белья мне не помешали. Каким принесли с нейтральной полосы, таким в палату в том московском госпитале и занесли. Лежу. Умираю. А уже равнодушие на меня напало. Смирился, что скоро помру. Даже боль утихла. И тут приходит женщина. Средних годов. Красивая. Принесла таз и принялась мне в этом тазу мыть голову. Как мне после этого хорошо стало, господи! А потом принесла другую воду и помыла мне ноги. Лежу, а самому стыдно. Как же так, думаю, такая красивая женщина и обмывает меня. Когда ушла, унесла воду, мне сосед по палате и говорит: “А знаешь, кто тебя обмывал?” — “Нет”, — говорю. “Это, братец ты мой, жена маршала Конева, Анна Ефимовна”. Когда мне сделали операцию, когда я очнулся и открыл глаза, первой, кого я увидел, была Анна Ефимовна. Я думал, что это ангел с небес спустился и смотрит на меня, живого. После войны я долго ей открытки посылал, поздравлял с празд-

никами и благодарил за её доброту. Редкой души человек. Теперь её нет. Молюсь за упокой её души”.

В 44-м Анна Ефимовна с детьми переехала в Москву.

В “Записках...” И. С. Конев отмечает: “Как известно, в битве под Курском советские войска создали мощную, глубоко эшелонированную, хорошо организованную оборону с выгодным для нас соотношением сил сторон, поскольку мы готовились к преднамеренной обороне. И всё же противнику удалось на обоянском направлении вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 км. И лишь благодаря вводу в сражение двух армий Степного фронта — 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А. С. Жадова — вражеское наступление было окончательно остановлено”.

Войска окапывались на огромном пространстве. Отрывали километры траншей. Пилили лес, перекрывали накатником блиндажи и землянки. Артиллеристы обустривали огневые. Танкисты маскировали боевые машины. Рядом с солдатами работали тысячи жителей окрестных городов и деревень. Строили дороги, мосты.

Войска работали день и ночь. Ночью осуществляли переброску частей, техники, маскировали то, чего не должен видеть противник. Днём обустривали оборону.

Конев часто бывал на позициях. Смотрел, проверял, советовал, поправлял. Слушал разговоры солдат и командиров, их шутки, смех. Это были уже другие солдаты, другая армия. Вскоре об этом узнает противник. Над позициями иногда появлялась немецкая “рама”, делала круги, снижалась. Всё шло так, как задумано: немцы должны быть уверены в том, что русские готовятся к обороне.

10 июля 1943 года Степной военный округ был переименован в Степной фронт. Ставка определила его состав:

“Командующему Степным военным округом.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Включить в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую, 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мех. корпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мех. корпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 3-й, 5-й, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

2. Армии фронта развернуть согласно устным указаниям, данным Генеральным штабом.

3. Передвижение войск совершать только ночью.

4. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

5. О ходе перегруппировки доносить ежедневно шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, А. Антонов”.

Из устных указаний, поступивших шифром, следовало: приказ поступит перед самым началом сражения; передвижение производить только под покровом темноты; приказы отдавать устно; управление фронта передислоцировать на несколько десятков километров западнее, т. е. ближе к фронту.

Штаб расположился рядом с железнодорожной станцией Касторное. Если посмотреть на карту — то как раз в центре напротив Курского выступа. Если бы немцам удалось срезать выступ, то танки армейских групп “Центр” и “Юг” сомкнули бы свои клещи в районе Касторной.

Для обеспечения операции “Цитадель” Гитлер ещё в начале года провёл тотальную мобилизацию. Под ружьё поставили всех, кто до этого по разным причинам избежал призыва. В промышленности больше стали применять женский труд, “остарбайтеров” (бывших военнопленных и вывезенных из оккупированных территорий), а также труд рабочих, завербованных в соседних странах — Швейцарии, Франции, Бельгии. В войска начали набирать

поляков, чехов, словаков, французов, шведов. Идеологи и практики теории “чистой крови” в срочном порядке пересмотрели некоторые положения расовой теории и подправили многие пункты своих директив. Исчез из употребления термин “недочеловек”. Расширен список народов, составляющих семью арийских народов. Активизировал свою работу так называемый Смоленский комитет. Миллионными тиражами была отпечатана листовка, подписанная бывшим генералом РККА Власовым, который добровольно пошёл служить рейху и приступил к формированию частей Русской освободительной армии в составе вермахта. В дивизии СС широким потоком, в том числе и из концлагерей, пошли латыши, эстонцы, литовцы, белорусы, украинцы, русские, татары, калмыки, чеченцы и т. д. В результате тотальных мер Гитлеру, по различным подсчётам, удалось направить на фронт 600 тысяч немцев и поставить под ружьё 450 тысяч “восточных войск”. Пройдёт год, и Коневу придётся столкнуться с “русскими” частями СС. Для многих из последних день существования и служения Гитлеру. Гитлеру необходимо было влить в воюющие армии около миллиона новобранцев. При том, что ему удалось наскрести немногим больше половины требуемого, была заново сформирована 6-я полевая армия, первый состав которой погиб и был пленён под Сталинградом — полностью восстановлены двадцать дивизий, в том числе и танковых, со “сталинградскими” номерами. В войска поступило новое вооружение. Модернизированный танк Т-IV, а также новый Т-V “пантера”, Т-VI “тигр”, самоходные орудия новых типов. Истребители танков получили новую 75-мм противотанковую пушку PaK40, которая с дистанции 1000 метров проламывала 120-мм броню, а следовательно, могла поражать любой советский танк. Люфтваффе получили модернизированный истребитель “Мессермитт-109G-6”, штурмовик “Хеншель-126В” и истребитель танков “Юнкерс-87G”, оснащённый двумя 37-мм пушками. Первую противотанковую эскадрилью пикировщиков Ю-87G накануне решающего наступления возглавил знаменитый ас Ханс-Ульрих Рудель.

Сокрушить “оборону Советов” должны были танковые клинью. Тактика, прилёпшая череду побед в летних боях 41-го, в 42-м и совсем недавно, уже в 43-м под Харьковом и Белгородом, отработанная до совершенства генералами и экипажами стальных машин, должна была принести *факел* победы и в этой битве. Тем более что на этот раз Гитлер посадил свои лучшие экипажи на совершенно новые танки и самоходки.

Основу танковых клиньев немецкой армии составили Т-IV. Но теперь самый массовый танк Второй мировой войны выглядел иначе. Вместо короткоствольной пушки (“окурка”) в массивную башню была встроена 75-мм пушка с длиной в 48 калибров и дульным тормозом. Толщина лобовой брони увеличена с 50 до 80 мм. Для сравнения: советская модернизированная “тридцатьчетвёрка” имела к тому времени лобовую броню в 52 мм; 16-тонный английский “валентайн” — 60 мм; 32-тонный американский “шерман” — 76 мм. Новая “четвёрка” была оснащена противокумулятивной защитой в виде 5-мм экранов, надёжно прикрывавших ходовую часть танка. По замыслу конструкторов и “отца Папцераффе” Гудериана эта машина должна составить серьёзную конкуренцию советской “тридцатьчетвёрке” на поле боя.

За полгода до Курского побоища с конвейеров немецких заводов сошли первые серийные образцы нового танка Т-IV “пантера”. В какой-то степени это была улучшенная копия советского Т-34. (Советские армии стояли ещё за сотни вёрст от границ Третьего рейха, а зловещая тень непобедимой “тридцатьчетвёрки” уже металась по Германии). Толщина лобовой брони “пантеры” составляла 85 мм. Борта и корму закрывала 40-мм броня. Вооружение “пантеры” состояло из мощной бронебойной 75-мм пушки с коническим каналом ствола длиной 70 калибров, оснащённой дульным тормозом. Ни один из советских танков, включая и ИС-2 со 120-мм лобовой бронёй, не мог выдержать выстрела бронебойного снаряда “пантеры” с расстояния 1000 метров. Экипаж мог производить 6–8 выстрелов в минуту. Кроме того, на борту имелись два пулемёта калибра 7,92. Эта машина по своим так-

тико-техническим данным превосходила все танки Второй мировой войны.

И, наконец, широко известный танк Второй мировой войны — Т-VI “тигр”. Тяжёлый танк “тигр” весил 56 тонн. Тяжёлый ИС-2 весил на десять тонн меньше и на тонну больше, чем “пантера”. Английский “черчилль” — 40 тонн. Экипаж 5 человек. Толщина лобовой брони 100 мм, бортовой — 80 мм, верха корпуса — 26 мм. Самым эффективным истребителем советских танков была до сих пор 88-мм зенитка, “восемь-восемь”, как её пазывали немецкие артиллеристы. Если цель появлялась в поле зрения расчёта “восемь-восемь”, то хороший наводчик поражал её с расстояния 2000 метров первым же выстрелом. Так вот, именно эту пушку получил “тигр”. На борту имелись также два пулемёта. “Тигр” был прост в управлении. Любой из членов экипажа при необходимости мог заменить механика-водителя. Чтобы не размазывать сверхмощный танк по дивизиям и корпусам, было принято решение о создании тяжёлых танковых батальонов как единой тактической единицы. Тяжёлые танковые батальоны имели три роты по 15 единиц каждая. Гитлер был в восторге от своего нового детища и справедливо говорил, что “один батальон... стоит целой нормальной танковой дивизии”. Единственным серьёзным недостатком этого танка была его дороговизна в изготовлении. Поэтому он не мог стать массовой боевой машиной вермахта. Танковые части, действовавшие под Белгородом, Харьковом и Орлом, получили три батальона и четыре отдельных роты “тигров”.

Истребитель танков “фердинанд” имел толщину лобовой брони 200 мм. Толщина кормовых листов — до 85 мм. Два двигателя “майбах” по 265 л/с, каждый из которых автономно приводил в движение одну из двух гусениц. 88-мм пушка, которая на полтора километра свободно брала любой советский танк, даже в лоб. Весил этот стреляющий колосс 72 тонны. Скорость мог развивать до 30 км/час. “Чудо инженерного искусства” — так пазывали его немцы. За всю войну “Заводы Нибелунгов” в Сент-Валентине в Австрии успели изготовить 90 таких машин. Из них 85 участвовали в операции “Цитадель”. За пятьдесят дней боёв, пока длилась битва, немцы потеряли 39 “фердинандов”.

Гитлеру пужна была яркая и сокрушительная победа на Востоке. И ему казалось, что он готов её добиться.

50 дивизий изготовились для атаки. В их числе 12 танковых и 7 моторизованных. Около 10 000 орудий и миномётов. 2 758 танков и самоходных артиллерийских установок. 1 800 самолётов. 900 000 солдат и офицеров.

Накануне наступления немецким солдатам был зачитан приказ их фюрера:

“Солдаты!

В этот день вам предстоит участвовать в наступлении такого значения, что всё будущее войны может зависеть от его исхода. Более чем что-либо важна победа покажет миру, что сопротивление мощи германской армии безнадежно... Могучий удар, который постигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть всё...”

В русских окопах замполиты проводили политбеседы, командиры взводов и отделений снова и снова штудировали по специально отпечатанным листовкам-памяткам уязвимые места новых сверхмощных немецких танков и самоходок: “Бей по танку и в лоб и в затылок — бросай связку бутылок”, “Из окопа метко и стойко бей по танку бронебойкой”. То же самое происходило на позициях в районах Касторного, Боброва, Россоси и Острогжска, где изготовился к бою резервный Степной фронт. Были оборудованы учебные поля, на которых “тридцатьчетвёрки” утюжили учебные позиции, окопы и ходы сообщения, в которых лечили от “танкобоязни” пехотинцев. В войсках был зачитан приказ НКО СССР № 0387 от 24 июня 1943 года “О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника”. Согласно этому приказу, например, расчёты противотанковых ружей получали следующую премию за каждый подбитый или подожжённый танк противника: наводчик — 500 руб.; второй номер ПТР — 250 руб. Экипажам танка: механику-водителю и командиру орудия (бан-

ни) — по 500 руб. каждому; остальным членам экипажа — по 200 руб. каждому. Такую же премию получали огневые расчёты артиллерийских орудий. Каждый боец и командир за лично подбитый танк “при помощи индивидуальных средств борьбы” получал премию в 1000 руб. Если в уничтожении вражеского танка, говорилось в приказе, участвовала группа бойцов-истребителей танков, то сумму премии поднять до 1500 руб. и выплачивать всем участникам группы равными долями. В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится подлинник этого документа, на котором рукой Сталина сделана поправка в пункте № 4, где сказано о премии для “группы бойцов-истребителей танков”: сумма в 1000 руб. зачёркнута и вписана фраза “поднять до 1500 руб.”

Для информации: 1 кг говядины тогда стоил 12 руб.; масла сливочного — 25 руб.; хлеба ржаного — 1 руб.; хлеба пшеничного — 1 руб. 70 коп.; колбасы полукопчёной “Краковской” — 23 руб.; бутылка водки 50% — 11 руб. 50 коп.; папиросы “Казбек” — 3 руб. 15 коп.; духи “Красная Москва” — 28 руб. 50 коп.; ботинки мужские, хромовые — 140 руб.; костюм мужской — 367 руб.

Стенной фронт не зря сосредоточили именно здесь, от центра дуги к югу, так что он левым своим крылом закрывал Белгородско-Харьковское направление. Сталин, так же, как и Гитлер, колебался. Его пугала неуязвимость новых немецких танков. Не выходили из головы слова начальника артиллерии маршала Н. Н. Воронова: “У нас нет пушек, способных бороться с этими танками”. Слишком многое ставилось на карту. Слишком многое.

Конев старался больше бывать в войсках. Особенно часто заезжал к танкистам. Бывал в корпусах, в батальонах, в ротах. Разговаривал с экипажами, наблюдал за их боевой учёбой. О стрельбе боевыми снарядами по движущимся целям, конечно же, и речи быть не могло, по обкатку механиков-водителей командиры подразделений проводили. Конев знал, что некоторые экипажи прибыли на фронт вместе с боевыми машинами. Иногда это были рабочие заводов, которые давно рвались на фронт, и вот их, наконец, отпустили. Технику они знали хорошо. Но на поле боя понадобится и другое.

Глава двадцать третья

“ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ”

“Победа в этой битве была одержана наступлением”.

Немецкой “Цитадели” советские штабы противопоставили сразу две наступательные операции: “Кутузов” — атака левого крыла Западного (генерал В. Д. Соколовский), Брянского (генерал М. М. Попов) и правого крыла Центрального (генерал К. К. Рокоссовский) фронтов; и “Полководец Румянцев” — атака Воронежского (генерал Н. Ф. Ватутин), правого крыла Юго-Западного (генерал Р. Я. Малиновский) и Стенного (генерал И. С. Конев) фронтов.

Говорят, Сталин сам придумывал кодовые названия операциям, которые разрабатывал Генеральный штаб. Так ли это, нет ли, но тот, кто дал наступательной операции на южном фланге Курской дуги название “Полководец Румянцев”, был человеком не просто образованным. Этот человек хорошо знал русскую историю. И русскую, и прусскую. Главный смысл названия — “Полководец Румянцев” — был скрыт в подтексте.

Во-первых, Румянцевых в русской истории было несколько. Взят полководец. Полное имя — Пётр Алексеевич Румянцев-Задунайский. Генерал-фельдмаршал. Граф. Это не покорило Сталина, если он согласился с кодовым названием операции. Начиная свою военную карьеру в эпоху правления Елизаветы Петровны, завершил в эпоху Екатерины Великой. В чём же подтекст кодового названия? Во-первых, Пётр Алексеевич родился в Приднест-

ровье. Оно, если взглянуть на карту, было перед фронтом советской группировки, которая должна была решать задачи предстоящей операции. Во-вторых, в некий период своей службы, уйдя от дел военных, Румянцев был губернатором Малороссии, затем наместником Курского и Харьковского наместничеств. Походом ходил на Рейн, отличился в Семилетней войне в 1757 году в Курляндии, где отменно побил пруссаков. А уже через год смелой атакой захватил Кёнигсберг. Затем Кунерсдорфское сражение, в котором он со своей дивизией в развёрнутом строю пштыковой атакой опрокинул лучшие прусские войска и произвёл, таким образом, перелом в ходе сражения, исход которого до этого момента был не ясен. Пётр Алексеевич в этой атаке шёл в первой шеренге. Король Фридрих, видя атаку русских, поспешил покинуть поле боя настолько энергично, что потерял впопыхах свою треуголку. Она и теперь хранится в фондах Государственного Эрмитажа. После Кунерсдорфа была осада и взятие Кольберга и т. д. Генерал-фельдмаршал был прозван Задунайским за успехи в русско-турецких войнах. Их в биографии полководца было две, и обе принесли славу России и посрамление её врагов и недругов. Особенно яркой была победа армии Румянцева под Кагулом в 1770 году, когда русские разбили вдесятеро превосходившее турецкое войско. Битва произошла 21 июля.

В своих мемуарах Конев как-то неявно говорит о том, где он находился в момент начала Курского сражения и в первые дни. Ясно только, что на своём командном пункте, т. е. в штабе Степного фронта, его не было. Душа солдата не вытерпела тыла, и он выехал вперёд, на КП генерала Ватутина. В случае обострения ситуации и прорыва немцев именно отсюда ему лучше было управлять своими войсками. «В период оборонительного сражения командование и штаб Степного фронта внимательно изучали те направления, откуда в большей степени грозила опасность прорыва немецко-фашистских войск. Я побывал на правом крыле Воронежского фронта в районе Курска и в самом городе».

В первый день до наступления почти немцы смогли преодолеть первую полосу обороны 71-й, 67-й, 52-й гвардейских стрелковых дивизий, продвинулись до восьми километров в глубину русской обороны, но вскоре наткнулись на 3-й механизированный корпус генерала Кривошеина, стоявший гвардейцам в затылок в качестве второго эшелона.

Донесения одно за другим поступали на командный пункт Воронежского фронта. Конев читал их вместе с Ватутиным и членом Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущёвым и представителем Ставки маршалом Василевским. Когда наступила первая ночь, и сражение немного утихло, остановившись на рубежах, достигнутых немцами в вечерние часы, генералы вздохнули с облегчением. Стало ясно, что противник начал вязнуть в обороне первого эшелона. С левого фланга, где наступали XI армейский и III танковый корпус оперативной группы «Кемпф», от генерала Шумилова (7-я гвардейская армия) пришло донесение, что противник смог переправиться через Северский Донец и создал несколько плацдармов, что он остановлен и спешно проводит перегруппировку сил для нового удара.

Конев с особым вниманием принял это сообщение. Направление удара оперативной группы «Кемпф», характер наступления, когда впереди шли танковые подразделения, а за ними в прорыв втягивалась основная часть войск, свидетельствовали о том, что противник экономит силы. Для чего? Вскоре стало ясно, что группа «Кемпф» должна обеспечить прикрытие всей операции на юге с восточного фланга. Если дать ей продвинуться вдоль Северского Донца через Корочу, то немцы отрежут левое крыло Степного фронта от Воронежского и блокируют возможность участия первого в сражении.

Позже, когда стали подводить итоги битвы, и ещё позже, когда поля сражений распахали под озимые и яровые, а генералы и маршалы засели за мемуары, просочились некоторые сведения, которые объясняют некоторые неудачи и просчёты советской обороны. К примеру, командующий 6-й гвардейской армией генерал Чистяков, любивший хорошенько покушать, в момент немецкой атаки решил позавтракать. В это время к нему на командный

пункт прибыл командующий 1-й танковой армией генерал Катукوف и член Военного совета Нонель. Катукوف с Поиелем приехали, конечно же, не на яичницу с ветчиной, а чтобы в момент начала немецкого наступления быть поближе к передовой. Но хозяин передового КП, демонстрируя своё гостеприимство, а также спокойствие перед битвой, пастаивал на завтраке под яблонями. Этакая шляпа с черешнями перед возможной пулей в лоб... Нонель вспоминал: "На столе была холодная говядина, яичница, графин с холодной, судя по запотевшему стеклу, водкой и, наконец, тонко нарезанный белый хлеб — командарм не изменял своему обыкновению". И тут немецкая артиллерия начала пристрелку. Над яблонями, под которыми был накрыт стол, расплылось "пристрелочное облако шрапнели". Прибежал помощник начальника штаба и доложил, "торопливо и неуверенно", что немцы прорвали фронт и приближаются к командному пункту.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что этот сюжет вскоре стал известен в штабе Воронежского фронта. В 41-м таких генералов расстреливали. Если сравнить с "завтраком под яблонями" поведение во время прорыва немцев под Белостоком и Миномком командующего 4-й армией генерала Коробкова, которого расстреляли вместе с командующим фронтом генералом Павловым, то можно прийти к выводу, что Коробкова казнили ни за что и что как офицер, командующий армией, Коробков был значительно выше и дисциплинированней Чистякова. Вот для таких командиров у Конева была вытесана палка... Невольно задумаешься о её правдивости оправдании, когда читаешь истории, подобные "завтраку под яблонями" на фоне "неожиданной" танковой атаки немцев. Но командующий 6-й гвардейской не был подчинённым Конева.

Особенно удручающими были сообщения о результатах налётов немецкой авиации.

Но были и радостные сообщения, которые постепенно начали выстраиваться в общую картину, свидетельствующую о том, что наступление противника вязнет в глубокоэшелонированной и тщательно подготовленной обороне. Войска держатся. Оборона и тверда, и эластична одновременно. Истребители танков быстро нашли слабые места немецких "пантер" и "фердинандов". Пехота успешно противостоит самоходкам. Земляные сооружения, блиндажи и укрытия помогли пережить интенсивную артподготовку. О мощи артиллерии в полосе обороны 6-й гвардейской армии позже написал немецкий историк: "Подобной концентрации огня артиллерии и тяжёлого оружия на столь узком участке фронта в этой войне ещё не достигали. Между Белгородом и Герцовкой за пятьдесят минут было выпущено больше снарядов, чем за кампании против Польши и Франции, вместе взятые". Поэтому беспокойство, выдержит ли первый эшелон, особенно пехота и противотанковые полки прямой паводки, артиллерийское наступление немцев и налёты штурмовой авиации, было обоснованным. Гвардейцы устояли.

С "фердинандами" тоже научились бороться. Часть из них осталась на минных полях. Несколько штук подбито истребителями танков. Пехота перестала бояться этих колоссов. Дело в том, что бойцы быстро поняли: "фердинанд" не способен маневрировать с той же лёгкостью, как это, к примеру, делают немецкие танки и штурмовые орудия "штурмгеиютце", кроме того, он не обладает противонехотным вооружением, у него нет ни одного пулемёта, а поэтому на близком расстоянии со своей жёстко закреплённой пушкой он безнасеен, и его можно достать кумулятивной гранатой, подложить под гусеницы противотанковую мину или забросать бутылками с горючей смесью.

Сражения набирали силу. С каждым часом в него с обеих сторон волей командиров вовлекались новые и новые подразделения. Тысячи умирали под пулями и осколками, в огне и под взрывами бомб и снарядов, но десятки тысяч тут же сменяли их, продолжая нещадно истреблять друг друга. Немецкий историк Пауль Карель отметил: "Даже Сталинград, несмотря на его более апокалиптическую и трагическую ауру, не выдерживает сравнения с грандиозным сражением у Курска по количеству участвовавших в нём сил".

И вот, наконец, наступил кульминационный момент сражения на южном участке дуги. В районе Нобырей 7 июля произошло встречное сраже-

ние. Противник остановился. 9 июля снова атаковал, теперь уже на обоянском направлении на десятикилометровом участке фронта силами до 500 танков и самоходных орудий. Генерал Ватугин маневрировал резервами. Но таранный удар в районе Обояни остановить не удалось. Немцы углубились до 35 километров.

В районе Прохоровки немцы ввели в бой 4-ю танковую армию — 700 танков и штурмовых орудий. Гот, похоже, решил взять реванш за Сталинград. И у него на этот раз действительно получалось значительно лучше.

В какой-то момент произошло то, чего очень боялся Конев. Ставка начала растаскивать его группировку и бросать армии на угрожаемые участки. Годы спустя он с горечью напишет: "...ввод в сражение стратегических резервов по частям никогда не способствовал достижению крупных целей. Об этой говорит и история Первой мировой войны.

12 июля на рассвете из Ставки позвонили. Генерал Антонов с тревогой сообщил: на белгородском направлении противник силою до 200 танков при поддержке мотопехоты прорвал оборону 69-й армии и почти беспрепятственно продвигается в глубину. Коневу обстановка была известна, и он уже предполагал, что сейчас услышит от Антонова.

Его лучшей армии — 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская общевойсковая передавались в распоряжение Ватутина. Им предстояло совершить трёхсоткилометровый марш и занять исходные. 5-я гвардейская генерала Жадова развёртывалась в полосе обороны от Обояни до Прохоровки. А Ротмистров сосредотачивался севернее Прохоровки.

О том, что произошло с 5-й гвардейской танковой армией, историки спорят до сих пор. Армия вскоре практически перестала существовать. Часть танков была уничтожена немецкой авиацией ещё на марше. Часть погибла в сражении под Прохоровкой. Даже Сталин был взбешён, узнав о таких потерях, и назначил следствие. Генерал Ротмистров, ставший вскоре маршалом бронетанковых войск, обладал удивительной способностью выкручиваться из самых, казалось бы, висельных ситуаций. Удивительное дело: иод началом Конева Ротмистров воевал хорошо и даже блестяще. Но как только оказывался далеко от палки командующего, дело у него буквально валялось из рук. В 44-м оказался на 3-м Белорусском фронте, и вот результат. Уже будучи маршалом бронетанковых войск, попал под горячую руку молодого генерала Черняховского и был уволен с фронта в тыл до окончания войны.

12 июля стало очевидным, что немцы на курском направлении выдохлись. 3 августа после мощной артиллерийской подготовки, при поддержке авиации в наступление двинулись войска Воронежского и Степного фронтов. Направление — Белгород и Харьков.

Конев в это время имел под рукой следующие силы: 69-я армия, 53-я армия с 1-м механизированным корпусом, 47-я армия с 3-м гвардейским механизированным корпусом, 7-я гвардейская армия, 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом. С разрешения Ставки в оперативное подчинение, в случае крайней необходимости, переходила 4-я гвардейская армия генерала Кулика.

Разжалованный, лишённый маршальских звёзд Кулик к этому времени дослужился до генерал-лейтенанта и успешно командовал одной из самых сильных армий, сосредоточенных на южном фланге Курской дуги.

В ходе начавшегося наступления в состав Степного фронта вернули 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и пополненную новой техникой, экипажами и вооружением 5-ю гвардейскую армию генерала Ротмистрова.

Накануне наступления на командный пункт Конева в Корочу приехали Жуков и Василевский. Оба к тому времени маршалы. Жуков получил маршальскую звезду в январе, Василевский в феврале, через несколько дней после присвоения звания генерал армии. Оба с новенькими орденами Суворова I степени.

Воинская же слава Конева в те дни только начиналась.

В Короче Конев и прибывшие из Москвы маршалы обсудили итоги первого этапа сражения в районе Курска, а затем наметили план наступления войск Степного фронта. В ходе наступательной операции "Полководец Ру-

мящев” должны вводиться в дело основные стратегические резервы, накопленные и сохранённые Ставкой к началу августа.

Конев, в душе понимая, что настает и его решающий час, который может стать часом славы и всего Степного фронта, и его личной, испытывал противоречивые чувства. С одной стороны — наконец-то и он переходит в наступление. Уже месяц томился в резерве, стоял в чистом поле, как Андрей Болконский со своим полком. Его армии и корпуса выдвигали вперёд, бросали под танковые клинья и бомбы немецкой авиации, чтобы выправить критическое положение, создавшееся у Ватутина. А теперь... С кем ему наступать?

Но Жуков сразу успокоил, перечислил армии и соединения, танковые и механизированные корпуса и бригады, которые передавались Степному фронту. Итог совещания в Короче Жуков подвёл так:

— Ваша задача, Иван Степанович, удар на смежном крыле Воронежского фронта в южном направлении. Прорвать оборону противника, рассеять его белгородско-харьковскую группировку и во взаимодействии с частями Юго-Западного фронта уничтожить противника в районе Харькова, очистить Харьковский промышленный район. — Маршал скользнул карандашом по карте на запад. — А дальше — Днепр. Если дела пойдут хорошо — Полтава и Кременчуг.

Впоследствии, когда И. С. Конев работал над мемуарами, он снова и снова переживал в памяти те дни и ночи в степи под Корочью. В Степном фронте, в той силе, которая стояла за спиной Воронежского фронта, он видел большие возможности, которые Красной армии тогда, летом 43-го, так и не удалось реализовать в полной мере.

Перед Коневым в районе Харькова и Белгорода стояла мощная группировка противника общей численностью до 300 000 человек, свыше 3 000 орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий и более 1 000 самолетов.

В июле-августе 41-го танки Гота сокрушали оборону 19-й армии, терзали стрелковые корпуса и дивизии, не успевшие развернуться в боевой порядок и занять оборонительные рубежи. Маятник войны качнулся в обратном направлении. И теперь Готу пужно было выдержать натиск войск генерала Конева. Разница состояла лишь в том, что обороняющаяся сторона к моменту схватки была развёрнута и имела хорошо укрепленные, заблаговременно построенные рубежи.

И 4-я танковая армия, и оперативная группа “Кемпф” входили в группу армий “Юг” под командованием одного из лучших фельдмаршалов Германии Эриха фон Манштейна.

В 4-ю армию, в свою очередь, входили два корпуса: LIH армейский корпус в составе трёх пехотных дивизий и II танковый корпус СС обергруппенфюрера СС Пауля Хауссера. С последним Коневу тоже довелось сталкиваться в подмосковных полях в 41-м.

В оперативную армейскую группу “Кемпф” входили три танковых и одна пехотная дивизии. Одна из них, 7-я танковая, преследовала Конева от Витебска до Ржева. Один из танков этой дивизии он сам подбил из “сорокапятки”, брошенной артиллеристами на шоссе Смоленск—Витебск, когда немецкая колонна внезапно преградила путь штабному кортежу.

Первой атаковать противника должна была 57-я армия генерала Гагена. На семикилометровом участке для обеспечения прорыва было сосредоточена основная ударная мощь артиллерии. Плотность превышала 300 орудий и минометов на один километр фронта.

Рассекающий удар нанесли две танковые армии Степного и Воронежского фронтов.

Это была уже другая война. В 41-м под Москвой одной дивизии, в которой едва насчитывалось по батальону активных штыков в каждом полку, приходилось удерживать участок фронта, вдвое и вчетверо превышающий тот, который занимала армия Гагена.

Противник держался прочно. Тактическая полоса состояла из главной и вспомогательной. Общая глубина — до 20 километров. Главная линия —

двухполосная, глубиной 6—8 километров. Мощные опорные пункты оснащены всеми видами вооружений, между собой соединены ходами сообщения полного профиля. Вторая линия имела глубину 2—3 километра. Между ними промежуточные и отсечные позиции. Инженерные заграждения, минные поля. Противотанковые районы.

Артиллерийское наступление буквально сокрушило передовые оборонительные рубежи противника. Ветераны из стрелковых частей, которые первыми пошли в атаку, рассказывали, что первые пленные, которых они захватили в полуразрушенных окнах, находились в состоянии полной прострации. Некоторые так и не пришли в себя, навсегда потеряв рассудок. Такое Конев наблюдал в 41-м в своих окнах. Теперь всё изменилось.

В конце дня, когда уже определился характер боя — прорыв произошёл, — Жуков докладывал Сталину: “Сегодня, 3.8.43 войска Чистякова, Жадова, Манагарова, Крюченкина в 5:00 начали контрнаступление, которое проводилось с полным учетом опыта Западного и Брянского фронтов и было построено так:

5 минут огневой налет артиллерии, минометов, “катюш” и огня пехоты по переднему краю и всей глубине обороны противника.

35 минут контроль прицела и пристрелки орудий тяжелого калибра.

1 час 20 минут методическое подавление, разрушение целей и залпы “катюш”.

20 минут нарастающий до предельного режима артиллерийский и минометный огонь.

45 минут заранее спланированный артогонь по узлам сопротивления в глубине обороны противника.

Пехота с танками прорыва и орудиями самоходной артиллерии в атаку была поднята в 7.55, то есть в момент открытия артиллерией нарастающего до предельного режима огня, и, прижимаясь к огневому валу, пехота с танками и орудиями самоходной артиллерии через 20 минут прорвалась на передний край обороны противника.

Авиация в течение дня действовала по следующему плану.

Первый бомбовый удар был произведен по штабам, узлам и линиям связи для нарушения управления.

Второй, третий и четвертый бомбардировочные удары последовательно производились по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и резервам противника.

Первый удар штурмовиков произведен в 7.55, то есть в момент подъема пехоты в атаку, и продолжался непрерывно в течение двух с половиной часов с огневой задачей подавления артиллерии, минометов противника и огневых точек на обратных скатах...

Танковые армии Катукова и Ротмистрова, построенные в боевые порядки на выжидательных позициях, продвигали свои авангардные бригады непосредственно за пехотой, что обеспечило быстрый ввод главных сил танковых армий в прорыв после взлома тактической глубины обороны противника”.

Но уже на следующий день противник предпринял ряд контрмер, сопротивление усилилось. Гот начал перебрасывать резервы и пытаться закрывать ими прорывы, ликвидировать опасные вклинения. Однако напор был столь силен, что уже к утру 5 августа дивизии 7-й гвардейской армии генерала Шумилова вышли к Белгороду и начали обтекать город, блокируя все дороги и направления.

И. С. Конев вспоминал, что бои за Белгород имели ожесточенный характер. Немцы понимали, что они теряют с падением города, превращенного ими в твердыню.

Белгород переживал вторую оккупацию. Немцы вошли в город 24 октября 1941 года и стояли здесь до 9 февраля 1943 года, до своего сокрушительного поражения под Сталинградом. Но вскоре вновь отбили Белгород. Произошло это 18 марта 1943 года.

Конев торопил своих командармов первого эшелона. Вперёд! Вперёд! Ни в коем случае не сбавлять темпа наступления!

5 августа 7-я гвардейская армия и 69-я армия генерала Крюченкина штурмом преодолели укрепления по обводу Белгорода, ворвались в кварталы и быстро начали продвигаться к центру. К полудню стало окончательно ясно, что город взят.

В тот же день за сотни километров севернее по фронту, в деревне Хорошево близ Ржева, произошло вот какое событие.

Накануне Сталин решил выехать на фронт. Это была его первая и единственная поездка на передовую. Спецэшелон, на котором он отправился к месту назначения, был замаскирован под обыкновенный товарняк с пиломатериалами и дровами. Остановился в крестьянском доме. Вызвал к себе командующего Калининским фронтом генерала Ерёмченко. В мемуарах Ерёмченко эпизод встречи его со Сталиным 5 августа 1943 года описан во всех мыслимых и немыслимых подробностях. В самый разгар их беседы в дверь постучались, вошёл комиссар госбезопасности 2-го ранга, он же заместитель наркома внутренних дел Серов и доложил:

— Нашими войсками взят Белгород.

Сталин сразу заметно оживился, настроение у него поднялось. И вдруг он начал рассуждать примерно в таком духе: в прежние времена, когда русские войска где-то одерживали победу, во всех церквах били в колокола, славили победу и победителей.

— Как вы думаете о том, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли сегодня Орёл и Белгород?

Все ответили положительно.

Тогда Сталин позвонил Молотову:

— Вячеслав, распорядись... — И так далее. При этом предупредил, чтобы салют не давали без него. И тут же уехал в Москву.

Как только Левитан передал в эфир сообщение об освобождении городов Орла и Белгорода, в Москве, рассредоточившись по разным районам, чтобы выстрелы были слышны везде, 124 горных орудия отсалютовали двенадцатью залпами.

Отличившимся дивизиям и частям Верховный приказал присвоить почётные наименования “Орловская” и “Белгородская”.

В штабах армий, корпусов и дивизий Степного фронта командиры писали рапорта на награждение отличившихся.

В конце июня 1942 года Конев был награждён орденом Кутузова I степени, а через месяц — орденом Суворова I степени. Имя Суворова особенно вдохновляло его. Через год, даже немного раньше, в мае 44-го, он получит ещё один орден Суворова той же I степени. Для маршала они на всю жизнь остались самыми дорогими наградами родины.

Результаты наступления Степного фронта были потрясающими. Хотя И. С. Конев потом будет сожалеть об упущенных возможностях из-за раздёргивания Ставкой стратегических резервов. Прорыв углубился до 60–80 километров. Танковые армии продвинулись до 100 километров. Ширина прорыва составляла до 120 километров.

Группа армий “Юг” оказалась разрезанной на части. Фельдмаршал Манштейн был в панике. Он срочно перебрасывал на белгородско-харьковское направление свой главный ударный резерв: мотопехотные и танковые дивизии СС “Рейх”, “Мёртвая голова”, “Викинг”, из района Донбасса перегруппировывал 3-ю танковую дивизию, а также элитную дивизию “Великая Германия”. Сюда же по приказу Манштейна спешили и другие части усиления.

Вот как вспоминал атмосферу тех дней бывший помощник командующего фронтом генерал М. И. Казаков: “В один из тех горячих июльских дней на КП командующего 53-й армией неожиданно появился Иван Степанович. Ничего особенного в этом приезде, конечно, не было: Конев вообще большую часть времени проводил в войсках — таков его стиль. А тут у нас ещё случилась какая-то заминка — темп наступления заметно снижались...”

— Перед вами и немцев-то, наверное, давно нет, а вы топчетесь на месте, — недовольно заметил Иван Степанович, выслушав командарма генерала И. М. Манагарова.

Мы хорошо знали обстановку, и я стал докладывать Коневу о состоянии наших войск, о противнике, об особенностях местности, на которой протекает сейчас бой...

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше во всем разберемся, — перебил меня Конев.

Фронтовые сборы недолги. Через несколько минут мы уже сидели в машине...

Хорошо помню неубранное пшеничное поле, на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт упирался гребень высот. Там был противник...

Дорога к Харькову не была для войск Степного фронта дорогой непрерывного марша вперёд. Бои, бои, бои...

И вот, наконец, подошли к Харькову.

6 августа Верховный утвердил план Харьковской наступательной операции.

За ходом операции следил представитель Ставки маршал Жуков. В ночь на 10 августа он получил из Москвы телеграмму следующего содержания: "Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катюкова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа".

Жуков тотчас выехал к Коневу. В план операции были внесены срочные коррективы.

Танковые армии устремились к указанным рубежам. Пехота Степного фронта тем временем выходила к северному и восточному оборонительным обводам Харькова. Сюда стягивалась артиллерия. На общем направлении, помогая танкам и стрелковым дивизиям, действовала авиация.

Манштейну необходимо было спасти 4-ю танковую армию Гота и оперативную группу "Кемпф", не допустить их окончательного разгрома. И Манштейн нашёл выход.

Воронежский фронт наступал так же стремительно, сломя голову, зачастую не особенно заботясь о закреплении захваченной территории и обеспечении флангов. И Манштейн наказал Ватутина за неосмотрительность: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18–20 августа — из района западнее Ахтырки немцы нанесли мощнейшие контрудары. Как вспоминал генерал Штеменко, в тот период начальник оперативного управления Генштаба, "всего в контрударах участвовало до одиннадцати вражеских дивизий, преимущественно танковых и моторизованных. Со стороны Ахтырки враг нацелился под самое основание нашего глубокого вклинения на главном направлении. В итоге ожесточенных боев 17–20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировки противника ухудшились".

Когда об этом доложили Сталину в ночь на 22 августа, он отреагировал мгновенно:

— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал Верховный генералу Штеменко. — Копию пошлите товарищу Жукову. События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам.

В своих “Записках...” И. С. Конев впоследствии корректно заметит: “В мою задачу не входит разбирать причины неудач”. И это ещё одна человеческая черта нашего героя.

В один из дней Конев приехал на передовой НП генерала Шумилова.

— Ну, что тут у вас, Михаил Степанович? По заводу луните? — сказал он и наклонился к стереотрубе.

Одна из дивизий 7-й гвардейской армии вплотную подошла к Харьковскому тракторному заводу. Видно было, как пехота окапывается, охватывая полукольцом заводские корпуса.

— Приказ мои люди знают. Приказ доведён, — сказал Шумилов. — Как видите, тяжёлую артиллерию не применяем. А жаль, Иван Степанович. Вот если бы развязать моим гвардейцам руки да усилить танками...

— Нельзя. Размолотят твои гвардейцы завод, а вместе с ним заодно и город в два счёта.

— Это так.

Харьков было приказано брать, не причиняя городу значительных разрушений. А это означало — пехотой. Людьюми. Класть перед немецкими дотами и окопами людей. Вот что было невыносимо. И оба генерала, стоя на передовом НП и наблюдая, как копошится впереди, у корпусов Харьковского тракторного завода пехота, это прекрасно понимали.

Но понимали они и то, что они штурмуют *свой* город и отбивают у противника *свой* завод, где завтра будут ремонтироваться подбитые в бою “тридцатчетвёрки” и КВ. Вот почему перед штурмом Харькова было принято решение: ни в коем случае не допустить, чтобы город переходил из рук в руки.

Впоследствии цеха Харьковского тракторного завода будут оперативно ремонтировать бронетехнику его армий и танковых корпусов. Боевые машины, получившие в бою увечья различной степени, будут быстро возвращаться в строй именно благодаря тому, что ХТЗ смогли захватить, не допустив значительных разрушений.

Многострадальный Харьков. Ветераны, а потом и историки назовут его “проклятым местом Красной армии”. Харьков до этого наши войска освобождали дважды: в 42-м и 43-м, в феврале. Но не удержали.

К концу дня Конев объехал все передовые НП своих войск и принял решение, что наиболее выгодное положение для штурма Харькова у 53-й армии генерала Манагарова. К тому же для Ивана Мефодиевича Манагарова эти края — родина.

Все эти дни Конев находился на передовом НП генерала Манагарова. Узнав о месте нахождения командующего, сюда зачастили партийные руководители УССР. Они были недовольны затянувшейся осадой “второй столицы” Украины. Нетерпеливо спрашивали, когда начнётся штурм. Конев отмалчивался, не желая раскрывать оперативных сведений. Те воспринимали это как перешителность командующего. Уезжали ни с чем, ещё более раздражённые.

Манагаров как-то сказал, кивнув в поле, за которым в дыму виднелись городские кварталы:

— Вот бы, Иван Степанович, запретить их там.

Конев качнул головой:

— Силёнок маловато. — И подумал: если бы Ватутин не ввязался в танковые бои у Богодухова, да часть своих сил перебросил Юго-Западный фронт...

11 августа общевойсковые армии начали наступление. В первые же часы продвинулись вперёд и завязали бои в траншеях. На некоторых участках это были схватки, переходящие в рукопашные.

7-я гвардейская прорвалась в город с северо-востока. 57-я форсировала реку Роганку и смяла немецкую оборону на внешнем обводе. 69-я подавила узлы сопротивления в районах Черкасское, Лозовое и Большая Даниловка, штурмовала северные кварталы Харькова. 53-я захватила выгодные рубежи на северо-западной окраине города. Тем временем 5-я гвардейская танковая армия охватила харьковскую группировку противника с запада и юго-запада.

22 августа Манштейн понял, что Коневу ему не остановить, что промед-

ление чревато окружением харьковской группировки, и, вопреки требованию Гитлера Харькова не отдавать ни при каких обстоятельствах, принял решение на отвод войск в южном направлении.

Конев ждал этого момента, и как только разведка сообщила о том, что противник снимается с позиций и начал отход, приказал начать ночной штурм Харькова. Всю ночь на 23 августа в городе шли упорные уличные бои.

Утром Конев проехал по улицам, заполненным дымом, гарью и его войсками, вернулся на КП и позвонил в Москву. Об успехах он всегда докладывал лично.

Было раннее утро, и он знал, что Сталин после долгой ночной работы в эти часы обычно ещё спит. Он позвонил Поскрёбышеву. Тот ответил:

— Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

— Да поймите же вы, нашими войсками освобождён Харьков! — попытался убедить он неумолимого секретаря.

Тогда Конев решил позвонить по прямому телефону. Телефон долго не отвечал. Телефонистка, соединявшая его с кабинетом Сталина, начала волноваться.

— Звоните ещё, — настаивал он. — Звоните. За последствия отвечаю.

И вот в трубке послышался знакомый голос с хрипотцой:

— Слушаю.

— Звонит Конев. Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

— Поздравляю! — тут же ответил Верховный радостным голосом, — Салютовать будем по первому разряду.

Теперь Конев понимал, что заслужил не только доверие, но и любовь Верховного.

26 августа 1943 года Коневу было присвоено воинское звание генерал армии. А на следующий день вышел указ о награждении его орденом Суворова I степени.

Впереди был Днепр.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава двадцать четвертая

БИТВА ЗА ДНЕПР

*“...где переправлялись
Карл XII с Мазепой”.*

В середине сентября Гитлер приказал своим армиям отойти за Днепр. Он дал понять своим войскам, что дальше линии Вотан-Пантер отступления не будет. Гитлер считал правый берег Днепра неприступным, говорил о некоем “чудо-оружии”, которое будет применено именно здесь, чтобы защитить Европу от большевизма. Манштейн, который гордился тем, что удалось избежать окружения своих танковых частей под Белгородом и Харьковом, подливал масла на камелёк своего фюрера, заявляя, что, мол, скорее Днепр потечёт в обратном направлении, чем его форсируют русские войска...

Но именно Манштейн, наблюдая, как стремительно наступают войска

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор многих книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

Продолжение. Начало в №№ 5–6 за 2012 год.

генерала Конева, забеспокоился первым; он вдруг понял, что войска этого напористого генерала смогут выйти к Полтаве раньше, чем туда же, к налаженным днепровским переправам, будут отведены части его 8-й армии. Пока его 8-я продолжала контратаковать по линии рек Марсфа, Мжа, Ворскла. Если это произойдёт, размышлял, глядя на карту, Манштейн, этот удачливый генерал, которому, по всей вероятности, дают и дают большие резервы, прижмёт его отходящие войска к Днепру.

Днепр, Днепр... О нём думали и в советских штабах.

6 сентября Ставка определила разграничительные линии, несколько изменив направления ударов фронтов. Киев, на который всякий раз с азартом поглядывал Конев, когда рассматривал карту, оставался теперь правее. Он входил в полосу наступления Воронежского фронта. Перед ним были Полтава, Кременчуг. Для усиления ударной силы Ставка передавала Степному фронту из своего резерва 37-ю армию генерала Шарохина.

Войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов продолжали наступать без всякой оперативной паузы.

Перед фронтом Степного фронта отступали до двадцати немецких дивизий.

5-ю танковую армию генерала Ротмистрова, потерявшую много танков, пришлось временно вывести из боя на пополнение и доукомплектование. В корпусах и бригадах в строю тоже было мало танков. Но приказу Конева командир 1-го механизированного корпуса генерал Соломатин создал небольшой танковый отряд. Он был выброшен вперёд с задачей: прорваться к Днепру и захватить переправу севернее Днепропетровска. Впоследствии это сыграло значительную, возможно, даже решающую роль в успехе днепровской операции.

Район среднего течения Днепра Конев знал лишь по книгам и рассказам. В верховьях когда-то, в середине тридцатых годов, когда командовал 37-й стрелковой дивизией Белорусского военного округа, довелось бывать на учениях. Никаких военно-топографических описаний этого района в штабе фронта он не нашёл. Позвонил старому знакомому, генерал-лейтенанту инженерных войск М. П. Воробьёву.

— Михаил Петрович, выручай.

Попросил у него всё, что есть, по Днепру в среднем течении. И, как бы между прочим, зная начитанность генерала Воробьёва и его страсть к истории, спросил:

— Михаил Петрович, помнишь, как Карл Двенадцатый с Мазеной бежали после разгрома под Полтавой?

— Как же, помню, — засмеялся Воробьёв.

— А теперь вспомни, пожалуйста, где они переправлялись через Днепр?

— У Нереволочной! — тут же ответил генерал Воробьёв и уточнил: — Севернее нынешнего Днепропетровска. Что, Иван Степанович, хотите догнать беглецов?

— Хочу. Ведь это как раз в полосе наступления моего фронта.

Разговор с генералом Воробьёвым имел и чисто практические последствия: вскоре инженерные части фронта получили срочно доставленные с Дальнего Востока тяжёлые понтоны для установки железнодорожных мостов, а также другое оборудование и снаряжение.

И всё же, как известно, солдатам пришлось перебираться через Днепр на подручных средствах. Штабы, конечно же, имели в резерве некоторое количество плавсредств, лодок, катеров, плавучих паромов. Но ветераны Днепра в основном рассказывают примерно такую историю.

Командир полка собрал комбатов и приказал: ночью, по сигналу — стук сапёрной лопатки — начинаем переправу; лодок нет, тем, кто не умеет плавать, самим вязать илоты для переправы оружия и боеприпасов, разбирать в ближайших деревнях сараи и деревянные дома и переправляться на бревнах, остальным — вплавь.

Сколько народу забрал в те сентябрьские ночи Днепр, до сих пор не подсчитано. Реку форсировали все фронты, миллионы солдат. Сотни миллионов пуль, снарядов и мин летело в них с Восточного вала, с правого берега. А он

был крутой, удобный для обзора и прекрасно оборудованный обороняющейся стороной для стрельбы по видимым и невидимым целям.

Степной фронт форсировал Днепр по всему фронту протяженностью в 130 километров. 7-й гвардейской было приказано выйти к реке в районе Переволочной, Бородаевки, Старого Орлика и с ходу захватить плацдармы на правом берегу. Южнее, параллельно с нею, наступала 57-я армия с задачей сделать то же на своём участке. Но до Днепра были бои на реке Ворскле и взятие Полтавы, ликвидация плацдармов на левом берегу, в том числе крупной группировки противника в районе Кременчуга.

Наталья Ивановна Конева показала мне книгу из личной библиотеки маршала: Е. В. Тарле, “Северная война и шведское нашествие на Россию”. В ней карандашом отчёркнуто то место, где Пётр I произносит свою известную фразу: “Мой брат Карл мечтает быть Александром Македонским, но он не найдёт во мне Дария”. И далее: “В России “дариев” не было и нет — русский народ никогда за всю свою историю не вставал на колени перед иноземным завоевателем, он, как исполин, поднимался на смертный бой с врагом и побеждал его. Разумеется, нельзя сравнивать Карла XII с презренным негодяем Гитлером, который в 1941 году двинул немецкие орды на Россию. Но освобождение Украины, как и во времена нашествия Карла, является в полном смысле славным прологом гибели вторгшейся в Россию армии”.

И. С. Конев подчеркнул это место и на полях пометил: “Важно”.

Да, можно предположить, что именно Полтавой, в самом буквальном и одновременно в самом возвышенном смысле, были для Конева бесконечные бои его Степного фронта. Его войска действительно, подобно стремительной степной орде, изгоном шли по России и Украине. И мог ли остановить их Днепр, превращённый немцами в Восточный вал?

За несколько дней до того, когда первые солдаты из его войска зашли по пояс в воду и опустили в Днепр бревно с вбитыми скобами, вдоль берега в сопровождении разведчиков прошли два генерала. Они осматривали противоположный берег, который возвышался подобно утёсу, осматривали широкую, как море, гладь реки с гребешками волн, о чём-то переговаривались. Этими генералами были Конев и командующий 7-й гвардейской армией Шумилов.

— Ну, вот, Михаил Степанович, — сказал Конев, — здесь и придётся твоим гвардейцам налаживать переправу. Оборона у них тут не сплошная. Если разведка ничего не путает. — И Конев посмотрел на офицера из разведотдела.

— Так точно, товарищ генерал армии, оборона на том берегу очаговая, — тут же вытянулся перед генералами бравый майор. — Несколько наших групп сегодня ночью вернулись с той стороны. Небольшие, взвод рота, гарнизоны в населённых пунктах. Ударные группы, до полка, находятся в глубине.

— Перемахнём, Иван Степанович, и эту речку, — сказал Шумилов, оторвавшись от бинокля. — Мои ребята ещё после Харькова начали собирать по плавням лодки и всякую речную посуду. Противотанковые орудия и пулемёты переправим на плотах в первом эшелоне.

— Начинайте немедленно. Пока они там не опомнились, — согласился Конев.

Немцы, конечно же, не рассчитали своих сил, кинувшись на Восток, в глубину России. К сентябрю 43-го, после кровавой бойни под Белгородом, Курском, Орлом и Брянском, их армии уже не имели той мощи и той возможности маневра, какую демонстрировали в 41-м под Смоленском и Киевом. Некоторые дивизии были сведены в дивизионные группы и фактически представляли собой усиленные пехотные полки. Внутренняя Германия уже не могла в полной мере восполнять понесённые на Русском фронте потери. А они продолжали расти каждые сутки, каждый час. И тем не менее, перед Степным и Воронежским фронтами стояли основные силы группы армий “Юг” под командованием Манштейна, которые представляли собой мощную силу. Полевые командиры Манштейна успели перегруппировать свои части, окопать на высоком берегу Днепра боевую технику и тяжёлое вооружение

и приготовились встретить атаку русских. Задачей Манштейна было не допустить Красную армию, то есть Конева, в Донбасс.

Переправа дивизий первого эшелона 7-й гвардейской армии началась 25 сентября. Той же ночью гвардейцы отбили плацдарм в районе села Домоткань между Днепропетровском и Кременчугом.

Вначале от Шумилова поступали обнадеживающие донесения: переправа идёт полным ходом, расширяем плацдарм, на правый берег переправлен 24-й гвардейский корпус... На вторые сутки ранним утром тревожное сообщение: сильные контратаки танков противника в районе действий 24-го гвардейского корпуса у Домоткани, непрерывные удары авиации, войска несут большие потери, не выдерживают натиска врага, вынужден отвести корпус с плацдарма на левый берег...

Конев тут же позвонил Шумилу: "Держись, Михаил Степанович! Выводить войска запрещаю. Сейчас же вылетаю к вам, вместе разберёмся и решим, что делать дальше".

Легкий По-2 вскочил с полевого аэродрома и взял курс на юго-запад. Вскоре блеснул синей лентой, окутанной дымом, Днепр. Иногда снаряды падали в реку, и тогда вода и дым поднимались вверх высокими белыми столбами. Над плацдармом роем кружили самолёты. По их повадкам и по тому, откуда они заходили в атаку и куда пикировали, было件件но, что это авиация противника долбит позиции 24-го гвардейского корпуса на отбитом плацдарме.

При подлёте к площадке, приготовленной для посадки биплана командующего, с правого берега вдруг потянулись трассы эрликонов. Несколько серий снарядов, одна за другой, пронеслись мимо. Пилот мгновенно отреагировал: садиться на открытом поле нельзя, хотя площадка внизу удобная, нырнул за холм и посадил самолёт там, вне видимости с противоположного берега. "Молодец", — про себя подумал командующий, но пилоту ничего не сказал.

И картина, которую Конев успел схватить взглядом с высоты, и обстрел немецкими зенитными установками, и бездействие артиллерии и авиации с левого берега, конечно же, не поднимали настроения. Когда он увидел командиров авиационных корпусов, то в какой-то миг пожалел, что оставил в штабе свою фронтовую палку...

Начали разбираться.

В первую очередь, он приказал командиру истребительного корпуса генералу Подгорному организовать прикрытие с воздуха, перехватывать бомбардировщики противника на подлёте и не позволять им безнаказанно терзать гвардейский корпус, храбро оборонявшийся на плацдарме. Генералу Рязанову — массированными ударами штурмовиков, волна за волной, засыпать немецкие танки противотанковыми кумулятивными бомбами.

Рязанов тут же наладил связь с корпусом, передал приказ, и его штурмовики вскоре начали действовать настолько активно и точно, что немецкие танки на некоторых участках попятились с плацдарма. Десятки их горели там и там, окутывая пространство густым маслянистым дымом. Штурмовики применяли кумулятивные противотанковые бомбы, которые в борьбе с бронетехникой противника оказались весьма эффективными.

Конев приказал Шумилу, чтобы дивизионы гвардейских миномётов сделали несколько последовательных залпов по скоплению пехоты на том берегу.

Из "Записок командующего фронтом": "Когда наша авиация стала действовать более организованно, и ударили залпы сотни орудий и "катюш", положение войск на плацдарме улучшилось. Неприятельские танковые атаки были приостановлены. Теперь войска и переправы с воздуха были прикрыты. Наши штурмовики непрерывно бомбили вражеские войска и его танки. Наступил перелом в обстановке. Бородаевский плацдарм был удержан.

Началось наведение постоянных переправ и мостов через Днепр и расширение плацдармов на той стороне.

Левее 7-й гвардейской армии и одновременно с войсками этой армии к форсированию Днепра на участке от устья Орели до Верхнеднепровска приступили войска 57-й армии генерала Н. А. Гагена. Здесь условия форсирования были несколько труднее: шире Днепр, не было близко островов. Са-

ма подготовка к форсированию из-за опоздания переправочных средств проходила в замедленном темпе.

Правее армии М. С. Шумилова была введена в сражение 37-я армия генерала М. Н. Шарохина. Ввод 37-й армии — второго эшелона фронта — был вызван тем, что 69-я армия генерала В. Д. Крюченкина, наступавшая в центре полосы фронта, понесла большие потери ещё в боях под Белгородом и была значительно ослаблена. Она героически дралась в обороне, прошла большой путь в наступлении и сейчас нуждалась в отдыхе и пополнении. Поэтому на подходе к Днепру я решил сменить 69-ю армию, выдвинув из второго эшелона свежую 37-ю армию с тем, чтобы усилить центр фронта.

На 37-ю армию возлагались большие надежды. Она имела задачу с ходу форсировать Днепр и во взаимодействии с 7-й гвардейской армией захватить и расширить плацдарм в районе Мишурина Рога, превратив его в большой плацдарм оперативного значения. Здесь одними из первых переправились через Днепр танкисты, которыми командовал Я. П. Вергун, ныне директор Пятихатской школы. Он вышел к Днепру, пройдя самостоятельно много километров и опередив войска. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ввод свежей, хорошо укомплектованной 37-й армии имел большое оперативное значение. Я рассчитывал на успех не только при форсировании Днепра, но и при развитии наступления на правом берегу. В связи с этим все мои указания и расчёты штаба фронта исходили из жёстких сроков смены частей 69-й армии, быстрого выхода войск 37-й армии к реке и форсирования с ходу. Решение было правильное. Действия этой армии сулили большой успех всему фронту. Дело в том, что на направлении, где вводилась 37-я армия, у немцев отходили лишь остатки двух пехотных дивизий. Чтобы ускорить и облегчить ввод в бой войск 37-й армии, командарму 69-й армии было приказано до утра 27 сентября оставить все средства связи в распоряжении штаба 37-й армии, создав тем самым благоприятные условия для быстрого выполнения его боевой задачи”.

А в это время севернее, в районе Киева, немцы кромсали наши части на плацдарме в районе Великому Букрину. Этот плацдарм вошёл в историю Великой Отечественной войны как Букринский и имеет печальную славу. Захваченный войсками Воронежского фронта, он был жёстко контратакован дивизиями левого крыла 8-й немецкой армии. Манштейн сразу понял: основной удар русские наносят здесь, и перебросил сюда свои ударные резервы. Потери с обеих сторон были огромными. Наши части потеряли около 20 000 человек. Впоследствии Ставка перебросила основные силы Воронежского фронта на Лютежский плацдарм, наступление развивали отсюда. Вскоре Киев был взят.

Конов же действовал иначе. Армии Степного фронта с ходу перемахнули Днепр сразу в десятках мест. Захватили множество плацдармов и постепенно расширяли их. Противник был сбит с толку: где русские будут наносить основной удар?

Немцы давили на все плацдармы, стараясь сбросить русских в Днепр. Активно применяли танки и артиллерию. В небе постоянно висела авиация, бомбя переправы и всячески нарушая связь переправившихся войск с левым берегом. Возможности наших войск в таких обстоятельствах оказались ограниченными. Преимущество во всех отношениях было на стороне противника. Кроме одного — порыв перескочить через Днепр и очистить от неприятеля район Донбасса был настолько мощным, что сила духа русского солдата оказалась сильнее силы железа и пороха и в этот раз.

Конов постоянно держал ситуацию в руках. Приказал перенести командные пункты командиров дивизий ближе к сражающимся войскам, а НП перебросить на правый берег Днепра, “не дальше 1–1,5 км от войск, в места, позволявшие вести наблюдение за полем боя”, тем самым давая понять своим подчинённым, что впредь драться предстоит только за Днепром. Часто появлялся на передовых полевых наблюдательных пунктах сам.

Итак, основной удар Конов нанёс в районе Переволочной. Как и задумывал. 37-я армия генерала Шарохина и 7-я гвардейская генерала Шуми-

лова выполнили свою задачу блестяще. Они переправились на правый берег, захватили плацдарм оперативного значения, разгромили четыре немецких дивизии, пытавшихся их контратаковать, нанесли ощутимый урон противнику в танках.

В период днепровских боёв к Коневу часто приезжал маршал Жуков. Шли консультации, изучались донесения командиров первых линий и разведки, тут же определялись тенденции. Внимательный анализ событий подсказывал дальнейшие решения, как говорят, по ходу пьесы. Азартный Жуков, блестя глазами, буквально в спину толкал вперёд Конева:

— Давай, давай! Вот она, твоя маршальская звезда! — И накрывал ладонью район Донбасса.

Конев прекрасно понимал: пока Манштейн латает дыры там и тут, пока держит часть танковых дивизий против Ватутина в районе Киева, надо непрерывно давить вперёд. Но понимал он и другое: каждый метр захваченной земли, каждая позиция, отбитая у противника, оплачивается солдатской кровью. Через много лет в разговоре с Константином Симоновым он скажет такие слова: “Уложить людей недолго, наступление их быстро съедает...”

Генерал Жадов в своих воспоминаниях о боях на Днепре и в районе Донбасса дал очень точную характеристику своему командующему: “Беседуя с командованием соединений, генерал Конев обращал их внимание, в первую очередь, на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях... требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи”.

С генералом Жадовым Конева связывала давняя дружба, учёба в военной академии им. М. В. Фрунзе, совместная служба на Северном Кавказе, 41-й год, бои под Москвой. Дружбу они сохраняют на всю жизнь.

В октябре 1943 года по плану, разработанному штабом Степного фронта и согласованному с маршалом Жуковым, а затем утверждённому Ставкой, армии генерала Конева ринулись на Пятихатку и Апостолово. Главным удар наносила 5-я гвардейская армия генерала Жадова. Наступлению гвардейцев предшествовал непростой маневр: 5-я снялась с плацдарма в районе Кременчуга, переправилась на левый берег, совершила стокилометровый марш на юго-восток вдоль фронта в район Куцеваловки, снова переправилась на правый берег и сосредоточилась на плацдарме, занятом 37-й армией генерала Шарохина. Сюда же после доукомплектования бронетехникой и экипажами из района Полтава—Харьков прибыла 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Все передвижения войск производились скрытно. Маневр, широкий и стремительный, — вот тот стиль, который Конев начал совершенствовать здесь, в Битве за Днепр, и вскоре доведёт его до совершенства.

Противник перед ударной группировкой Степного фронта стоял битый, опытный. Манштейн понимал, что Конев будет атаковать, а потому сосредоточил против него двадцать четыре дивизии и 700 самолетов 4-го воздушного флота.

Атака началась 15 октября. Противник встретил атакующие части четырех общевойсковых и одной танковой армии огнём и контратаками. Почти двое суток эта машина ворочалась, вклинившись в оборону 8-й немецкой армии, усиленной танками и бронетехникой 1-й танковой армии, пока, наконец, не прорвала её на всю глубину. В прорыв Конев тут же бросил танковый и механизированный корпус. Вместе с бомбардировщиками генерала Полбина и штурмовыми полками генерала Рязанова танкисты уже 19 октября захватили крупный железнодорожный узел на правобережной Украине — станцию и посёлок Пятихатка. Здесь взяли богатые трофеи, в том числе склады с продовольствием и зерном. Урожай украинских полей немцы вывезти не успели.

Манштейн бросил навстречу Коневу резерв — две пехотных и две танковых дивизии. Все они только что прибыли из Италии. Но резервы тут же были поглощены сражением и существенного влияния на его исход не оказали.

Впоследствии Манштейн сетовал: “В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энер-

гичным, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября он расположил здесь не менее пяти армий (в том числе одну танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и механизированных корпусов, насчитывавших свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад. Между армиями образовался широкий проход. Перед противником был открыт путь в глубину Днепровской дуги на Кривой Рог и, тем самым, на Николаполь, обладание которым Гитлер с военно-экономической точки зрения считал исключительно важным”.

Кстати, Конев в своих “Записках...” заметил автору “Утерянных побед”, что он “для оправдания своего поражения преувеличил численность советских войск”, но в целом сказал правду.

20 октября все четыре фронта, действовавшие на южном фланге, были переименованы в “Украинские”. Степной тоже стал “2-м Украинским”.

В эти дни Сталин позвонил Коневу. Конев коротко доложил:

— Войска фронта находятся на подступах в Кривому Рогу.

— Как ведёт себя противник? — спросил Верховный.

— Противник, опасаясь окружения, начал эвакуацию тылов из Днепропетровска, оставил в районе города части прикрытия, а главные силы перебрасывает в район Кривого Рога против нашего фронта.

— Я понимаю, что у вас есть какое-то предложение. Что вы предлагаете, товарищ Конев?

— В этих условиях крайне необходимо начать наступление армиями правого крыла 3-го Украинского фронта для скорейшего разгрома днепропетровской группировки противника.

— Хорошо. Мы подумаем и сообщим вам о своём решении.

23 октября гвардейцы Жадова вышли к Кировограду, охватив город и район с северо-запада. В этот же день 5-я гвардейская танковая подобное положение создала в районе Кривого Рога. Правифланговые части 3-го Украинского фронта тут же воспользовались благоприятной ситуацией и вплотную подошли к Кривому Рогу.

Во время атаки Конев находился на наблюдательном пункте генерала Ротмистрова, откуда хорошо просматривалась окрестность и картина боя. Как всегда, командир штурмового корпуса генерал Рязанов со своими офицерами связи находился рядом. Рязанов корректировал действия своих штурмовых полков. Девятками “Илы” заходили на цель и “пропахивали” её бомбами, РСами и пулемётным огнём. Накрывали огневые точки и танки противника.

С НП Ротмистрова Конев поехал на командный пункт генерала Шарохина. 37-я армия стояла правее. Войдя в просторную землянку, уставленную телефонными аппаратами, с порога сказал:

— Михаил Николаевич, готовь противотанкистов, сейчас на тебя полезут.

И действительно, через некоторое время противник ввёл в дело танковый резерв, пытаясь отсечь прорвавшуюся к Кривому Рогу советскую группировку именно на участке 37-й армии.

Все, кто воевал, или, как говорят военные, работал с Коневым, отмечают его собранность, умение владеть собой в самых сложных обстоятельствах, дар видеть картину *всего* фронта и предвидеть действия противника. Вот что разглядел в нём Верховный ещё в 41-м, когда начал выдвигать и доверять. Хотя впоследствии протащил и через отстранения и недоверие. Таков был характер диктатора. Даже своих выдвиженцев и любимчиков он всегда держал в узде. Конев тоже чувствовал эти поводы. Но, раз и навсегда указав членам Военного совета фронта их место и определив их должностные обязанности, сумел построить свою работу так, что эти поводы не натирали бока...

К началу ноября противник всё ещё удерживал Кривой Рог и район Николаполя.

8 ноября 1943 года Манштейн нанёс мощные контрудары по войскам 1-го Украинского фронта с целью восстановить оборону по Днепру. Своей

цели он не достиг, но 1-й Украинский фронт вынужден был перейти к обороне и на этом рубеже простоял до конца года.

Тем временем Конев получил очередную директиву Ставки, в которой говорилось: “Прочно закрепившись на ныне занимаемом рубеже, нанести удар силами 37-й, 57-й и 5-й гв. танковой армий в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада, и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, Широкое. Разгранлиния слева прежняя. Наступление начать не позже 12–14 ноября”.

Наступление началось 14 ноября 1943 года. Но темп наступления с самого начала был невысоким. Сопротивление противника оказалось мощным. Потери с обеих сторон — огромными.

23 ноября Конев позвонил Верховному и доложил, что отбит большой стратегический плацдарм, что войска дерутся хорошо, дух высок, но чувствуется усталость, солдатам нужен отдых, а полкам пополнение. Лезть в глубину грудью на заранее подготовленную оборону было бессмысленно.

— Прощу разрешения прекратить наступление и перейти к обороне на занимаемых рубежах, — твёрдо сказал он.

— Хорошо, — после небольшой паузы ответил Сталин. — Ставка удовлетворена действиями войск 2-го Украинского фронта и в ближайшее время примет решение о приостановке наступления на вашем участке. Скажите, товарищ Конев, а каковы дальнейшие планы 2-го Украинского фронта?

Конев мгновенно понял, что Верховный не согласится с полной приостановкой наступательных действий. И, зная беспокойство Сталина по поводу намерений противника вновь восстановить оборону по Днепру, вынужден был доложить, что там, где дела идут успешно, фронт будет продолжать наступление с ограниченными целями: “...продолжит операцию по захвату Чигирина, Александрии, железнодорожного узла Знаменка, завершит освобождение Черкасс и отбросит противника от Днепра по всей полосе фронта”.

Конев выполнил обещанное Сталину. Все города, названные в докладе, были вскоре взяты. Он знал, что у Верховного хорошая память, а потому обещанное выполнил.

Перед тем, как послать войска в бой, из штаба фронта во все подразделения ушло обращение к бойцам и командирам за подписью командующего: “Всем командующим армиями, командирам корпусов, дивизий и полков!

В ознаменование великого праздника — Дня Конституции народов Советского Союза — приказываю напрячь свои богатырские силы... решительным ударом всей мощи огня, смелым маневром смять врага и к исходу дня освободить города Знаменка, Александрия и Новая Прага.

Вперёд, воины 2-го Украинского фронта!

Воинской доблестью за Родину прославьте себя новыми боевыми успехами!”

Всё-таки порой в нём проявлялся горячий комиссарский пыл образца 20-х годов.

Ноябрьские и декабрьские бои, какими бы тяжелейшими они ни оказались, создали условия для успешного проведения Корсунь-Шевченковской операции.

Глава двадцать пятая

КОРСУНЬ–ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ТРИУМФ

*“Немцы настроились не сдаваться,
а Конев не отступал...”*

До сих пор считается, что Корсунь-Шевченковская стратегическая наступательная операция 1944 года — одна из блестяще организованных и мастерски проведённых операций не только в истории Второй мировой войны и XX столетия, но и во всей истории войн.

Но до успеха в треугольнике Богуслав—Шендеровка—Корсунь—Шевченковский 2-й Украинский фронт провёл ещё одну операцию — Кировоградскую.

И. С. Конев и в своих мемуарах, и в разговорах всегда очерчивал эту удачно проведённую операцию в рамках “боев и сражений по расширению плацдармов” и созданию условий “для перехода в решительное наступление на Правобережной Украине”. В ходе Кировоградской операции стремительным ударом по сходящимся направлениям 7-й гвардейской, 5-й гвардейской танковой армиями, 5-й гвардейской при поддержке 5-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов и 53-й армии были атакованы позиции 8-й полевой армии группы армий “Юг”.

Основная роль отводилась подвижным войскам 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова и 7-му мехкорпусу генерала Каткова.

К 2 января 1944 года войска, соблюдая строжайшую тайну передвижений и переговоров по средствам связи, закончили перегруппировку и, отключив радиостанции, замерли в исходных районах.

Не имея общего превосходства над противником в живой силе и вооружении, Конев, тем не менее, сумел собрать на участках прорыва все танковые и механизированные части и больше половины всей артиллерии. В полосе действий 7-й гвардейской армии плотность артиллерийского огня составляла 120 стволов на километр. 5-я гвардейская армия на своём участке имела превосходство над противником по пехоте — 5:1, по артиллерийским орудиям — 2:1, по миномётам — 5:1.

Именно в эти дни произошло событие, в масштабах фронта незначительное, но согревшее душу Конева в самых затаённых её глубинах. Из тыла с очередной партией нового вооружения прибыл новенький КВ с надписью на башне: “Подосиновский колхозник”. Танк прислали земляки Конева из Подосиновского района Кировской области. Собрали деньги и построили танк. Конева растрогало это до слёз. Он тут же отписал землякам благодарственное письмо. После войны, не забыв коллективного подвига земляков, он отдарит их: к очередной посевной прийдёт новенький грузовик, а в библиотеку — несколько посылок редких книг.

Ночью накануне наступления в полосе своей армии генерал Жадов по согласованию с Коневым провёл разведку боем силами батальон-рота. Артиллеристы в это время находились на передовых НП пехотных частей и во время атаки наносили огневые точки на карты. Утром 5 января началась артподготовка по заранее разведанным целям. Длилась она 50 минут.

Ещё во время артогня инженерные подразделения выдвинулись вперёд и приступили к разминированию и разграждению проходов для пехоты и танков. К исходу дня передовые подразделения правого крыла продвинулись вперёд до 24 километров, что означало: тактическая оборона противника на всю её глубину прорвана. На левом произошла заминка. Противник контратаковал. Бросал в бой крупные силы до 120 танков. К исходу второго дня левое крыло ударной группировки, усиленное танковыми частями, опрокинуло танковые подразделения немцев, врезалось в оборону противника глубиной до 70 километров и расширило брешь прорыва до 30 километров. Это был успех. Но Конев знал: успех пужно наращивать, потому что бой — среда живая, постоянно изменяющаяся, и процессом этих изменений необходимо владеть каждую минуту, влиять на него, если что-то пошло не так.

Манштейн приказал ввести в дело резервы. Но Конев наращивал удар, тоже последовательно вводя резервы.

В ночь на 7 января 1944 года танки 29-го корпуса генерала Кириченко вышли к юго-восточным окраинам Кировограда, замкнули кольцо вокруг города и прилегающего района. В окружении оказались до одной мотопехотной, одной пехотной и части двух танковых дивизий немцев.

Несколько суток войска 1-го и 2-го Украинского фронтов встречными ударами на Первомайск, что на Буге, пытались отрезать 8-ю полевую и 1-ю танковую армии противника. Манштейн предпринимал всё возможное, чтобы не допустить катастрофы.

Немецкий историк Пауль Карель события в районе Кировограда назвал “Зимней драмой на Среднем Днепре”: “Кировоград стал свидетелем всей

трагедии, всех страданий большого сражения. Каждый десятый из воевавших в России знает Кировоград. Это было одно из мест, где война шла особенно ожесточенно. Немцы построились не сдаваться, а Конев не отступал. Большой замысел ставки заставлял его быть непреклонным. Решающие причины состояли не только из стратегических — план Конева включал завоевание жизненно важного в экономическом отношении западноукраинского города Кировоград”.

Немецкий историк далее говорит о том, что четыре дивизии, окружённые в районе Кировограда, всё же смогли прорваться из окружения.

В оперативной сводке за 11 января сообщалось: “По уточнённым данным, в районе Кировограда за время боев с 5 по 8 января включительно нашими войсками уничтожено: танков — 293, орудий разных — 296, самоходных орудий — 40, миномётов — 121, пулемётов — 445, бронемашин — 94, автомашин — 978.

Противник потерял только убитыми свыше 15 000 солдат и офицеров”.

Известно, что из окружения удалось вырваться 3-й танковой дивизии, с которой в пробитую брешь успели выскочить отдельные части других дивизий.

В замысел операции по овладению Кировоградом штаб Конева заложил идею удара по сходящимся направлениям с целью отсечения значительной группировки противника, её окружения и последующего уничтожения. Удар осуществлялся двумя общевойсковыми армиями во взаимодействии с танковыми и механизированными частями. Блестящим стремительным охватом механизированных и танковых частей город и прилегающие районы были окружены. Однако завершить дерзкий замысел до конца не удалось. Судьба словно намеренно откладывала дни триумфа войск 2-го Украинского фронта и их командующего. Удержать в кольце и полностью уничтожить кировоградскую группировку противника не удалось, “так как успех подвижных войск, вышедших на пути отхода противника, не был своевременно закреплён стрелковыми соединениями”.

Но Кировоград стал прологом, кровавой репетицией перед Корсунь-Шевченковским. Рассматривая события января-февраля шире, можно сказать, что судьба словно играла с Манштейном и его группой армий. Над ними навис рок в те дни, когда 3-я танковая дивизия, бросая технику и снаряжение, с большими потерями вырывалась из кировоградского “котла”. Уклоняться от ударов Конева ему было всё тяжелей. Все более тяжкую плату приходилось платить немцам за отход на новые рубежи обороны.

Одновременно с Кировоградской операцией войска генерала Ватутина севернее успешно провели Житомирско-Бердичевскую операцию и захватили богатые трофеи.

Однако самым большим результатом усилий группировок Конева и Ватутына стало то, что линия фронта образовала причудливую дугу, и её, эту тугую дугу, Украинские фронты к середине января 1944 года загнули так, что она поразительно стала напоминать сталинградскую...

Манштейн не смог удержать фланги, и под напором наступающих советских войск образовался глубокий выступ. Его обороняла крупная группировка, включавшая девять пехотных, одну танковую дивизию и моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий “Юг”. Манштейн имел твёрдый приказ Гитлера: выступ не сдавать. На острие выступа, в районе Канева, группировка удерживала оборону по Днепру.

Упорство немцев объяснялось тем, что они ещё не потеряли надежду вернуть свои позиции по линии Вотан-Пантер.

Замысел Ставки сводился к следующему: встречным ударом двух фронтов под основание выступа прорвать оборону противника и соединиться в районе городов Шпола, Звенигородка. К операции привлекались семь армий, в том числе две танковых, а также две воздушных армии и отдельные корпуса.

Конев атаковал 24 января силами 4-й гвардейской генерала Рыжова и 53-й армией генерала Галанина. Командармы сразу получили приказ на окружение: 4-я гвардейская образовывала внутренний фронт, а 53-я формировала внешний.

“Бог войны благоволил Коневу”, — впоследствии напишет бывший министр информации Третьего рейха Пауль Шмидт, больше известный как германский историк и публицист Пауль Карель.

П. Карель основательно изучил историю “Черкасской трагедии”, как немецкие историки называют Корсунь-Шевченковский котёл, и преподнёс её более или менее объективно. Несколько цитат из его книги “Выжженная земля”:

“26 января войска генерал-полковника Конева, — пишет бывший министр пропаганды Гитлера, ошибочно называя генерала армии Конева генерал-полковником, — командующего 2-м Украинским фронтом, прорвали немецкую оборону в Капитуновке. Войска 1-го Украинского фронта: три советские армии, включая 6-ю танковую армию генерала Кравченко, от Киева через Белую Церковь на юго-восток, подавили оборонительный рубеж VII корпуса на западной стороне немецкого выступа в секторе 1-й танковой армии, смяв немецкие дивизии. Во фронте образовалась широкая брешь; не встречая сопротивления, советские подразделения двинулись на юго-восток, на соединение с войсками генерала Конева, действовавшего в северо-западном направлении. Лишь сто километров разделяли эти два авангарда — совсем не расстояние для танковых соединений. Если они соединятся, ловушка захлопнет на Каневском выступе два немецких корпуса.

И они соединились. Танковые экипажи Кравченко и Ротмистрова встретились у Звенигородки 28 января. Надвигалось сражение у Черкасс. Двойным окружением русские отрезали немецкий Каневский выступ, простирающийся на восток к Днепру. В мешке оказались XXXXII и XI немецкие корпуса с шестью дивизиями и отдельной бригадой. Немецкий фронт был прорван на участке в девяносто пять километров. Через эту широкую брешь советские части теперь могли устремляться к Румынии, потому что восточнее румынской границы препятствий больше не осталось. Гитлер даже после этого запретил корпусам отступать”.

“...советские части атаковали два окружённых немецких корпуса огромным количеством войск, главными силами двух фронтов. Руководил операцией генерал армии Конев, командующий 2-м Украинским фронтом, хотя трудно было ожидать, что на Днепре остались немецкие дивизии. Гораздо разумнее было бы им развернуться и попытаться соединиться с 47-м танковым корпусом. Однако Гитлер остановил логичный ход событий, издав новый приказ “держаться”. Либу и Штемерману, двум командирам окружённых корпусов, было приказано любой ценой держать всю свою линию в триста двадцать километров сильно поредевшими шестью дивизиями и, более того, прикрыть свой тыл, установив там новый рубеж. Сформируйте круговую оборону и не уступайте! Указание Гитлера в Сталинграде! Как тогда он не хотел разрешить уходить с Волги, так и теперь он неумолимо держался за последний участок Днепра. Центром окружения являлся город Корсунь-Шевченковский с его передовым аэродромом. Именно за Корсунь происходило сражение в течение первых двенадцати дней”.

“К тому времени русские уже ясно представляли себе, что происходит, и, как только немцы выходили в район западнее Комаровки, они сразу же подвергались интенсивному огню пулемётов, миномётов и артиллерии. Немецкие солдаты пытались прятаться от огня противника в ложбинах и оврагах. Части полностью смешались, каждый думал лишь о том, чтобы выйти из-под огня в безопасное место. Поскольку самый мощный огонь советские войска вели из района Журженцев и высоты 239.0, практически весь поток отступающих, за исключением отдельных незначительных групп солдат, которые направились к северной окраине Лисянки, повернул на юг, к излучине реки Гнилой Тикич. Всего из окружения вышло 30 тыс. немецких солдат и офицеров, в боях здесь было убито 82 тыс. немцев, в плен взято в котле 18,2 тыс. Наши войска потеряли свыше 24 тыс. убитыми и 56 тыс. ранеными. 17 февраля Э. Манштейн понял, что ему придётся направить выживших в Польшу для отдыха и восстановления. Командование 1-й танковой армии докладывало: “Необходимо признать, что, поскольку с 28 января войска находились в окружении, они сознательно или подсознательно видели перед

глазами судьбу осаждённых под Сталинградом". За исключением добровольческой штурмовой бригады "Валлония", соединения, вышедшие из Корсуньского мешка, были больше не способны к боевым действиям. Кроме этого, шесть с половиной немецких дивизий потеряли всё своё вооружение".

Ещё более ужасной оказалась судьба группы Штеммермана и самого генерала. Над ними, как пишет П. Карель, "поднимался призрак Сталинграда".

8 февраля окружённым был предъявлен ультиматум. Вот его текст:

"Ультиматум.

Командующему 42-м армейским корпусом.

Командующему 11-м армейским корпусом.

Командирам 112-й, 88-й, 72-й, 167-й, 168-й, 82-й, 57-й и 332-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии, танковой дивизии СС "Викинг", моторной бригады "Валлония".

Всему офицерскому составу немецких войск, окружённых в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса немецкой армии находятся в полном окружении.

Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения всё больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолётов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолётов Ю-52.

Вы, как командиры и офицеры окружённых частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведёт только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окружённые немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, всё боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г<ода> по московскому времени в письменной форме через Ваших личных представителей, которым надлежит ехать легкой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблёв на Хировку.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировки 9 февраля 1944 года в 11 часов по московскому времени.

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окружённых Ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесёте Вы.

Зам. Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза

Г. Жуков

Командующий войсками Первого Украинского фронта генерал армии

Н. Ватулин

Командующий войсками Второго Украинского фронта генерал армии

И. Конев".

Ультиматум окружённые отклонили.

“Канны на Днепре”, “Украинский Сталинград”, “Корсунь-Шевченковское побоище”... У этого сражения много немецких имен. Такие события, как правило, рожают многие эмоции и ассоциации.

Бои развернулись в исторических местах, на родине Великого Кобзаря. Кровь русских и немецких солдат лилась в Моринцах и в месте вечного покоя Тараса Шевченко Каневе. Этот край называют “Меккой украинского народа”. Удивительная и редкая по красоте местность. Холмы, от которых буквально исходит вековая музыка былин, и глубокие тенистые овраги с выходами гранитных скал. Поэтичный ландшафт, напоминающий карпатские предгорья. Стремительные и чистые реки Тикич и Рось, текущие то среди равнинной местности, то среди порогов, напоминающих скалы. В урочище Горохова Диброва в 1648 году Богдан Хмельницкий, возглавляя казацко-татарское войско в битве при Корсуне, наголову разбил двадцатитысячное королевское войско коронного гетмана Потоцкого.

Конев знал, по каким дорогам ведёт свои войска. Триста лет назад надменная шляхта бежала от казацких сабель, а теперь он гнал элитные дивизии Гитлера, в том числе “Викинг”, “Лейбштандарт”, моторизованную бригаду “Валлония”. Испытанная гвардия рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, осыпанная рыцарскими и железными крестами за подвиги в России, отступала и, в конце концов, оказалась в окружении его войск.

11 февраля Манштейн предпринял отчаянный контрудар силами ударной группировки группы армий “Юг”, пытаясь разорвать внешний фронт котла и, таким образом, вызвать из окружения обречённые на гибель корпуса. Последнее решающее наступление. На этот раз роль Гота должен был сыграть командующий 1-й танковой армией генерал Хубе. Восемь его дивизий, выстроившись могучей фалангой с восьмьюдесятью “тиграми” и “пантерами” на острие, двинулись на позиции советских подразделений в районе Лисянки. Штеммерману, возглавлявшему группировку в окружении, Хубе телеграфировал: “Я вас выручу. Хубе”. В первые часы боя танковый клин потеснил наши войска. Одновременно генерал Штеммерман организовал встречный удар изнутри. Собрав все силы и бросив их в бой, он прорвался к селу Шендеровка. Между Хубе и Штеммерманом оставалось всего ничего — каких-то 10–20 километров.

Как это напоминало Коневу 42-й год, когда он, командуя Калининским фронтом, пытался вызволить из окружения одну из своих армий в районе Ржева!

В какой-то момент немцы, наконец, отыскиали слабое место на стыке фронтов, которое прикрывала 27-я армия соседнего 1-го Украинского фронта.

В Ставке сразу заволновались. Но именно туда накануне, на свой страх и риск, Конев развернул казачий корпус и танки Ротмистрова. Просчитывая все варианты, он вдруг интуитивно понял, что вырваться немцы будут именно в этом месте.

В полдень 12 февраля по ВЧ позвонил Верховный. Конев доложил обстановку: враг окружён, все попытки вырваться отбиты, войска действуют на уничтожение окружённой группировки. Но после первых же слов, произнесённых Сталиным, сразу понял, что тот недоволен тем, что группировка вытекает из котла через брешь, появившуюся у соседа.

— Товарищ Конев, вот мы уже огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника. А в Ставке есть данные, что окружённая группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Что вы знаете об обстановке на фронте у соседа?

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, — ответил Конев. — Окружённый противник не уйдёт. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котёл, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

— Вы это сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией.

— Да, по своей, товарищ Сталин.

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Через пятнадцать минут телефон снова зазвонил. Верховный сказал:

— Нельзя ли, товарищ Конев, все войска, действующие против окружённой группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта, я имею в виду 27-ю армию, подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окружённой группировки?

Это неожиданное решение Сталина прозвучало, как гром среди ясно-го неба.

— Товарищ Сталин, — тут же отреагировал Конев, мгновенно просчитывая все варианты возможного развития событий со всеми их результатами, — сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи её со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь. Пока в коридоре идёт бой, напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окружённого противника. Тем более, что на её правом фланге создаётся серьёзная угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

— Ставка позаботится о связи. Все ваши приказы и распоряжения будут передаваться в штаб 27-й армии без промедления. Чтобы ничего не нарушать, снабжение будет осуществлять 1-й Украинский фронт.

— Товарищ Сталин, в такой непростой обстановке, когда многое решают даже не часы, а минуты, необходима связь накоротке и личное общение. Все мои распоряжения будут идти с запозданием.

— Хорошо, мы ещё посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим. — И Верховный положил трубку.

Конев в своих «Записках...» так комментировал создавшуюся ситуацию с 27-й армией: «Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии ещё и потому, что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьёзно осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала её силы».

Далее Иван Степанович деликатно посетовал на то, что маршал Г. К. Жуков «не совсем точно осветил этот вопрос» в своих мемуарах. По версии Г. К. Жукова, Конев будто бы сам предложил Сталину «передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина».

Ну, что тут можно сказать... Если Георгию Константиновичу хотелось изобразить Ивана Степановича таким уж тщеславным и расчётливым, не желавшим делиться славой с соседом справа, то тут явная нестыковка по времени. Прорыв на фронте 27-й армии произошёл значительно раньше телефонного разговора Сталина и Конева. Зачем Коневу добровольно брать на себя грех соседа? А вот за прорыв ответственность нёс и маршал Жуков. И Сталин указал ему на его просчёт телеграммой:

«Тов. Юрьеву.

Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблёв в направлении Шандеровки произошёл потому, что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении, в первую очередь, Стеблёвского выступа противника, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать попыток его прорыва... Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку...

12 февраля 1944 г. *И. Сталин*

16 часов 45 минут. *Антонов*».

Телеграмма с выговором маршалу поступила к адресату на несколько часов позже телефонного разговора Конева со Сталиным.

Мемуары — это далеко не то, что было, а, скорее, то, что их автор хотел бы знать о своём прошлом. Отчасти это касается и нашего героя.

Конев, между тем, меры принял. В коридор, пробитый противником, он ввёл снятую с внешнего обвода 5-ю гвардейскую танковую армию. Произошло это ещё до разговора с Верховным, 10 февраля.

Группе немецких танков всё же удалось, пользуясь сумятицей первых часов боя, вырваться из окружения. Вместе с ними вышли и бронетранспортеры, на которых находились старшие офицеры и полевые управления штабов. Вышли также небольшие группы и одиночки. Сплошной линии фронта не было, и те, кто владел собой, смогли выскользнуть из котла.

Германская армия повторяла печальную судьбу Красной Армии 41-го года.

Хубе был остановлен на внешнем обводе котла. Его “тигры” и “пантеры” хорошо горели от точного огня противотанковой артиллерии и массированных ударов авиации наших штурмовых полков. Теперь Штеммерману целиком была вручена судьба его солдат. Шедшие им на помощь были остановлены. Ещё недавно он с волнением читал телекс Гитлера и верил в него: “Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона”.

Последняя попытка немцев выйти из окружения состоялась 17 февраля. В первом эшелоне шли три колонны: 5-я танковая дивизия СС “Викинг”, 72-я пехотная дивизия в центре и корпусная группа “Б” на правом фланге. В арьергарде шли 57-я и 88-я пехотные дивизии. Таранный удар пришёлся на 5-ю гвардейскую воздушно-десантную, 180-ю и 202-ю стрелковые дивизии на внутреннем кольце и на 41-й гвардейскую стрелковую — на внешнем. Немцам пришлось переправляться через реку Гнилой Тикич. Переправ не было: артиллерия, по приказу Конева сконцентрированная на этом участке, сделала своё дело.

Но до прорыва у немцев была ночь в захваченной Шендеровке. Воспоминания жителей села, а также мемуары немецких солдат и офицеров, выживших в этой мясорубке и прошедших советский плен, рисуют картину, весьма напоминающую исход армии Наполеона из Смоленска. Оголодавшие солдаты грабили местных жителей, выводили из хлевов скот, забивали прямо на улице и здесь же, вырезая куски мяса, жарили их на штыках. Ночью на “шашлык” прилетели эскадрильи ночных бомбардировщиков У-2. Скопление войск в Шендеровке было огромным. Такие же огромные потери тут же последовали от каждой сброшенной советской бомбы.

При выходе из Шендеровки немецкие колонны сразу же попали под сокрушительный огонь нашей артиллерии.

Конев, наблюдая за движением колонн Штеммермана, принял решение вначале придержать резервы, давая противнику втянуться в горловину призрачного коридора. Потом это станет его “коньком” — добивать окружённого противника не на его позициях в обороне, а в горловине на выходе, на марше.

27-я общевойсковая армия генерала Трофименко была передана в оперативное подчинение штабу 2-го Украинского фронта.

И. С. Конев, вспоминая о том, как вводили в дело корпус генерала Селиванова, упомянул, что “донские казаки в этой сложной операции не посрамили свою былую славу “донцов-молодцов”.

В конце 80-х годов в одной из смоленских деревень я отыскал бывшего командира стрелкового взвода 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, той самой, которая не выпустила группу Штеммермана в последний момент и дралась всю ночь 17 февраля и весь день 18-го. Иван Петрович Зеленков вспоминал, как их рота вышла на холм. Они остановились и наблюдали, как ввиду по полю несколько “тридцатьчетвёрок” гоняли немцев. “Догонят — да!” — рассказывал Иван Петрович. А потом, к вечеру они остановились на опушке, где несколько часов назад проскакал кавалерийский эскадрон. Конев в своих “Записках...” упоминает о том, что кавалеристы корпуса генерала Селиванова “часто пытались решить боевую задачу, не слезая с коня”. Немцы

выходили из окружения небольшими группами. На одну из таких групп набрёл взвод лейтенанта Зеленкова. “Их, видать, кавалеристы наши прихватили. Казаки. Мы их видели, когда входили в прорыв. Шли поэскадронно, красиво, на хороших лошадях. От таких не убежишь и хорошо поевши. А тут, видать, прихватили их на опушке. Человек двенадцать лежали. У кого плечо разрублено, у кого голова пополам... Страшно глянуть. Саблями рубили”.

Ставка, обрушив на Конева всю ответственность за исход Корсунь-Шевченковской операции, передала ему большие резервы, в том числе и 4-ю гвардейскую армию генерала Смирнова.

4-я гвардейская находилась в “коридоре”. Туда же вводилась переданная в состав 2-го Украинского уже упомянутая 27-я, которую спешно пополняли людьми и вооружением. Конев тут же решил лететь в “коридор” и на месте принимать необходимые решения по координации действий частей, которыми был усилен этот участок фронта. Но генерал Смирнов телеграфировал, что самолёт принять не может — подходящих площадок нет, а полевой аэродром окончательно развезло. Действительно, февраль 44-го на Украине напоминал наш среднерусский март.

Но Конев твёрдо решил лететь. Кто-то из штабных офицеров предложил воспользоваться танком. Т-34 при штабе у него был, дежурил постоянно, и на нём Конев частенько выезжал в войска. На машине было уже не пробраться — грязь, разливы, непролазные дороги, разбитые немецкими и нашими танками и грузовиками. Но на танке, хоть и надёжно, но — долго. От штаба фронта до села Толстое, где находился КП 4-й гвардейской, 70 километров пути. И он приказал Смирнову застелить соломой площадку поровней, прямо возле хат, где грунт потвёрже. Полетели. Вылетели на двух По-2. При подлёте к “коридору”, когда до Толстого оставалось несколько километров, их атаковали “мессеры”. Второй биплан задымил тонкой струйкой, потерял скорость и пошёл на снижение. Пара “мессеров” увлеклась подбитым самолётом и прекратила преследование самолёта, в котором летел командующий войсками фронта. Потом выяснилось, что второй самолёт благополучно приземлился на лугу, никто не пострадал: ни адъютант Саломахин, ни пилот. А они продолжали полёт.

При подлёте к Толстому они увидели высланный соломой прямоугольник. Пилот помотал головой, крикнул: “Слишком короткая!” Конев, видя нерешительность лётчика, крикнул в ответ: “Приказываю садиться!” Пилот оказался лётчиком опытным и храбрым. Облетел “взлётную полосу”, будто примериваясь, и тут же пошёл на посадку. Самолёт затормозил на последнем метре. Колёса съехали с соломы в грязь и утонули по ступицы. Ещё бы метр — и биплан, как говорят лётчики, сделал бы “козла” — скапотировал и перевернулся.

Со стороны дворов к самолёту неслась машина командарма.

Конев: “Моё прибытие на КП командующего 4-й гвардейской армией позволило принять ряд неотложных мер, необходимых для завершения операции.”

Все мы понимали, что немцы будут лезть из кожи вон, чтобы выручить окружённую группировку. Командующий 1-й танковой немецкой армией генерал Хубе теперь уже открытым текстом по радио передавал Штеммерману, чтобы он держался, что он лично сам руководит наступлением танковой группировки и скоро выручит его.

Я не стану скрывать своего волнения в связи с создавшейся ситуацией. Меня всё время беспокоило положение 27-й армии. Первым делом, как только я прибыл на НП генерала И. К. Смирнова, я вызвал начальника связи армии и представителя связи штаба фронта, которым приказал принять срочные меры и проложить связь напрямую по коридору прорыва на НП командующего 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, находившегося в то время в деревне Джурженцы.

В сложившейся обстановке мною были поставлены следующие задачи армиям. 52-я армия генерала Коротева: основная задача — не выталкивать противника, а выходить на его пути и отрезать по частям, сковывать его силы и не давать ему возможности маневрировать.

Коротеев понял задачу, но в связи с трудностями маневра, из-за грязи, он всё больше выжимал противника и отбрасывал в районы действий армий Трофименко и Смирнова.

27-я армия генерала Трофименко: стойко оборонять занимаемые позиции с хорошо организованной системой огня. Эта армия должна крепко держать запертого противника.

4-я гвардейская армия генерала Смирнова: наступать с юга на север, рассекать противника на части и пленить его. Иметь на внешнем фронте заслон от наступающей танковой группировки противника со стороны Лисянки, а также иметь маневренный резерв. Если где-либо противнику удастся нарушить кольцо окружения, немедленно ликвидировать прорыв и не выпускать врага. Коротко, если можно так выразиться, задача армии заключалась в том, чтобы вбивать клинья в боевое расположение окружённой группировки врага и брать его основные опорные пункты каждый в отдельности.

5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова: первая задача — помогать 4-й гвардейской армии дробить окружённую группировку противника на части, вторая — выполнять роль ударной маневренной группы в случае прорыва противника из кольца или с внешнего фронта окружения. Для укрепления положения 27-й армии выдвинуть в район Джурженцы 18-й гвардейский танковый корпус.

Задача 5-й гвардейской танковой армии, связанная с маневром на новое направление, была довольно трудной. Непролазная грязь сковывала движение танков. Однако этот маневр нужно было во что бы то ни стало осуществить. И он был осуществлён успешно. Выход танковой армии в предназначенные для неё районы предопределил разгром окружённых дивизий и исключал всякую возможность прорыва группировки генерала Штеммермана к войскам генерала Хубе, действующим с внешнего фронта. Последующие события подтвердили это.

5-й гвардейский кавалерийский корпус был выведен во фронтовой резерв. Он находился в центре коридора в готовности лихой атакой крушить противника в случае его прорыва из кольца.

53-я армия генерала Галанина: создать жёсткую противотанковую оборону занимаемого рубежа на внешнем фронте. Отражать атаки танковой группировки противника. В обороне проявлять стойкость и не допустить прорыва танков противника навстречу окружённой группировке.

5-я, 7-я и 57-я армии обороняли занимаемые рубежи на левом крыле фронта, им было приказано иметь резервы на случай маневра как в районах окружённой группировки, так и для перехода в наступление по общему плану фронта.

5-я воздушная армия под командованием генерала Горюнова: наносить удары по танковым частям противника, парализовать действия вражеской авиации, стремившейся оказать помощь окружённым дивизиям. Вместе с тем советские лётчики должны были надёжно прикрывать свои войска с воздуха. Следует при этом отметить, что наши авиаторы, несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия, выполнили свои задачи блестяще.

Запомнился эпизод ночной бомбардировки врага, имевший место позже, в ночь на 17 февраля. Мне доложили, что в районе Шендеровки наблюдается большое скопление машин и танков, а также движение пехоты.

Требовалось срочно сбросить на скопление гитлеровцев осветительные и зажигательные бомбы, тем самым выгнать врага в открытое поле и бить артиллерией.

Я понимал, что выполнение задачи ночью, в метель, когда ветер сбивает с ног человека, будет, конечно, сопряжено с риском. В разговоре по телефону командующий 5-й воздушной армией генерал-лейтенант Горюнов объяснил мне трудности полётов при такой погоде. Я предложил ему обратиться к лётчикам и выявить добровольцев вылететь на выполнение этого боевого задания. На этот призыв 18 экипажей самолётов 392-го авиационного полка 312-й авиационной дивизии доложили о готовности немедленно вылететь на бомбёжку.

Первым поднялся в воздух самолёт капитана В. А. Заевского и штурмана младшего лейтенанта В. П. Локотоша. Они удачно сбросили зажигательные бомбы по району скопления боевой техники и живой силы врага. Загорелись машины и повозки. Так же удачно произвели бомбометание и остальные экипажи.

Используя очаги пожаров в качестве ориентиров, по врагу ударила наша артиллерия.

Вылететь ночью, в пургу и при сильном ветре, на такой лёгкой машине, как По-2, — немалый подвиг. В. Заевскому и В. Локотошу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Итак, все армии фронта в соответствии с вышеизложенными задачами были нацелены на активные стремительные действия с целью рассеять, уничтожить или пленить врага. Кроме того, мною было приказано усилить противотанковую оборону всего коридора, создав там противотанковые районы с постановкой мин и устройством других инженерных заграждений. Противотанковые районы создавались на всех важных узлах дорог, в населённых пунктах и на высотах. Начальниками противотанковых районов были назначены командиры артиллерийских полков или командиры противотанковых артиллерийских бригад. Следует подчеркнуть, что противотанковые бригады в Великой Отечественной войне показали себя исключительно хорошо. Направляя их на танкоопасные направления, мы были всегда уверены, что эти бригады, специально предназначенные для борьбы с танками врага, имея большой боевой опыт и хорошо подобранный личный состав, способны были героически оборонять занимаемые районы и наносить противнику большой урон. Одновременно были приняты меры по усилению войск, действовавших и на внешнем фронте, на направлении Лисянки, и установлено тесное взаимодействие с войсками 1-го Украинского фронта.

К рассвету 13 февраля мне доложили, что связисты 4-й гвардейской армии и штаба фронта установили прямую по коридору между внешним и внутренним фронтами окружения, где шли бои, надёжную связь с 27-й армией генерала Трофименко.

Я тотчас же вызвал к телефону командарма. С генералом Трофименко мы встречались, когда он воевал на Степном фронте во время Курской битвы. Я знал его с положительной стороны и учитывал его особую чувствительность к замечаниям со стороны старших начальников. Я понимал, что переподчинение в такой обстановке психологически действует на командира. Спокойно выслушав доклад Трофименко об обстановке, о состоянии и укомплектовании войск армии личным составом и техникой, я уловил в его голосе тревогу и сказал:

— Вашу армию перенесли мне не случайно. Я знал её раньше как боевую, поэтому уверен, что при соответствующей поддержке войсками нашего фронта она справится с задачей. И я уже кое-что сделал ещё до приказа Ставки, чтобы помочь вам отбить атаки противника из Стеблёва на Шендеровку.

Затем я сказал командарму, что в районе Ново-Буды и Комаровки находятся части 29-ю танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, 5-й кавалерийский Донской корпус и что в Джурженцы выйдет 18-й танковый корпус 5-й танковой армии, а потом вся 5-я гвардейская танковая армия и два стрелковых корпуса 4-й гвардейской армии. 5-й кавалерийский корпус будет действовать в коридоре с задачей не выпустить окружённую группировку противника. Я также выразил уверенность, что 27-я армия выполнит задачи успешно, и пообещал, если потребуется, прийти на помощь.

Большую роль сыграла тогда хорошая связь с армией. Она работала безотказно, и нам не было надобности держать связь вкруговую, через 1-й Украинский фронт, как это было предусмотрено директивой Ставки. С момента подчинения армии фронту лично я был доволен её действиями.

К утру 13 февраля наше положение было довольно устойчивым и на внешнем, и на внутреннем фронтах. Войска продолжали действовать активно, сжимали и дробили окружённую группировку противника и отбивали многочисленные и ожесточённые атаки на внешнем фронте”.

Немцы метались вдоль нашей обороны, пытаясь отыскать лазейки и избежать встречи с танками и кавалерией. Некоторые, потеряв надежду выбраться, сдавались в плен. Другие, даже перед лицом явной гибели, дрались до последнего. В конце концов, вся недобитая масса солдат обеих колонн сбилась на открытом пространстве между Комаровкой и Хильками на так называемом Бойковом поле. Как вспоминали участники последних боев в *затухающем котле*, “пленных было мало”...

После войны Конев рассказывал Константину Симонову о том, какое жуткое зрелище представляла собой картина после боя на истребление немецкого *котла*. Отдельным эпизодом эта история вошла в посмертную книгу маршала “Сорок пятый”: “...какая страшная картина представилась мне зимним утром 1944 года после завершения Корсунь-Шевченковской операции. Такого большого количества трупов на сравнительно небольшом участке мне не пришлось видеть на войне ни до, ни после этого. Немцы предприняли там безнадежную попытку прорваться ночью из *котла*, и стоило это им страшных потерь. Кровопролитие не входило в наши планы: я отдал приказ пленить окружённую группировку. Но в связи с тем, что командовавший ею генерал Штеммерман, в свою очередь, отдал приказ пробиться во что бы то ни стало, мы вынуждены были противопоставить силе силу. Немцы шли ночью напролом в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнём и танками, которые давили на этом страшном зимнем поле напирющую и, я бы добавил, плохо управляемую в ночных условиях толпу. И танкисты тут не повинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Всё это происходило в крошечной темноте, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле боя на санях, потому что ни на чем другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжёлое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях”.

Именно там погиб командир корпуса артиллерии Штеммерман. Труп Штеммермана был найден у села Журжицы. Редкий случай, когда немцы оставили без погребения тело своего генерала. Это обстоятельство послужило поводом для появления легенды о том, что Штеммермана, не выполнившего волю Гитлера держаться, застрелили фанатичные эсэсовцы, имевшие приказ расправляться со всеми трусами и паникёрами. В Шендеровке в ночь накануне прорыва “валлонцы” и “викинги” действительно расстреляли многих истинных арийцев, потерявших волю к сопротивлению.

В 5-й танковой дивизии СС специального назначения “Викинг” служили добровольцы из “расово приемлемых народов”. В полку “Вестланд” — голландцы и фламандцы. В полку “Нордланд” — норвежцы, шведы. Батальон “Нордост” целиком состоял из финнов. Батальон “Нарва” — из эстонцев. Из “черкассского *котла*”, как немцы называли корсунь-шевченковское окружение, “викинги” выскочили чудом. К примеру, штурмовая бригада “Валлония” этой дивизии потеряла своего командира. Был тяжело ранен заместитель командира бригады. Из окружения вырвалось 632 человека. Так жёстко прижали их расово неприемлемые, что осенью 44-го дивизию пришлось пополнить украинскими добровольцами.

Когда Коневу доложили о том, что на поле боя рядом с разбитой прямым попаданием штабной машиной найдено тело генерала, что пленные опознали в нём командира корсунь-шевченковской группировки генерала Штеммермана, он приказал разрешить немецким военнопленным похоронить “своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени”. Приказ командующего был исполнен: тело Штеммермана похоронили в гробу, рядом, завернув в палатки, положили тело адъютанта и других офицеров и солдат, которые выполняли свой долг до конца.

Официальная статистика потерь немцев в корсунском *котле*: 55 000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 18 000 взято в плен. При том, что в начале первоначально находилось около 80 000 человек, несколько тысячам окружённых удалось ускользнуть, прорваться, выйти по неконтролируемой советскими войсками местности к своим. Что ж, это обычная картина окружения и разгрома. Кому-то в последний момент судьба улыбается — избежать гибели, плена, позора.

Немецкие историки, конечно же, всячески преуменьшают число потерь. Что и понятно. Тень Сталинграда ужасом висела над вермахтом и всей Германией. Как сказать немецкому народу, что потери на Украине столь высоки? Сказанное однажды потом своеобразной правдой вошло в исторические хроники и мемуарные тексты свидетелей и действующих лиц. К примеру, Манштейн в своих мемуарах утверждал, что ему удалось вызволить из корсунь-шевченковского котла 30 000 человек. Вряд ли. Уж больно круглая цифра. Махнул пером — и ладно, пусть будет тридцать тысяч... Пауль Карель махнул пером ещё выше — сорок тысяч с лишним. Пусть будет сорок... Тяжело было признать, что русские в это время воевали блестяще, превосходя их во всём.

Войсками 2-го Украинского фронта были захвачены 41 самолет, 167 танков и самоходных орудий, 618 полевых орудий разного калибра, 267 миномётов, 789 пулемётов, 10 тысяч автомашин, 7 паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи.

Впрочем, наши потери для нас важнее. Они были такими: 24 286 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Санитарные — в два раза больше.

Разгромом корсунь-шевченковской группировки Манштейна наши войска открывали для себя Заднепровье — широкий маневр вплоть до румынской и польской границ.

Конев доложил Сталину о выполнении операции и трофеях.

— Поздравляю с успехом, — сказал Верховный. — У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Конев сдержанно ответил:

— Благодарю, товарищ Сталин.

— Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображение ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на этот счёт?

— Положительно, товарищ Сталин. Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

— Я — за, — сказал Верховный. — И думаю, что мы ещё присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Указы в те дни писались мгновенно. Указ о присвоении ему маршальского звания Конев услышал в тот же день в Моренцах, в штабе Ротмистрова. А произошло это так.

Конев приехал к Ротмистрову, рассказал ему о новостях. Надо было отметить. Но решили подождать указа. Оба после многодневного напряжения чувствовали безмерную усталость и желание отдохнуть. Конев сказал, что хотел бы прилечь, поспать часок-другой. Дело было сделано, можно и поспать. Ротмистров распорядился. Глядя, как быстро уснул командующий, прилёг и сам. Но через некоторое время их разбудил голос Левитана. Связисты включили радио на всю громкость. Как же, их командующим присваивались маршальские звания!

Ротмистров вскочил первым. Где-то раздобыл портвейн. На столе появилась закуска. Пир горой! Поздравления!

На следующий день, как вспоминал Конев, к нему прилетел маршал Жуков. Жуков сиял. Георгий Константинович, конечно же, понимал, что присутствует на триумфе Конева. Радость его казалась искренней. Он чувствовал, что победа под Корсунем — и его победа. Правда, никакой награды за "Сталинград на Днепре" он не получил. Обойдён был наградой и генерал Ватугин. Вся эта интрига происходила, конечно же, волей самого гениального режиссёра тех времён — Сталина.

Жуков же, несмотря ни на что, привёз Коневу незабываемый подарок, который вошёл в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом, символом офицерской доблести и дружбы, — маршальские погоны. Говорят, Конев был растроган до слёз.

К этой истории можно отнести как к легенде, коих война и поэтическая душа нашего народа сотворила превеликое множество. Кстати, такой же

легендой стало якобы спасение Конева Жуковым в октябре 41-го после гибели фронтов под Вязьмой. Но этого мы уже касались и повторяться не будем.

Возможно, великий режиссёр действительно послал Жукова к Коневу с маршальскими погонами, новую пару которых быстро вышить золотом было просто невозможно. Поезжай, мол, поздравь победителя, который с честью выправил загубленную Жуковым и Ватутиным ситуацию... Не зря ведь Жуков и Ватутин не попали в указ о награждении отличившихся в Корсунь-Шевченковской стратегической наступательной операции.

А возможно, Жуков к Коневу и вовсе не летал. Существует же версия, согласно которой Жуков *прислал* Коневу погоны оказией — пилотом самолёта связи У-2.

Конев, однако, вспоминал, что 18 февраля 1944 года Жуков действительно прилетал к нему. “Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии генерала С. Г. Трофименко в Джурженцах”, — писал он в своих “Записках...” В Джурженцы прибыл также командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал Ватутин. Жуков привёз директиву Ставки на предстоящую операцию.

Дочь маршала Наталия Ивановна Конева в одном из газетных интервью поведала свою версию истории с маршальскими погонами. И она кажется более правдоподобной:

— Вышивались маршальские погоны вручную, одной тонкой золочёной нитью и довольно долго. Заранее их не делали. Сталин же хотел, чтобы Конев как можно быстрее надел эту заслуженную награду. И тогда погоны, которые хранил у себя маршал Жуков, он отправил Коневу на Украину самолётом из Москвы. Этим же самолётом прилетел и мешок сушек. Сталин позвонил отцу, чтобы поздравить с присвоением маршальского звания. И спросил, а что ему отправить в подарок? Отец попросил мешок сушек. Он мучился от своей язвы. И этому мешку сушек, кажется, был больше рад, чем маршальским погонам.

В 1946 году, когда арестовали Главкома ВВС Главного маршала авиации А. А. Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось и такое откровение: “После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям... Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами”.

Показания А. А. Новиков давал следователям, умевшим получать нужные сведения. А в тот момент из подследственного вышибали компромат на маршала Жукова. Маршал Конев был фигурой посторонней. А потому то, что касалось его, Конева, выглядит вовсе не вынужденными признаниями, а абсолютными откровениями А. А. Новикова.

Некоторые биографы “маршала Победы” пишут о том, что Жуков не считал маршальское звание Конева вполне заслуженным.

Но всё это, конечно же, — тлен и суета. Большой историей, достойной восхищения, стали не обиды маршалов, а их совместные победы.

Конев в своих “Записках...” подытожил события февраля 44-го так: “Своеобразие Корсунь-Шевченковской операции заключается в том, что она развивалась необычайно маневренно. В ходе операции широко практиковалась перегруппировка войск, ударные группировки непрерывно усиливались за счёт войск, действовавших на менее активных участках фронта. Корпуса, дивизии 6-й, 7-й гвардейских и 57-й армий перебрасывались на более важные участки. Из других армий также было переброшено большое число танковых, артиллерийских и инженерных частей. Маневр войсками сыграл, несомненно, положительную роль в успешном проведении операции на окружение и уничтожение противника и подтвердил необходимость в условиях такой операции иметь всегда в виду маневр резервами для парирования всякого рода неожиданностей.

...Корсунь-Шевченковская операция убедительно показала, что Красная Армия полностью овладела высшей формой оперативного искусства — искусством окружать и уничтожать противника. Она свидетельствовала о том, что наступательные действия советские войска проходят на высоком уровне, а мы, советские воины, с возрастающим мастерством бьём немецко-фашистские войска”.

Глава двадцать шестая

ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ БУГ И ДНЕСТР

“Эй, славяне!”

После небольшой оперативной паузы, которой войскам хватило разве что на то, чтобы заштопать дыры на шинелях, почистить сапоги да хорошенько отоспаться в тепле, армии снова пошли вперёд.

Накануне наступления Конев провёл совещание с командармами, членами Военных советов и заместителями по артиллерии и тылу. Он хорошо понимал своих ближайших подчинённых, знал, что это люди с разными характерами, но было у них нечто общее, что объединяло и почти уравнивало их, — боевой опыт. То есть то, что обеспечивало выполнение поставленных задач практически любой сложности. Конев избегал излишнего контроля. Но всё же иногда просил доложить о готовности артиллерии, о составе подразделений первого эшелона, о том, как налажена санитарная служба. Иногда прерывал командармов кратким: “Знаю”, “Мне известно”. Те, привыкнув к его манере и дорожа общим временем, принимали эти реплики как должное. Они знали, что командующему можно сказать о любых недостатках и просчётах, которые можно устранить общими усилиями. Правду командующий терпел в любом виде. Не терпел лжи, вранья, “...потому что за всякую ложь приходилось расплачиваться кровью солдат”, — спустя годы напишет он в своих “Записках...”

В этот раз он особенное беспокойство проявил по поводу готовности артиллерии. Погода стояла ненастная, самолёты дремали на своих базах и их участие в прорыве, по всей вероятности, исключалось.

На рассвете 5 марта мощной артподготовкой из нескольких тысяч орудий и миномётов началась Уманско-Ботошанская наступательная операция.

И. С. Конев назвал её “самой трудной”, так как она проводилась “в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек”. Когда нет дорог, а вернее, когда по разбитым дорогам нет пути, маневрировать крупными массами войска и бронетехники весьма затруднительно. Но в той войне зачастую потому и побеждали, что действовали вопреки всему, в том числе и здравому смыслу.

Военные историки часто повторяют такую байку. Когда Гитлер спросил начальника Генерального штаба сухопутных сил генерала Цейтцлера, что в ближайшее время, в обстоятельствах полной распутицы и разлива рек, могут предпринять русские, тот ответил вопросом: “Мой фюрер, представьте, что вы русский, что бы вы сделали сейчас?” Цейтцлер ожидал, что Гитлер скажет: “Пошёл бы в наступление”. Но Гитлер, всё ещё переживая поражение под Корсунем, ответил: “Ничего”.

Этот разговор произошёл после того, как полковник Генштаба, начальник разведотдела “Иностранные армии Востока” Рейнхард Гелен доложил неприятную информацию, полученную на основе разведдонесений, от польских и в результате анализа данных агентурной разведки: “Русские готовы осуществить операцию на окружение немецкого южного фланга. С этой целью в ближайшее время 1-й Украинский фронт предпримет крупномасштабное наступление против нашего 59-го корпуса южнее Припятских болот, чтобы ударить в направлении на Польшу. Одновременно они повернут на юг к Днестру, чтобы обойти немецкий южный фланг. 2-й Украинский фронт Конева будет наступать из района Звенигородки с целью прорвать ослабленную 8-ю армию, ударить в направлении Румынии и совместно с 1-м Укра-

инским фронтом окружить силы наших танковых армий, которые ещё находятся восточнее Днестра”.

Гелен, которого после войны назовут шпионом века, на этот раз был поразительно точен в своих прогнозах и выводах.

Утром 4 марта 1944 года в наступление ринулись войска 1-го Украинского. Ими командовал маршал Жуков.

Спустя сутки, на рассвете 5-го числа, атаковал Конев.

Ставка планировала добить противника, который всё ещё удерживал некоторые районы Правобережной Украины.

Левее наступали армии и корпуса 3-го Украинского фронта генерала Малиновского.

3-й Украинский продвигался на Одессу. 2-й Украинский — на Умань и далее — к Днестру.

Как всегда бывало перед наступлением, Конев с офицерами штаба объездил, обошёл и облазил всю передовую в поисках наиболее выгодного места для предстоящего прорыва. Наконец, оно было найдено между селами Русаловка и Стебное. Определена ширина наступления — 25 километров.

Перед Коневым вновь стояли части 8-й немецкой армии, а также подразделения 6-й армии. 400 000 солдат и офицеров, около 3 500 орудий и миномётов, 450 танков и штурмовых орудий и около 500 самолётов. Разведка на этот раз определила уязвимое место в порядках войск противника — оборона неглубокая, местами около 6–8 километров. Две-три позиции траншейного типа.

2-й Украинский фронт к моменту наступления имел 480 тысяч активных пехотинцев, 8 890 орудий и миномётов, 670 танков, 551 самолёт. Слабым местом оставались малокомплектные дивизии, многие из которых после недавних боёв имели половинный состав.

Наступали двумя ударами. Главный — из района Черемисское, Ольховец на Умань и далее — к Днестру и Яссам. Вспомогательный удар — силами левого крыла на Ново-Украинку. Оперативное построение — в два эшелона.

За первые три дня наступления войска основной группировки прорвали немецкую оборону и начали развивать удар силами подвижных частей. Прорыв был сделан на глубину до 50 километров и до 80 километров были свёрнуты оголённые фланги противника.

Через три дня удар нанесла вспомогательная ударная группа левого крыла. В первый же день и здесь был достигнут успех.

Но главные события происходили под Уманью. Здесь наши танковые части столкнулись с 11-й, 13-й и 14-й танковыми дивизиями противника. В районе станции Потаи произошло встречное танковое сражение. Немцы потеряли здесь почти всю свою бронетехнику. Трофейные команды насчитали в полях, на дорогах и в балках около 500 немецких танков. Некоторые были брошены экипажами после того, как моторы выработали последние капли горючего, а в зарядных ящиках не осталось снарядов. Некоторые застряли в болотах и ручьях, на бродах и в глубоких балках. Но воспоминаниям участников сражения под Уманью, некоторые танки тут же были направлены горючим, укомплектованы экипажами и вступили в бой в составе наших танковых бригад и корпусов.

К исходу 9 марта командующий 40-й армии генерал Жмаченко шифром сообщил: вышли на рубеж Сарны, наступление продолжаю.

27-я армия генерала Трофименко, продвигаясь слева уступом, тем временем достигла рубежа Христиановки.

Как всегда, темп задавали танкисты. Это был уже не 41-й год. 6-я армия генерала Кравченко обходным маневром вырвалась вперёд и ворвалась в Христиановку.

52-я армия 9 марта вела бои за Умань.

2-я танковая армия к утру 10 марта при поддержке частей 5-й гвардейской танковой и 52-й армии полностью овладела Уманью.

Только на второй день Конев догнал свои передовые части. Его машина въехала в Умань. Он помнил этот южный городок довоенным, с прекрасным

Софиевским парком, где было много сирени. Теперь кругом дыбились щербатые руины домов, улицы загромождали подбитые танки и самоходки, валялись трупы немецких солдат.

Из штаба 53-й армии сообщали: по фронту наступления армии наблюдаем общий отход противника. Та же картина наблюдалась и на других участках. Началось оперативное преследование отступающих немецких войск.

Впереди был Южный Буг. И Конев, не позволяя войскам никакой оперативной паузы, приказал двигаться к реке. Вперёд были выброшены подвижные отряды с целью захвата мостов, бродов и переправ.

Отход немцев местами превращался в бег. Извечный спутник такого бега — паника. Она пронизывала бегущие войска со скоростью бронебойного снаряда и уничтожала боевой дух и волю к сопротивлению. Группы “тридцатьчетвёрки” 2-й и 5-й гвардейской танковых армий настигали бегущих. Тех, кто поднимал руки, отправляли в тыл. Остальных накрывала грохочущая лавина до блеска отшлифованных траков. Следом за танками к переправам спешили отряды преследования: пехота на подводах, лёгкая артиллерия на конной тяге, сапёры, миномётчики. Вот что из себя представляли передовые отряды.

Уже к вечеру авангарды вышли к Южному Бугу, захватили переправы и с ходу переправились на южный берег, заняли крупные опорные пункты противника — районные центры Джулинка и Гайворон.

Порой на переправах вспыхивали короткие кровавые схватки. Стремительные “тридцатьчетвёрки” настигали отходящего противника прямо на понтонах и мостах. Иногда группы немецкой пехоты и танки выходили к переправам, уже занятым нашими войсками. Иногда немцы взрывали мосты в тот момент, когда на них выскакивали русские танки и отряды преследования. Инженерные части, тоже продвигавшиеся впереди, тут же приступали к разминированию местности и ремонту переправ.

Особенно отличилась во время боёв за переправы и при захвате плацдармов на южном берегу реки танкисты 2-й танковой армии генерала Богданова.

На некоторых участках захваченные плацдармы были расширены и углублены до 10–12 километров.

Конев с оперативной группой передвигался вперёд вслед за войсками. На переправе близ станции Поташ штабной кортеж попал под авианалёт.

Погода по-прежнему была нелётной, но ночные немецкие бомбардировщики летали. Один из таких ночных охотников наткнулся на их колонну. Пронзило это в нескольких километрах от переправы. Немец всё рассчитал. Переправу охраняли зенитки. А тут, на дороге, безраздельно царствовал он.

Конев вспоминает, что из-за того, что впереди ехавший “виллис” и замыкавший бронетранспортёр охраны двигались плотно, газуя в вязкой дорожной грязи, звука мотора при полёте самолёта никто не услышал. Вдруг всё вокруг озарилось яркой вспышкой. Машины осыпало осколками и кусками земли. Конев находился в “эмке” в середине колонны. Одна из бомб разорвалась совсем близко. Остановились. Заглушили моторы. Конев приказал водителю выключить свет. Но во время бомбёжки “эмка” наскочила на “виллис”, фары повредило, провода замкнули, и свет не выключался. Шофёр накинул на фары свою куртку и какое-то тряпье и возился с проводкой.

“Проходит минута, две, — вспоминал те мгновения, пережитые вместе со своими боевыми товарищами, И. С. Конев. — Мы слышим второй заход самолёта, и новая серия бомб рассыпалась возле наших машин. Наконец, свет фар погас. Все четыре машины остановились. Самолётов в ночном небе уже не было слышно. Осмотрев машины, мы увидели, что у моей “эмки” пробиты мелкими осколками оба ветровых стекла.

В крыше тоже несколько пробоин, одна значительных размеров. “На память” в кузове машины оказался большой осколок бомбы около 500 г, который ударился о подушку и одеяло и застрял. Подушка и одеяло спасли меня от осколка, который мог бы угодить в позвоночник. Все уцелели. Конечно, случайно. К рассвету мы приехали на новый командный пункт. Нас

встретил начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров и удивился, что машины изрешечены, а мы живы. Всякое бывает на войне”.

Темп наступления в эти дни составлял 15-25 километров в сутки.

17 марта авангарды вышли к Днестру.

Тем временем левая группировка сломала сопротивление на своём участке фронта и начала такое же энергичное преследование врага. На её участке действовали танковые дивизия СС “Мёртвая голова”, 10-я мотодивизия, дивизия “Великая Германия” и шесть пехотных дивизий. 5-я и 7-я гвардейские армии рассекли их оборону, расширив фронт до 120 километров и углубившись на 70 километров. Гвардейцы сообщали о 10 000 пленных, захваченных в ходе прорыва.

Пленные немцы всегда радовали Конева. В цифрах войны он понимал и то, что каждый пленный немец — это несколько сохранённых жизней своих родных славян. Уже слышался в ротных и батальонных колоннах, в батареях и экипажах этот внезапно родившийся в войсках клич: “Эй, славяне!”

Пахло весенним Днестром и победой. Но до великой Победы был ещё год и два месяца боёв. Десятки и сотни больших и малых рек. Потери, потери, потери...

Днестр, как и все реки, войска перескочили с ходу. Начали обустраниваться на отбитых плацдармах. Ремонтировали взорванные, строили новые мосты и переправы.

Группа немецких армий “Юг” оказалась разрезанной на две части. Правый фланг 1-й танковой армии генерала танковых войск Ханса Хубе был раздроблен и отходил на северо-запад. Левый фланг 8-й армии генерала пехоты Отто Велера пытался к югу.

Днестр был захвачен на восьмидесятикилометровом участке. Велась переправа. Авангарды тем временем расширяли плацдармы в глубину. Действуя решительно и дерзко, на некоторых направлениях они углубились до 40 километров. На правом берегу Днестра был создан простор для дальнейшего оперативного маневра.

22 марта 1941 года Конев получил директиву Ставки: войска 3-го Украинского фронта отстают, скованы сильным сопротивлением противника в нижнем течении Южного Буга. В целях окружения вражеской группировки, действующей там, и недопущения отхода её за Днестр, войска левого крыла повернуть на юг по восточному берегу Днестра и овладеть районами Бендеры, Тирасполь. Расчёт Ставки был понятен: прижать 6-ю армию генерала артиллерии де Ангелиса к побережью и добить её изолированно между Днестровским лиманом и Чёрным морем.

Перегруппировку пришлось делать на марше.

Вечером позвонил Сталин:

— Каковы ваши дальнейшие планы, товарищ Конев? — выслушав доклад о положении фронта, спросил Верховный.

— Согласно директивам, товарищ Сталин, основной удар планируем нанести на Бельцы и Яссы, а затем две общевойсковые и две танковые армии из центра фронта резко повернём вдоль обоих берегов Днестра. Считаю, необходимо поддержать войска 3-го Украинского фронта.

— Да, Малиновский, к сожалению, значительно отстаёт. А что вы думаете относительно Одессы? Ваше положение очень выгодное. Может быть, вы сумеете, по крайней мере, с захватом станции Раздельная, часть сил повернуть прямо на юг, на Одессу?

— Товарищ Сталин, перегруппировать часть подвижных войск на левый фланг не смогу. К тому же из-за тяжёлых условий местности и непролазной грязи из строя выбыло много танков. Командующему 7-й гвардейской армией генералу Шумилову мною уже даны указания как можно быстрее форсировать Южный Буг, овладеть районом станции Раздельная и узлом железных дорог. Сделать ему это будет трудно, так как, кроме пехоты, никаких маневренных средств у него нет.

Верховный проверял возможности фронта. Конев это понял и потому настаивал на продолжении операции на Днестре и за Днестром. Именно здесь создалась благоприятная обстановка с перспективой нанесения удара по

южной группировке Манштейна, который, искусно маневрируя и нанося короткие контрудары на флангах, постоянно уклонялся от решающего сражения. Конев же понимал, что схватиться с немецкой группировкой нужно как можно раньше, скорее, сейчас, пока наступательный ресурс армий ещё позволяет навязывать противнику свою игру и драться с самыми сильными его группировками не просто на равных, а с уверенностью, имея явное превосходство.

25 марта, на двадцатые сутки наступления на уманском направлении, передовые отряды 40-й, 27-й и 52-й армий вышли к реке Прут, на государственную границу СССР, и с ходу форсировали её. За Прутом начиналась Румыния.

Здесь произошел курьёзный случай с капитаном Андреем Жариковым из 52-й армии, будущим детским писателем и литературным консультантом второй книги мемуаров Конева. Историю эту рассказывали потом до самого Берлина. Она обросла домыслами и красочными деталями, на которые не скупится устное народное творчество, и превратилась в армейский анекдот.

А случилось вот что.

52-я армия генерала Коротеева шла в первом эшелоне, в составе авангарда 2-го Украинского фронта, с ходу перемахнула Прут и вела бои на западном берегу. Артиллеристам на плацдарме нужны были огнеприпасы. Их доставляли из тыловых складов грузовики. На одном из “студебеккеров” вёз снаряды своим артиллеристам капитан Жариков. Спешил. Ночь застала в пути, при подъезде к Пруту. Похоже, заблудился. Вдруг водитель увидел впереди паром, на который грузились солдаты. Посигналил, чтобы подождали, поддал газку. Машина сильная — вездеход. Водитель тоже хороший — ловко зарулил на паром, когда солдаты по приказу капитана Жарикова положили сходни. Паром отчалил. И уже на середине реки капитан и водитель обратили внимание на то, что солдаты как-то странно себя ведут. Сгрудились, молчат. Присмотрелся: мать честная! Румыны! С винтовками, с подсумками. Около сорока человек. Делать нечего, надо и дальше держать взятый тон. Вышел из машины и спросил:

— Молдаване есть среди вас?

Нашлись и молдаване. Трое из них были из Молдавии.

— Вот что, ребята. Вы должны помочь мне сгрузить боеприпасы и пригнать паром обратно, на левый берег. Всем румынам передайте, что я отпускаю их по домам, если они не хотят попасть в плен... Оружие сложить на пароме.

Румыны в то время уже воевали вяло, многие дезертировали домой. Возможно, на одну из таких групп дезертиров и наткнулся капитан Жариков на переправе. Сам же Жариков после войны любил рассказывать эту историю, прибавляя к ней следующую подробность: обнаружив, что солдаты на пароме — румыны и что настроены они далеко не дружелюбно, прежде чем окликнуть молдаван, взял в руки две гранаты и выдернул чеки. После этого они стали более сообразительными и приказ выполнили в точности.

Выход наших войск к государственной границе был отмечен особым приказом Верховного Главнокомандующего. Москва салютовала бойцам и командирам 2-го Украинского фронта 24-мя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Дивизии и полки, отличившиеся в боях при форсировании Днестра и при выходе на государственную границу, получили почётные наименования “Днестровских” и “Прутских”.

Любопытный факт: участок государственной границы по Пруту, очищенный от противника войсками маршала Конева, взял под охрану 24-й пограничный полк подполковника пограничных войск НКВД С. Е. Капустина. В 41-м именно здесь подразделения погранотряда С. Е. Капустина приняли первый бой.

Начался освободительный поход Красной Армии в Европу. Войска ликовали. Радовалась освобождению родной земли вся страна.

Но кровь русских солдат продолжала литься. Фашизм надо было добивать. Таковы были и условия союзников — стран антигитлеровской коалиции.

Наркомат иностранных дел СССР в эти дни опубликовал заявление, в котором говорилось: “Советское правительство доводит до сведения, что

наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника”.

В начале апреля Ставка потребовала от Конева повернуть войска на юг, на Кишинёв.

Глава двадцать седьмая

ПОБЕДИВШИЙ МАНШТЕЙНА

*“...сложнейшая и многоходовая партия,
которую играют великие игроки”.*

В эти дни командующий группой армий “Юг” фельдмаршал Манштейн позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных сил генерату Цейтцлеру и сказал, что его 1-я танковая армия (генерал Хубе) находится в критическом положении, что она зажата в ловушке между Бутом и Днестром и больше не может держать фронт с прежней надёжностью. Вскоре Манштейна вызвали к Гитлеру. Из Львова самолёт вылетел на северо-запад и вскоре приземлился на аэродроме в окрестностях заснеженных гор в Бергхофе. Гитлер принял Манштейна в своей резиденции “Орлиное гнездо”.

Доклад Манштейна был краток и довольно суров: 1-я танковая армия истощена непрерывными атаками русских, у Хубе осталось мало танков, русские атакуют непрерывно и вышли на армейские коммуникации. Необходимо в помощь 1-й танковой, которая будет наступать в западном направлении, ударить силами 4-й танковой армии генерала Рауса. Однако для обеспечения этого маневра необходимо пополнить ударную группировку хотя бы одним танковым корпусом.

Гитлер выслушал своего лучшего фельдмаршала молча. Но как только Манштейн умолк, взорвался:

— У меня нет дивизий для осуществления вашего плана! Вы предлагаете мне снять танковые дивизии из Франции и отдать вам? Накануне вторжения противника на западе? Я не могу снять оттуда ни одного батальона. Посмотрите на карту, Манштейн! В случае отвода 1-й танковой армии ломается весь наш фронт на Востоке! И мы неминуемо теряем весь юг! Вы не очень-то умело распоряжались теми пополнениями, которые вам постоянно посылались.

— Но, мой фюрер, пополнения всегда давались частями, и в самый последний момент, когда их тут же приходилось бросать в бой.

Гитлер уже кипел:

— Вы всегда хотели заниматься только боевым маневрированием. Осенью вы говорили, что Днепр будет удержан. После того, как Днепр вы не удержали, и я скрепя сердце дал согласие отступить за реку и закрепиться на ней, вы тут же стали доказывать, что надо отступить дальше. Вы сдали Киев и сдали потом всю Правобережную Украину!

— Но так и должно было случиться. По вашему указанию мы удерживали Донбасс, а позже Днепровский район, в то время как все эти силы могли бы использовать для удержания именно “Восточного вала”.

— Воздушная разведка зафиксировала: некоторые ваши части отступали перед отдельными танками противника, бежали от них целыми полками! Манштейн, вместо того, чтобы стоять насмерть и держать фронт, вы всё время говорили о необходимости отхода на новые позиции. И в результате постоянно отступаете все дальше и дальше.

Манштейн побагровел и холодным тоном произнёс:

— Вы, мой фюрер, и только вы виноваты в том, что произошло на Восточном фронте. Восемь месяцев вы ставите нашим войскам на южном фланге одну стратегически невыполнимую задачу за другой. Чтобы справиться с ними, не предоставляете ли необходимых резервов, ли свободы действий.

Говорят, Гитлер не нашёл в себе сил дальше слушать монолог одного из лучших своих фельдмаршалов и покинул заседание со словами: “Я не могу согласиться с вами”.

Через несколько дней Манштейн был смещён. Гитлер вручил ему Мечи к рыцарскому Кресту с дубовыми листьями и объявил: “Я решил расстаться с вами... Время операций закончилось. Теперь мне нужны люди, которые могут твёрдо держаться”.

Вместе с Манштейном Гитлер сместил и командующего группой армий “А” фельдмаршала Клейста.

В это время в приёмной уже стояли их преемники: генералы Модель и Шернер. Моделю тут же было присвоено звание генерал-фельдмаршал и вручена группа армий “Юг”, которая с этого времени стала именоваться “Северная Украина”. Шернера назначили на правофланговую группу армий “Южная Украина”.

Судьба возвращала Коневу старого его знакомого по Ржеву и Вязьме.

Манштейн ушёл с поля боя навсегда. Конев больше с ним не встретится. В 1971 году в предисловии к одной из книг, адресованной, в том числе, и советскому читателю, он напишет: “Для меня очевидно, что стратегия, накопленная за время войны, — наша совместная стратегия с русскими. И это несмотря на то, что и мы, и они всегда стремились нанести друг другу как можно больший урон. Это как сложнейшая и многоходовая партия, которую играют великие игроки. Скажу больше — жаль, что эта война поставила наши государства по разные стороны баррикад...”

Манштейн прав: не удержалась бы Англия, если бы вермахт и Красная Армия каким-либо образом избежали военного столкновения и если бы у них, вопреки сложным международным интригам и манипуляциям, в начале сороковых годов образовался союз. Но это всё из области “если бы да кабы...”

В начале апреля Конев позвонил Сталину. Звонил он с командного пункта 5-й гвардейской танковой армии, находившегося уже в Румынии. Он доложил о том, что войска 2-го Украинского фронта выполнили все задачи в более короткие сроки, чем это предусматривали директивы Ставки, что прошли с боями до четырёхсот километров “по сплошному бездорожью в невероятно трудных условиях”, что “дальше активно выполнять задачи они не могут — устали, тылы растянулись; кроме того, сосед слева очень сильно отстаёт, а противник всё, что имеет перед его фронтом, перебрасывает против войск 2-го Украинского фронта”, что войскам необходима передышка.

— Что вы предлагаете? — спросил Верховный.

— Предлагаю перейти к обороне.

— Правильно, — тут же ответил Верховный, словно ждал этого предложения. — Перейдите к обороне и приводите войска в порядок. О дальнейших задачах будут даны указания особо.

Дело было сделано. Уманско-Ботошанская операция проведена успешно, в кратчайшие сроки. Правобережная Украина очищена от немцев и румын. Противник прижат к предгорьям Карпат. Группировка его рассечена на две части и лишена маневра на взаимодействии.

Можно было отдохнуть.

Но у Конева отдых оказался коротким. В начале мая 1944 года он получил новое назначение — принять командование войсками 1-го Украинского фронта. Забегая вперед, скажу, что с ними он закончит войну в Берлине и Праге.

Маршал Жуков был отозван в распоряжение Ставки. На 2-й Украинский назначен маршал Малиновский, на 3-й — маршал Толбухин.

Расставаться с боевыми товарищами, с которыми прошёл трудный и прекрасный путь побед от Белгорода до Румынии, Коневу было нелегко.

Но, как говорят солдаты: труба зовёт...

К месту нового назначения решил ехать на машине.

Стояла весна, на благодатных землях Молдавии и Украины цвели сады. Деревья пахли сиренью. Путь лежал через Бельцы, Могилев-Подольский, Каменец-Подольский, Ярмолинцы, Проскуров, Волочиск. Уже подсохло. Войска наладили дороги, разминировали обочины. Но поля в местах сражений всё ещё были заминированы, и там работали команды сапёров. Следом за сапёрами, буквально по пятам, шли жители окрестных сёл и деревень, колхозники — распахивали землю, сеели хлеб и кукурузу. Земля возвращала себе своё исконное предназначение, превращаясь из поля боя в поле надежд на лучшую жизнь людей, которые любили эту землю и умирали за неё.

Штаб 1-го Украинского фронта расположился в селе Токи под Волочиском. В штабе Конева встретили маршал Жуков и начальник штаба генерал Соколовский. Не заладилась у Василия Даниловича командная работа. После отстранения Конева от командования войсками Западного фронта генерал Соколовский, сменивший его, провёл несколько неудачных операций на оршанском и витебском направлениях, не справился с управлением, загубил массу войск и был смёнён генералом Черняховским.

Началась подготовка к новому наступлению.

Противник, как известно, ждал основной удар Красной Армии именно отсюда. И здесь, к югу от Припяти, немцы сосредоточили основные свои силы. Почти все танковые дивизии (18 из 23) находились здесь. Перед 1-м Украинским фронтом действовали десять танковых дивизий.

Конев от Жукова принял следующее хозяйство: 440 километров фронта от Луцка на севере до Коломыи на юге, 7 общевойсковых, 3 танковых армии, 2 конно-механизированных группы, 1-й Чехословацкий армейский корпус, всего 80 стрелковых и кавалерийских дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов и 4 отдельные танковые бригады. 1 200 000 человек, 13 900 орудий и миномётов, 2 200 танков и самоходных артиллерийских установок, 2 806 самолётов различных типов 2-й воздушной армии.

Группа армий “Северная Украина” включала в свой состав 1-ю и 4-ю танковые армии, 17-ю полевую армию, 1-ю венгерскую армию, 24-й танковый корпус, а также 11 пехотных, две танковых дивизии. Дивизию СС “Галичина”, в основном состоявшую из добровольцев, выходцев с Западной Украины. С воздуха войска генерала Гарпе прикрывали и поддерживали на поле боя 700 самолётов 4-го воздушного флота.

22–23 июня 1944 года по группе армий “Центр” ударили 1-й, 2-й, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты. Началась операция “Багратион”. По замыслу Ставки прорыв обороны группы армий “Центр” должен был осуществляться на шести направлениях.

И вот началось. Наступающие войска Красной Армии дробили немецкую группировку и уничтожали её по частям.

В связи с тяжёлым положением, создавшимся в центре, Гитлер срочно вызвал своего “пожарного” фельдмаршала и поставил его во главе распадающихся войск группы армий “Центр”. Так Модель оказался севернее и в момент наступления 1-го Украинского фронта не смог испытать силы удара своего старого соперника маршала Конева, чтобы понять, насколько возросло его оперативное мастерство. Модель заменил генерал-полковник танковых войск Йозеф Гарпе. Он был на десять лет старше Конева. В 41-м, командуя 12-й танковой дивизией, участвовал в Смоленском сражении, затем в Вяземском, наступал на Калинин. Затем отражал атаки войск Конева под Ржевом. Часто замещал генерала Моделя на посту командующего 9-й полевой армией. И теперь, в разгар нового наступления Красной Армии, он возглавил группу армий “Северная Украина”. По словам Гудериана, “Гарпе был смелым офицером танкистом, спокойным, уверенным в себе, обладающим трезвым умом, холодным рассудком, решительностью и личной храбростью”. Если иметь в виду, что в своих мемуарах Гудериан в основном говорит только о себе и своих победах, то такая характеристика весит не меньше Рыцарского Креста.

Гитлер накануне летней кампании на Востоке на одном из совещаний, где собрались генералы Восточного фронта, обронил такую фразу: если этим

летом и придётся где-то отступать, то, возможно, на севере, но уж никак не на юге.

13 июля вперёд пошли войска Конева.

Львовско-Сандомирская наступательная операция проводилась силами 1-го Украинского и левого крыла 1-го Белорусского фронтов.

Рокоссовский, войска которого к тому времени успели продвинуться далеко вперёд и разгромить основную группировку противника, стал маршалом. Через две недели он получит звание Героя Советского Союза. Указ о присвоении звания Героя маршалу Коневу выйдет на день раньше. К 11 июля северный сосед Конева взял в плен дотоле невиданное количество пленных — 105 000! Мир не верил. Тогда Сталин, очень трепетно относившийся к реакции Запада на свои победы, приказал провести пленных немцев по улицам Москвы. С этого момента Сталин стал называть К. К. Рокоссовского по имени и отчеству, такого обращения устаивался лишь маршал Б. М. Шапошников.

Успехи Рокоссовского, конечно же, подстёгивали Конева.

План действий 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции был написан от руки начальником штаба генералом Соколовским. Существовал он в единственном экземпляре. Начальник оперативного управления фронта генерал В. И. Костылев нанёс на карты схему расположения и передвижения войск. И Конев отправился в Москву. План был тут же утверждён. Ставка согласилась со всеми намерениями и доводами маршала. Его авторитет, который укреплялся новыми и новыми успехами и победами, рос стремительно.

Согласно плану новой наступательной операции на участках порыва создавались сильные ударные группировки. На одну дивизию, без учёта оперативных резервов, приходилось 1,1 километра фронта. Для поддержки пехоты непосредственно в войска первого эшелона было выделено 349 танков и самоходных артиллерийских установок. Такой плотности сил Конев мог добиться впервые. Оперативное построение — в два эшелона. Тем не менее, на некоторых участках фронта противник всё же имел превосходство, и это было для наступающих определённым риском.

Снова особая роль отводилась артиллерии. Большая её часть сосредотачивалась на участках прорыва.

Конев: "Таким образом, в количественном отношении артиллерия фронта была способна обеспечить прорыв обороны противника, а также выполнить поставленные перед ней задачи в ходе операции. Тем более, что погода благоприятствовала полному использованию всей мощи артиллерийского огня.

Важно было правильно нацелить всю эту массу артиллерии, особенно централизованно использовать её в период артиллерийской подготовки и боя в тактической глубине.

Наличие сплошных траншей и многочисленных ходов сообщения в главной полосе обороны противника, значительная насыщенность её огневыми средствами, хорошо развитая система огня требовали серьёзной огневой обработки главной полосы обороны противника. Поэтому я поставил артиллерии задачу уничтожить живую силу и технику противника во второй и третьей траншеях, разрушить опорные пункты в ближайшей глубине обороны и подавить на позициях миномёты и артиллерию противника, для чего в один из периодов артиллерийской подготовки привлечь всю массу нашей артиллерии и миномётов. При этом я потребовал, чтобы артиллеристы обратили особое внимание на подавление и разрушение системы управления войсками противника, его наблюдательных и командных пунктов, без чего нельзя было рассчитывать на успех прорыва.

На участках прорыва армий плотность орудий и миномётов составляла 236—255 единиц на 1 км фронта".

Итак, 13 июля пошёл огневой вал. Артиллерия обеспечивала его течение, израсходовав несколько боекомплектов — около 10 000 вагонов. Вот какие времена наступили: снаряды считали вагонами!

Наступление развивалось на двух основных направлениях: северном — рава-русском, и южном — львовском.

В первый же день на северном участке войска 3-й гвардейской и 13-й армий сделали прорыв, в который вошла конно-механизированная группа и 1-я гвардейская танковая армия генерала Катукова с ходу форсировали Западный Буг и продолжили наступление уже по территории Польши. Одновременно 13-я армия генерала Пухова охватом с севера и северо-запада способствовала окружению крупной немецкой группировки под Бродами. С юга и юго-востока бродскую группировку окружали войска 60-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армии. К исходу дня 22 июля с окружёнными в треугольнике Броды—Деревляны—Белый Камень было покончено. 38 000 немцев было уничтожено, 17 000 — взято в плен. Среди пленных оказались несколько генералов из XIII-го армейского корпуса, в том числе генерал Линдеман и Недтвиг. Командир корпуса генерал Хауффе и командир 340-й пехотной дивизии генерал Бойтлер убиты.

Судьба распорядилась так, что XIII-й армейский корпус под Бродами встал на пути 13-й советской армии генерала Пухова и был разбит. А ещё одним любопытным совпадением было то, что в октябре 41-го именно этот корпус вошёл в Калугу и хозяйничал в родной деревне генерала Пухова Гришово. За блестяще проведённую операцию маршал Конев представит своего командарма к ордену Суворова I-й степени.

Пленных доставили на командный пункт 13-й армии, где в это время был Конев.

— Скажите, почему вы не отдали приказ своим войскам на отход? — спросил маршал генерала Недтвига.

— Мы не предполагали перед собой такой сильной группировки, — ответил пленный. — Ваши танки оказались за нашей спиной в первый же день. Мы уже не могли ничего предпринять.

Там же, под Бродами, была уничтожена 14-я гренадёрская дивизия СС “Галичина”, укомплектованная украинскими добровольцами, присягнувшими Гитлеру. Вот фрагмент клятвы, которую давали добровольцы, вступая в дивизию:

“Я присягаю перед Богом этой святой клятвой, что в борьбе против большевизма буду беспрекословно подчиняться высшему руководителю немецких войск, Адольфу Гитлеру, и хочу как отважный солдат посвятить свою жизнь выполнению этой клятвы...”

Во Львове местными активистами из числа украинских националистов недавно установлен памятник солдатам этой дивизии. Памятник добротный. Но на нём не хватает одной надписи — о том, кто эту дивизию победил, когда и где. История должна быть полной.

Штаб фронта оперативно реагировал на каждое изменение в обстановке. Конев получал донесения каждые полчаса и тут же делал необходимые распоряжения. Он обладал удивительной способностью видеть всю гигантскую картину боя его армий и подвижных групп одновременно. Когда к исходу 18 июля под давлением южной группировки противник оголил фланг, Конев тут же отреагировал мгновенным приказом 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко и 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко: “Обстановка для стремительных действий вашей армии сложилась благоприятно. В районе Львова у противника резервов нет.

Приказываю:

1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20.7 обходным маневром с севера и с северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход Львова с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть Львовом. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышляны, Миколаюв. 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника.

3. Отданных распоряжений об исполнении донести”.

С этой поры 3-я и 4-я гвардейские танковые армии станут огненным стальным мечом в руке командующего. Он будет направлять свой меч в самые проблемные места сражений, рубить самые твёрдые узлы сопротивления

противника, рассекать его порядки в глубину, крошить на куски и уничтожать по частям, а главное, широко и оперативно маневрировать.

Настало время маневренной войны.

Львов немцы превратили в крепость. Сюда из района Станислава перебросили крупные резервы — три дивизии. Танковые армии охватили львовскую группировку, отрезали пути отхода.

Изучая документы периода боёв за Львов, замечаешь: Конев по-прежнему решителен и напорист, его действия непредсказуемы для противника, маневр стремителен, широк. Приказы, которые уходят к командармам, жёстки, но всегда обоснованы, а потому заставляют генералов действовать в полную мощь.

24 июля командующему 60-й армии генералу Курочкину был отдан приказ: “Тов. Курочкин. Вы стоите перед слабым и потрёпанным противником. Все пути отхода противника, кроме на Самбор, отрезаны. С запада на Львов наступают Рыбалко. Большую половину города захватил Лелюшенко. Приказываю: к исходу 24.7.44 г. овладеть Львовом. Донесите причину задержки. Предупреждаю Вас, что Вы плохо держите связь. От Вас лично нет непрерывных донесений, а обстановка этого требует”.

Сражение за Львов вступало в решающую фазу.

Конев: “24 июля развернулось концентрическое наступление на Львов. С востока и северо-востока наступали войска 60-й армии. 10-й гвардейский танковый корпус вёл бой в городе. Западнее Львова в район Яворова вышел 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии.

У немцев оставался лишь один путь отхода на юго-запад — на Самбор. Учитывая это, я приказал генералу В. К. Баранову:

“С целью отрезать львовскую группировку противника от переправ через р. Сан, приказываю: в ночь на 24.7 форсировать р. Сан севернее Родымно и стремительными действиями вывести главные силы группы западнее Перемышля, в район Кросно. Сильными отрядами с артиллерией и танками (из танковых полков, дивизий) захватить переправы через р. Сан у Дубецко, Дынув, Вара, Санок, где занять оборону фронтом на восток и не допустить отхода львовской группировки противника через Сан на запад.

Для обеспечения группы с запада овладеть Ясло. За р. Сан установить взаимодействие с 4-й танковой армией и 60 А.

Получение подтвердить. Исполнение донести”.

Только 26 июля танковые бригады 4-го гвардейского корпуса генерала Полубоярова, действуя вдоль шоссе Миклашув—Львов, ночью ворвались на восточную окраину города-крепости и соединились с 10-м гвардейским корпусом танковой армии Лелюшенко.

В эту ночь, когда на улицах Львова шли жесточайшие схватки за каждым дом и подвал, в штаб фронта поступило разведдонесение о том, что немцы приняли решение уходить из города на юго-запад, что город заминирован и при отходе будет взорван.

Львов — шедевр градостроительной архитектуры, созданный на пограничье западной и восточной культур. Сотни памятников и ансамблей. И всё это было приготовлено к тотальному уничтожению. Немцы педантично следовали тактике “выжженной земли”. Гитлер полностью развязал руки солдатам и офицерам Восточного фронта: “Делайте, что хотите”. Единственным условием в обмен на это было — держаться на занимаемых позициях.

Танкисты генералов Рыбалко и Лелюшенко спасли город от уничтожения. В ночь на 27 июля ночным штурмом город был взят и очищен от противника.

В порыве искренней благодарности жители Львова назвали одну из улиц города именем генерала Рыбалко и установили мемориальную доску. В 2001 году мемориальная доска была демонтирована, а улица переименована и стала носить имя Симона Петлюры. Память горожан оказалась короткой.

Армии правого крыла продвигались на Сандомир, к Висле.

Сандомирская операция проводилась в тесном взаимодействии с армией левого крыла 1-го Белорусского фронта.

29 июля, не теряя темпа наступления, главные силы фронта — 1-я и 3-я гвардейские танковые и 13-я общевойсковая, 3-я гвардейская и 5-й гвардейская армии, конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова — вышли к Висле и начали форсирование реки.

Левое крыло тем временем продолжали наступление юго-западнее Львова, прижимали противника к Карпатам, перекрывая ему свободный выход северо-западнее Перемышля. 3-я гвардейская армия генерала Гордова во взаимодействии с конно-механизированной группой генерала Соколова с ходу захватила несколько плацдармов в районе Аннополя. Противник попытался сбить части Гордова и Соколова с плацдармов. Частично ему это удалось. Но вскоре подошли 1-я гвардейская танковая и 13-я общевойсковая армии, и ситуация на Висле сразу изменилась. Плацдарм к югу от Сандомира был значительно расширен. Инженерные части приступили к постройке мостов и возведению переправ.

Противник перебросил сюда резервы и начал контратаковать. Но на плацдарм к тому времени была переброшена артиллерия и миномёты. Каждая атака немцев заканчивалась большими потерями с их стороны. Однако, несмотря на неудачи первых атак, немцы продолжали стягивать сюда силы 17-й полевой и 4-й танковой армий.

Конев понял, что Сандомирский плацдарм немцы решили ликвидировать во что бы то ни стало. Он стал для них примерно тем же, чем был для войск Калининского и Западного фронтов в 42-м и 43-м годах район Ржева.

Всё это время Конев терпеливо приберегал свой резерв — 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова. Он ввёл её в бой в самый критический момент, когда противник таранными ударами крупных группировок, усиленных танками и самоходками, решительным штурмом попытался сбросить войска с плацдарма.

Командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов вспоминал: “Сандомирский плацдарм достиг тридцати километров в ширину и двадцати пяти в глубину. Но невдалеке от переправ на восточном берегу Вислы всё ещё шли ожесточённые бои. Противник пытался ударом с севера и юга отрезать группу наших войск, прорвавшуюся за реку.

Большое количество вражеской пехоты и танков атаковало нас из районов Кольшубова, Грембува и Тарнобжега. Однако все эти попытки были тщетны. Ничто уже не могло больше удерживать нашего стремительного движения за Вислу. На сандомирском плацдарме закрепились стрелковые части Черокманова, Онуприенко, Пузикова, Вехина, Панкратова, Краснова, Муратова, Гладкова. Туда вышли войска Жадова, танкисты Рыбалко, Лелюшенко и Катукowa, артиллеристы Хусиды. Плацдарм надёжно прикрывался с воздуха авиачастями генерала Красовского.

В эти дни на моём наблюдательном пункте в районе Иваниско почти все время находился И. С. Конев. Обзор отсюда был замечательный. Простым глазом мы наблюдали за происходившими внизу тяжёлыми боями с танками противника и ставили перед войсками огневые задачи. Иван Степанович — большой знаток артиллерийского дела; он хорошо помогал нам своими указаниями”.

По приказу Конева сюда с более спокойных южных участков были срочно переброшены артиллерийские части 60-й и 38-й армий. Как впоследствии отмечал автор “Записок...”, “это повысило устойчивость обороны”.

На плацдарме часто вспыхивали встречные танковые схватки.

Однажды немцы ввели в бой батальон новых сверхтяжёлых танков Т-VIB — “королевский тигр”.

Это — очень большой зверь. Вес — 68,9 тонны. Лобовая броня — 150 см. Длина с пушкой — 10 м 29 см. Высота — 3 м. Пушка — 88-мм. На 2 500 метров пробивал броню любого нашего танка, в том числе и тяжёлого ИС-2. Три пулемёта и 26-мм мортирка для борьбы с пехотой противника. Экипаж — 5 человек. Телескопический прицел. Наклонная броня. Внешне танк чем-то напоминал Т-V — “пантеру”.

Бой с “королевскими тиграми” на Сандомирском плацдарме стал первым применением танков этой конструкции на Восточном фронте.

Батальон “королевских” выгрузился на одной из станций в немецком тылу и маршем выдвинулся в сторону фронта.

Тяжёлый танковый батальон имел, как правило, три роты. Роты, в свою очередь, состояли из трёх взводов по четыре машины в каждом. Рота насчитывала 14 танков, из них два — командирских.

Как утверждают некоторые исследователи, из сорока боевых машин до передовой докатились только девять. Куда подевались остальные, неизвестно. Существуют версии об их технических неисправностях, которые якобы возникали в дороге. Во что верится с трудом. За такой брак Гитлер взыскал бы с виновных по самой высшей мере.

Так что, видимо, придётся согласиться с тем, что “королевских” уничтожили наши танкисты, артиллеристы и “летающие танки” Ил-2.

Первый бой с батальоном танков “тигр-II” произошёл утром 13 августа на плацдарме в секторе ответственности 3-й гвардейской танковой армии.

Вспоминает командир 53-й гвардейской танковой бригады В. С. Архипов: “Перед нашим левым флангом (батальон Коробова) вся местность на виду. Зато на правом фланге (батальон Мазурина) есть глубокая и широкая лощина, по которой из Оглендува к Сташуву, пересекая передний край, тянется полевая дорога. За лощиной, где занимала оборону стрелковая часть, танки не пройдут — там болото. Значит, надо плотно прикрыть огнём выход из лощины. Решили поставить несколько танков в засаду. Есть неофициальный термин: “заигрывающий танк”. Его задача — заставить вражеские танки развернуться так, чтобы они подставили борта под огневой удар главных сил обороны. Эту роль мы поручили группе танков из батальона Мазурина. Возглавил группу — два средних танка и один лёгкий — заместитель комбата старший лейтенант П. Т. Ивушкин.

Туман мало-помалу рассеивался, тянулся уже клочьями. Ивушкин доложил: “Танки пошли. Не вижу, но слышу. Идут лощиной”. Да я и сам слышал этот низкий, приглушённый откосами лощины гул. Приближался он очень медленно, нервы напряглись, чувствую, как капли пота катятся по лицу. Каково же им там, впереди?! Но копны были недвижимы.

Глаза были прикованы к выходу из лощины. Чудовищных размеров танк выбирался из неё. Он полз на подъём рывками, буксуя в песке.

Радировал с левого фланга и майор Коробов: “Идут. Те самые, неопознанные”. Отвечаю: “Не спешить. Как уговорились: бить с четырёхсот метров”. Между тем из лощины выползла вторая такая же громадина, потом показалась и третья. Появлялись они со значительными промежутками. То ли это дистанция у них уставная, то ли слабый грунт их задерживал, но пока вышел из лощины третий, первый уже миновал засаду Ивушкина. “Бить?” — спросил он. “Бей!” Вижу, как слегка шевельнулся бок копны, где стоит танк младшего лейтенанта Оськина. Скатился вниз сноп, стал виден пушечный ствол. Он дёрнулся, потом ещё и ещё. Оськин вёл огонь. В правых бортах вражеских танков, ясно различимые в бинокль, появлялись чёрные пробоины. Вот и дымок показался, и пламя вспыхнуло. Третий танк развернулся было фронтом к Оськину, но, прокатившись на раздробленной гусенице, встал и был добит. А из лощины выбирались всё новые и новые танки, они тоже разворачивались в сторону засады, подставляя уже левые борта под пушки Погребного и самоходчиков тяжёлого полка. Передаю по радио: “307-305”. Сигнал общий. Ударило прямой наводкой сразу десятка три стволов. Да и гаубичные дивизионы накрыли лощину навесным огнём, и она на всём протяжении от Оглендува скрылась в тучах дыма и песчаной пыли.

Громадные танки горели уже и справа от неё, и слева. Над ними низко прошли штурмовики “Илы” и тоже добавили огня. Несколько вражеских машин уползло обратно в лощину, другие тоже пытались уйти, но были подбиты с тыла, вдогон. Появились “юнкерсы” и “мессершмитты”, почти одновременно и наши истребители, закипел бой в воздухе. Сколько всё это длилось, сказать трудно — не до того было. Но вот гул моторов стих, как-то вдруг опустело и небо. Только дымок струился над горящими танками, да изредка ухал взрыв — рвались внутри боевых машин боеприпасы. Майор Ко-

робов доложил, что около двадцати больших танков наступало в стыке его батальона с 51-й гвардейской танковой бригадой.

Всего в этом утреннем бою мы подбили 24 танка. Александр Петрович Осыкин был удостоен звания Героя Советского Союза, Абубакир Мерхайдаров — ордена Ленина, наградами были отмечены и все члены экипажа.

Часа два над полем боя стояла относительная тишина. Разведчики Васильева побывали в лощине. Доложили, что там, ближе к Оглендуву, стоят два целых и невредимых танка. Завязли в песке при развороте. Ближе к левому флангу, к коробовскому батальону, обнаружили еще один неповрежденный танк. Он как залез в заболоченный пруд, так в нём и остался...

...Атаку мы отбили с очень большими для противника потерями. Но напряженный боевой день ещё не закончился. Когда я доложил в штаб корпуса об итогах боя, генерал Новиков сказал:

— 16-я немецкая танковая и 72-я пехотная дивизии понесли очень тяжёлые потери. Командарм требует использовать этот момент. Ваша бригада должна отбить Оглендув. Подумайте и доложите решение.

Люди, конечно, были очень утомлены почти непрерывным, с утра до вечера, боем с батальоном “королевских тигров” и 16-й танковой дивизией. Но противник был утомлён ещё больше. Да и морально надломлен неудачей и потерями. Если уж переходить в контратаку, то сразу же, сегодня, не давая ему передышки. Мы решили нанести удар на Оглендув с наступлением темноты. Около полуночи бригада без артподготовки атаковала Оглендув. Этот населённый пункт находился в нескольких стах метрах от нашей передовой, противник не успел организовать оборону. В коротком бою Оглендув был очищен, гитлеровцы бежали в панике.

Несмотря на ночную темноту, мы поняли, что в Оглендуве и западнее кто-то крепко поработал во вражеских тылах ещё до нашего появления. Этот участок был завален разбитой техникой. Автомашины, тягачи, танки и бронетранспортеры, орудия разных калибров, разбитые или сгоревшие, загромождали окрестности. Пленные показали, что вечером их разбомбила русская авиация. А на ремонтной базе среди нескольких “пантер” мы увидели “королевского тигра”. Около него мелькнула тень, я строго окликнул бегущего, и фашистский солдат, подняв руки, подошёл к нашему танку. Он оказался ремонтником и поведал нам историю, которая показалась сначала выдумкой. Пленный рассказал, что прибыл с 501-м тяжёлым танковым батальоном из города Герлиц, что с ними приехал и конструктор “королевских тигров” герр доктор Порше. Ехали под охраной эсэсовцев, никому не разрешали покидать эшелон даже на крупных станциях. Минувшим утром доктор Порше сказал перед строем батальона короткую речь о своих танках как новом и грозном оружии, против которого бессильны лучшие образцы русской артиллерии. Добавил, что фюрер надеется на 501-й танковый батальон и в личной с ним, Порше, беседе выразил уверенность, что “королевские тигры” уничтожат переправившихся через Вислу русских. Из боя не вернулся ни один танк из тридцати девяти. Только этот остался — он не ходил в атаку из-за неисправного двигателя”.

Вот такая история.

Правда, И. С. Конев в своих “Записках...”, не жалея “бусурман”, пишет, что “захваченные в бою 10 танков целыми были отправлены в Москву”.

Сейчас один из этих бронированных монстров находится в музее в Кубинке. Еще два были “отстреляны” на испытаниях тогда же, в 44-м. Инженерам и конструкторам необходимо было испытать чудо-оружие Гитлера своими боеприпасами из своих стволов. Заключение было таким: “тигр-II” является улучшенной модификацией “пантеры”.

Когда Коневу доложили об удачной засаде на батальон “королевских тигров” и о том, что этот батальон танкисты Рыбалко, а также артиллеристы и эскадрилья штурмовиков, как говорят на фронте, “пропололи дочиста”, он тут же приказал писать представления к наградам на всех отличившихся.

В конце августа, увязнув в немецкой обороне, войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне.

Официальные результаты, закреплённые итоговыми донесениями, а затем вошедшие в статистику Великой Отечественной войны, были следующими. “Львовско-Сандомирская операция имела большое военно-политическое значение, — отметил в своих “Записках...” Конев. — В ходе её были разбиты 32 вражеские дивизии и 8 дивизий полностью уничтожены. Группа армий “Северная Украина” была разгромлена наголову. Только с 14 по 31 июля противник потерял убитыми, ранеными и пленными около 200 тыс. солдат и офицеров. При этом войска фронта захватили огромные трофеи: свыше 2200 орудий разных калибров, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов.

Было освобождено много крупных городов, среди них: Львов, Владимир-Вольнский, Рава-Русская, Станислав, Стрый, Перемышль, Жешув, Сандомир и др. Войска 1-го Украинского фронта, успешно выполнив задачу, завершили полное освобождение западных районов Украины от гитлеровских захватчиков, образовали мощный сандомирский плацдарм на западном берегу Вислы и тем самым создали благоприятные условия для проведения последующих наступательных операций в Южной Польше и Чехословакии.

Понесённые противником в этой операции тяжёлые потери вынудили его перебросить в полосу 1-го Украинского фронта из группы армий “Южная Украина” до восьми дивизий, что облегчило войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов разгром вражеских сил в районе Ясс и Кишинёва.

С точки зрения военного искусства, Львовско-Сандомирская операция характерна большим размахом, разнообразием боевых действий и широким применением самых различных форм оперативного маневра.

При окружении бродской группировки противника маневр осуществлялся танковыми войсками, артиллерией, общевойсковыми соединениями, конницей, инженерными войсками. В разгроме львовской группировки крупную роль сыграл глубокий обход Львова 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, панористые действия 4-й танковой армии Д. Д. Лелюшенко и особенно 10-го танкового добровольческого Уральского корпуса под командованием генерала Е. Е. Белова. Глубокий выход 1-й гвардейской танковой армии на реку Сан и обход Перемышля не позволили врагу закрепиться на этом рубеже.

Исключительное значение для захвата и удержания сандомирского плацдарма имел маневр трёх танковых и 13-й армий. Особенно важен был ввод в сражение 5-й гвардейской армии А. С. Жадова, которая укрепила наше положение на сандомирском плацдарме и способствовала разгрому группировок противника, наносивших удары по флангам сандомирского плацдарма, кроме того, войска 5-й гвардейской армии способствовали расширению плацдарма.

Недостаток вторых эшелонов и резервов у наступающих войск при выходе их в глубокий оперативный тыл противника, как правило, ограничивал глубину стратегических наступательных операций. Ввод в сражение 5-й гвардейской армии в Львовско-Сандомирской операции является исключением из этого правила, поскольку она была введена в сражение, когда войска фронта достигли Вислы и продвинулись на глубину 250 км от исходного положения.

Быстрый маневр позволял войскам фронта занимать более выгодное положение по отношению к противнику, создавать необходимое превосходство над его силами и средствами, ломал все планы немецко-фашистского командования, стремящегося во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи”.

Мастер быстрого маневра — именно такая слава закрепилась за Коневым после удачно проведённых операций 44-го года. При этом бывший командир 53-й гвардейской танковой бригады В. С. Архипов в своей мемуарной книге “Время танковых атак” отмечает “твёрдую руку и железную целеустремленность командующего войсками 1-го Украинского фронта”. При том — и это отмечают все, кто воевал тогда в составе фронта, — что Конев призывал действовать охватом, запрещал лобовые атаки, как правило, приносившие много крови и минимальные результаты.

За проведение Львовской операции, в результате которой был нанесён большой урон немецким войскам и захвачены большие трофеи, Коневу

присвоили звание Героя Советского Союза. Это была его первая Золотая Звезда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин прислал награду прямо на фронт.

“Посылаю Вам орден Ленина, медаль “Золотая Звезда”, а также грамоту о присвоении звания Герой Советского Союза и крепко жму Вашу руку”, — говорилось в письме.

Тогда для вручения наград не дожидались торжеств и случаев. Солдатам вручали их боевые медали и ордена прямо в окопах, генералам на передовых КП.

Глава двадцать восьмая

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ АЛПЫ

*“А что, ребятушки!
Махнём через эти горы!..”*

Лето 44-го для Красной Армии было победным — наконец-то полностью очистили от немецких, румынских, венгерских, финских и иных оккупантов все области СССР. Армии перешли границу и начали свой освободительный поход вглубь Европы.

Сандомирский плацдарм за Вислой открывал путь на Берлин.

Однако войска 1-го Украинского фронта были утомлены предыдущими боями. Дивизии нуждались в пополнении, танковые корпуса — в ремонте боевых машин, экипажи — в отдыхе.

На фронтах наступила оперативная пауза.

Солдаты отдыхали. Но в штабах кипела работа — планировались новые операции.

Маршалы и генералы видели впереди Берлин, Кенигсберг, Вену, Будапешт.

Политикам, партийному руководству СССР и, в первую очередь, Сталину в завершающем этапе Второй мировой войны линия фронта рисовала иные очертания и перспективы.

Генералы думали о том, как быстрее и малой кровью взять тот или иной рубеж, город, укрепрайон.

Политики уже просчитывали будущее: что будет здесь, на земле, освобождённой “славянами”, после того как умолкнут последние залпы.

Перед фронтом армий маршала Конева дыбились Карпаты, за ними — Словакия.

В 1939 году Словакия под давлением Гитлера провозгласила свою независимость от Праги под патронатом Третьего рейха. На следующий день в Чехию вошли немецкие войска. Когда началось вторжение в СССР, словаки приняли активное участие в “крестовом походе против большевизма” и послали на Восток Словацкий армейский корпус. Затем в район Ростова и Красnodара прибыли две элитные мобильные словацкие дивизии, которые, по отзывам немецких офицеров, “превосходно дрались бок о бок с немецкими частями”. Вооружены они были, в основном, оружием чехословацкой армии, в избытке хранившимся на складах. В 1944 году, когда Красная Армия подошла к восточным склонам Карпат, в Словакии были сформированы ещё две дивизии для отправки на Восточный фронт. Но в конце августа в Словакии вспыхнуло восстание. И немцы ввели туда свои войска. Красная Армия начала операцию по переброске в Словакию оружия, военного снаряжения и специалистов по организации партизанского движения.

К лету 1944 года в Словакии действовало большое количество партизанских отрядов, руководили ими коммунисты. Они были подчинены командованию двух крупных соединений — “Чапаяв” и “Пугачёв”. Партизаны должны были выступить в нужный для Красной Армии момент, когда она подойдёт к Карпатам. Но словакам, как и полякам, помешало излишняя са-

монадеянность. Они выступили раньше времени, рассчитывая на то, что немцам не до них, а когда Красная Армия подойдёт, они уже распорядятся властью так, как посчитают пугным. С большевиками власть делить не хотели ни словаки, ни поляки, ни чехи.

Немцы, хорошо понимая опасность восстания за своей спиной, перекрыли Дуклинский перевал. Именно через этот перевал могли прийти в Словакию войска Красной Армии. Других дорог с востока не было. На западе Словакии началось разоружение повстанцев. Но на востоке партизанское движение усиливалось. Части словацкой армии начали переходить на сторону повстанцев.

Коммунисты быстро перехватили инициативу, и 1 сентября Словацкий национальный совет объявил о взятии власти в свои руки. В Совет вошёл коммунист Густав Гусак и другие его соратники. Совет объявил мобилизацию. На освобождённой территории возникла повстанческая армия.

31 августа к Коневу прилетел командир восточнословацкого корпуса полковник Вильям Тальский и сказал, что корпус готов выступить навстречу Красной Армии сразу, как только она начнёт наступление.

Штаб 1-го Украинского фронта разработал операцию с целью наступления силами 38-й общевойсковой армии генерала Москаленко, артиллерийской дивизии прорыва, двух танковых бригад, кавалерийского корпуса, 1-го Чехословацкого корпуса, двух полков и двух бригад РС М-13.

Участок Карпат в районе Дукли с древних времен назывался Трансильванскими Альпами. Это мгновенно запало в душу и Коневу, и командарму 38 генералу Москаленко. Говорят, после перехода через перевал Москаленко даже причёску изменил и начал взбивать *кок* наподобие суворовского. Впрочем, причиной тому мог быть просто-напросто невысокий рост генерала.

Конев с оперативной группой пошёл вместе со штабом Москаленко. И этот его переход в авангарде наступающих войск имел, конечно же, не столько оперативную, сколько моральную необходимость. Своё присутствие в гуще наступающих войск Конев впоследствии пояснял так: “Учитывая особенность, политическую важность и большой масштаб армейской операции, Ставка нашла необходимым поручить её проведение лично командующему фронтом. В связи с этим мне пришлось почти неотлучно находиться в войсках 38-й армии, держать связь с партизанами и штабом повстанцев, помогать решать срочные оперативные задачи, усиливая армию фронтовыми средствами”.

Поход обеспечивался ресурсами всего фронта. “Состав 38-й армии, — вспоминал Конев, — далеко превзошёл обычный состав общевойсковых армий. Таких танковых сил, которыми располагала 38-я армия в ходе операции, не имели даже некоторые фронты”.

Славянский поход начинался мощно.

Надо заметить, Сталин оказался и здесь мудрее западных правителей и, что самое главное, своего основного врага — Гитлера. Он вовремя ввёл полководческие ордена для высшего и младшего командного состава и, таким образом, поднял возникшую в народных и армейских массах волну патриотического порыва. Каждый генерал, каждый маршал, каждый командир дивизии или полка, ведя вперёд свои войска, чувствовал себя Суворовым и Кутузовым, Богданом Хмельницким и Александром Невским. К тому же, что немаловажно, за ордена тогда платили. Деньги зачислялись на личные счета военнослужащих в полевых сберкассах. Их можно было переслать домой. Ведь семьям в тылу жилось несладко. Страна туго затянула пояса и натужно тащила гигантскую повозку с лозунгом: “Всё для фронта! Всё для победы!”

Именно в этот период в войсках началось новое поветрие: бойцы и особенно командиры стали, обращаясь к своим подчинённым или друг к другу, говорить: “Эй, славяне!” И неважно было, что звучал этот возглас в среде самой пёстрой и интернациональной. На *славян* с одинаковой гордостью откликались и русские, и мордва, и украинцы, и казахи, и белорусы, и армяне, и татары, и вся разноликая Русь. Началось это *славянское* поветрие именно здесь, в войсках 1-го Украинского. Потому что первой начала свой освободительный поход по славянским странам 38-я армия.

Вспоминалось суворовское: “А что, ребяташки! Махнём через эти горы! И махнули.

Войскам Конева противостояла армейская группа “Хейнрицы” — 10 немецких и 8 венгерских дивизий, а также отдельные венгерские горно-стрелковые бригады. Всего 300 000 человек при 3 250 орудиях и миномётах, 100 танках и штурмовых орудий и 450 самолётах.

Конев понимал, что если начать переход в одном месте, вся эта армадакинется на войска Москаленко, растянутые по горным дорогам и тропам, сметут их, и попытка перехода будет пресечена в самом начале. Поэтому штаб фронта разработал план, которым предусматривалось наступление по нескольким направлениям одновременно. Замыслом также предполагалось, что после быстрого прорыва в предгорьях Карпат с запада навстречу атакующим войскам генерала Москаленко начнут энергичное наступление 1-я и 2-я словацкие дивизии и партизанские отряды. Их задачей был захват перевалов и расчистка проходов для продвижения наших войск.

Направление главного удара проходило вдоль шоссе Дукля—Дуклинский перевал — по кратчайшему пути в Словакию.

Утром 8 сентября 1944 года после артподготовки войска двинулись вперёд. Обе полосы обороны оказались прорваны, авангарды углубились до 14 километров. Вперёд пошли танки. Авиация крушила оборону опорных пунктов в горах. В ночь на 9 сентября в бой был введён 1-й Чехословацкий армейский корпус. Командир корпуса генерал Крадохвил не справился с управлением своих войск, и, видя замешательство и угрозу контрудара, Конев отстранил его от командования и назначил на его место командира 1-й бригады, энергичного и честолюбивого бригадного генерала Свободу. Однако кадровую рокировку пришлось согласовывать лично со Сталиным. Верховный утвердил новое назначение. Чехи и словаки в этом походе показали себя мужественными и храбрыми воинами. Им было за что умирать — они освобождали свою родину.

Генерал Хейнрицы, старый знакомый Конева, неприятель ещё по боям под Ржевом и Вязьмой, непрерывно контратаковал. Но движение 38-й армии в глубину Восточных Карпат продолжалось. Трансильванские Альпы с их перевалами, казавшимися неприступными бастионами, ложились к ногам наступающих войск маршала Конева.

Немцы вынуждены были снимать части с венского и берлинского направлений, чтобы прекратить внезапный марш через Карпаты и выход русских на фланги и в тыл. Тем самым они ослабляли эти направления и создавали перспективу ударов Красной Армии именно на Берлин и Вену. Таким образом, бросок Конева через Трансильванские Альпы имел важное стратегическое значение на завершающем этапе войны.

Дивизии восточнословацкого корпуса и партизанские отряды, к сожалению, существенной помощи оказать не смогли. Партизаны дрались в глубине гор. А дивизии сложили оружие ещё 2 сентября, когда немцы усилили их блокаду. Словаки оказались ненадёжными союзниками и слабыми вояками. Но слабость этих подразделений с честью компенсировал 1-й Чехословацкий корпус генерала Свободы.

Одновременно Конев поставил задачу командиру 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генералу Баранову: прорваться вперёд, выйти на оперативный простор и соединиться с партизанами, активизировать их действия и совместными усилиями попытаться сделать то, что не выполнили дивизии восточнословацкого корпуса.

— При встрече с повстанцами и партизанами, — приказал он командиру кавкорпуса, — объявляйте себя смело красным атаманом — командующим советскими войсками на территории Словакии!

Вначале кавалеристы действовали успешно. Пересекли польско-чехословацкую границу, вступили на территорию Словакии. Но вскоре немцы определили силы, прорвавшиеся в их тыл, и отсеки кавкорпус генерала Баранова. Генерал Хейнрицы помнил подобные прорывы и под Вязьмой, и под Ржевом и знал, как их ликвидировать. Маневренность корпуса с каждым днём слабела. К 16 сентября продовольствие и боеприпасы кавалеристам до-

ставлялись только авиацией. 24 сентября корпус пробился из окружения. Задачу свою он не выполнил, но боевого духа не потерял.

О состоянии гвардейского кавкорпуса, только что вышедшего из окружения, Конев вспоминал с некоторой иронией. Проезжая по тыловым деревням, где расположились эскадроны, он наблюдал такую картину: личный состав, “радуясь выходу из тыла врага, уже распевал лихие казачьи песни...” В одной из деревень в окружении офицеров штаба гулял и генерал Баранов. “Так закончились боевые действия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в этой операции”, — подытожил Конев.

Немцы наращивали силы, непрерывно контратакуя авангарды и фланги 38-й армии.

Генерал Москаленко маневрировал ударными группировками, наносил удары то на левом фланге, то на правом. 18 сентября немецкая оборона была прорвана. 19 сентября советские танки вошли в Пулавы. Дуклинский перевал был преодолен. Конев телеграфировал в Ставку: “Операция 38-й армии принимает напряжённый характер. Перед армией действует свыше пяти пехотных дивизий, три танковые дивизии с общим количеством до 200 танков и самоходных орудий. Действия нашей авиации ограничены из-за отсутствия горючего. Отпущенный лимит 20 тыс. тонн полностью израсходован. В связи с этим прошу отпустить фронту 30 тыс. тонн дополнительно”.

Война — это моторы и горючее.

6 октября стрелковый и танковый корпуса авангарда совместно с частями Чехословацкого корпуса вышли к границе Чехословакии. Чешские офицеры на пограничном столбе прикрепили государственный герб и национальный флаг. На полотнище флага была сделана надпись на чешском и русском языках: “Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей! Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!” Тогда, осенью 44-го, чехословацкие офицеры сделали эту надпись от чистого сердца. В те дни слова на знамёнах писались кровью, потому что их писали солдаты. Пройдут годы, и освобождённый народ потребует убрать со своей земли памятники и могилы своих освободителей. Чувство благодарности окажется недолгим. Впрочем, новой Чехией управляли уже не солдаты, а политики.

6 октября 1944 года Конев стоял на первом плацдарме чехословацкой земли, только что отбитой у неприятеля, и смотрел на ликование солдат генерала Свободы, на то, как они становились на колени и целовали родную землю.

Спустя двое суток Конев приостановил наступление и приказал войскам занимать оборону. Перевалы Главного Карпатского хребта были захвачены. Путь в Чехословакию открыт.

Переход через Трансильванские Альпы завершился успешно. 38-я армия и части усиления захватили большие трофеи: 31 360 пленных, 912 орудий и миномётов, 40 танков и штурмовых орудий.

Бои в горах Конев будет вспоминать как наиболее тяжёлые.

Глава двадцать девятая

ПРОРЫВ НА ВИСЛЕ

“Всё кругом было буквально перепаханно, особенно на направлении главного удара...”

В Ставке и в войсках только и говорили, что об ударе на Берлин. Красная Армия была сильна как никогда. Слово “Берлин” произносилось редко. Столицу фашистского Рейха называли “логовом”.

Штурмовать “логово” считалось большой честью. В Ставке решали, кому предоставить эту честь. В Москве, да и в армейских и фронтовых штабах, понимали: тот, кто возьмёт Берлин, навсегда будет помечен великой славой победителя, и его имя при жизни и в истории будут произносить вместе со словом “Победа”.

Непосредственно на берлинском направлении стояли войска 1-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского. Немного левее, но тоже перед “логгом”, на Сандомирском плацдарме, изготовились к последнему броску правифланговые армии 1-го Украинского фронта.

Но фронтам предстояло ещё пройти сотни километров, преодолеть укрепленные линии. И эти километры и линии находились уже на чужой земле. Немцы, прижатые к границам рейха, тоже готовились к решающим боям. Предстояла жестокая схватка.

Перед войсками Конева лежал Силезский промышленный район. Шахты, постройки промышленного типа, коммуникации, карьеры. Словом, местность абсолютно неподходящая для “маневренных действий войск при наступлении”, как впоследствии охарактеризует открывшийся перед его армиями ландшафт маршал в своих мемуарах.

В конце ноября 1944 года Конева вызвали в Ставку. В Москву он вез план предстоящей операции.

После доклада Сталин долго рассматривал карту. Домбровско-Силезский промышленный район и на карте выглядел внушительно. Сталин задал несколько вопросов. Конева подробно отвечал. Наконец, Верховный обвел пальцем район и сказал:

— Золото.

Для командующего войсками, которым предстояло крушить оборону противника в промышленном районе, это означало, что здесь противника придется не просто бить всеми средствами, а, прежде всего, думать о том, как спасти предприятия и сооружения от возможных разрушений.

По плану удар предполагалось нанести севернее и южнее по сходящимся направлениям. Ставку и Верховного это устраивало. План был одобрен.

В Москве Конева повидался с семьей. Дочь и сын стали уже совсем взрослыми. Анна Ефимовна работала в одном из госпиталей. Выполняла самую простую работу санитарки. Прежнего чувства между ними уже не было. Он обнял детей, поцеловал руки Анны Ефимовны, и та поняла, что теперь между ними легла ещё и война, в которую вместились целая жизнь. И ещё она поняла, что в жизни того, кто все эти годы преданно любил её, возможно, произошло нечто, что изменит их ближайшее будущее.

Конева прибыл в свой штаб и тут же принялся за работу.

Основной удар решено было наносить с Сандомирского плацдарма. Общее направление — на Бреслау (Вроцлав). Стрелы ударных частей лежали через Кельце, Радомско, Крайцбург. Часть группировки нацеливалась южнее, на Краков. Цель: уничтожение сильной кельце-радомской группировки противника. Центр немецкой группировки приходился на стык 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Поэтому в ходе проведения операции требовалось четкое взаимодействие.

Накануне начала Висло-Одерской наступательной операции оба командующие войсками фронтов главного направления, Конева и Жуков, встречались не раз. Часто разговаривали по телефону.

Наконец, 12 января 1945 года началась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция. Её Конева вспоминал всю жизнь. Вот это была атака! Вот это был прорыв!

В книге “Сорок пятый” он впоследствии напишет: “К этому времени у нас насчитывалось около одного миллиона двухсот тысяч личного состава, три тысячи шестьсот шестьдесят танков и самоходок, более семнадцати тысяч орудий и минометов, две тысячи пятьсот восемьдесят самолетов. Мощь была большая...”

Сандомирский плацдарм перед началом операции был буквально забит войсками.

Для противника не было секретом, откуда ждать очередного удара. Конева в своих построениях учел и это обстоятельство.

Конева: “Мы предвидели жесточайшее сопротивление неприятеля и, чтобы сразу избежать возможности двустороннего фланкирования огнем и нашей ударной группировки, и тех соединений, которые потом будут вводиться для развития успеха, решили прорывать оборону врага на широком фронте.

Дальше предусмотрели такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии.

С их помощью тактический успех перерастёт в оперативный, который мы будем всё больше и больше развивать, выводя танковые армии на оперативный простор и развёртывая прорыв как в глубину, так и в стороны флангов”.

Противник отреагировал на приготовления войск 1-го Украинского фронта следующим образом: к Сандомирскому плацдарму срочно были подтянуты и размещены в тактической зоне обороны основные резервы, которыми он обладал на этом участке фронта: 16-я и 17-я танковые, 10-я и 20-я моторизованные дивизии. Конечно, с нашей группировкой, если учесть ещё и левое крыло соседнего 1-го Белорусского фронта, немецкую группировку сравнить было нельзя. Конев и Жуков имели под рукой такую силу, остановить которую немцы уже не могли.

Миллион двести тысяч штыков... Такими армиями завоевывались целые земли. И походы таких армий входили в историю великих битв.

При подготовке прорыва особая роль отводилась артиллерии. “Огнём вместо штыка...” — эту заповедь маршал будет нести, как заклинание, до самого победного дня. Он, прошедший через ад сорок первого и кровавое противостояние сорок второго годов, хорошо усвоил: основательно подготовленное и правильно проведённое артиллерийское наступление — это тысячи сбережённых жизней солдат и офицеров. Тысячи отцов, братьев, сыновей, которых ждут на освобожденной земле. Тысячи жизней для новой жизни.

Подготовка к операции такого масштаба — это огромная работа не только миллиона двухсот тысяч человек, непосредственно находящихся в армиях фронта, корпусах, бригадах и частях, а и напряжение всей страны, стоящей за спиной войск. И каждый день такой работы делал намеченные планы более реальными, сокращал будущие потери.

Наступление было назначено на 20 января 1945 года. Но у союзников в Арденнах случилась серьёзная неувязка. 16 декабря 1944 года немецкие войска на юго-западе Бельгии в Арденнах начали крупную наступательную операцию с целью разгрома англо-американских армий, изменения обстановки на Западном фронте и раскола союзнической коалиции. К концу декабря наступление выдохлось. Союзники перешли к активным действиям по охвату немецких дивизий, вклинившихся в их порядки и местами продвинувшихся в глубину до 90 километров. Однако сильно опасались того, что Гитлер прикажет перебросить часть сил с Восточного фронта и снова атакует их порядки. 6 января 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к Сталину: “На Западе идут очень тяжёлые бои... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...”

9 января Коневу по ВЧ позвонил исполняющий обязанности начальника Генштаба А. И. Антонов и приказал начинать 12-го. Позже Конев вспоминал, что Антонов говорил от имени Сталина. Никаких изменений в ходе намеченной операции, кроме сроков, не произошло.

Конев согласился, потому что не согласиться было нельзя. Сразу собрал свой штаб. Выяснилось: программу обучения личного состава действиям в наступлении в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке, необходимо сокращать, полётная погода начала второй декады января полностью исключает действия авиации, а это означало, что проламывать немецкую оборону предстоит одной артиллерией.

Сталин был верен союзническим обязательствам. Своим приказом наступать раньше намеченного срока он, конечно же, спас сотни и тысячи американских, британских, французских и канадских солдат. Вместо того, чтобы с востока перебрасывать на запад, немцы вынуждены были с запада спясть 6-ю танковую армию СС, а затем и ещё 16 дивизий и перебросить их на Русский фронт.

Английский историк Лиддел Гарт очень точно заметил, характеризуя обстоятельства, в которые попали немцы: “Командиры, которым было поручено вести наступление, вскоре, к своему разочарованию, узнали, что они не получают части обещанных сил вследствие угрожающих ударов коммунистов на Востоке”.

Бывают на войне времена, когда всё решают генералы и их солдаты. Они вершат судьбы политики. А бывают и другие, когда политика решает, как поступить с теми или иными генералами, и даже маршалами, и их солдатами. Солдаты зачастую и вовсе не знали, не чувствовали и не понимали всех тайных движений, которыми политики управляли своей гигантской машиной. Они шли туда, куда их посылают, и умирали, если надо было умереть. Генералы и маршалы понимали. Но тоже выполняли приказы, и тоже умирали, если выпадала судьба умереть. Буквально через месяц осколок снаряда унесёт жизнь командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского.

В ночь на 12-е Конев выехал на передний край, в район прорыва. На плацдарме стояла тишина. Все приготовления были закончены.

Конев: “Это был небольшой фольварк, расположенный на опушке леса, в непосредственной близости к переднему краю. В одной из комнат окно выходило прямо на запад, откуда можно было наблюдать. Кроме того, рядом оказалась небольшая высотка, на которой мы установили систему наблюдения и управления. Туда можно было перебраться в случае обстрела. Но стояла зима, сидеть непрерывно на наблюдательном пункте в траншее не было никакой нужды, тем более что с самого фольварка открывался хороший обзор”.

Артподготовка началась ровно в 5.00. Короткая, но мощная. Батальоны поднялись и пошли вперёд. Заняли первую траншею. Из второй начался сильный огонь. Стало ясно, что немцы не ушли. И тогда по второй траншее и дальше, в глубину, начали бить основные силы артиллерии. На этот раз обработка позиций противника длилась один час сорок минут. Взятые пленные показывали, что им казалось, что советская артиллерия вела огонь целый день, что теперь уже вечер...

К началу операции фронт имел 12 440 орудий и миномётов от 76-мм и выше (без зенитной артиллерии), 516 пусковых установок стационарного типа и 526 боевых машин реактивной артиллерии “катюша”.

Артиллерия ошеломила противника. Те, кто выжил в первых линиях, по воспоминаниям Конева, “уже не могли совладать с собой”.

И всё-таки в этой огромной группировке подчинённых ему войск маршалу Коневу очень не хватало одного человека.

Генерал-полковник С. С. Варенцов, получивший тяжёлое ранение в сентябре 44-го во время проведения Карпатско-Дуклинской операции, всё ещё находился в госпитале. Как он был нужен Коневу именно теперь, когда артиллерия решала судьбу прорыва! Именно Варенцов, с его гибким и нешаблонным мышлением великодушного тактика. Должность командующего артиллерией фронта Конев приказал держать вакантной — до возвращения в строй Варенцова. Варенцов оснастил надёжной связью артиллерийские части, которые наступали вместе с пехотой в Карпатах, выделил в состав пехотных групп опытных офицеров-артиллеристов, имевших хорошие навыки корректировки огня. Всё это исключило нелепые случаи огня по своим, а также помогало пехоте и танковым частям быстро и без потерь сбивать с перевалов противотанковые заслоны, действовать в обход, не опасаясь своего огня. Но вот нелепость: “виллис” Варенцова угодил под свой танк. “Тридцатьчетвёрки” выходили на рубеж атаки, люки были уже задраены, в триплексы много не увидишь. Танк смял “виллис”. Все, сидевшие в нем, успели выпрыгнуть. Варенцов не успел, и гусеница прошла буквально по нему.

Утро 12-го января, вопреки прогнозам метеорологов, выдалось ясным. Взлетела штурмовая и бомбардировочная авиация и нанесла серию точечных ударов по командным пунктам 4-й танковой армии противника.

Под огнём артиллерии и авиации оказались и оперативные резервы немцев, в том числе “Группа Неринг”, которой так опасался Конев. Корпусом командовал генерал танковых войск Неринг. В составе группы: 24-й танко-

вый корпус, остатки 32-го армейского корпуса и элитный танковый корпус “Великая Германия”.

Ещё шла артподготовка, когда разведка донесла: противник, оказавшись под огнём артиллерии и авиации, несёт большие потери и начал отвод своих войск на вторую линию обороны.

Конев: “Часа через два после окончания артиллерийской подготовки, когда пехота вместе с танками сопровождения рванулась вперёд, я объехал участок прорыва. Всё кругом было буквально перепахано, особенно на направлении главного удара армий Жадова, Коротеева и Пухова. Всё завалено, засыпано, перевёрнуто. Шутка сказать, здесь на один километр фронта, не считая пушек и миномётов мелких калибров, по противнику били двести пятьдесят—двести восемьдесят, а кое-где и триста орудий. “Моща!” — как говорят солдаты”.

Армии генералов Пухова, Коротеева и Жадова в первый же день наступления продвинулись вперёд до двадцати километров и успешно свёртывали фланги, обеспечив к исходу дня коридор шириной до шестидесяти километров. И в образовавшуюся брешь тут же хлынули танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко.

В этой операции Конев предусмотрел всё. Противник располагал крупными танковыми и моторизованными резервами. Конев понимал, что в создавшихся обстоятельствах они попытаются остановить наступление. Для этого ударят по первому эшелону в момент развития наступления пехотных частей и танков сопровождения. Чтобы этого не произошло, он ввёл в дело танковые армии.

Танки Рыбалко и Лелюшенко появились на флангах и перед позициями моторизованных частей 4-й танковой армии генерала Грезера в тот момент, когда те только выходили на исходные позиции. Их судьба была уже решена.

Примерно так летом 41-го в приграничных сражениях гибли наши механизированные корпуса и танковые дивизии. Маятник войны качнулся в другую сторону...

Немецкий генерал и историк Второй мировой войны Курт Типпельскирх о прорыве на Висле в январе 45-го впоследствии написал: “Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце”.

Глава тридцатая

СПАСЁННЫЙ КРАКОВ

“Если бы не войска маршала Конева...”

Висло-Одерская операция ураганом неслась в глубину Польши.

Левое крыло 1-го Украинского фронта — 59-я и 60-я армии генералов Коровникова и Курочкина приближались к Кракову.

Краков — древний польский город. Старинные застройки, исторические памятники и памятники архитектуры. Город-шедевр. Одновременно — ключевой пункт немецкой обороны на пути к Берлину. Ключ к Силезскому промышленному району.

Армии правого крыла, действовавшие в районе Ченстохова, уже нависали над краковской группировкой противника. Левее соседи из 4-го Украинского фронта начали охват 17-й немецкой армии с юга. Однако Краков и прилегающий район немцы сдавать не собирались. Заводы Силезии, без которых трудно продолжать войну, нужны были сражающемуся вермахту, как порох. Тем более, что вторую кузницу оружия — Рур — в это время атаковали союзники.

Краковский крепостной район. Здесь войска 1-го Украинского фронта натолкнулись на жесточайшее сопротивление. Похоже, здесь немецкие войска готовы были повторить сценарий Сталинграда.

Когда в штаб фронта приводили очередного “языка”, командующий пристально всматривался в черты лица пленного, внимательно следил за его жестами и интонацией голоса. Нет, ничего не менялось, немецкий солдат был по-прежнему самоуверен и храбр, а своё плачевное положение — пленение — воспринимал как нелепую случайность, о которой искренне сожалел. Наступление в Арденнах, о котором знал каждый немецкий солдат, воспринимая его как перелом в войне, окрыляло, поднимало дух.

Конев: “Закат третьей империи ещё далеко не все немцы видели, и тяжёлая обстановка пока не вносила почти никаких поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя: он продолжал драться так же, как дрался раньше, отличаясь, особенно в обороне, стойкостью, порой доходившей до фанатизма. Организация армии оставалась на высоте, дивизии были укомплектованы, вооружены и снабжены всем или почти всем, что им полагалось по штату.

Говорить о моральной сломленности гитлеровской армии пока тоже не приходилось. Можно добавить к этому и такие немаловажные факторы: с одной стороны, геббельсовская пропаганда путала солдат, уверяя их, что русские не оставят от Германии камня на камне и угонят в Сибирь всё немецкое население, а с другой стороны, на тех же солдат обрушились жестокие репрессии, усилившиеся к концу войны”.

Тем временем севернее войска 1-го Белорусского фронта нанесли мощные удары с Магнушевского плацдарма на Познань и одновременно с Пулавского плацдарма на Радом. 18 января 1945 года крупная группировка противника была окружена западнее Варшавы. 19-го очистили от немцев крупный промышленный центр — город Лодзь. Жуков торопил свои войска к Одеру.

Конеv следил за продвижением соседей и особенно за тем, как действуют армии ближайшего соседа справа.

19 января он выехал в 59-ю армию генерала Коровникова. Армия уже заняла исходные, готовилась к штурму Кракова.

С наблюдательного пункта командарма-59 хорошо были видны окраины старинного города, полосы немецких окопов, проволочных заграждений.

Коровников доложил обстановку. И Конев предложил неожиданный вариант: направить приданный армии танковый корпус генерала Полубоярова в обход Кракова с запада.

Задумались. 60-я армия в это время подступала к юго-восточным и южным окраинам города. Колечко замыкалось.

— Только наша стремительность, Иван Терентьевич, может спасти город от излишних разрушений. Сбережём и солдат.

— Солдаты дороже, — кивнул командарм Коровников.

— Идем по братской земле Польши, Иван Терентьевич. Напомни своим. Меньше разрушений. — Он наставлял своего подчинённого, который всё прекрасно понимал и без его слов. А сам думал вот о чём: ведь ещё вчера наставлял солдат, настаивая совершенно на другом: перед тем, как пустить вперёд танки и пехоту, хорошенько обработать рубеж тяжёлой артиллерией, подавить все огневые точки с дистанции пушечного огня. Убеждал: каждый удачно выпущенный снаряд по заранее разведанным целям — сбережённая человеческая жизнь.

Теперь в военное дело вмешивалась политика. Как непросто сопрягать эти две категории на поле боя...

Артиллерия в тот день всё же вела огонь, и довольно сильный. Обстрелу подверглись окраины Кракова и районы, прилегающие к окраинам, где немцы разместили свои оборонительные линии.

После артподготовки Конев и Коровников выехали в корпус Полубоярова. Позже Конев рассказывал Константину Симонову, что сразу было заметно: противник сломлен, танки Полубоярова и пехота передовых частей 59-й армии ворвалась в город и быстро продвигались вперёд.

А дальше произошло вот что. Корпус Полубоярова вышел к шоссе, которое уходило из Кракова на запад, и остановился. Теперь по этому поводу историки спорят: что это было? Неуверенность Конева в том, что окружённый краковский гарнизон они смогут быстро придушить? Или всё-таки то, о чём говорил сам маршал?

Конев: “Мы не ставили себе задачи перерезать гитлеровцам последний путь отхода. Если бы мы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчёвывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город”.

Эти слова могли бы иметь в истории оттенок некой двусмысленности, лукавства, если бы история краковского гарнизона не имела продолжения и финала.

Известно, что основную часть колонны войск, покидавших заминированный и обречённый на гибель Краков, расстреляли на марше советские штурмовики и бомбардировщики. Часть попала под массированный артиллерийский огонь. Некоторая часть действительно выбралась из полуокружения и соединилась с группой армий “А”.

Но гораздо важнее другое. Краков, старинный Краков, город-шедевр, некогда считавшийся лучшим городом континента, был спасён от разрушения.

В Кракове и окрестностях действовали несколько партизанских отрядов, местных подпольных и советских разведывательных групп. Последние подчинялись непосредственно ГРУ и разведотделам армий 1-го Украинского фронта. Некоторые из них были переброшены в район Кракова ещё в 1944 году. Когда наши войска подошли к Кракову, через фронт было заброшено ещё несколько разведывательных и диверсионных групп. Задания они имели разные. Но, в конце концов, пришлось выполнять одно, самое важное — спасти город от тотального разрушения.

Одной из разведывательно-диверсионных групп командовал “лейтенант Алёша” — Алексей Ботян. Ещё в августе 44-го его группа была заброшена в соседнее с Краковским Радомское воеводство. Леса, болота. Край партизанский, весьма напоминающий нашу Брянщину. Здесь действовали польские отряды Армии Крайовой и Армии Людовой. Рядом с их базами дислоцировались отряды и группы, целиком состоявшие из бежавших из немецких концлагерей советских солдат и офицеров. Задачу группа Ботяна получила совершенно определённую: не допустить взрывов железнодорожных и шоссе-мостов. Мосты Красная Армия должна была получить целыми и невредимыми. Но произошло другое. На плечи разведчиков легла более тяжёлая миссия. А мосты, правда, лишь немногие, немцы всё же успели взорвать.

Разведчики узнали, что в один из замков, оборудованный под склад, в соседнем с Краковом городе Новы-Сонч немцы свозят большое количество взрывчатки. Запасы постоянно пополнялись. Сообщили в Москву. Оттуда поступил приказ: сосредоточить внимание на этом объекте. Помог случай: во время одной из операций, проводимой совместно с поляками, был захвачен инженер-картограф из штаба инженерных войск вермахта, при нём — папка с документами: карты и схемы оборонительных сооружений района Кракова и Новы-Сонч с указанием объектов, которые, в случае прорыва Красной Армии, подлежали уничтожению. На схемах значились почти все исторические здания Кракова и Новы-Сонч.

С этого момента группа “лейтенанта Алёши” действовала по указаниям штаба 1-го Украинского фронта. Конев имел всю информацию и руководил действиями разведчиков через разведотдел фронта.

10 января 1945 года разведчики подорвали немецкую штабную машину. В портфеле убитого офицера обнаружили приказ об уничтожении памятников архитектуры городов Кракова и Новы-Сонч в час “Х”.

Вскоре склад был взорван. Акцию провёл поляк, завербованный Ботаном. Старинный замок взлетел на воздух, но города были спасены. Были спасены Марицкий костёл, Ягеллонский университет, театр Словацкого, резиденция польских королей — знаменитый Вавель...

Другой группой руководил капитан Евгений Березняк. Выпускник Специальной школы Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, украинец по национальности, он хорошо знал польский язык. Его позывной был: "Голос". Березняк и его товарищи, заброшенные на парашютах в район Кракова в середине августа 1944 года, имели задание штаба 1-го Украинского фронта: "Разведать краковский гарнизон противника, установить количество и нумерацию немецких войск, сосредоточенных в районе этого города; вести наблюдение за воинскими перевозками по железным и шоссейным дорогам, проходящим через Краков; установить, какую и в каком количестве боевую технику противник сосредоточивает на западном берегу Вислы. В числе главных задач группы были выявление и установление точного расположения штабов, узлов связи, аэродромов и складов противника в городе Краков и его окрестностях".

Березняк и его группа действовали совместно с партизанами Армии Крайовой и подпольщиками-поляками. Часто бывали в отряде, созданном бывшими советскими военнопленными, бежавшими из концлагерей.

Однажды они захватили в плен немецкого офицера, который на допросе рассказал о готовящейся операции по взрыву Кракова. Город, его основные здания, должен был взлететь на воздух в тот момент, когда в него войдут части Красной Армии.

Березняк заставил пленного офицера нарисовать схему минирования города по памяти. Затем передал её в разведотдел штаба 1-го Украинского фронта.

Дальнейшая судьба Березняка и его группы сложилась более чем драматично. Достаточно сказать, что День Победы все они встретили в Подольском проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 174. Правда, вскоре оттуда были все же выпущены и награждены боевыми орденами СССР.

В 1994 году Краков отмечал 50-летие освобождения от немецкой оккупации. Одна из общественных организаций Польши пригласила в гости бывшего разведчика Евгения Степановича Березняка. Человек, которого с пристрастием допрашивали в краковском гестапо в 44-м, прочитал в местной газете "Голос Кракова": "18 января 1945 года в Краков ворвались полураздетые, пьяные солдаты Конева. Начались грабежи и издевательства... В связи с 50-летием "освобождения" завтра, 18 января, левые силы собираются возле памятника благодарности Красной Армии... Тот, кто почтит оккупантов своей земли, добровольно вычеркнет себя из списков поляков..."

Вот как вспоминал то, что произошло дальше, сам Е. С. Березняк: "А на следующий день было большое собрание краковской интеллигенции в Ягеллонском университете. Мне представили слово, и я прочитал эти слова из газеты. Сказал, что мне известно, что в зале есть люди, готовые подписаться под этой публикацией: "Так вот я к вам, господа, обращаюсь. Ответьте, на каком основании вы меня называете оккупантом? Я летел к вам тогда, когда в нашей стране уже не было немцев. Я летел к вам, зная, что 75 процентов десантников погибает. Почему вы называете оккупантом мою радистку, которой не было 18 лет? А вы знаете, что если бы не войска маршала Конева, не было бы этого университета? Был бы уничтожен театр имени Юлиуша Словацкого, историческая память Кракова — Вавель". Тишина стояла гробовая, а когда я закончил — взрыв аплодисментов, весь зал поднялся, овация была минут пять. Так меня встретили при Валенсе".

20 января, когда войска ушли уже далеко вперёд, Конев прибыл в Краков. Везде виднелись таблички: "Очищено от мин", "Мин нет", "Разминировано". Ещё работали сапёры, стаскивая в кучи к дорогам связки противотанковых мин и ящики со взрывчаткой.

Кто-то из офицеров штаба предложил:

— Товарищ маршал, а не устроить ли нам хотя бы краткую экскурсию по Кракову? Действительно, красивый город.

— После войны, — сухоотреагировал Конев.

После войны он действительно побывал здесь. В 1955 году его пригласили на 10-летие освобождения города. Поляки тогда ещё всё помнили, в том числе и то, кто в действительности спас их город от динамита, и не лгали ни себе, ни другим. Это потом они начали менять политику и своё отношение к соседям и к своей истории.

Вот тогда, десять лет спустя, он с удовольствием и благодарностью осмотрел город. Побывал в Новой Гуте — промышленном районе, построенном уже после войны. В 45-м на месте новостроек был пустырь, полигон, предполье, через которое танки Полубоярова и пехота Коровникова ворвались в Краков.

В 1987 году граждане Кракова установили в своём городе памятник Коневу. Но в 1991 году его демонтировали. Власть в Польше поменялась, и поляки начали срочно менять свою историю. Статую вывезли в Советский Союз.

Наталья Ивановна Конева вспоминала пережитые ею неприятные мгновения, когда по телевидению увидела кадры демонтажа памятника: “Фигуру отца с верёвкой на шее стаскивали с пьедестала. Повешенный за преступления? — только такая ассоциация возникала тогда”.

В 1995 году памятник, вывезенный из Польши, стараниями кировских властей и Министерства обороны РФ установили в Кирове, на площади Конева. Во время транспортировки часть фигуры была повреждена, но на родине её полностью отреставрировали. Установили монумент на новом пьедестале.

*Памятник выдвоят, совесть убудет.
Голос забвения стих.
Есть чем гордиться, вятские люди:
Мы не бросаем своих.*

Николай Пересторонин, г. Киров

Поляки пишут для себя странную историю. В путеводителях по Кракову, к примеру, путешественник не найдёт информации о том, что Красная Армия освобождала Краковское воеводство от немецкой оккупации, а Краков спасла от полного разрушения. Даже об Освенциме, который находится неподалёку, пишут, что “немецкая армия ушла из Освенцима...”

Представьте себе такую фразу: “Немецкая армия ушла из Восточной Пруссии...” Впрочем, по-польски, как оказывается, — можно.

“Майор Вихрь” Юлиана Семёнова родился после того, как писатель заинтересовался темой спасения древнего Кракова от варварского разрушения. В 1963 году в “Красной звезде” появилась статья о действиях советских разведчиков в районе Кракова. В том же году правительство Польской Народной Республики наградило советского военного разведчика Евгения Березняка высшим польским орденом “Виртути Милитари” и Золотым Крестом партизанской славы. Юлиан Семёнов заинтересовался этой историей и, видимо, не совсем доверяя родным источникам, поехал в Краков, чтобы, как говорится, на месте событий разобраться в том, что же там действительно произошло, а что — легенда. Съездил и ничего толком не услышал от “участников” и “героев” спасения Кракова. А дело в том, что они, действительные участники и герои, жили тогда кто в Белоруссии, кто на Украине, кто в России. Пользуясь связями, обратился к начальнику Главного разведывательного управления генерал-полковнику П. И. Ивашутину. Генерал Ивашутин передал писателю для ознакомления папку с документами о деятельности разведгруппы “Голос” в августе 1944 — январе 1945 годов на территории Краковского воеводства и непосредственно в Кракове.

Спустя год страна читала увлекательный новый роман Юлиана Семёнова под названием “Майор Вихрь”. Потом появился художественный фильм.

Древний Краков знает, кто его спас. Кто, рискуя жизнью, добывал схемы минирования зданий, а потом, под сплошной сетью пеленгаторов, переправлял данные в разведотдел фронта. Кто рубил кабели, тянувшиеся от контейнеров с динамитом к замыкателям. Кто отдал приказ не применять тяжёлую артиллерию во время штурма города.

История пишется кровью, страшно; это потом её, без всякого страха, без совести, переписывают бледными чернилами вороватые потомки героев...

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава тридцать первая

ОДЕР И НЕЙСЕ

*“Европа не знала ничего подобного
со времени гибели Римской империи...”*

Потрёпанные в предыдущих боях немецкие дивизии отошли на линию Силезского промышленного бассейна и вновь изготовились к бою. Зачастую это были уже не дивизии, а полки, сведённые в боевые группы и усиленные артиллерией и танками. Ими командовали опытные командиры, и эти боевые группы носили их имена.

Наступление продолжалось. Конев маневрировал танковыми соединениями, и вскоре Силезский промышленный район оказался в полуокружении. Осталось закрыть одно направление, сдвинуть клещи плотнее и зажать стоящие перед авангардами десять-двенадцать дивизий противника, а потом добивать их в котле.

Но война многому научила. Конев помнил, чем закончилось для группы армий “Центр” формирование котлов с последующей их ликвидацией — пришли к Москве без танков и горючего, с огромными потерями в личном составе, оборванные, с растянутыми коммуникациями... Правее полным ходом наступали войска 1-го Белорусского фронта. Жуков спешил. Из всех сил. Выжимал из войск всё, что можно. Впереди была Германия, Берлин. Ещё не было полной определённости, кому, чьим войскам придётся брать “логово”. Если завязнуть здесь, в этом лабиринте промышленных предприятий и городков, где каждое строение превращено в крепость для круговой обороны, то время будет упущено навсегда...

Да, уже началось сореживание двух тяжеловесов.

Конев ехал на КП генерала Рыбалко. Через несколько минут предстояло принять окончательное решение: то ли поворачивать бригады 3-й гвардейской танковой армии и запираить ими коридор, то ли всё же вытолкнуть силезскую группировку из укрепрайона и добивать её испытанным методом — на марше.

С Павлом Семёновичем Рыбалко у Конева всегда были очень доверительные отношения, постепенно перераставшие в крепкую, здоровую дружбу. Командующий 3-й гвардейской танковой уже ждал его. Развернули карту. Поговорили. Конев сказал о своём решении. Рыбалко поморщился: 3-я гвардейская танковая только что выполнила сложнейший маневр — повернула на юг.

— Ничего, Павел Семёнович, — успокоил его Конев, — вам не привыкать. Ваша армия только что совершила блестящий поворот. Давайте сделаем ещё один доворот. Кстати, у вас целый корпус ещё не развернут, идёт во втором эшелоне. Давайте его сразу и введём на ратиборское направление, а два корпуса застопорим, тем более что связь по радио у вас со всеми корпусами отличная.

Рыбалко ещё раз взглянул на карту и сдержанно согласился:

— Да, это, пожалуй, возможно.

— Связь у вас хорошая, я не ошибаюсь? — снова уточнил Конев. — Со всеми есть связь?

— Да, связь есть со всеми, — подтвердил Рыбалко. — Радио работает безотказно.

— Так передайте тогда сейчас же приказ этим двум корпусам: “Стоп”, — а корпусу второго эшелона: “Вперёд, на Ратибор”.

КП Рыбалко находился на высоте. Видимость на запад отличная. Там, в стороне города Глейвиц, маневрировали наступающие танки. Хорошо просматривалась линия немецкой обороны. Левее видны порядки наступающей пехоты 21-й армии генерала Гусева.

Гусеву предстояло нажимать и нажимать вперёд, чтобы противник понял серьёзность намерений наступающих войск и принял этот участок за основной.

На КП командарма-21 Конев заехал по пути в 3-ю гвардейскую танковую. Приказ генералу Гусеву уже был отдан: атаковать непрерывно и теснить противника в направлении коридора — на юго-запад.

И теперь Конев наблюдал результаты своего приказа. На некоторых участках пехота уже захватила переднюю линию, танки поддержки утюжили окопы и огневые точки немцев. Противник толпами отходил в тыл.

— Посмотрите, Павел Семенович, как ваш сосед выполняет приказ. — И Конев указал в поле.

Рыбалко ничего не ответил. Он стоял у машины и диктовал радисту приказ корпусам.

Конев любил эти мгновения — ландшафт развернувшейся битвы был грандиозным и совершенным в своих очертаниях и ожиданиях. Дальняя пальба. Запах гари. Суета штабных офицеров, передающих и принимающих донесения. Сейчас кто-нибудь из них подойдёт и доложит о первых результатах атаки.

— Товарищ маршал, из штаба двадцать первой сообщили: первая линия окопов противника занята, передовые батальоны вклинились во вторую... — Капитан, который читает донесение, молод и, должно быть, мечтает командовать одним из тех батальонов, которые сейчас так лихо атакуют предместья Глейвица.

— Вот что, капитан, — выслушав доклад, говорит он, — передайте генералу Гусеву: всех, отличившихся в этой атаке, представить к медалям “За отвагу”, командиров батальонов, рот и взводов — к орденам.

Эх, как хочется этому капитану сейчас быть там! Конев это чувство пережил ещё в гражданскую...

Через час, стоя у обочины дороги, он наблюдал, как шёл танковый корпус. На броне десант. Десантники с гармошками, аккордеонами. Нахватали, славяне, трофеев... Режут лихие частушки:

*Эх, ма! Наша мать —
Горькая Расея.
Научились воевать,
Долбанём злодея!*

Научились, научились ребята воевать. И сами это чувствуют.

Современная война — это расстояния, которые войска и техника должны преодолевать как можно быстрее, стремительно меняя направления. Немцы это продемонстрировали ещё летом 41-го. Теперь они не так мобильны. Техника выбита. Но резервы ещё есть. И неизвестно, где они их введут в бой... Размышляя об этом, Конев думал о Рыбалко. Он восхищался им как танковым командиром, был благодарен ему за надёжность, за то, что Павел Семёнович умел ценить доверие. За то, что там, где он как командующий фронтом не всё предусмотрел, наверняка предусмотрит он. Всего ведь не охватить.

Через годы, в книге “Сорок пятый” Конев с особой теплотой и благодарностью напишет о своём друге и боевом товарище, талантливом танковом командире Павле Семёновиче Рыбалко.

К 29 января 1945 года Силезский промышленный район был очищен от противника.

Когда солдаты Конева ворвались на территорию промышленной зоны, обнаружили: многие предприятия работают в обычном режиме, выпуская свою продукцию. Они и в последующем продолжили свою работу, переналадив штампы и формы под новые заказы другой армии.

На выходе из силезского укрепрайона, когда войска 17-й армии и армейской группы “Хейнрицы” вытянулись в оставленном им коридоре, танки Рыбалко и дивизии 60-й армии Курочкина подвергли их истреблению.

А из первых эшелонов, которые ушли к границе Третьего рейха, уже общались: 5-я гвардейская армия генерала Жадова, “используя благоприятную обстановку, созданную поворотом армии Рыбалко, захватила плацдармы” за Одером, что правее 4-я танковая армия Лелюшенко тоже форсировала Одер и вышла в район Штейнау. А следующие вести принесли тревогу: 3-я гвардейская армия Гордова и 13-я армия Пухова завязли пред 24-м танковым и 42-м армейскими корпусами противника. На их правый фланг с севера давят резервы 9-й полевой армии. Ещё несколько дней назад эти части противника стояли перед войсками Жукова, а теперь сместились южнее и нависли над правым флангом 1-го Украинского фронта.

Накануне позвонил Верховный. Выслушал его доклад. И вдруг предостерг:

— Смотрите, немцы не смирились с потерей Силезии и могут её у вас отобрать.

В эти дни Конев постоянно был в войсках. Связь работала бесперебойно. Офицеры штаба постоянно докладывали обстановку. Он тут же отдавал распоряжения. Штаб на колёсах. Как не хватало этого летом 41-го и позже, в 42-м под Ржевом... Он постоянно возвращался в своих мыслях в первые дни и месяцы войны. Восхищался той мощью, маневренностью и мобильностью своих сил, которую постоянно чувствовал под рукой и наблюдал, и сожалел об ошибках, которые допускал в прошлом. С тем же настроением впоследствии он будет диктовать вторую книгу своих мемуаров.

— Свяжитесь со штабом четвёртой танковой, — приказал он.

— Четвёртая танковая на связи, — тут же ответили ему.

— Спросите, где Лелюшенко?

— Лелюшенко на новом КП за Одером.

— Давайте быстро к нему, — приказал он и подумал: какой молодец...

Теснимые наступающими авангардами 1-го Белорусского фронта немецкие войска нажимали на дивизии Гордова. Создавалась опасная ситуация, при которой немцы могли смять порядки 3-й гвардейской и хлынуть в тыл всей группировке, выдвинувшейся к Одеру и опасно растянувшей свои коммуникации. Для того чтобы этого не допустить, он приказал Лелюшенко нанести удар в северо-западном направлении. Танки Лелюшенко наступали по обоим берегам Одера. Положение 3-й гвардейской несколько улучшилось. Но немцы разгадали этот маневр и отвернули севернее. Удар Лелюшенко не достиг намеченной цели. И всё же в районе Лисса 4-й танковой и 3-й гвардейской удалось остановить и окружить противника. В котёл утонуло несколько дивизий. Около пятнадцати тысяч было уничтожено и пленено. Остальным удалось вырваться.

Изношенные сапоги и ботинки русских пехотинцев вслед за танками прошли по междуречью Вислы и Одера. Дорога казалась длинной, но оказалась недолгой. К началу февраля тульские гармошки и трофейные аккордеоны играли “барыню” и разливали “саратовские страдания” уже на Одере и на плацдармах за немецкой рекой.

Висло-Одерская операция завершилась.

Вот как её впоследствии прокомментировал бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса, а затем 4-й танковой армии генерал фон Меллентин: “Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи”.

Немного пафосно. Но исторически довольно точно.

Итогом Висло-Одерской операции для войск маршала Конева стало освобождение Южной Польши, древней польской столицы города Краков, которую, как хрустальную вазу, уже падающую и обречённую уничтожению, войска 1-го Украинского фронта выхватили из рук отступающих частей вермахта и передали полякам. Был очищен от противника весь Силезский промышленный бассейн, и то “золото”, о котором маршалу сказал Верховный, было взято цельным, без повреждений. Заводы Польши уже работали на нужды освобождённой Польши.

Во время боёв было уничтожено около 150 000 солдат и офицеров противника, 43 000 взято в плен. Захваченные трофеи исчислялись десятками тысяч орудий и миномётов, сотнями танков, самолётов и другой техники.

За Одером были захвачены выгодные плацдармы для предстоящих ударов на дрезденском и берлинском направлениях.

В оперативном отношении дрезденское направление, обеспеченное группировкой левого крыла фронта, было более перспективным. Войска здесь сидели надёжно и вели разведку вперёд. Правая группировка оказалась в более сложном положении. Но перед ней лежал прямой путь на Берлин.

Войска соседа справа тем временем налетели на мощнейшую оборону противника — Померанский вал — и тоже вынуждены были остановиться. Однако до Берлина Жукову оставалось по прямой 60–80 километров.

После войны, деля лавры, маршалы и генералы не раз будут спорить и напрямую, и через своих посредников, военных историков и публицистов, почему не получилось взять Берлин на два месяца раньше.

Маршал Жуков, который прибыл на фронт, непосредственно на берлинское направление для того, чтобы поставить последнюю точку в затянувшейся войне ударом самой сильной группировки через одерские оборонительные линии на Кюстрин и далее на Берлин, в конце января 1945 года докладывал Сталину: “Задача фронта... с утра 1–2 февраля 45 г<ода> — продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада”.

Но Померанский вал застопорил движение и самого Жукова. Немцы были сильны до самого конца. Группа армий “Висла”, которую возглавил рейхсфюрер СС Гиммлер, используя растянутость 1-го и 2-го Белорусских фронтов и образовавшийся разрыв между их флангами, готовилась нанести удар с выходом на их тылы. Жуков вовремя выставил заслон. Таким образом, резервы были отвлечены от основного направления.

31 января 1945 года Жуков доносил Сталину:

“1. В связи с резким отставанием левого фланга 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К. К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу указать К. К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией

в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И. С. Конев просит обязать быстрее выйти на р. Одер”.

Читая этот документ, невольно приходишь к мысли о том, что мышление маршала Жукова было всё-таки шире командующего войсками фронта, даже такого мощного, как 1-й Белорусский. Сидеть бы ему в Генеральном штабе и командовать всеми фронтами. Но кто бы тогда стал Маршалом Победы?

На указание Жукова повернуть войска Рокоссовского и Конев Верховный так и не ответил.

С Померанской группировкой Жуков и Рокоссовский, в конце концов, справились. Перемололи гусеницами своих танковых корпусов и 11-ю армию генерала Грассера, пытавшуюся контратаковать, и группу армий “Висла” рейхсфюрера СС Гимлера. Но в какой-то момент войска, нацеленные на Берлин, пришлось отвести и развернуть по другим направлениям. К примеру, из-за Одера была отозвана 1-я гвардейская армия генерала Катуква, которая ещё в начале февраля готова была броситься с Кюстринского плацдарма на “логово”. Нет, рано и слишком опасно.

1-й Украинский фронт тоже замешкался. Конев впоследствии признал, что его войска выполнили только часть своей задачи, что “для дальнейшего наступления требовалась пауза”.

Конев: “Мы наступали непрерывно сорок четыре дня (с 12 января по 24 февраля) и прошли с боями от пятисот до семисот километров. В среднем за каждые сутки войска продвигались на шестнадцать километров. За такие итоги краснеть не приходится. Но они не освобождают меня от необходимости объяснить, почему все же Нижне-Силезская операция планировалась нами на одну глубину, а на практике осуществлена на другую, значительно меньшую.

Отбрасывая в сторону ряд менее существенных обстоятельств, я должен назвать здесь три основные причины.

Во-первых, в конце января, планируя эту операцию, мы считали, что наше дальнейшее наступление на запад будет проходить одновременно с продолжающимся наступлением войск 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Однако в действительности получилось иначе.

Как раз в период между утверждением плана нашего наступления и его началом перед 1-м Белорусским фронтом возникла неотложная задача: ликвидировать угрожавшую ему восточно-померанскую группировку немецко-фашистских войск. В связи с этим по указанию Ставки он был вынужден отказаться от дальнейшего наступления на берлинском направлении и после выхода на Одер закрепить на достигнутых рубежах, одновременно подготавливая удар в Померании.

Осложнилось положение и у нашего левого соседа, 4-го Украинского фронта, нацеленного на Чехословакию. Он столкнулся с упорнейшим сопротивлением противника и почти не продвигался.

Во-вторых, уже в ходе операции нам пришлось убедиться, что в конце января мы недооценили возможностей противника по восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных нами на Висле и Одере. Он делал это гораздо быстрее и решительнее, чем мы могли предполагать.

И наконец, в-третьих, наступление в задуманных первоначально масштабах очень затруднялось громадной растяжкой наших коммуникаций”.

Сравнивая, как говорят профессионалы, показания, приходишь к выводу, что Жуков в этот период войны, конечно же, буквально пылал желанием как можно скорее добраться до Берлина и прихлопнуть там последнюю немецкую группировку.

С запада к “логovu” приближались союзники. Политический расклад всё более очевидно становился таким: кто возьмёт Берлин, тому и достанется венец победителя. Но немцы по-прежнему были сильны. Они перебрасывали с Западного фронта новые и новые силы — корпуса, дивизии, отдельные батальоны — и лихорадочно латали дыры, создавали ударные группировки и контратаковали при каждом удобном случае. Любую оплошность наших маршалов и генералов они омывали кровью наших солдат.

В книге “Солдатский долг” командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К. К. Рокоссовский рассказывает о февральских боях в Померании так: “А положение у нас на левом крыле создавалось тревожное. По мере продвижения войск к северу всё больше оголялся наш левый фланг: ведь наш сосед — 1-й Белорусский фронт — оставался на месте. Противник стал всё чаще наносить удары во фланги и тылы нашим наступающим частям. С опаской мы поглядывали на Ной-Штеттин. Этот город, остававшийся западнее разграничительной линии нашего фронта, был полон гитлеровскими войсками, которые в любой момент могли ринуться на наш открытый фланг. Я сообщил об этом в Ставку. Вскоре меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

— Что, Жуков хитрит?

— Не думаю, — ответил я, — чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создаётся угроза на обнажённом нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление”.

Как видим, Верховному, чтобы поторопить соседа, звонили все. Кроме Конева. Конев прекрасно видел ситуацию, полностью владел ею и знал, что надо делать сейчас, а что — завтра. Помощи не просил. Сил хватало. К Берлину сломя голову не ломился. Хотя, конечно же, понимал, что лавровый венок у победы, которая уже сияла впереди, всего один.

Но он знал и другое, и постоянно это имел в виду: жизнь у солдата тоже одна...

Не хочу и пытаться идеализировать своего героя. Полководцу такого уровня, каким был Конев, трудно быть, а тем более — слыть человеколюбом. Как и все полевые командиры высокого ранга, он шёл к своей победе по рекам крови и горам убитых своих и чужих солдат. Чтобы победить врага и защитить свою родину, надо посылать солдата в пекло, на смерть.

И всё же в 45-м, когда финал уже был предreshён, маршалы воевали по-разному.

В своей итоговой книге “Сорок пятый”, в главе о боях между Вислой и Одером, маршал написал: “Я стремился хладнокровно взвесить все плюсы и минусы.

Ну, хорошо, мы окружим гитлеровцев в Силезском промышленном бассейне. Их примерно сто тысяч. Половина из них будет уничтожена в боях, а половина взята в плен. Вот, собственно говоря, и все плюсы. Пусть немалые, но все.

А минусы? Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием новой Польши.

Кроме того, и наши войска понесут тяжёлые потери, потому что драться здесь — значит штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зданием. Даже если имеешь преимущество в технике, в таких боях за город, где берёшь дом за домом, приходится платить дорогой ценой — жизнью за жизнь.

А между тем людских потерь у нас за четыре года войны и так достаточно. Перспектива же победоносного окончания войны недалеко. И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними, с живыми, до победы”.

В мемуарах, конечно же, можно написать всё, что угодно. И таких мемуаров в нашей литературе предостаточно. Они не прибавили отечественной словесности чести и внесли изрядную путаницу в историографию. Этим же словам хочется верить, потому что они не раз подтверждались делом.

Конев не штурмовал укрепрайоны, такие как Силезский промышленный район, не бросал полки на штурм городов-крепостей, таких как Бреслау (Вроцлав). Бреслау был окружён плотным кольцом и оставлен по его приказу в тылу. Его почти пятидесятитысячный гарнизон дрался до тех пор, пока не пришла весть, что Германия капитулировала. Кварталы Бреслау штур-

мовали специально сформированные и обученные для действия в городских условиях штурмовые сапёрные батальоны, имевшие на вооружении огнемёты, спецтехнику и даже специальную экипировку, в том числе и стальные кирасы, защищавшие тело от осколков и пуль. Точно так же был блокирован и постепенно частично уничтожен, а частично пленён гарнизон города-крепости Глогау.

К середине февраля коневцы вышли на реку Бобёр, заняли несколько крупных населённых пунктов в Нижней Силезии и провинции Бранденбург основными силами 4-й танковой армии.

Справедливости ради необходимо отметить, что сосед слева — 4-й Украинский фронт — в это время был остановлен и вел тяжёлые оборонительные бои. Сосед справа — 1-й Белорусский фронт — левым своим флангом тоже остановился в стыке с войсками Конева по Одеру и перешёл к обороне. Все резервы, имевшиеся на этом участке Восточного фронта, противник перебрасывал, конечно же, туда, где создавалась угрожающее положение. Угрозу прорыва создавали войска Конева, потому что они наступали.

К концу февраля 1945 года войска маршала Конева вышли к реке Нейсе. Правое крыло 1-го Украинского фронта сомкнулось с левым крылом 1-го Белорусского.

Глава тридцать вторая

СЕРДЦЕ КУТУЗОВА

*“При прохождении мимо могилы
и памятника Кутузову отдавать
воинские почести...”*

Во время боёв между Вислой и Одером произошло некое событие, в котором наш герой будет играть одну из главных ролей. Ярко проявится ещё одна черта его характера.

52-я армия генерала Коротеева захватили городок Бунцлау, в котором весной 1813 года во время Заграничного похода Русской армии скончался командующий фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Конев хорошо знал историю и приказал офицерам штаба разыскать могилу, где, по преданию, похоронено сердце главнокомандующего Русской армией. Могилу вскоре отыскивали. На плите была выбита надпись: “До сих мест довёл князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска. Но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество своё. Он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя”.

Когда Конев осматривал могилу и плиту с надписью, кто-то из офицеров произнёс:

— Пушкин сказал о Кутузове: имя его не только священо для нас, но не должны ли мы ещё радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком!

Тут же выяснилось, что немцы демонтировали памятник, установленный вскоре после смерти Кутузова. Конев приказал найти его. Чугунный обелиск отыскивали, реставрировали и установили на пьедестал.

В тот же день Конев отдал приказ:

“В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова приказываю:

1. Коменданту города Бунцлау учредить почётный караул у памятника фельдмаршалу Кутузову.

2. Всем войсковым частям и отдельным военнослужащим при прохождении мимо памятника фельдмаршалу Кутузову отдавать воинские почести.

3. Приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях, командах”.

Кроме того, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта на старом деревенском кладбище по проекту архитектора, капитана Красной Армии

Г. И. Кевхишвили был сооружен кутузовский мемориал. Центром его стал памятник генерал-фельдмаршалу. А вокруг положили погибших героев 45-го — тела 141 офицера, в том числе сорока двух Героев Советского Союза.

В те дни офицерское кладбище близ Тиллендорфа стало местом паломничества местных жителей, частых митингов, салютов, экскурсий воинов Красной Армии и Польской народной армии. 28 апреля 1945 года, в годовщину кончины полководца, у могилы Кутузова почётный караул несли 136 Героев Советского Союза 1-го Украинского фронта. Солдаты установили мраморную доску с надписью:

*“Великому патриоту земли русской
Фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову
в день 132-й годовщины его смерти 28 апреля 1945 года.*

*Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты памятник бессмертный русской славы
На сердце собственном воздвиг.
Но не умолкло сердце полководца,
И в грозный час оно зовёт на бой,
Оно живёт и мужественно бьётся
В сынах Отечества, спасенного тобой!
И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамён, пронесшихся в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!*

*От воинов Красной Армии, 12 февраля 1945 года вступивших в город
Бунцлау”.*

Такого эпизода вы не найдёте ни у одного полководца Великой Отечественной войны.

Было в этом жестоком воине и нечто такое, что он получил от своих вятско-вологодских предков и что великий Пушкин назвал *любовью к отеческим гробам*. Нет, не прошли даром, не провалились сквозь сито времён уроки кузнеца Алеши Артамонова из родного Лодейна, наставления учителя земского училища Ильи Михайловича, байки ветерана Шипки Алёши Турки. Родина положила в его душу хороший замес.

После войны Конев снова побывал в этих местах. Приезжал поклониться сердцу главнокомандующего Русской армией Михаилу Илларионовичу Кутузову и своим героям-молодцам. Привозил сюда свою семью.

Глава тридцать третья

БЕРЛИН. ВЕСНА 45-го

“Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев...”

Генерал армии С. М. Штеменко в своих мемуарах писал: “26 января 1945 года Генштаб получил решение командующего 1-м Белорусским фронтом о безостановочном наступлении на Берлин. Днём позже поступило аналогичное решение командующего 1-м Украинским фронтом. Генштаб беспокоила лишь одна деталь: разграничительная линия между фронтами, установленная по рекомендации маршала Жукова, фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берлина, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице. Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили

решение Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой — разграничительную линию, которая не позволяла это сделать. Маршал Конев очень разволновался по этому поводу... Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев”.

Штеменко верить можно. Хотя бы потому, что прослужил он свои годы честно, не вилял перед вождами, но верой и правдой служил одному из них. За что трижды из генерал-полковников понижался в звании до генерал-лейтенанта. Таким образом, имел редкое в Красной Армии звание — трижды генерал армии.

Но мы, кроме мемуаров, заглянем ещё и в документы. Рассмотрим факты.

Драма под названием “Великая Отечественная война” подходила к своему финалу.

Оперативная пауза перед решающим штурмом длилась с конца февраля до середины апреля 1945 года. Она оказалась достаточно продолжительной.

Однако для северного крыла 1-го Украинского фронта эта пауза была непосильной. С 15 по 31 марта 1941 года армии правого крыла провели Верхне-Силезскую наступательную операцию. В первый же день войска столкнулись с сильной группировкой противника, которая, как впоследствии выяснилось, готовилась к удару на Бреслау с целью выручить блокированный в крепости пятидесятысячный гарнизон. В этих боях особенно пострадали корпуса генерала Лелюшенко. Танкисты впервые подверглись атаке немецких фаустников. Как всегда, активно работала противотанковая артиллерия противника. Некоторые бригады потеряли до трети боевых машин.

В районе Оппелына армии генералов Гусева и Коровникова при поддержке танков генерала Лелюшенко отрезали от основных сил и блокировали плотным кольцом крупную группировку противника в составе 20-й пехотной и части сил 18-й моторизованной дивизий СС, а также 168-й и 344-й пехотных дивизий, нескольких отдельных полков и батальонов.

На этот раз Конев приказал уничтожить *котёл*:

“Комбатам, комполкам, комдивам 225, 285, 229 и 120-й дивизий 21-й армии. Окружённый противник пытается прорваться в направлении Штейнау. Враг деморализован, прорывается отдельными группами, без техники. Приказываю.

1. До ночи выходящие группы противника уничтожить, пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения.

2. Приказ довести до всех рядовых, сержантов, офицеров всех родов войск”.

Немцы бросили на выручку окружённых танковую дивизию “Герман Геринг”. На следующий день усилили её 20-й танковой и 45-й пехотной. Все контратаки были отбиты. 21-я армия к исходу дня 20 марта покончила с окружённой группировкой. Около 30 000 человек было убито, 15 000 пленено.

Затем была уничтожена группировка в районе городов Ратибора и Рыбника.

Союзникам немецкие войска в эти дни так яростно не сопротивлялись.

Полутораметровые стены каменных домов, превращённых в крепости, артиллеристы 60-й армии генерала Курочкина пробивали с открытых позиций. В дело были брошены батареи тяжёлого калибра, в том числе и 203-мм гаубицы большой мощности. В проломы шли ударные сапёрные части и пехота.

Немцы перебросили с других направлений и ввели в бой 17-ю и 8-ю танковые дивизии. Это были старые знакомые Конева, с которыми он имел дело ещё во время летних боёв 41-го. И Конев, чувствуя напор, тоже вводил в бой свои резервы. Резервы были. Но их надо было и беречь для решающего штурма.

31 марта с ратиборской и рыбницкой группировками врага было покончено. На этот раз стояла хорошая погода, и авиация, особенно штурмовая, буквально ползала на пузе по переднему краю, уничтожая немецкую бронетехнику, подавляя артиллерию и пулемёты.

Тогда же, 31 марта, наступила действительная пауза.

Продлилась она недолго.

В конце марта 1945 года Конев вызвали в Ставку.

Он уже знал, что Берлин будет брать сосед справа, а его войскам отведена роль щита с юга с дальнейшей задачей выйти к Эльбе и встретить там союзников. Союзники, в особенности англичане, тоже рвались к Берлину. Черчилль вдруг спохватился: “Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в этом случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения”.

Сталин почувствовал, что союзники при виде близкой добычи не прочь нарушить соглашения, достигнутые в Ялте в феврале 1945 года о разделе Германии. А это означало, что Англия и США уже начали репетировать новый акт — вытеснение Советского Союза, его войск, из освобожденной Европы. Сталин следил за всеми изменениями в настроениях и намерениях союзников очень внимательно.

Коневу приказано было встретить их на южных подступах к Берлину. Встретить — означало остановить на линии соприкосновения.

Но ему хотелось войти в Берлин. Война уже заканчивалась. В штабах это чувствовалось особенно. События четырёх минувших лет уже медленно переплавлялись в историю, незаметно для неискущенного глаза деформируясь и обретая застывшие, канонические формы. Маршал прекрасно понимал, что в краткий её курс войдут три-четыре, быть может, пять, основных, наиболее ярких операций. Столько же имён. Взятие Берлина — это апофеоз. Пик общенародной мечты, выжившей на руинах страданий и надежд. Берлинские бои в памяти народа останутся обязательно. И герой берлинской эпопеи станет народным героем и любимцем. С его именем будет ассоциироваться победа. На его главу будет возложен венец победителя. Все остальные, пусть и не менее достойные, и осыпанные орденами и почестями, будут рядом или вокруг. Около или поблизости.

Конев весьма точен в своих мемуарах. Но, должно быть, память изменяла и ему. В мемуарной книге “Сорок пятый” он пишет: “Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и я”.

Мы ещё вернёмся и к этому фрагменту мемуаров, и к самой встрече в Ставке маршалов и Верховного.

А теперь вчитаемся в мемуары генерала армии Штеменко: “...как только обнаружили первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день, 1 апреля 1945 года, план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и всё закончить в течение 12–15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя”.

Напомню, генерал Штеменко в то время возглавлял оперативное управление Генштаба. Владел полной информацией. Она и легла потом в основу его мемуаров.

Штеменко пишет, что в Генштабе они вместе с двумя маршалами обсуждали берлинскую тему 31 марта.

Значит, всё же 31 марта...

Итак, маршалы вошли в большой кабинет Сталина. За столом под портретами Суворова и Кутузова сидели члены Государственного Комитета Обороны, а также начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник главного оперативного Управления С. М. Штеменко.

Сталин тут же перешёл к главному. Попросил генерала Штеменко зачитать некую телеграмму, суть которой сводилась к следующему: союзники стягивают на берлинское направление дополнительные силы, создаются группировки, таким образом, план взятия Берлина союзными войсками нужно рассматривать как реальность.

Когда Штеменко дочитал телеграмму, Верховный обратился к маршалам, задал вопрос сразу двоим:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Конев в мемуарах пишет: “Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмём его раньше союзников.

— Вы какой Вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как Вы сумеете создать для этого группировку? У Вас главные силы для этого находятся на Вашем южном фланге, и Вам, по-видимому, придётся производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведёт все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния”.

Верховный выслушал обоих маршалов и остался доволен их докладом и решимостью выполнить приказ. Приготовления союзников всё же продолжали его беспокоить. Он поручил маршалам подготовить прямо здесь, в Москве, в Генштабе, свои планы, согласовать вопросы взаимодействия и доложить ему не позднее, чем через сутки-двое.

Работали Конев и Жуков в отдельных комнатах. Но иногда собирались в кабинете у Антонова или Штеменко, чтобы увязать некоторые принципиальные вопросы.

Штеменко: “Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категоричным решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта. Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере ещё и 1-й Украинский фронт. Причём, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами”.

2 апреля маршалы вновь были у Верховного. Докладывал Антонов. Потом командующие фронтами. Сталин никаких существенных замечаний не высказал. Он доверял им.

Когда Конев закончил свой доклад, Верховный сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и в Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счёт прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Обе армии были знакомы Коневу по боям 41-го и 42-го годов под Смоленском и Ржевом.

В директивах фронтам берлинского направления было сформулировано: Берлин атакуют войска 1-го Белорусского фронта; армии 1-го Украинского должны тем временем разгромить противника в районе Котбуса и южнее Берлина с выходом к 10-му дню операции на рубежи юго-западнее Берлина, к реке Эльбе. Всё. Вот его роль в районе Берлина.

Конев неожиданно заявил, что войска 1-го Украинского фронта тоже полны решимости штурмовать Берлин. При этом начальник Генштаба ещё раз обратил внимание Верховного на то, что существующая разграничительная линия фактически исключает намерение маршала Конева и участие его войск в штурме Берлина. Конев стоял на своём, доказывая, что при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно “нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина”.

Штеменко: “Сталин пошёл на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел её до населённого пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин,— заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. Его это тоже устраивало”.

Из-за этой проклятой разгранлинии, которую, как предусматривает устав, перед началом операции не провели чётко и определённо, Жуков уложил тысячи солдат на Зееловских высотах и при штурме в лоб обводов города, а Конев потерял большое количество танков и, конечно же, экипажей, сгоревших на тесных улочках от фаустпатронов и противотанковых орудий, выставленных на прямую наводку. Спешили отличиться. И тот, и другой. Войти в историю. Полководческая мудрость отступила на второй план перед страстью стать первым.

Впрочем, не нам их судить.

Планы планами, а реальный бой, а тем более — сражение такого масштаба, каким было Берлинское, которое порой называют “Битвой за Берлин”, зачастую пишет свой сюжет. Как говорят в народе: “Брань дело кажет”.

Подступы к “логову” изобиловали болотами, каналами, лесами, реками, озёрами. Глубокоэшелонированная оборона, построенная основательно, по всем правилам инженерного дела. Непосредственно перед городом два внешних обвода оборонительных линий. Всё густо занято войсками. Некоторые части и целые дивизии срочно переброшены с Западного фронта. Минные поля. Танковые ловушки. ПТО. Дух солдат и фольксштурма — умереть за Германию, за фюрера в последнем бою, но не пропустить большевиков дальше своих позиций.

При таком построении обороны берлинской группировки противника разумнее выглядел один из резервных планов Генштаба, который предполагал не лобовой штурм города через Зееловские высоты, а охват района Берлина силами двух фронтов с севера (2-й Белорусский), северо-запада (1-й Белорусский), юга и юго-запада (1-й Украинский). Войска фронтов, согласно плану, должны были соединиться в районе Бранденбурга и Потсдама и одновременно отсечь любое “поползновение” к Берлину союзников.

Но лавровый венок у Сталина был один...

Конев, впрочем, ситуация, которая сложилась к началу операции, вполне устраивала. Он смотрел на карту с расположением своих ударных сил и частей второго эшелона и понимал, что возможность войти в Берлин у него есть. И очень даже реальная. Не зря он пестовал и закалял в боях свои танковые армии. Рыбалко и Лелюшенко преодолевали марши, подобные тому, который предстоял им сейчас, не раз.

В ночь на 16 апреля правее боевых порядков Конева небо поднялось, осветилось дальним заревом, и зарево начало дрожать и подниматься всё выше и выше. Позже донеслась канонада. Это начал 1-й Белорусский фронт. Жуков и тут решил опередить всех.

В ту ночь Конев только что вернулся из района Бреслау. Там 6-я армия генерала Глuzдовского продолжала удерживать в блокаде крупную группировку противника, не желающего сдаваться.

Переданные из состава 3-го Белорусского фронта 28-я и 31-я армии были ещё на марше. Конев решил начинать, не дожидаясь их подхода.

На передовом НП генерала Пухова было тесновато. Блиндаж был открыт и тщательно замаскирован на опушке соснового бора. Внизу обрыв. Под обрывом — Нейсе. За рекой — пологий берег. Он хорошо просматривался на многие километры вперёд, вправо и влево. Уже светало, и в стереотрубу было хорошо видно, что происходило на той стороне, у немцев.

Артподготовка проводилась в три этапа, всего 145 минут: 40 минут — прикрытие выхода пехоты к реке; 60 минут — форсирование; 45 минут — обеспечение атаки на том берегу. После того, как противоположный берег Нейсе потонул в чёрном сраде разрывов, передовые батальоны начали форсирование.

Конев хорошо видел, как под прикрытием огня и дымовой завесы на подручных плавсредствах батальоны переправляются на противоположный берег. Через несколько минут сапёрные части уже навели десантные переправы, и по ним пошла пехота. За ними подошли полковые артиллерийские группы и тоже начали переправу. Всё шло строго по графику.

Однако левый берег начал огрызаться. Огневые точки, которые не подавила артиллерия, открыли огонь.

И тут произошло то, что впоследствии описал в своих мемуарах командующий 13-й армией генерал Пухов. Пуля щёлкнула по креплению стереотрубы и с воем ушла в сторону. Пухов признался, что почувствовал себя неловко. Конев же, тоже на мгновение отвлекшись от стереотрубы, сделал вид, что ничего не произошло, и молча продолжал наблюдение.

Чтобы облегчить форсирование Нейсе, обеспечить успех в начале атаки и уменьшить потери, Конев приказал установить дымовую завесу на левом берегу реки.

Конев: “Мастерски это сделали лётчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не “пронесли” её, а поставили точно на рубеже Нейсе”.

Дымы поставили на ширине фронта в 390 километров и тем самым отчасти ввели противника в заблуждение по поводу направления главного удара. Утро выдалось тихое, безветренное. Дымы медленно сносило на запад, накрывая немецкие окопы на левом берегу.

Наступали же на 90-километровом отрезке, где сосредоточилась ударная группировка.

С самого начала всё пошло хорошо. Кропотливая подготовка войск, дни и ночи неустанный труд штабов и солдат дали свой результат. Суворовское “Тяжело в ученье — легко в бою” оправдало себя и в этой операции.

Ещё в январе 1945 года к своим обязанностям приступил вернувшийся из госпиталя командующий артиллерией фронта генерал Варенцов. Блестящая организация артиллерийского наступления; точная работа расчётов по огневым точкам противника, которые были разведаны накануне артиллерийской разведкой и нанесены на таблицы стрельбы; контрартиллерийский огонь; способность артподразделений и отдельных расчётов выполнить практически любую профильную задачу в быстро изменяющихся обстоятельствах — всё это результат огромной работы генерала Варенцова. Как бывший артиллерист, Конев высоко ценил своего заместителя по артиллерии и радовался тому, что теперь, в дни решающей битвы, он был рядом.

Чтобы облегчить задачу авангардов 13-й армии, которая должна была выполнить первоначальную задачу берлинского наступления 1-го Украинского фронта — прорвать оборону противника на всю её глубину — по предложению Варенцова при каждом стрелковом полку была создана пушечно-артиллерийская группа (ПАГ). К примеру, 117-му стрелковому полку 333-й дивизии был придан ПАГ, укомплектованный 142 орудиями и миномётами; 4-й гвардейский стрелковый полк 6-й гвардейской стрелковой дивизии — 182 орудия и миномёта. Кроме того, в 13-й армии сформировали сильную армейскую артиллерийскую группу в составе четырёх бригад и двух полков — всего 224 орудия.

Чтобы понять, какое значение имела хорошо поставленная работа артил-

лерии во время Берлинской наступательной операции фронта, приведу один пример.

На второй день наступления, 17 апреля, когда немцы пришли в себя и начали контратаковать, в полосе наступления 3-й гвардейской армии произошло следующее. 21-й гвардейский стрелковый корпус уткнулись в крупный узел сопротивления — город Зерген. Генерал Гордов тут же попросил помощи. Маршал Конев приказал Варенцову немедленно оказать помощь залегшему на подступах к Зергену 21-му гвардейскому корпусу. Тут же на угрожаемый участок было направлено пять бригад из состава 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва — 220 орудий и тяжёлых миномётов. Налёт, организованный Варенцовым, длился всего пять минут. Но это был удар такой интенсивности, такой огненный шквал, после которого пехота пошла ко второму рубежу обороны по крошке, по щебню, оставшемуся от зданий, и телам их защитников.

Войскам Конева противостояла 4-я танковая армия и многочисленные отдельные батальоны и отряды фольксштурма. 4-я танковая — старый противник Конева. С ней схватился он летом 43-го на южном участке Орловско-Курской дуги, затем дрался на Украине и в Силезии. И вот наступила последняя битва. В результате первого удара 4-я танковая армия была расчечена на три части. С этого момента они будут обороняться изолированно и постепенно истребляться до полного уничтожения. Часть солдат и офицеров сдалась в плен. В первый же день четыре дивизии, стоявшие в обороне вдоль Нейсе, были буквально стёрты, засыпаны в окопах, размётаны по окрестным лесам и балкам. Уцелевших сгоняли в колонны и отправляли в тыл. Эта судьба постигла 342-ю, 545-ю пехотные, 615-ю особого назначения и моторизованную дивизию “Бранденбург”.

На второй день авангарды вышли к Шпрее. К исходу дня батальоны 3-й гвардейской армии на некоторых участках под огнём противника переправились на другой берег и захватили плацдармы.

На третий день битвы немцы, наконец, поняв маневр Конева, — направленный удар на охват Берлина с юга — бросили против него резервы. На второй и третьей линиях обороны наши наступающие части встретили шесть танковых, одну моторизованную и пять пехотных дивизий. Начались контратаки. Противник бросал в бой до шестидесяти танков и пехоту.

Во второй линии схватились во встречном бою танки, пока действовали бригады поддержки пехоты. Главную свою броневую силу — танковые армии Рыбалко и Лелюшенко — Конев пока придерживал во втором эшелоне. Но резервы всё же вводил: под рукой у него были несколько стрелковых и механизированных корпусов. Вот ими комфронта и маневрировал в самые тяжёлые часы сражения.

Вперёд! Вперёд! Нельзя было сбавлять темп наступления. Вперёд!

Он прекрасно чувствовал пульс сражения, чувствовал, как живую, материю битвы. Немцы выдыхаются. Уже слабее их контрудары. Пленные, которых приводили к нему из только что захваченных окопов и подбитых танков, выглядели отчаявшимися. Это были солдаты уже разбитой, побеждённой армии.

Штурмовые полки генерала Красовского рыскали над горящими лесами по передовой и в ближнем тылу противника, разыскивали колонны, в том числе танковые, бросались на них, как соколы на притаившихся лисиц, рвали на куски, загоняли в болота и балки, жгли прямо на дорогах в организованных “пробках”. Погода стояла прекрасная. Авиация работала без устали. Истребители отгоняли немецкие “мессершмитты” и “фокке-вульфы”. Немцы к тому времени уже давно потеряли главенство в небе: над районом Берлина царили советские самолёты. Их присутствие над полем боя было постоянным. Самолёты помогали пехоте и танкам. Делали то, что не успевала или не могла сделать артиллерия генерала Варенцова.

17 апреля Конев и генералы Рыбалко и Лелюшенко стояли на высоком берегу Шпрее. Внизу танки 4-й гвардейской армии переправлялись через брод по мелководью. Чуть ниже начали переправу бригады одного из корпусов 3-й гвардейской танковой армии.

Наконец, настал черёд основных сил фронта — танковых армий. Они вводились в прорыв.

— Смелее вперёд, в оперативную глубину, — говорил Конев своим танковым командирам. — Не оглядывайтесь назад. Не ведите с противником боёв за их опорные пункты. Ни в коем случае не берите их в лоб, если обойти нельзя. Маневрируйте, берегите машины, они нам нужны будут для выполнения главной задачи.

Слово “Берлин” или, как тогда говорили в войсках, “логово” никто из них не произнёс ни разу. Но оно буквально гудело в их ушах колоколами.

Неподалёку от переправы в старом замке был оборудован передовой оперативный командный пункт. Работала связь. На столах были разложены карты. Операторы занимались своим привычным делом: полученные донесения тут же превращались в отметки на картах.

Конев приказал связаться с танкистами. Корпуса уже шли на запад от Шпрее и переправ. Пехотные командиры тоже сообщали о благополучном продвижении вперёд. Надо было докладывать Верховному.

ВЧ действовала бесперебойно. Сталин тут же ответил. Коротко доложил: войска наступают, танковые армии переправились через Шпрее и начали отрываться от общевойсковых и выдвигаются в оперативную глубину в северо-западном направлении...

Верховный вдруг прервал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Конев: “Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил своё мнение:

— Товарищ Сталин, это займёт много времени и внесёт большое замешательство. Перебрасывать в осуществлённый нами прорыв танковые войска 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин”.

Маршал понял: вот он, его звёздный час! Пропускать через свои порядки ударные силы соседа... Зачем? Мы и сами с усами! Танковые армии свежие. На броне — порядочный запас горючего. Полный боекомплект в “чемоданах”. Так что — вперёд, орлы!

А орлы и впрямь летели вперёд почти без помех. Две общевойсковых армии на грузовиках, бронетранспортёрах, на гужевом транспорте и на броне танков и самоходок поддержки шли следом. Впереди был Берлин.

Верховный спросил, куда Конев думает повернуть свои ударные части? Конев тут же ответил:

— Ориентир — Цоссен. Двадцать километров южнее Берлина.

— Вы по какой карте докладываете?

— По двухсоттысячной.

Последовала пауза — Верховный искал на карте Цоссен. Вскоре ответил:

— Очень хорошо. Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

Этот диалог я воспроизвёл по мемуарам маршала Конева. Некоторые историки, склонные к проповеди исключительной роли в Берлинской операции маршала Жукова как некой догмы, ставят под сомнение сам факт этого разговора либо его главный смысл. Вообще-то маршал Конев во лжи и неточностях такого рода не замечен. Книгу “Сорок пятый” Жуков прочитал внимательно. Говорят, возмущался. Но чем, неизвестно. Возмущался в кругу семьи. Может, домашние впоследствии не совсем точно передали его эмоциональную реакцию. Во всяком случае, нигде в печати Жуков ни сразу по прочтении, ни потом о мемуарных неточностях Конева не упомянул. В “Воспоминаниях и размышлениях” подтвердил точность памяти своего боевого товарища: “Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И. В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу,

сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда всё было ещё так свежо в памяти. “Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идёт успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: “У Жукова идёт туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке”.

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы”.

Письменные приказы командующие танковыми армиями получили уже в пути.

“Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю командарму 3 гв. ТА:

1. В течение ночи с 17 на 18.4.45 г<ода> форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южн. Окраина Берлин.

Задача армии в ночь с 20 на 21.4.45 г<ода> ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА в течение ночи с 17 на 18.4.45 г<ода> форсировать р. Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребкау, Калау, Даме, Лукенвальде.

Задача армии к исходу 20.4.45 г<ода> овладеть районом Беелитц, Тройенбритцен, Лукенвальде.

В ночь с 20 на 21.4.45 г<ода> овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 мк. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд.

Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в тяжёлые фронтальные бои.

Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад”.

В ночь с 17 на 18 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта произвели свой “поворот” на Берлин.

Конев: “Я верил в успех этого маневра”.

И успех был. Коневцы едва ли не раньше передовых частей 1-го Белорусского фронта ворвались в Берлин.

Но вначале был марш танковых колонн на север.

Вечером 20 апреля Конев отдал очередной приказ своим танковым командирам: “Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми.

Исполнение донести.

Конев. Крайнюков”.

Приказ этот на военный не похож ни с какой стороны. Он и не мог быть таковым.

Почти в эти же часы севернее другой маршал писал подобный приказ своим танковым генералам: “2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков. Телегин”.

Что ж, всё верно, в Берлине маршалы решали уже не военные, а исторические задачи. Но солдатам суждено было умирать и за это. Чьи-то семьи не дождались сына, брата, мужа, отца...

Кто думал об этом, когда решалась судьба Европы и всего мира? Чья-то маленькая жизнь, растерзанная пулемётной очередью на берлинских камнях... Солдаты лучших бригад перепрыгивали через тела своих товарищей и шли дальше, неся в глубину горящего города зачехленные знамена победы. Судьба же осенит только одно.

У нас есть возможность сравнить оба исторических приказа маршалов. У Конева более строгий, наиболее приближенный к обычному стилю военных документов. У Жукова более пафосный.

И тот, и другой уже тогда, ночью с 20-го на 21-е, когда их танки почти одновременно достигли внешнего Берлинского оборонительного обвода, почувствовали, что сияющая тень Победы легла на их плечи и их наступающие войска.

Но пока ещё и тот, и другой продвигались вперёд с трудом. Жуков лез напролом через Зееловские высоты. Конев вынужден был вести напряжённые бои сразу с тремя группировками немцев. На севере продолжались бои в районе Котбуса. На юге, на дрезденском направлении, противник контраковал, и даже был момент, когда его танки с пехотой вышли на тылы 52-й армии генерала Коротеева и потеснили порядки 2-й армии Войска Польского. Конев тут же направил туда начальника штаба генерала Петрова. Положение вскоре выправили. В центре добивали остатки группировки, пытавшейся удержаться в районе Шпремберга. Бои с центральной группировкой задержали продвижение танковых армий на Берлин почти на сутки. Для 1-го Украинского фронта и лично для Конева эти сутки оказались роковыми.

Всячески подстёгивая генерала Рыбалко, Конев 20 апреля во второй половине дня направляет ему боевое распоряжение: "Опять двигаешься кишкой. Одна бригада дерётся — вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Луценвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развёрнутым боевым порядком. Смелее маневр по преодолению рубежа Барут. Исполнение донести".

Каналы. Взорванные мосты. Противотанковые орудия и одиночные танки в засадах вдоль дорог. Зенитки, поставленные на прямую наводку. Минные поля. Фаустники, бьющие в упор из каждого полуподвального окна. Всё это, конечно же, замедляло движение. Вдобавок ко всему резервы, перебрасываемые противником уже из самого Берлина, тут же бросались в контратаку.

Конев постоянно торопил свои авангарды: смелее маневр! Энергичнее действовать!

22 апреля танки Рыбалко ускорили темп своего продвижения. Выведенный из второго эшелона 9-й механизированный корпус генерала Сухова стремительно вырвался вперёд, перерезал круговую Берлинскую автостраду и на широком фронте вышел к Тельтов-каналу. Это был уже по существу юго-запад Берлина. Попытка с ходу форсировать канал не удалась. Но вскоре корпус усилили 61-й стрелковой дивизией 28-й армии. И утром 24 апреля танки и пехота с боем перелезли через канал, прорвали оборону по его периметру и вклинились в юго-западные кварталы Берлина. 25 апреля генерал Рыбалко докладывает Коневу: "Войска армии, форсировав канал Тельтов, развернулись на фронте 10 км, охватывая Берлин с юго-запада, там, где противник менее всего ожидал наше наступление и менее всего был подготовлен к обороне. Выходом во фланг обороне противника в Штеглиц была решена участь этого района".

Этим маневром войска Конева блокировали 9-ю армию, которая стремилась прорваться в Берлин и усилить гарнизон. В бой были брошены остальные дивизии 28-й армии генерала Лучинского.

Дивизии 28-й армии были истрепаны боями под Кенигсбергом. В полках едва насчитывалось по батальону активных штыков. Но, как говорят, за одного битого двух небитых дают. Лучинский развернул свои части фронтом на восток, чтобы прикрыть берлинское и цоссенское направления и не пустить 9-ю армию на усиление гарнизона.

23 апреля наступило временное затишье. Войска проводили перегруппировку. Отдыхали после длительного марша. Танковые корпуса и бригады получали пехотный десант, так как двигаться в глубину города по узким улоч-

кам, где за каждым углом, в каждой щели и полуподвале сидел фаустник, было нельзя.

Командиры подсчитывали потери.

С 10 по 20 апреля армии 1-го Украинского фронта, включая 6-ю, которая по-прежнему удерживала периметр вокруг города-крепости Бреслау, составили:

убитыми — 6024 человека;

ранеными — 25 204 человека;

пропавшими без вести — 310 человек;

заболело (с эвакуацией в госпиталь) — 2442 человека;

небоевые потери — 467 человек.

Итого: 34 447 человек.

Потери бронетехники в начальный период Берлинской операции составили: 179 танков и 85 САУ всех типов.

Для сравнения стоит заглянуть в статистические подсчёты потерь 1-го Белорусского фронта. Только одна 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова — героя штурма Берлина — потеряла около 13 000 человек убитыми и ранеными. С 16 по 22 апреля потеряно сгоревшими, подбитыми и вышедшими из строя по другим причинам 1 156 танков и САУ.

Дорого маршал Жуков оплатил преодоление Зееловских высот и “позицию Вотан”!

24 апреля 12-я армия генерала Венка, на которого Гитлер, запертый в подземном бункере рейхсканцелярии, возлагал последние надежды, атаковала. Её удар пришёлся на позиции 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова и 13-й армии. Отчаянные атаки прорывающихся в центр города немцев были отбиты.

В полдень 24 апреля авангарды 4-й гвардейской танковой армии и пехота 28-й армии встретились с частями 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта.

Конев вздохнул с облегчением: 9-я армия Буссе полностью блокирована от берлинской группировки, и теперь её оставалось дожать в полной изоляции. Для того, чтобы с окружёнными покончить как можно быстрее, Конев дал поручение генералу Варенцову помочь Лучинскому и Сухову тяжёлой артиллерией. Здесь, на земле заклятого врага, который до самой Москвы разрушил города и выжег деревни его родины, тяжёлых снарядов для артиллерии большой мощности он приказал не жалеть. Но вначале обработать наглухо замкнутый котёл он приказал командиру штурмового авиационного корпуса генералу Рязанову. Рязанова Конев знал давно, ещё по Степному фронту.

Все эти дни Конев находился на КП командующего 13-й армией генерала Пухова.

Генерал Жадов, командир 5-й гвардейской армии, доложил: его корпуса, 34-й и 32-й и танки 4-го гвардейского корпуса Полубоярова достигли Эльбы. Ждут союзников.

Лелюшенко вскоре доложил о том, что 6-й механизированным корпусом форсировал Хавель юго-восточнее Потсдама и соединился с частями 328-й стрелковой дивизии 47-й армии генерала Перхоровича из 1-го Белорусского фронта.

Всё, Берлин охвачен. Оставалось одно — заканчивать войну, и как можно скорее. А для этого необходимо добить берлинскую группировку. Потому что сдаваться немцы не хотят.

В полночь доложил Глуздовский: снова просил разрешения на штурм Бреслау. Его армия была гораздо меньше группировки, окружённой в городе. Правда, у 6-й, к счастью, было достаточно артиллерии. А также некоторое количество танков и самоходок, которыми Глуздовский постоянно маневрировал, создавая видимость, что, в случае попытки прорыва противника за стенами ждёт гибель. Танков немцы боялись. Но ультиматум о сдаче снова отвергли. Атаку, о которой вот уже несколько дней подряд настойчиво запрашивал командарм-6, Конев не разрешил.

Бои на улицах Берлина требовали особой тактики.

Конев: “Жестокая борьба, в которой один штурм сменялся другим, требовала от нас создания специальной боевой организации — штурмовых отрядов. В каждый такой отряд во время боёв за Берлин входило от взвода до роты пехоты, три-четыре танка, две-три самоходки, две-три установки тяжёлой реактивной артиллерии, группа сапёров с мощными подрывными средствами (а они, надо сказать, играли во время боёв в Берлине особенно большую роль) и несколько орудий артиллерии сопровождения для работы прямой наводкой — 85- и 122-миллиметровые пушки, а также 152- и 203-миллиметровые пушки-гаубицы.

Чем дальше, тем всё крепче и органичнее соединяли мы танкистов с пехотой. Танк в условиях городских боёв поставлен в трудное положение. У него ограниченная видимость, особенно на узких улицах, в густонаселённых кварталах. А пехота видит шире, и во многих случаях она выручала танкистов. При всём мужестве, танкисты сами по себе не в состоянии были добиться решительного успеха в уличных боях”.

25 апреля в Берлине шли уличные бои. Они отличались особой жестокостью и особым упорством. Очень часто схватки перерастали в рукопашные. 8-я гвардейская армия Чуйкова прорвалась в юго-восточную часть центра города. 3-я гвардейская Рыбалко штурмовала кварталы Мариендорфа. Усиленные десантом стрелковых дивизий Лучинского, танковые бригады Рыбалко продвигались навстречу 2-й танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта.

В этот и последующие дни встречи войск соседних фронтов происходили часто. Армии, корпуса, дивизии, полки и батальоны фронтов шли бок о бок, иногда перемешивались. Чаще они помогали друг другу, но иногда и лупили по своим.

К сожалению, командующие фронтами и их штабы вовремя не смогли предусмотреть такой вариант действий. Верховный, понимая, что “соревнование” маршалов и их войск может привести к тяжёлым последствиям в финальной битве, принял решение, наконец, определить разграничительную линию:

“Директива Ставки ВГК № 11077 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении разграничительной линии
28 апреля 1945 г. 21.20

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. С 24.00 28.04.1945 г. установить следующую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорфа — прежняя, затем ст. Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, ст. Савиньи, далее по железной дороге на ст. Шарлоттенбург, ст. Весткройц, ст. Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно). 2. Об отданных распоряжениях довести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов”.

Как жаль было танкистам Рыбалко поворачивать от Тиргартена и сдавать свои позиции частям 1-го Белорусского фронта, когда до Рейхстага оставалось всего ничего — несколько сот метров.

Конев: “Каждый, кто воевал, поймёт, как психологически трудно было Павлу Семёновичу вывести своих танкистов за установленную линию.

И в самом деле: они первыми вошли в прорыв, первыми повернули к Берлину, захватили Цосен, форсировали Тельтов-канал, с окраин Берлина после жесточайших и кровопролитных боёв прорвались к его центру и вдруг в разгаре последней битвы получили приказ сдать свой участок соседю. Легко ли пережить это?

Конечно, приказ есть приказ, и его, разумеется, необходимо безоговорочно выполнить. Он и был выполнен, но далось это нелегко”.

Спустя многие годы после битвы за Берлин маршал признается: “Войска 1-го Белорусского фронта к этому моменту уже не нуждались ни в чём содействии для выполнения поставленных задач”. Солдат в нём уже уступал

позиции дипломату. Понял: не судьба. И смирился. Побед и орденов ему хватало. Но в его признании — о, как он ценил подтекст! — сквозит: но был момент, когда Жуков очень даже нуждался в содействии соседа слева в выполнении поставленных задач. Детальные исследования Берлинской операции подтверждают: 1-й Белорусский фронт действительно неудачно начал операцию и замешкался на исходных, имел большие потери в живой силе и технике, кратковременная — всего 30 минут — артподготовка обернулась сверхусилиями и сверхпотерями для пехоты и танковых частей. И помощь 1-го Украинского фронта во многом решила исход всего сражения за Берлин.

Когда войска 1-го Белорусского фронта прорвались через Зееловские высоты, миновали линию внешних обводов и начали успешно углубляться в городские кварталы, нужды в помощи не стало. Тут Жуков начал нервничать, забрасывать Ставку телексами с требованием отвести войска соседа слева и *не мешать ему брать Берлин*. Что ж, всё верно, на его месте точно так же поступил бы любой другой маршал. Правда, прибегая к сослагательному наклонению, надо иметь в виду, что на его месте мог быть только тот, кого хотел видеть Маршалом Победы Верховный.

Война превращается в политику очень скоро. А для солдата — незаметно. Он ещё воюет, рискует жизнью, идёт в атаку на последний рубеж, а в спину ему глядят уже другие глаза — того, кто будет отдавать ему приказ...

25 апреля произошло ещё одно событие, которое история тоже поставило в ряд символов Второй мировой, — встреча с союзными войсками на реке Эльбе.

34-й гвардейский корпус генерала Бакланова встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Позже состоялась торжественная встреча. Но пока войскам Конева необходимо было покончить с франкфуртско-губенской группировкой противника.

9-я армия генерала Буссе. Двести тысяч солдат и офицеров. Они пытались прорваться и соединиться с 12-й армией Венка. Немцы дрались до последнего. Погибали на ступеньках рейхсканцелярии и Рейхстага. Затем, когда всё уже начало рушиться, оборона рвалась и распадалась, самые упорные решили уйти из осаждённого города, чтобы сдаться союзникам или раствориться в западных предместьях Берлина. И снова армии Конева начали испытывать давление немцев. Он выполнил и эту задачу: группировка генерала Вейдлинга так и не вышла из “логова”. Просочиться через боевые порядки наших войск удалось лишь мелким группам и одиночкам. Удача всегда сопутствует самым отчаянным и храбрым.

Бои в Берлине продолжались с той же ожесточенностью ещё несколько дней. Город сокрушали три армии 1-го Белорусского и две 1-го Украинского фронтов.

Глава тридцать четвертая

ПРАГА. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

*“Исключительно маневренное
руководство войсками...”*

28 апреля Сталин позвонил Коневу и спросил:

— Как вы думаете, кто будет брать Прагу?

Конев застал этот вопрос врасплох. Но маршал тут же всё понял и ответил:

— Исходя из положения основных группировок и конфигурации фронта, Прагу, товарищ Сталин, видимо, придётся брать войскам Первого Украинского.

Конев чувствовал свои силы, знал, что войска фронта способны выполнить и этот маневр.

Через несколько дней командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг, характеризуя действия советских войск, на допросе скажет: “Исключительно маневренное руководство войсками...”

Коневу пришлось маневрировать в эти жаркие дни и почти берлинского сражения особенно энергично и широко. Такой задачи, с несколькими неизвестными (контрудары со стороны внешнего обвода и изнутри, а также ввод в бой резервных армий), не решал в эти дни, пожалуй, ни один из командующих фронтами. Вначале — успешный прорыв за артиллерийским валом, потом — свёртывание флангов 4-й танковой армии противника, затем — ввод танковых армий, как тогда говорили, “в игольное ушко”, и выход их на оперативный простор с “доворотом” на север, к Берлину, чтобы помочь замешкавшимся перед внешним обводом войскам соседа справа; рассечение немецкой группировки на три части с последующим уничтожением их; охват Берлина с юга и юго-запада и соединение с войсками 1-го Белорусского фронта. Эпонея!

И теперь предстояло схватиться с группировкой генерала Шернера, стоявшей против войск 2-го и 4-го Украинских фронтов.

Штаб фронта под руководством генерала Петрова тут же приступил к разработке пражской операции.

1 мая из штаба 1-го Белорусского фронта пришло известие: Гитлер покончил с собой. В своих мемуарах Конев об этом написал так: “Прошел слух об исчезновении Гитлера и его самоубийстве. До нас эти сведения дошли 1 мая из информации, полученной от 1-го Белорусского фронта”.

“Исчезновение”, а потом “самоубийство”... Есть над чем задуматься.

Далее Конев пишет: “Преемники Гитлера направили для переговоров в войска 1-го Белорусского фронта начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса. Все вопросы, связанные с переговорами, прекращением военных действий в Берлине и последующей капитуляцией немецко-фашистских войск, по указанию Ставки решались командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. Командование и штаб 1-го Украинского фронта в проведении и завершении этих переговоров не участвовали, а только получали о них необходимую информацию. Хотя переговоры начались, тем не менее продолжались ожесточенные бои.

В полосе 1-го Украинского фронта армии Рыбалко и Лучинского в течение всего 1 мая очищали от противника районы Вильмерсдорфа и Халензее и заняли за этот день девяносто кварталов. 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко и 350-я дивизия армии Пухова покончили с вражеской группировкой на острове Ванзее. Шесть тысяч неприятельских солдат и офицеров, переправившихся в ночь на 1 мая с острова на материк, были по частям уничтожены или пленены в расположении различных частей армии Лелюшенко”.

И снова в подтексте: мы так храбро сражались, в том числе и в берлинских кварталах, а представителя нашего фронта в штабе Жукова во время переговоров о капитуляции берлинского гарнизона не было, так что свои дальнейшие действия мы должны были согласовывать с той текущей информацией, которая поступала из штаба 1-го Белорусского фронта... И ещё можно прочитать в подтексте мемуаров: штаб Жукова принимал парламентёров и вёл разговоры о капитуляции, а мы в это время дрались, чтобы немецкая сторона в этих переговорах была более стоворчивой и расторопной в своём решении о сложении оружия...

Переговоры не принесли желаемых результатов. Немцы продолжили кровопролитие. Войска фронтов снова двинулись навстречу друг другу. В ночь на 2 мая в районе станции Савиньи танки генерала Рыбалко с пехотой сопровождения 28-й армии генерала Лучинского соединились с частями 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта. Одновременно, в ту же ночь, была проведена мощнейшая артподготовка по позициям немецкой обороны. Генерал Варенцов ввёл в дело орудия большой мощности. Они пробивали полутораметровые стены домов, разрушали всё, что в эту ночь оказалось на пути наших войск, действовавших в Берлине.

И немцы не выдержали. Они ждали атаки. И поспешили предупредить её.

Конев: “2 мая в два часа пятьдесят минут по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта приняла радиограмму от немцев на русском языке: “Алло, алло, говорит пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи по берлинскому времени высылаем парламентариев на Потсдамский мост. Опознавательный знак: белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа”.

На рассвете началась массовая капитуляция вражеских войск, а в шесть часов утра 2 мая перешёл линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг”.

Вот и всё. Берлин взят. Война завершена. Штабы уже писали представления на Золотые Звёзды, на ордена и медали. Не обойдён был наградами и маршал Конев.

Но та разграничительная линия, которую так загадочно, в несколько приёмов, проводил Верховный, нарезая полосу наступления для фронтов, глубоко, до самого сердца, прорезала и судьбы маршалов.

А войска 1-го Украинского фронта, как ту лошадку, которая везёт, ждал ещё один маневр.

Прага.

Пред тем как бросить войска на юг, Конев отправил в Ставку последнее донесение с берлинских позиций: “Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 года, после девятидневных уличных боёв, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлин (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин”.

В этот же день коневцы начали сдавать свои участки войскам 1-го Белорусского фронта и выдвигаться к южным дорогам. Теперь все их дороги лежали в сторону чехословацкой границы.

Войска уже пошли. А у Конева 5 мая 1945 года произошла важная встреча, которая и в его личной судьбе, и в судьбе страны будет иметь некоторые последствия.

Встреча произошла на его командном пункте в сорока километрах северо-восточнее Торгау. Командующий 12-й армейской группой генерал Бредли прибыл в сопровождении офицеров своего штаба и полевых генералов, а также большой свиты репортёров. Такого ни Конев, ни его офицеры ещё не видели. Перед ними развёртывалась картина в стиле Запада.

Конев тоже оказался не в одиночестве. Но лишних людей не было. Командарм-5 генерал Жадов, командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Бакланов, офицеры штаба. Были и корреспонденты центральных и армейских газет. Приехал Константин Симонов. Но компания пишущей и фотографирующей братии с нашей стороны выглядела куда скромнее.

После войны маршал заметит, что “мы с Бредли были не дипломатами, а солдатами...” Быть может, именно поэтому и та встреча близ реки Эльбы, и другая, которая состоится вскоре, в качестве ответного визита, оказались такими тёплыми и почти трогательными.

Разговаривали о последних событиях в Берлине. О дислокации своих войск. Бредли достал свою карту с нанесёнными на неё отметками о положении его главных группировок. Условленная линия выхода войск обеих союзных сторон была соблюдена. Бредли вдруг спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? — И, не дожидаясь ответа, и словно поясняя мотив своего вопроса, который собеседнику мог показаться неожиданным, добавил: — Ваши танковые и пехотные части измотаны и, видимо, имеют серьёзные потери. Не следует ли пражскую операцию провести совместно?

— Сил у нас вполне достаточно, — ответил Конев через переводчика. — Необходимости в такой помощи нет. Тем более, вы должны понимать, что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обусловленной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск. А это нежелательно.

— Да, — сказал Бредли, — подчинённые мне войска и впредь будут соблюдать установленную ранее линию соприкосновения.

Они поняли друг друга.

Потом поговорили о чем-то незначительном. И Бредли снова спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? Там ведь Шернер.

Конев не собирался обсуждать план пражской операции даже в общих чертах. Понял, что американцам, видимо, тоже хочется войти в Прагу. Ищут лазейку? Конев отшутился. Больше на эту тему не заговаривали.

Начались тосты. Среди прочих слов, Конев выразил соболезнование по поводу кончины американского президента Франклина Рузвельта.

В ответном слове Бредли сказал о мужестве солдат и офицеров 1-го Украинского фронта, примеру которых следуют американские солдаты, офицеры и генералы.

Последующие тосты, а их оказалось много, были переведены в неофициальное русло. А потом вино потекло рекой. Омар Бредли потом вспоминал: “Русские офицеры встретили нас шумно и весело. Русская водка и тосты за победу...”.

После обеда — концерт. Выступал ансамбль песни и пляски 1-го Украинского фронта. Он был создан ещё в 43-м, в Киеве, тогда только что освобождённом, замечательной балериной и балетмейстером Лидией Чернышёвой. Ансамбль исполнил гимн Соединённых Штатов. Американцев это растрогало. Они встали и начали подпевать. Потом был исполнен гимн Советского Союза. Теперь громче пели “славяне”. Публика ликовала, когда артисты пустились на сцене в русский перепляс и украинский гопак. Артисты были в ударе. Концерт получился на славу.

Бредли наклонился к Коневу и сказал:

— Какой великолепный ансамбль! Откуда они здесь, на фронте?

— Все артисты — это наши солдаты, — ответил Конев. — Все они прошли с войсками путь от Днепра до Эльбы.

Состав ансамбля действительно на девяносто процентов состоял из военнослужащих 1-го Украинского фронта. Но Бредли не поверил. Выслушал перевод, усмехнулся, но ничего не сказал.

После концерта Бредли от имени Президента США вручил Коневу орден “Легион Почёта” степени Командующего. Поздравил и обнял. Конев вручил американцу красное знамя — символ дружбы. Бредли подарок принял. Но, видимо, не знал, что с ним делать.

Подарки продолжались.

Бредли подарил Коневу “виллис” с надписью: “Командующему Первой Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий”. Кстати, маршал его сохранил: “виллис” будет долго стоять в гараже на даче. Конев на нём не ездил. Машина стояла, пока не подросла младшая дочь Наташа. Она быстро освоила импортную машину и лихо гоняла на ней по дачному посёлку.

Конев подарил Бредли своего строевого коня. Вот этому подарку американский генерал обрадовался.

Конь был дорог Коневу. Завёл он его ещё в 43-м, на Стенном фронте. Выезжал редко: болело колено после давней травмы.

Конев: “Это был красивый, хорошо выезженный донской жеребец. Я подарил его со всей экипировкой...”

Бредли расчувствовался, польщённый таким роскошным подарком, и вручил Коневу карабин “Манлихер”.

С карабином Конев после войны будет частенько выезжать на охоту.

Конев подарил Бредли пистолет, украшенный резьбой.

Во время ответного визита в Висбадене Конев вручил генералу Бредли орден Суворова 1-й степени.

О русском полководце, не знавшем поражений, Александре Васильевиче Суворове американец ничего не слышал. Конев рассказал о Суворове. Упомянул и том, что орден Суворова — высший полководческий орден в Красной Армии. Рассказывая о своём славном соотечественнике, Конев особо остановился на швейцарском походе и итальянской кампании.

После обеда — концерт. На этот раз русский маршал и американский генерал слушали скрипачей. Играли они превосходно. Оба были одеты в форму солдат американской армии. Но маршал, старый солдат, сразу заметил, что форма на них сидит как-то мешковато.

Восхищаясь игрой скрипачей, он спросил:

— Кто они? Так прекрасно играют!

— Ничего особенного, — ответил Бредли и усмехнулся. — Они — простые американские солдаты.

Бредли был убеждён, что вернул своему русскому коллеге его шутку.

О войне и войсках больше не говорили. О Праге тоже.

Конев внимательно присматривался к американцу. Думал: неужели он будет моим врагом на поле боя? В штабах ходили разные разговоры. Вспомнил: американские солдаты очень любили своего генерала и называли его “генерал джи-ай” — “солдатский генерал”. Нечто подобное от своих солдат и офицеров он слышал о себе.

Конев в этой поездке поразило вот что. От Лейпцига до Касселя летели на личном самолёте командующего 12-й армейской группой. Их “СИ-47” сопровождали истребители ВВС США. Две эскадрильи. Хотя для сопровождения достаточно было и одной. Вышколенные пилоты мастерски перестраивались в воздухе, демонстрируя высший класс пилотажа. Когда “СИ-47” приземлился и его пассажиры вышли на газон аэродрома, обе эскадрильи эффе́кто, на разных высотах, ушли за горизонт.

Говорят, английский премьер Уинстон Черчилль в эти дни настаивал перед американцами на авиационном ударе по передовым частям Красной Армии. Атака должна была состояться именно в этот период, когда советские войска только-только захватили Берлин и готовились к походу на Прагу. Американцы, всё ещё верные заветам Рузвельта, не разделяли агрессивности англичан и старались придерживаться союзнических обязательств.

Но атмосфера уже менялась.

В нынешней прессе нет-нет да и появляются публикации о том, что в начале мая 45-го над линией соприкосновения порой возникали воздушные схватки советских и американских истребителей. Иван Кожедуб сбил двух “мустангов”, когда один из них по ошибке открыл по его машине заградительный огонь. Один из сбитых пилотов выбросился с парашютом. Самолёт другого, к сожалению, взорвался в воздухе, лётчик погиб.

Уже когда вернулись в штаб, водитель обнаружил, что багажник “виллиса” битком набит американскими сигаретами. Это было кстати — Конев много курил. Американские сигареты были, конечно, послабей “Герцеговины флор”, но ничего, годились и они. Большую часть он всё же сразу раздал офицерам и солдатам.

Подарки подарками, а в голове, как старая контузия, гудело: “Прага...”

Тем временем в Чехословакии войска трёх Украинских фронтов зажали в клещи почти полуторамиллионную группировку генерал-фельдмаршала Шернера. Для сравнения: блокированная и пленённая союзными армиями в Рурском промышленном районе немецкая группировка насчитывала 325 000 человек. О ней принято писать как о масштабной и весьма удачной операции союзнических войск во Второй мировой войне. О Пражской же операции обычно говорят, как о марше армий 1-го Украинского фронта по шоссейным дорогам в сторону столицы Чехословакии...

На некоторых участках глубина обороны противника составляла восемнадцать и более километров.

Для того чтобы с ходу пробить эту стену, Конев создал ударную группировку, в которую вошли три общевойсковых армии и две танковые. Лучшие части.

По пути к Праге разделили немецкую группировку, которая всё ещё сидела в Дрездене и прилегающем районе. Об этом — в следующей главе.

Пражский маневр был выполнен Коневым блестяще.

Но в самой Пражской наступательной операции есть некая тайна, которая открывается очень медленно.

Танки генералов Рыбалко и Лелюшенко неслись к столице Чехословакии, “золотой” Праге, на всех скоростях. Десять танковых корпусов — тысяча шестьсот боевых машин — сотрясали землю, крошили покрытие дорог, сокрушали оборону, которая вставала на пути, оставляя в тылу немецкие гарнизоны, которые находились в стороне от главных дорог. Они были заботой вторых эшелонов.

Кейтель подписал капитуляцию. Произошло это в штабе верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала армии Эйзенхауэра. Подписав акт о капитуляции Германии, Кейтель направил соответствующий приказ генерал-фельдмаршалу Шернеру в группу армий “Центр”. Но Шернер приказа не выполнил и оружие не сложил.

Бои продолжались. Немцы начали отходить на запад, к союзникам. “Не дай Бог попасть в плен к русским!” — сказал один немецкий генерал. Он выразил чувства всех остальных.

8 мая на рассвете танки 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова (4-я гвардейская танковая армия) застигли на дороге близ Жатеца колонну немецких машин и бронетехники. С ходу её уничтожили и двинулись дальше. Это был штаб фельдмаршала Шернера. Танкисты этого даже не знали. Только спустя некоторое время выяснилось, что они, в сущности, решили судьбу группировки и исход боёв. Управление окружёнными войсками прекратилось. Сам Шернер, оставшись без штаба, переделался в штатское и ушёл в горы.

9 мая, когда все праздновали Победу, танки Конева подошли к Праге. Там, как ему доложили, всюду бушевало восстание.

Конев, очень осторожный в высказываниях и оценках, однако, зашифровал в подтексте нечто, что нужно читать через особую линзу: “У восставших были свои особенности и противоречия; в нём участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немцев в Чехословакии. (...) Весь этот сложный узел был разрушен нашими танкистами, ворвавшимися в три часа утра 9 мая на улицы Праги”.

Толстой однажды сказал: “Ясность — удовольствие ума”. Мемуары маршала Конева ясны и потому хороши. Но, конечно же, всю правду бывший командующий войсками 1-го Украинского фронта написать не мог. Но намекнул. Все страницы мемуарной книги “Сорок пятый” написаны с солдатской прямоотой и ясностью. Но в главе о Пражской наступательной операции целый абзац, касающийся пражского восстания, этой привычной для автора ясности начисто лишён.

Всё дело в том, что до танков Рыбалко и Лелюшенко в Прагу, по просьбе восставших, вошла 1-я дивизия РОА полковника Буняченко. Она вступила в бой с подразделениями СС, которые уже дожимали восставших чехов. Русские батальоны заняли пражские кварталы Зличин, Петршин, Рузыне, а также аэродром, где ими были захвачены несколько самолётов. Шли бои в Страшницах, Панкраце.

6 мая Буняченко ввёл свои полки в Прагу, а уже 7-го числа на заседании Временного чешского правительства, когда стало известно, что к городу приближаются советские войска, настроение восставших резко изменилось. Генералу Буняченко, пришедшему на переговоры с правительством новой Чехословакии, сказали: “Зачем вы пришли в Прагу? Штаб восстания — это не чешский народ... Уходите. Вы для нас такие же враги, как и немцы”.

Дивизия русских коллаборационистов, которых в народе обычно называют более понятным словом — предатели родины, вынуждена была покинуть Прагу. И в город снова начали входить части СС генерала Туссена. Но — ненадолго. Уже 8 мая 1945 года генерал Туссен подписал капитуляцию перед войсками 1-го Украинского фронта.

Прага встречала Красную Армию.

Стояла весна. Вовсю цвела сирень. И букетами свежей сирени восторженные пражане буквально заваливали солдат и офицеров 1-го Украинского фронта.

Чехи, конечно же, праздновали свою победу. В это время они начали массовое изгнание со своих земель судетских и силезских немцев. Всё это со-

проводилось мародёрством, насилием, унижением человеческого достоинства и убийствами. Как всегда, в таких случаях страдают ни в чём не повинные и совершенно беззащитные люди. Такова человеческая природа.

Вот строки из политдонесения политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 года "Об отношении чехословацкого населения к немцам": "За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно страных, необычных для нас формах. Всё это объясняется огромной злобой и жадной мести, которую питает чехословацкий народ к немцам за все совершённые ими преступления. Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами".

После войны в ФРГ была создана Научная комиссия Федерального Собрания Правительства ФРГ по сбору материалов о геноциде немцев в 1945 и 1946 годах со стороны местного населения Польши, Чехословакии, СССР в так называемых "районах изгнания". В документах Комиссии среди прочих есть свидетельские показания Вильгельма Миттага, высленного из Судетской области. Миттаг работал вместе с немецкими военнопленными, многие из которых тоже были судетскими немцами. Вот запись его наблюдения за правами чехов: "Один пленный достал из посеребрённого портсигара сигарету. С дороги это увидел чех, подскочил к военнопленному, отобрал у него портсигар, кулаком несколько раз ударил его по лицу и обругал пленного. Русский часовой заметил это, подошёл с автоматом наперевес к чеху и заставил его вернуть портсигар пленному. Потом он дал чеху пинка ногой и сказал: "Это — немецкий солдат, а ты — скотина!"

"Славяне", конечно же, не были святыми. И Конев это отлично знал. А потому перед вступлением на немецкие земли 27 января 1945 года издал приказ, повторив приказ Верховного, поступивший в штаб фронта неделей раньше, который назывался "О поведении на территории Германии". Приказ гласил: "Офицеры и красноармейцы! Мы идём в страну противника. Каждый должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым... Оставшееся население на завоёванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоёванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны".

Что и говорить, приказ в войска пришёл нерадостный. В ротах и частях его зачитали в дни окончания жестоких боёв в Силезии, когда офицеры уже посматривали в бинокли в сторону немецких городов.

Командующий фронта был человеком конкретным. Знал, что заразу, которая начала разлагать войска, надо выжигать калёным железом. В приказе говорилось, в частности, о том, что в ходе проверки, проведённой в одной из танковых частей, выявлены танки, забитые награбленным барахлом до такой степени, что в них не оставалось места для экипажа.

Настало время стать жестоким. И он стал жестоким. Фронтовики рассказывали, что, когда армии хлынули в Германию, начались повальные грабежи и насилия. Но там, где командиры проявляли строгость и держали "славян" в узде, случаи потери самообладания были единичными и не выходили за пределы обычной статистики. Ходила по фронтам и такая байка, что мол, на I-м Украинском за мародёрство и насилие перед строем расстреляны сразу сорок солдат и офицеров. Однако фронтовая молва, которая приписывала маршалу Коневу особую жестокость по отношению к мародёрам и насильникам, командующего не осуждала. Солдаты ступили на землю народа, армия которого разорила полстраны, пожгла их дома, растерзала детей и стариков, насильствовала жён и сестёр. Из человека выскочил зверь. Надо было его загонять обратно.

Поэт и художник Л. Н. Рабичев, бывший офицер-связист 31-й армии, в своей книге "Война всё спешет" рассказал о жутких сценах, очевидцем ко-

торых ему довелось стать во время вхождения армии в Восточную Пруссию. “В апреле месяце, — пишет он, — моя 31-я армия была переброшена на Первый Украинский фронт в Силезию, на Данцигское направление. На второй день по приказу маршала Конева было перед строем расстреляно сорок советских солдат и офицеров, и ни одного случая изнасилования и убийства мирного населения больше в Силезии не было. Почему этого же не сделал генерал армии Черняховский в Восточной Пруссии?”

В Чехословакии прекратить насилие было сложнее. Хозяевами здесь были чехи.

Когда штабной кортеж командующего мчался по шоссе к Праге, навстречу нескончаемой колонной двигались пленные немецкие солдаты и офицеры — то, что ещё несколько часов назад было “армией Шернера”. Вместе с ними, в той же колонне, на тележках везли свой скarb и детей судетские и силезские немцы. Начинался исход ещё одного народа. Горе побеждённым...

Прага была наполнена шумом ликующих толп и запахом сирени.

Конев пережил в эти дни тот восторг, который, как ему казалось, уже пережит им давно, в юности, когда был влюблён и мечтал о личном счастье. Рядом с ним в машине ехала Антонина Васильевна, Тоня. Он был влюблён и знал, что она отвечает ему тем же искренним чувством. Знал он и то, что это не фронтовая любовь, а — навсегда.

Победа... Пражская сирень... Глаза Антонины... Всё это волновало и переполняло душу.

А в мемуарах об этом дне в Праге он написал: “И скажу честно, одним из первых и самых сильных желаний этого дня было желание выспаться, и мысль, что, наконец, это, видимо, будет возможно, если не сегодня, то хотя бы вскоре”.

Назначил коменданта. Отдал распоряжение: кормить людей — на площадях, на улицах, у дорог. Кормить из солдатского котла всех, в том числе пленных.

В один из этих дней ему доложили: захвачен генерал Власов. Никакого интереса к бывшему генералу Красной Армии Конев не проявил. Генерал Петров, когда остались одни, заметил:

— А ведь в сорок первом был героем, защитником Москвы. В газетах печатались его портреты с восторженными заголовками.

Конев ничего не ответил.

С 5 по 9 мая 1945 года во время пражских боёв погибло около 1500 чехов из числа повстанцев. За свою свободу они заплатили дорого. Около 1000 немцев. Около 300 бойцов РОА. И 500 солдат и офицеров из войск маршала Конева. Похоронены они на Ольшанском кладбище.

После войны маршал приезжал сюда не раз. И всегда заходил на Ольшанское кладбище, чтобы поклониться своим чудо-богатырям из ударной пражской группировки.

Глава тридцать пятая

ШЕДЕВРЫ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ И ДРУГИЕ ТРОФЕИ

“Но вы же маршал, а не “Мадонна...”

Дрезден был взят по пути к Праге.

6 мая в 18.10 по московскому времени командующий 5-й гвардейской армией генерал Жадов получил короткий и ясный приказ Конева: “Светлого времени не терять, начать наступление немедленно. Исходное положение для наступления занимать с ходу”.

Дрезден — это, прежде всего, Цвингер. Цвингером в старину именовали пространство между внешней и внутренней крепостными стенами города. Именно там и были построены здания, ставшие знаменитой Дрезденской галереей. В галерее хранились шедевры старых мастеров, гордость Европы.

Всего около 750 полотен. Среди них “Спящая Венера” Джорджоне, “Портрет молодого человека” Дюрера, “Динарий кесаря” Тициана, “Охота на вебря” Рубенса, “Блудный сын в таверне” Рембрандта, “Девушка, читающая письмо у открытого окна” Вермеера. И шедевр шедевров — “Сикстинская мадонна” Рафаэля. Кроме того, в собрании находились уникальные нумизматические коллекции, собрания фарфора, древней скульптуры.

Перед атакой Конев предупредил Жадова, чтобы, по мере приближения к Дрездену, поменьше воли давал артиллеристам, а орудия большой мощности вообще не выводил на огневые.

Дрезден, как известно, основательно пострадал во время массированного налёта авиации союзников в ночь на 14 февраля 1945 года. Тогда две тысячи английских и американских бомбардировщиков практически стёрли с лица земли “город искусств”, Северную Флоренцию, вместе с его жителями. Дрезден считался открытым городом. По международному праву, его не должны были бомбить. Поэтому именно в Дрезден со всей Германии свозили детей. Руины, как вспоминали чудом выжившие, горели ещё пять суток. А смрад десятков тысяч погибших под развалинами стоял до середины лета. Сейчас на Западе об этом принято помалкивать. (Это — к вопросу о том, как любят правду истории у них).

Жадов тут же отдал приказание своим командирам корпусов, генералам Родимцеву и Бакланову, “сделать всё возможное, чтобы уберечь его от новых бессмысленных разрушений”.

По приказу генерала Родимцева в город пошли три парламентёра, три офицера с белым флагом. Несколько раз их обстреляли. Но стреляли для остротки. Одной очередью перебили древко белого флага. Фамилии тех отважных офицеров, которые тоже пошли под пули с желанием не допустить в городе-музее новых разрушений: Собко, Артёменко, Обуховский. Офицеры вернулись невредимыми, но и переговоров не получилось. Немецкий офицер, встретивший их, сказал, что комендант города Дрезден убит в неизвестном направлении, и ультиматум не принял. Стало ясно, что капитулировать немцы не хотят.

Не хотят — так не хотят...

Впоследствии генерал Жадов в своих мемуарах напишет: “Артиллерия и миномёты вели огонь только по наблюдаемым целям...” Это было правдой. Приказы Конева в войсках исполнялись точно и беспрекословно, так как командующий умел и спросить, если что-то шло не так.

Старая парковая часть города — Цвингер — была очищена от немцев 8 мая. Жадов тут же доложил Коневу:

— Остатки гарнизона сдаются в плен. Отдельные очаги сопротивления блокируются и уничтожаются без применения артиллерии.

— Что с Дрезденской галереей? — спросил Конев.

Командарм-5 доложил:

— Пока ничего определённого доложить не могу. Район Цвингера разрушен. Немцы страшно напуганы и ничего пока рассказать не могут или не хотят. Есть предположение, что художественные ценности вывезены из города.

— Немедленно организуйте поиск сокровищ Дрезденской галереи, — последовал приказ маршала.

Старую штольню, где хранились полотна Тициана и Веронезе, обнаружили сапёры командира 164-го отдельного батальона майора Перевозчикова. С ними работал капитан Орехов из штаба дивизии. Он знал толк в живописи, разбирался в ней. С Вислы носил в своей полевой сумке путеводитель по Дрездену и его музеям. И вот трофей, подобранный им где-то по пути сюда, пригодился.

В старых штольнях сапёры майора Перевозчикова обнаружили ящики. В ящиках — старинные статуэтки, переложённые брусками взрывчатки, картотека, снова музейные предметы, и снова тол.

Один из участников поисков сокровищ Дрезденской галереи впоследствии вспоминал: “Мы открываем дверь. Прямо против двери — плоский некрашенный ящик, уходящий под самую крышу. Справа у стены тускло блеснуло золото массивной лепной рамы. Это был знаменитый “Автопортрет

с Саскией” Рембрандта. Там же находился другой холст Рембрандта — “Похищение Ганимеда”, “Спящая Венера” Джорджоне, “Святая Инесса” испанского художника Рибера, “Возвращение Дианы с охоты” Рубенса”.

Некоторые картина стояли и лежали навалом. В штольне было сыро, и многие холсты уже напитались влагой. К тому же не работала вентиляция. Ещё бы несколько дней...

Но солдаты и офицеры выполняли приказ командующего. С ними работали специалисты, художники и искусствоведы, двигавшиеся вслед за войсками. Действовал приказ по розыску и возвращению на родину похищенных во время оккупации территории Советского Союза культурных и художественных ценностей.

А вот что писал очевидец о том, как была обнаружена “Мадонна”: “Опустив ящик на пол, мы сняли крышку, войлочные амортизаторы, в которых была зажата картина по периметру. Поднимаем холст. Перед нами босоногая женщина, легко идущая по клубящимся облакам. Это была одна из величайших картин, когда-либо созданных человеком, — “Сикстинская мадонна” Рафаэля”.

У “Мадонны” была выставлена особая охрана. Но вначале солдатам разрешили вдоволь полюбоваться ею. Разговоров об этой картине ходило много. Нашли её не сразу. И всем было интересно, что же это за мадонна такая, что её разыскивает целый батальон и почти взвод офицеров и специалистов из Москвы. Потом картину вместе с рамой опустили в ящик и ящик закрыли.

Искать сокровища Дрезденской галереи прибыли многие специалисты. Среди них реставраторы С. Чураков и М. Володин. Вот что они рассказывали о своей поездке в Дрезден в мае 45-го: “Была весна. Нас поразило, что даже в бетонном царстве посадочных и взлётных полос, в швах плит дерзко зеленела молодая трава, цвели одуванчики. Кругом валялись пустые гильзы патронов. Бетон был усыпан осколками снарядов. Рядом с нами в поле уткнулся носом обгоревший фашистский самолёт. Пахло гарью. К огромной воронке вереницей тянулись немки с ведрами: пришли по воду.

Столица рейха еще горела. Слышались взрывы. Где-то что-то ухало, скрежетало. Но весна брала своё.

Дорога на Дрезден. Горят леса. Автобан разбит. Мосты взорваны. Кругом кладбище техники. Дым ест глаза. И как необычайный контраст — наши девчата-регулировщицы с флажками и автоматами. Одни среди просторов полей. Куда-то брели немцы. Порою попадалась обычная телега, на ней флажки французские, бельгийские, голландские. Люди, впряжённые и коляски, везут больных, голодных, раненых. А над всем этим хаосом — радостное весеннее небо, безоблачное, голубое. Май...

Ночью приехали в Дрезден. Дома — как решето. Развалины дворцов, храмов, падают стены. Немедля встал вопрос: где хранить, куда везти дрезденские шедевры? Остановились на Пильнице — летней резиденции саксонских курфюрстов. Этот дворец уцелел чудом. С первого же дня мы познакомились с замечательным человеком — офицером Перевозчиковым, начальником батальона, приданного нам.

Мы начали поиск.

Пирна. Каменоломня. Открытый карьер. Машины долго спускались на дно. Перед нами зияла зловещая чёрная дыра тоннеля. Гулко звучали наши шаги по шпалам железнодорожного пути. Вдали мерцал свет. Мы брели в сумраке. То, что мы увидели в конце тоннеля, не поддаётся описанию. В вагоне сваленные у стен полотна. Поблескивали золотые рамы. Былолюдно. Сразу увидели маршала Конева, генерала армии Петрова. Коневу доложили, что бригада из Москвы прибыла.

— Отлично! — сказал маршал.

Начались долгие дни, недели поисков, работы по спасению шедевров. В заброшенных штольнях, карьерах, бараках, пустых имениях, в сырости, холоде находились беззащитные полотна величайших мастеров живописи, обречённые на гибель.

Где “Сикстинская мадонна”?

...Этот вопрос волновал всех.

И вот наступил день, который не вычеркнешь из памяти. Пильниц. Парадный зал. Зеркала. Обычная дворцовая роскошь. В широкие стеклянные окна видна Эльба. Перед нами трёхметровый деревянный ящик. Осторожно вскрываем тройную раздвижную крышку...

“Сикстинская мадонна”! Величавая, простая, шагнула к нам с холста. Вместе с ней в зал вошла Тишина...

...Творение Рафаэля. После всего хаоса, разрушений, которые прошли перед нами, особенно ярко поражали гармония, красота этого величайшего шедевра мировой живописи.

Это была кульминация наших исканий. Но поиски продолжились. Всё новые и новые шедевры стекались в Пильниц. Наконец, было собрано почти всё. И в то же время стало абсолютно ясно, что картины нуждаются в срочной реставрации и, главное, в музейном хранении. Николай Пономарев был срочно откомандирован в Москву с соответствующим письмом. Вскоре пришло решение, и в конце июля эшелон с шедеврами отбыл в Москву.

Впереди была длительная кропотливая работа. Музей изобразительных искусств гостеприимно раскрыл свои двери. Шедевры были спасены”.

По поводу того, как “Мадонну” отправляли в Москву на реставрацию, существует легенда. В неё можно верить. Она немного комична, но и правдива одновременно.

Вскоре в Дрезден прилетела искусствовед Н. Соколова. Когда начали решать проблему транспортировки в Москву “Сикстинской мадонны” Рафаэля, Наталья Ивановна не на шутку разволновалась. Беспокоилась она, прежде всего, за сохранность шедевра.

— Раз такое дело, — махнул рукой маршал, — я готов предоставить вам свой самолёт.

— Иван Степанович, это же страшно! — всплеснула руками Соколова.

— Почему страшно?

— А вдруг с ним что-нибудь случится?

— Самолёт надёжный. Я сам на нем летаю.

— Ну, Иван Степанович, вы же маршал, а это — “Мадонна”.

Конов рассмеялся. И распорядился отправить “Мадонну” в Москву поездом.

С тех пор на фронте, при всякой сколько-нибудь похожей ситуации, любили шутить: “Но вы же маршал, а не Мадонна...”

Наталья Ивановна Конева рассказала мне, что спустя годы она с отцом ездила в Дрезден: “Отцу очень хотелось увидеть именно эту картину. В подлиннике. Он очень любил “Сикстинскую мадонну”. А знаете, почему? Потому что её лицо напоминало отцу лицо мамы”.

А теперь настало время рассказать другую легенду.

Говорят, однажды под Ржевом после боя на КП батальона первого эшелона принесли документы погибших солдат. Разложили на столе. И в это время в землянку вошёл генерал Конев, в то время командующий войсками Калининского фронта, в сопровождении командира дивизии. Он обратил внимание на ворох красноармейских книжек. Взял одну из них, раскрыл, чтобы прочитать фамилию убитого, и в это время из неё выпал вчетверо сложенный листок. Это была репродукция, вырезанная из какого-то журнала, которую все, в том числе и Конев, вначале приняли за икону. Такое на фронте встречалось часто: среди немногочисленных личных вещей погибшего обнаруживалась то небольшая иконка-складень, то нательный крестик, то бумажка с молитвой. “Сикстинская мадонна,” — сказал кто-то из стоявших рядом. Конев не отрывал от репродукции глаз: лицо Марии было поразительно похоже на лицо той, которая теперь часто была с ним рядом.

Когда в 45-м его войска вышли в район Дрездена и атакой овладели городом, он уже знал, что “Сикстинская мадонна” здесь. И потому приказал искать её. Когда “Мадонну” нашли, он тут же приехал посмотреть на картину. И понял, что это — судьба.

С той, которая всю войну была рядом, он так и не расстанется. Но об этом чуть позже.

Когда войска 1-го Украинского фронта перемахнули Одер, Коневу позволил маршал Будённый и сказал, что где-то за Эльбой, по сведениям разведки, находился один из наших крупнейших племенных конезаводов, вывезенный немцами с Северного Кавказа в 1942 году. Фронтная разведка подтвердила: действительно, в районе Ризы находится крупный конный завод. Конев взглянул на карту: как раз в этом направлении действовал 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Баранова. Тут же поставил перед кавкорпусом задачу: переправиться через Эльбу и захватить конный завод, пока немцы не приступили к его эвакуации. Кавалеристы Баранова наступали в эти дни как никогда стремительно. Уж кто-кто, а они знали толк в конях. Вскоре генерал Баранов доложил: конный завод захвачен в целости и невредимости. Позже племенных дончаков отправили в эшелонах на родину.

Семён Михайлович Будённый был хорошим организатором. С 1943 года он командовал кавалерией Красной Армии. Тогда же по его ходатайству был воссоздан Московский зоотехнический институт коневодства. А в 1947 году Сталин его сделает одновременно заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству. Так что для своей отрасли маршал Будённый делал очень много.

В те же майские дни был захвачен город Мейсен и знаменитый завод мейсенского фарфора. Производство более чем с двухсотлетней историей было поистине уникальным. Завод выпускал посуду и фарфоровые фигурки. Эти милые пастухи и пастушки, арлекины и танцовщицы — предмет умиления обывателей — постепенно стали подлинными произведениями искусства и ценились не меньше золотых и серебряных статуэток. Так, к примеру, фигурка “Танцовщица”, изготовленная в 1740 году, на недавно состоявшемся международном аукционе была продана за 120 000 фунтов.

Оборудование завода в 1945 году было демонтировано и вывезено в СССР. Однако вскоре производство снова заработало. В 1960 году, когда предприятие праздновало своё 250-летие, коллекция фарфора была полностью возвращена в ГДР.

Глава тридцать шестая

ПОСЛЕ БИТВ

ПАРАД

“За здоровье русского народа!..”

Маршал вынул из ножен парадную саблю, мельком взглянул на клинок, сиявший даже в этот пасмурный день, и подал команду. За шеренгой генералов, которые чётко, словно вымуштрованные солдаты, повторили его движение, колыхнулся штандарт 1-го Украинского фронта. Щека маршала дрогнула. Он пытался сосредоточиться на главном, о чём сейчас следовало думать. Но память, как киноплёнка, внезапно начавшая обратное движение, мгновенно перенесла его на четыре года назад, в сорок первый, на дорогу Витебск—Смоленск, где он, командарм-19, вдвоём с артиллеристом, которого не успел даже спросить, как его зовут, выкатывал противотанковую пушку на открытую позицию для стрельбы прямой наводкой. Танки шли по дороге, и до них оставалось метров сто, не больше...

Оркестр между тем грянул марш. Тысяча ног ударила по мокрой мостовой, не жалея ни подошв, ни камней, отшлифованных столетиями самой истории. А он снова увидел себя не здесь, а на той прокалённой солнцем дороге на Смоленск, куда немцев нельзя было пускать ни при каких обстоятельствах, но куда они уже прорвались танковыми авангардами, один из которых сейчас раздавит их пушку.

...Кресты на броне головного танка были видны отчётливо. И он, старый артиллерист, встав к орудию за наводчика, в последний раз выверил

прицел и скомандовал напряжённо и испуганно ожидавшему его приказанию заряжающему: "Огоны!" Заряжающий до последнего не верил, что генерал умеет стрелять из его пушки...

Никто не мог знать, что происходило в его душе. Но маршал, переживая свою войну снова и снова, понимал, что то же, что и он, должно быть, переживают сейчас и его генералы, и офицеры, и солдаты. Вся тысяча, набранная из многих тысяч его победоносного войска, выстроилась сейчас за его спиной ровными стройными коробками. Она сияла знамёнами прославленных полков и соединений, золотом и серебром боевых орденов и медалей.

Снова хлынул дождь и мгновенно перешёл в обвальный ливень. Но уже через минуту-другую так же резко утих. Мундир промок, прилип к телу. Дождевые капли с подбородка падали на орден Победы. Маршал не ощущал того ликования, которого ожидал. Он чувствовал, что им овладевает то состояние полного удовлетворения и покоя, какое его охватывало порой после удачно проведённой операции, когда из штабов армий и корпусов докладывали о том, что его приказ выполнен, противник разбит, рассеян или окружён и захвачено такое-то количество пленных и трофеев, что начато преследование и что к исходу дня дивизии первого эшелона выйдут на рубеж реки такой-то, а в прорыв вводятся танки...

Когда с фашизмом в Европе было покончено, Верховный собрал своих маршалов на Военный совет. Он гордился своими полководцами. Заговорил и о параде Победы. Верховный вдруг предложил командовать парадом ему. Предложение прозвучало неожиданно. Следуя заветам врождённой скромности и тому внутреннему уставу, который выработался в нём с годами и битвами — и не всегда фронтовыми, — маршал отказался, сославшись на то, что давно не ездил верхом, что когда-то имел травму при падении с коня, что он не кавалерист и хотел бы идти по площади во главе войск своего фронта. Верховный по-кавказски вспылil, сказал, что маршал зазнался и что, в таком случае, командование парадом будет поручено другому, не менее талантливому и заслуженному.

Что ж, теперь думал он без сожаления, идти во главе своего фронта не менее почётно. Вся жизнь он был рядом со своими солдатами. Он был с ними в окопах. С ними отступал. С ними наступал.

Когда сводный оркестр грянул "Славься...", маршал почувствовал, как разом, повинаясь некой, будто с небесных высот прозвучавшей команде, вскинули головы его генералы, офицеры и солдаты. И сам он вдруг показался себе выше ростом, стройнее, а телом завладела та необычная лёгкость, которая всегда охватывала его в бою. Дождь немного утих. Парадный мундир плотно облегал тело. Причудливая, почти метафизическая смесь дождя, как природного потока, струящегося с неба, и звуков военного марша, в котором отчётливо преобладали торжественные, победные звуки и фразы, казалось, слились воедино, и из этого необычного слияния неожиданно родился запах сирени.

Сирень всегда была любимым цветком маршала. С юношеских лет. Девичий запах сирени нахлынул так сильно, что маршал почувствовал волнение, преодолеть которое было почти невозможно. Перед глазами поплыли картины родины, угор над речкой, дворы Лодейной... потом другая весна... женщина, которую он безмерно любит... брусчатка старого города и сотни людей вдоль дороги — все с цветами, и все подбегают к его открытой машине и бросают букеты ему... Букеты в полёте рассыпаются, и ворох цветов с лёгким шорохом осыпается на капот машины, на лобовое стекло, на спинки сидений, на плечи водителя и адъютанта... Прага... Май... Да, Прага, казалось, вся в тот день пропахла сиренью. Не только воздух, но и дома, брусчатка, идущие по ней танки его армий.

И вот сводный полк 1-го Украинского фронта проходит мимо трибуны Мавзолея. Маршал вскинул голову и увидел Верховного. Верховный тоже смотрел на него, и маршалу показалось, что в его лице уже не было ни тени того, что омрачило их последнюю встречу. Верховный умел забывать. Но умел и не забывать.

Маршал шёл во главе коробки своего фронта. Ветер колыхал багровое полотнище штандарта. Лучшие солдаты 1-го Украинского фронта шли за его

спиной. Они были все молоды, красивы и счастливы. Вся Красная площадь была переполнена счастьем людей, победивших в долгой и жестокой войне, которая, наконец, закончилась.

Парадный мундир, пошитый специально для этого дня, слегка теснил, но он прекрасно подчёркивал стройную высокую фигуру маршала, его точные движения, и это придавало уверенности, лёгкости, словно в бою, когда все приказы были уже отданы, сигнальные ракеты ушли в небо, пехота смело двигалась за огненным валом артиллерийского наступления, танки, ревя моторами, выходили из районов сосредоточения, а он, уверенный в силе удара, с удовлетворением наблюдал за тем, как правильно и умело действуют его войска.

Маршал знал, что сейчас на него и его генералов, офицеров, старшин, сержантов и рядовых смотрят тысячи глаз. И среди них глаза того, кого он искренне боготворил, кому был безмерно благодарен за всё, чего достиг и что смог сделать для своего Отечества и своих солдат.

Верховный стоял на трибуне Мавзолея среди членов Политбюро, маршалов и генералов. Там, вверху, куда были устремлены взоры многих, кто пришёл в этот день на Красную площадь, было много людей. Но маршал видел только Верховного.

Пройдут годы, Верховного не станет. Вернее, им, Верховным главнокомандующим, станет другой правитель страны. А маршала, как и других маршалов Победы, его боевых товарищей, будут считать “сталинистом”. Едва ли не самым главным среди “сталинистов”.

Было ли это на самом деле так?

Видимо, да.

Из книги Наталии Коневой “Маршал Конев — мой отец”: “Когда я была маленькая, я расспрашивала отца, почему за одним командующим идут 4–5 генералов, а за другими — 10–12. Отец дал мне краткое объяснение: их столько, сколько армий входило в тот или иной фронт, а это, в свою очередь, зависело от масштаба стратегических задач, которые приходилось решать тому или иному фронту. Самыми многочисленными в конце войны были 2-й Белорусский фронт под командованием К. К. Рокоссовского, 1-й Белорусский фронт под командованием Г. К. Жукова и 1-й Украинский фронт. На Параде Победы впереди сводного полка шли Герои Советского Союза со штандартом фронта и знаменами прославленных соединений и частей. Шеренгу героев 1-го Украинского возглавлял трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, знаменитый на весь мир лётчик и близкий друг моего отца. Во время прохождения полка 1-го Украинского фронта по Красной площади военный оркестр под руководством генерала А. Чернецкого исполнял старинный военный марш, под звуки которого маршировали в своё время в честь победы русского оружия полки царской армии. Традиция не прервалась, и это было сделано вполне осознанно”.

24 мая 1945 года Правительство СССР устроило торжественный приём в честь победителей — командующих войсками и соединениями. К 20.00 в Георгиевский зал Большого Кремлёвского дворца прибыли маршалы и генералы, конструкторы-оружейники, люди, которые внесли значительный вклад в гигантскую работу страны, принесшую Победу. Белый Георгиевский зал был выбран не случайно, он — “один из орденских залов, где воплощена идея памяти о многих поколениях людей, служивших России и отличившихся в сражениях за неё”. Сталин произнёс тост, который поразиł многих: “Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение”.

В. М. Молотов, который управлял сюжетом торжества в роли тамады, произнёс тост за командующих войсками. Первым прозвучало имя маршала Жукова. Вторым — Конева. “За маршала Конева — героя боев на Украине, освободителя Праги, полководца, войска которого вместе с войсками Жукова ворвались в Берлин...” Затем прозвучали имена Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского, Баграмяна, Мерецкова, Ерёменко.

Конев и Жуков. Жуков и Конев. Их всегда называли и называют, ставили и ставят вместе, в один ряд. И этот ряд — их слава и их крест.

А с запада на восток, через Польшу, Чехословакию, Восточную Пруссию, Румынию тем временем шли поезда с победителями. Вчерашние бойцы, миномётчики и артиллеристы, сапёры и танкисты, под трофейные аккордеоны и русские гармошки, с которыми прошли всю войну, пели: “Давно мы дома не были...” Песня была написана поэтом Алексеем Фатьяновым и композитором Василием Соловьёвым-Седым в мае в Берлине. В ней, в первой редакции, непричёсанной, авторской, кстати, были такие слова:

*Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне
В Германии, в Германии,
В проклятой стороне.*

Последняя строчка, согласно дружественной политике по отношению к германскому народу, была вскоре исправлена: “...в далёкой стороне”.

Что ж, время шло, ветра менялись и требовали не только новых несен, но и редактирования старых.

Глава тридцать седьмая

ВЕНА

Черчилль: “В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага...”

После торжеств Конев из Москвы сразу же отправился в Вену.

Во время подготовки к параду победы он неоднократно встречался с маршалом Толбухиным, войска которого в это время стояли в Австрии, но уже начали передислокацию в Болгарию и Румынию. Их казармы должны были занять части 1-го Украинского фронта. 10 июня 1945 года, за две недели до парада, Конев получил официальное назначение на должность Главнокомандующего Центральной группой войск и Верховного комиссара по Австрии.

Именно в Австрии в те дни неожиданно возник клубок противоречий новой Европы. Сталину разведка донесла о том, что британский премьер Черчилль агрессивно настроен к СССР и приказал не уничтожать немецкие самолёты, танки и другую военную технику, а складировать её, консервировать. Концлагеря союзников были переполнены немецкими солдатами и офицерами. В них сохранялась воинская дисциплина и порядок. Солдаты были сведены в роты. Черчилль разослал телеграммы Эйзенхауэру и Монтгомери с соответствующими указаниями. Свои настроения этого периода он сформулировал так: “В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага”.

Союзников и, в первую очередь, Черчилля пугали советские дивизии, стоявшие по линии соприкосновения, а в некоторых местах и глубже на запад. Сталин не торопился их отводить.

12 мая. Черчилль — Трумэну:

“1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы.

Согласно прежним решениям, наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооружённая мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем как насчёт России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у Вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская ещё не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200–300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоёванный американскими армиями между Эйзенхауэром и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы отступят — оккупирован русскими силами”.

Черчилль чувствовал коварство “дядюшки Джо”, как он называл Сталина. Сталин, в свою очередь, чувствовал коварство Черчилля. Война закончилась. Победители жадно делили трофеи. Стороны смотрели друг на друга через демаркационную линию в бинокли, как ещё вчера смотрели на позиции вермахта и СС.

Тогда же, 12 мая 1945 года, союзниками был утверждён план под кодовым названием “Немыслимое”: атака советских войск по всей тактической линии; 47 американских и английских дивизий, 10 германских, воздушные армады готовы были продолжить войну, имея перед собой уже другого противника. Но план был забракован как неосуществимый. Англичане побоялись начинать эту войну, потому что имели перед собой Красную Армию, которая была значительно сильнее, и, по расчётам их штабов, результаты новой войны могли быть непредсказуемыми.

По всей вероятности, союзники, верстая “Немыслимое”, одновременно испытывали тот же ужас, что и перед высадкой в Нормандии.

Сталину стало ясно, что армии в Европе придётся держать ещё долго. А это означало, что война для советского народа закончилась только на фронтах, тяготы тыла продолжают: войска надо было обеспечивать, содержать.

Правда, рабочий день был сокращён с 11-ти до 8-часового. Отменены обязательные сверхурочные. И ещё: пройдя через фильтрационные лагеря, вернулись из плена 1 миллион 836 552 человек (из 4 миллионов 560 000). Около миллиона из них тут же направлены в армию, 600 000 — на работу в промышленность в составе рабочих батальонов, 233 400 человек — в лагерь НКВД.

Коневу направляли в Австрию.

Вена была взята нашими войсками 13 апреля 1945 года. Союзники в боях на территории Австрии не участвовали. Однако подвергли сильной бомбардировке восточную часть города, уничтожив много памятников архитектуры. Согласно договоренностям глав государств-победителей, Вена, как и Берлин, делилась на оккупационные зоны. Их было четыре: советская, американская, английская и французская.

Говорят, когда Кейтель подписывал акт о капитуляции Германии, увидев среди офицеров армий-победительниц французов в парадных мундирах, воскликнул: “Как!? И этим мы проиграли!?”

Итак, Коневу направляли в Вену.

Но перед отъездом ему предстояло решить проблему не менее тяжёлую и важную — определить свои дальнейшие взаимоотношения с женой Анной Ефимовной.

Они встретились. Состоялся разговор. И Конев понял окончательно, что никакого будущего в их отношениях нет и быть не может. Решение было

обоюдным. Не было ни вздохов, ни слёз, ни заламывания рук. Анна Ефимовна тоже уже жила своей жизнью.

Когда он уходил, Анна Ефимовна спросила:

— Куда ты теперь?

— В Вену. Сколько пробуду там, не знаю.

Она попросила разрешения приехать к нему. Он согласился. Но тут же уточнил, чтобы приезжала с детьми и что никаких отношений в связи с этим приездом у них быть не может. Она согласилась.

Уже из Вены он прислал ей письмо. Это письмо сохранилось в архиве Анны Ефимовны:

“Здравствуй, Нюра! Каждая встреча с тобой крепко взвинчивает мои нервы и бередит старые раны. Сейчас моя язва начинает понемногу поджигать. Доктора настаивали на том, чтобы отправить меня в Москву, но в связи с улучшением пока воздержусь. Я не возражаю против твоего приезда с ребятами ко мне, но учти моё состояние. Я жду тебя как хорошего друга, но не как жену, тут у нас всё кончено. До конца жизни постараемся не вспоминать старое... Не беспокойся насчёт своей жизни: как она была обеспеченной, так будет обеспеченной и дальше. Будь благоразумна.

30 июля 1945 года”.

Конев поехал в Австрию не один. Антонина Васильевна была, как и все эти годы, рядом. Штаб Центральной группы войск находился в Бадене, курортном городе юго-западнее Вены.

Наталия Ивановна Конева рассказывала: “Мама была вместе с отцом в Бадене. Для неё этот период был наполнен ожиданием счастья. Бомбёжки, лишения, вечный страх потерять близкого человека, который был почти всегда в боевых порядках своих войск или на КП в районе боевых действий, — наконец, позади. Всё вокруг казалось праздником, даже сам красивый старинный город с кружевными башенками готического собора. Практически все сослуживцы отца побывали на экскурсиях в Вене. Остался снимок на память: мама в шляпке и плащике по европейской моде на крыше знаменитого собора Св. Стефана. Могла ли она подумать зимой сорок второго, когда впервые увидела отца в запущенной и неудобной избе под Калинином, что в сорок пятом окажется рядом с ним в самом сердце Европы? Она вспоминала, как поразили её австрийские женщины — только что стихли звуки бомбёжек, а они уже принарядились, с аккуратными причёсками, в хорошеньких шляпках, туфельках демонстрировали свою женственность. Так непривычно для наших женщин, прошагавших в сапогах и военной форме дорогами войны. В венских кафе играла музыка, на площадях и улицах люди танцевали польки и вальсы знаменитого Штрауса. Маме очень хотелось приобщиться к этой жизни, в мечтах она видела себя в вечернем платье и с крошечной сумочкой, элегантной и, главное, любимой Тосей, Тониусей, как он нередко её называл. Ей хотелось пройтись с ним, таким знаменитым, под руку”.

Работа, которую выполнял Конев в Вене, сильно отличалась от того, к чему он привык за минувшие годы, включая довоенные.

Ему удалось быстро найти общий язык с представителями союзного командования генералами Кларком (США), Макрири (Великобритания) и Бетуром (Франция). Конечно, какое-то время помогали его военные заслуги, мощные дивизии, сосредоточенные в советской оккупационной зоне. Но вскоре появились и дипломатические навыки. Генералы — люди одной касты, даже если они генералы разных армий. Договаривались, находили компромиссы, хорошо понимая, что их положение — дело временное.

Официальные встречи, консультации с Москвой, переговоры, решения спорных вопросов, проблемы с созданием Межсоюзной комендатуры, приглашения на вечера, концерты, торжественные ужины, обмен культурными программами.

Конев даже заказал себе фрак с крахмальной манишкой и галстуком-бабочкой. Пошил фракную пару один из самых лучших венских портных. Когда фрак был готов, он надел его, подошёл к зеркалу, взглянул на себя...

А через полчаса уже ехал на приём в своём привычном маршальском мундире. Тем более что на фрак орден “Победа” не повесишь...

Позвонил Сталин. Конев доложил.

— Есть ли какие просьбы, товарищ Конев? — спросил Сталин.

— Да, товарищ Сталин, просьба вот какая: нельзя ли прислать сюда бригаду артистов, которые бы продемонстрировали своё профессиональное мастерство и поддержали бы своей музыкой освобождённых от оккупации австрийцев?

— Артистов пришлём, — коротко ответил Сталин и положил трубку.

И вскоре в Вене встречали прославленную балерину Галину Уланову, баритона Большого театра Алексея Иванова, пианиста Льва Оборина и других знаменитых артистов. Начались концерты.

Правду сказать, дело было не в поддержке “освобождённых австрийцев”. 700 000 солдат и офицеров — огромный контингент наших войск, самый большой из находящихся в Европе. Почти вдвое больше того, который дислоцировался в Берлине и всей Германии. Жизнь в Австрии, пострадавшей от войны несравнимо меньше соседней Германии, быстро стала налаживаться. Глядя на то, как живут, отдыхают и развлекаются местные буржуа, наши солдаты и офицеры тоже потянулись к “жизненным соблазнам”, при этом, как водится у нас, вели себя не всегда “подобающим образом”. Такие выражения появились вскоре в приказе Конева, который историки назовут приказом “О запрете мародёрства”. Приказ пресекал нелегальную, то есть самовольную конфискацию австрийской собственности: грабежи, торговлю в любой форме на чёрном рынке, а также вводил запрет на посещение народных праздников, ночных заведений, кафе, закусочных, где продавался алкоголь.

Опыт борьбы с пьянством в войсках у Конева был. Монголия, Забайкалье, Дальний Восток. Но тут остановить “славян” было труднее, чем где-либо. Там родные стены помогали, а тут, когда на каждом шагу соблазны... К тому же людей подогревал кураж победителей, а это преодолеть было тяжело.

Неожиданно начала прогрессировать старая болезнь — закровоточила язва. Врачи из группы войск посоветовали срочно лететь в Москву, лечиться на операции. Но потом кто-то порекомендовал доктора из местных, крупного специалиста, успешно практикующего лечение подобных заболеваний.

Доктору не сказали, кто будет его пациентом, видимо, сомневаясь, что тот согласится лечить Главнокомандующего оккупационными войсками, да ещё русского. Врач увидел в прихожей маршальскую шинель, мгновенно всё понял. Но виду не подал. Изучил историю болезни и сказал:

— Я, господин фельдмаршал, член партии национал-социалистов и работал на Гитлера. Наши специалисты никогда не довели бы своего пациента до такого состояния, будь он даже простым солдатом. У вас плохие врачи!

— Господин доктор, — ответил Конев, — если вы можете помочь, помогите. Я позвал вас не как партийца, а как врача.

Доктор осмотрел Конева и сказал:

— Не вижу необходимости в операции.

— Вы так считаете?

— Да. Вставайте. Поезжайте на рыбалку. На охоту. Куда угодно, только на природу. Подальше от дел. И не думайте о своей болезни.

Позже, действительно позабыв о своей болезни, Конев узнал, что врач, осматривавший его, осуждён Нюрнбергским судом как военный преступник, делавший бесчеловечные медицинские эксперименты на людях в концлагере для военнопленных.

Слухи о болезни главнокомандующего самой крупной группировкой в Европе дошли до Кремля. Сталин на одном из заседаний упрекнул Микояна:

— Анастас, что-то наши полководцы, я слышал, прибаливать стали. Что же ты их не отправишь отдыхать?

Вскоре из Москвы пришло распоряжение: предоставить Главнокомандующему центральной группы войск маршалу Советского Союза Коневу трехмесячный отпуск для лечения.

Тремя месяцами отпуска Конев, конечно же, не воспользовался: “Барство”. Но всё же в Карлсбаде, на знаменитом курорте целебных вод, он побывал.

Маршал поехал в Карлсбад со своей мадонной — Антониной Васильевой. Всё у них было уже решено. И они были счастливы.

Дни, проведённые в Карлсбаде, как рассказала дочь маршала Наталия Ивановна со слов её мамы, Антонины Васильевны, были самыми счастливыми в их жизни. Весна, цветение садов. Сказочные виды окрестностей Карлсбада. Хороший уход.

Но сказка прервалась совершенно неожиданно.

Глава тридцать восьмая

КОНЕВ — ЖУКОВ. ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сталин: “А вы знаете, что Жуков пытался присвоить себе вашу победу под Корсунь-Шевченковским?”

В среде военных уже давно поговаривали вот на какую тему: война закончилась, дело сделано, Хозяину мы больше не нужны, будет приближать и держать возле себя самых послушных и угодливых, остальных...

И вот звонок из Москвы. Звонил заместитель министра Вооружённых Сил СССР Булганин. Он сообщил, что надо срочно вылетать в Москву на заседание Высшего Военного совета. С Булганиным у Конева отношения всегда были неважными, и даже порой хуже. А потому от этого звонка ничего хорошего он не ждал.

Знал ли Конев повестку дня заседания Высшего Военного совета, неизвестно. Видимо, вскоре узнал. И консультации среди маршалов тоже, как можно предположить, состоялись. Иначе невозможно объяснить их довольно прочный фронт, который они выстроили во время попытки партийных чиновников уничтожить маршала Победы Жукова.

Как известно, 31 мая 1946 года, за несколько часов до начала чрезвычайного заседания, состоялся обыск на даче Жукова. О нём существуют противоречивые сведения. Некоторые биографы маршала Победы говорят о том, что обыск проведён негласно, что вещи не изымались, а лишь фиксировались в списке, который затем был подписан в “Дело Жукова”. Для негласного обыска, как вы понимаете, ордер не выписывался, потому как проводился он не с ведома прокурора, а с ведома, скорее всего, тов. Абакумова “по просьбе” тов. Сталина. Сам же Жуков в своих “Воспоминаниях...” рассказал совершенно другую историю: что обыск не состоялся, что он, Жуков, якобы пригрозил оружием и выпроводил со своей дачи “троих молодцов” и т. д.

Но вернёмся к нашему герою.

Конев срочно вылетел в Москву. 2 июня 1946 года Антонина Васильевна, оставшаяся на курорте одна в тревожном ожидании, получила письмо:

“Тонюсенька, милая! Вчера состоялось решение, и меня назначили вместо Жукова. Хозяин предложил остаться в Москве и приступить к работе. В связи с этим тебе, моя детка, нужно тоже прекратить лечение, все собрать, расплатиться и выехать на машине в Баден. Там, в Бадене, погрузить все ценные вещи в самолёт и самой вылететь в Москву.

В самолёт обязательно возьми мой сейф с документами, чемодан с парадным мундиром, чемодан с гражданскими костюмами и моими кителями, шинель. Много у тебя будет хлопот, но что делать, так нужно. Передай мою благодарность всему медперсоналу, который нас лечил и обслуживал. Я, видимо, в Баден не приеду, а если и прилечу, то заранее тебе позвоню. Ну, моя родная, будь осмотрительна и строга во всём. Соскучился по тебе. Буду ждать тебя с нетерпением.

Целую тебя крепко, твой Ваня”.

А в Москве, между тем, произошло событие, которое вот уже почти семь десятков лет волнует военных историков и толкователей советской политики второй половины 40-х годов прошлого века.

Послевоенная политика страны не предполагала слишком большого влияния военных. Война осталась позади. Сталину уже не так нужны были маршалы и генералы, особенно такие, кто умел на себя брать слишком много ответственности и действовать самостоятельно. Кто почувствовал вкус этой самостоятельности, власти. Более того, он почувствовал опасность, исходившую от них. Особенно опасно вёл себя тот, кого он так возвышал и щедро при этом осыпал наградами — маршал Жуков. Георгий Победоносец, как того иногда называет его окружение. Об этом ему тоже доложили.

Заседание Высшего Военного Совета вёл Министр Вооружённых Сил Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин. Он попросил секретаря Совета генерала Штеменко, в то время начальника Главного Оперативного управления, зачитать материалы допроса Главного маршала авиации Новикова. Новиков был арестован ещё в апреле и вовсю давал показания следователям МГБ. О его “признаниях” бывший шеф СМЕРШа, а теперь министр МГБ генерал Абакумов ежедневно докладывал Хозяину.

Когда в докладе Штеменко прозвучали слова не только о бонапартизме Жукова, но и о том, что тот якобы готовил военный заговор, маршалы поняли, что настал и их час. Сегодня — Жуков. Завтра — они.

После генерала Штеменко выступил Сталин. Он сказал, что Жуков присваивает себе все победы Красной Армии, что, выступая в Берлине на пресс-конференции, давая интервью для советской и зарубежной печати, “Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им”.

Сталин указал пальцем на бывших членов Ставки Верховного Главнокомандования и членов ГКО, представлявших теперь Политбюро и Высший Военный Совет, и сказал:

— Так что, все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны!

Сталин закончил своё выступление этим полуриторическим вопросом, приглашая всех присутствующих, в том числе маршалов, высказаться по поводу Жукова, чтобы “решить, как с ним поступить”.

Все присутствующие понимали, что отвергнуться от выступления не удастся. Надо говорить. А говорить — значит, высказать свою позицию.

Вот тут-то и наступил момент истины.

Выступления были разными по духу и смыслу. Некоторые заняли твёрдую позицию и, критикуя и личные человеческие, и деловые качества Жукова, всё же признавали его военные заслуги и верность партии, правительству и лично тов. Сталину.

Коневу выпало выступать первым.

Можно предположить, что какие-то консультации маршалы всё же провели до заседания Совета. Возможно, в этих консультациях участвовали не все. Но договорённость договорённостью, а сказать своё решительное “нет”, когда уже прозвучало столько слов и формулировок о враждебных деяниях и замыслах Жукова, когда обвинения выдвинул сам Хозяин, было, согласиться, непросто.

В большинстве публикаций об этом заседании говорится о том, что, мол, военные не отдали маршала Победы на растерзание и что якобы при этом главное и решающее спасительное слово произнёс в то время первый заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршал Рыбалко. Верно то, что Павел Семёнович Рыбалко решительно и твёрдо высказался за политическую честность Жукова, за признание многих его военных заслуг. Но тон задавал всё же выступавший первым — маршал Конев. И тут надо быть исторически точным. А что значит на таком собрании молвить первое слово поперёк слова Хозяина, вряд ли нужно пояснять.

Никто пока не опроверг точность переданной Коневым атмосферы, царившей в зале заседаний, и сути сказанного им.

Конев сказал, что характер у Жукова непростой, “неуживчивый, трудный”. Назвал и другие недостатки в работе Жукова, а затем попыток:

— Но если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем более нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать!

Сталин вдруг понял, что ситуация ускользает из рук. Но выдержал и ждал конца выступлений, никого не перебивая. И только когда ответное покаянное слово дали молвить Жукову, Сталин перебил его и сказал, указывая пальцем в сторону Конева:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей Корсунь-Шевченковской операции!

Сталин, бросая эту реплику, конечно же, понимал, что сам многое отнял у него, чтобы отдать другому, и когда припекло, когда понял, что его расчёт на то, что обнесённые берлинским триумфом маршалы Рокоссовский и Конев оказались выше его надежд, по-кавказски взвился: “Он присвоил!..”

Но Сталин и на этот раз оказался мудрее своей врожденной ярости, он уступил военным. Уступил, хорошо понимая, что именно этой своей уступкой он окончательно пресек волюнцию маршалов, что они теперь у него в кулаке.

Но и маршалы почувствовали свою силу и то, что война не закончилась, и надо держать порох сухим.

Константин Симонов в долгих беседах с маршалом интересовался тем Советом. Осталась запись Симонова — ответ маршала Конева на его вопрос: “...После всех выступлений выступал Сталин. Он опять говорил резко, но уже несколько по-другому. Видимо, поначалу у него был план ареста Жукова после этого Военного совета. Но, почувствовав наше внутреннее, да и не только внутреннее, сопротивление, почувствовав известную солидарность военных по отношению к Жукову и оценке его деятельности, он, видимо, сориентировался и отступил от первоначального намерения. Так мне показалось”.

В защиту Жукова в том же тоне, что и Конев, выступили маршалы Рыбалко, Рокоссовский, генерал армии Хрулёв.

9 июня 1946 года Сталин издал Приказ № 009, которым он, по всей вероятности, хотел принизить авторитет маршала Победы в войсках. В приказе, кроме всего прочего, были и такие слова: “Было установлено далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобождён не ударом с юга с букринского плацдарма, как предлагал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружён и взят в тот срок, в какой он был взят”.

Маршалов Жукова, Конева и Рокоссовского, действительно наиболее ярких и талантливых полководцев Великой Отечественной и в целом второй мировой войны, часто называют тремя русскими богатырями. Справедливости ради надо заметить, что одним из русских маршалов-богатырей был поляк. Но суть не в этом. Все трое прославили русское оружие, возвысили дух русского солдата и принесли победу русскому народу, который олицетворял тогда все народы СССР. А ведь и они, былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович — не всегда ладили друг с другом.

Но хуже у них всё же складывались взаимоотношения с князьями...

В 1947 году, в самый канун 50-летия со дня рождения, из Подосиновца пришло письмо: земляки в Лодейном, в доме деда, Ивана Степановича Конева, решили устроить музей маршала, просили его, так сказать, благословения. Конев ответил землякам тёплым письмом. Послал подарки: семь коробок с книгами для сельской библиотеки. А весной, к посевной, в порядке депутатской помощи, — полностью укомплектованный новенький грузовик.

В устройстве же музея землякам отказал. Тогда он ещё страстно хотел служить, видел впереди перспективы, чувствовал свои силы. А музей на родине... Дошло бы до Сталина. Да и в Политбюро люди разные... "Барство". Не надо.

Хрущёв тоже столкнёт Конева с Жуковым. И это столкновение будет более жестоким и будет иметь для обоих маршалов очень болезненные последствия.

1957 год. Популярность Жукова вновь возросла. Хрущёв, в своё время спасённый Жуковым от поражения в ходе борьбы за власть с группой Маленкова—Молотова, решил ослабить влияние военных. Ведь в случае нового обострения борьбы за власть они могли принять и не его сторону... Хрущёв, чтобы сокрушить всех маршалов и генералов единым махом, ударил по главному из них — Жукову.

Коневу в этой партийной драчке не повезло больше всех.

После Пленума ЦК КПСС, когда маршалы, включая и Рокоссовского, и Захарова, и Чуйкова, и Ерёменко, и Соколовского, дружно осудили Жукова как "зарвавшегося бонапартиста", на долю Конева выпала "честь" подписать заготовленную в недрах ЦК статью. Называлась она "Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом". В ней говорилось о бонапартизме Жукова, о его ошибках в работе и, в первую очередь, недооценке роли партии в армии.

Конечно, и тогда, и теперь, неважно, кто эту статью писал. Важно — кто подписал. Конев на этот раз уступил. Как это ни парадоксально, но как политик Хрущёв в схожей ситуации оказался посильнее своего предшественника Сталина. Он повёл интригу так, что газета со статьей против бонапартизма маршала Жукова вышла в газете "Правда" за подписью его вчерашнего заместителя, самого надёжного подчинённого.

Когда текст статьи курьер доставил из ЦК, Конев просидел над ней всю ночь. Правил, согласовывал по телефону. Пытался смягчить. Затягивал сроки сдачи. Хрущёву постоянно докладывали об "авторских муках" Конева. Тот злорадствовал: "Старайся, не старайся — всё равно статья пойдёт за твоей подписью".

Подписанный Коневым вариант привезли Хрущёву. Тот уже нервничал: почему так долго? Прочитал и позвонил Коневу:

— Завтра в "Правде" читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Жуков был смертельно обижен. Конев тоже чувствовал вину. Оба понимали, что политики сильнее их. Разделяй и властвуй... Но чувство обиды какое-то время оказалось непреодолимым.

Однажды они встретились на улице. Разговорились. Жуков сказал:

— Иван Степанович, напиши опровержение.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это никто не напечатает. Это решение партии, а в нашей стране это закон.

Но есть и другая версия всей этой истории. Некоторые исследователи допускают, что Жуков и Конев действительно готовили переворот в стране. Их поддерживали не только Штеменко и Москаленко, но и многие военные. В том числе в войсковых частях, в округах. Говорят, когда Хрущёв, тогда ещё благоволивший Жукову, благодарный ему за спасение во время кремлёвской интриги, пожаловался, что, дескать, вот бы теперь в МВД порядок навести, да нет подходящего человека. И Жуков неожиданно, с солдатской прямотой доложил: "Есть такой человек". — "Кто?" — "Мой заместитель — Конев". Вот тут-то зачесалась у Хрущёва лысина, он понял, что эти двое его спихнут в два счёта... Хрущёв, обладавший чутьём на заговоры и сам искушённый заговорщик, и здесь перехитрил своих действительных и потенциальных противников. И Конев, подписывая статью, в этих обстоятельствах выбирал между жизнью и смертью. В самом буквальном смысле. Он хорошо помнил, как Хрущёв расправился с Берией, Меркуловым, Кобуловым и другими. Он знал, за что в дурдоме сидит генерал Судоплатов. Так что для него решалось: расстреляют или не расстреляют. Как американо-германо-японского шпиона. Дурачком-то, как Судоплатов, он прикидываться не станет. А голову на плаху класть не хотелось.

Но письмо Конева к Жукову всё же, говорят, было. И текст его пока нигде не публиковался. Возможно, он когда-нибудь станет частью истории взаимоотношений этих двух полководцев.

Окончательное же примирение произошло при их жизни. На 70-летию Конева, в квартире на ул. Грановского (ныне Романов пер.), когда поздравить маршала пришли все его боевые товарищи и друзья.

Как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в тот вечер у них царил атмосфера военного братства. Жуков одним из первых поздравил Конева с днём рождения. И они обнялись. Все внимательно следили за их движениями, за выражением лиц, за репликами. И все вздохнули с облегчением. Примирение состоялось. Два воина пожали друг другу руки и по-братски обнялись.

Константин Симонов, тоже сидевший за праздничным столом, написал потом, размышляя о Жукове: “Его приглашение в этот день, в этот дом, его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отдалили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для обоих, для каждого по-своему”.

Они выпили. Начали вспоминать свою армейскую юность. Жуков вспомнил, как служили в Белорусском военном округе.

— Однажды, — вспомнил Жуков, — Иван Степанович опоздал на совещание. Вёл его командующий округом Уборевич. Когда комдив Конев вошёл в комнату, где уже сидел и подводил итоги только что прошедших маневров весь командный состав округа, Уборевич кивнул ему и сказал: “Ну, входи, входи, Суворов”.

Глава тридцать девятая

СУД НАД БЕРИЕЙ

*“Самое жестокое разочарование
в послевоенный период пришло к нему
во время суда над Берией...”*

Начиналась другая эпоха. После смерти Сталина его ближайшие сподвижники бросились делить наследство. Хрущёв оказался самым энергичным из всех претендентов на осиротевший советский трон. И первым делом он устранил своего главного и самого опасного конкурента — Лаврентия Берия.

10 июля 1953 года газеты опубликовали сообщение: “На днях состоялся Пленум ЦК КПСС, который, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа”.

В это же время были также арестованы: бывший министр госбезопасности СССР, а к моменту ареста министр Госконтроля СССР В. Н. Меркулов, бывший начальник одного из управлений НКВД, а затем министр внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозов, бывший заместитель министра госбезопасности, затем заместитель министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов, бывший нарком внутренних дел Грузинской ССР, к моменту ареста начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе, министр внутренних дел Украинской ССР П. Я. Мешик, бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Л. Е. Володимирский.

Как о том повествует официальная версия, все, в том числе и Л. П. Берия, после проведенного следствия и приговора суда были казнены. Председательствовал в Специальном судебном присутствии Верховного Суда СССР по делу Берии маршал Конев.

Давно стало очевидным: не всё в порядке в нашей истории, в том числе и недавней. Вот и так называемое “дело Берии” неожиданно начало расползаться на множество версий.

Конев ни в своих мемуарах, ни в других документах, ни в беседах с близкими и писателями о своей миссии в Верховном Суде даже не упоминает. Наталия Ивановна Конева по поводу этой истории сказала следующее: “Самое жестокое разочарование в послевоенный период пришло к нему во время суда над Берией, где маршал Конев был председателем. Разбирая документы, ему пришлось прочитать множество доносов на себя от людей, которых он считал своими ближайшими соратниками и друзьями...”

Склонен предполагать, что это — правда. Поскольку других, более сильных впечатлений, он испытывать в дни суда над Берией не мог. Ведь Берия, скорее всего, был уже мёртв.

По версии сына Берии Серго, отец был убит при аресте у себя дома на даче ещё 26 июня в полдень.

Сцену ареста во время заседания Президиума Верховного Совета СССР в своих мемуарах описывают лишь двое: Хрущёв и Жуков. Участников же того “ареста” было много. Никто из них впоследствии ничего подобного не вспоминал. Даже тогдашний командующий войсками Московского военного округа генерал Москаленко. А ведь он играл одну из главных ролей, если не главную, в той версии, которую изложили в своих мемуарах Хрущёв и Жуков.

Итак, версий ареста и казни Берии много.

Материалы же следствия (допросы свидетелей и самого Берии, документы, изобличающие преступную деятельность арестованного, свидетельства потерпевших, заключения экспертов и прочее) должны быть собраны в одно дело. Так вот этого дела — “дела Берии” — никто из исследователей пока не видел. Существуют какие-то мифы. Кое-кто даже публиковал цитаты из этого “дела”. Но все эти публикации не сопровождаются ссылками на номера панок и листов. Липа?

Темны воды нашей истории...

Согласно документам о казни приговорённых Конев в итоговой, так сказать, процедуре участия не принимал.

Вот документ, который можно считать подлинным, так как к “делу Берии” он имеет лишь косвенное отношение:

АКТ

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осуждёнными:

- 1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,
- 2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
- 3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
- 4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
- 5) Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
- 6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения, к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осуждённые расстреляны.

Смерть констатировал — врач (ропись)”.

Смотреть на это Конев не пожелал.

Приговор, вынесенный судом Берии, по официальной версии, был приведён в исполнение в тот же день 23 декабря 1953 года в бункере штаба ПВО, где тот содержался после ареста. Некоторые историки утверждают, что в бункере во время расстрела находились “достойные всякого доверия маршал Конев, командующий Московским военным округом генерал Моска-

ленко, первый заместитель командующего войсками ПВО Батицкий, подполковник Юферев, начальник Политуправления Московского военного округа полковник Зуб и ряд других военных...”.

В акте же от 23.12.53. года (о расстреле Берии) ни о Коневе, ни о Юфереве, ни о Зубе, ни о Гетмане, ни о других военных, “достойных всякого доверия”, не упоминается.

“Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П. Ф. в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р. А. и генерала армии Москаленко К. С. приведён в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осуждённому к высшей мере наказания — Берии Лаврентию Павловичу”.

Суд над Берией был “процессом века”. Однако до сих пор материалы “дела Берии” не опубликованы. Создаётся впечатление, что кто-то будто намеренно покрывает эту историю тайной, чтобы из её сумерек время от времени выползали разного рода мистификации наподобие “Дневников Берии” и прочего, что в скором времени, возможно, тоже станет частью нашей истории...

Глава сороковая

МАРШАЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

*“Войти в Будапешт, захватить
важнейшие объекты...”*

После того как Жуков был отправлен в ссылку в Одессу и возглавил Одесский военный округ, Конев принял от него дела.

В 1950 году его назначили Главным инспектором Советской Армии с сохранением должности заместителя министра Вооружённых сил.

С 1951 по 1955 год командовал войсками Прикарпатского военного округа.

Округ был беспокойный. Время непростое.

В состав округа входили армии, корпуса и дивизии, с которыми Конев шёл с боями по белгородской земле, форсировал Днепр, а потом освобождал Европу. Треть частей были гвардейскими. Часто бывая в войсках, встречал знакомые лица офицеров и солдат. Он вернулся в родную стихию. Это ему нравилось. Хотя формально новое назначение выглядело понижением в должности.

Сталин разбросал своих победителей по округам, чтобы меньше общались друг с другом, чтобы не было соблазнов, чтобы не строили каких-либо иллюзий. Рокоссовский находился в Польше. Жадов сидел в Москве и руководил Военной академией им. М. В. Фрунзе. Рыбалко уже не было в живых. Третий год минул со дня похорон. Только что был расстрелян генерал Гордов, бывший его командарм-3. До 1946 года командовал Приволжским военным округом, уволен в отставку, а через год арестован вместе с генералом Куликом и бывшим своим начштаба по службе в округе генералом Рыбальченко. Расстреляны все трое. Формулировка приговора какая-то мутная. Никто из военных не верит в её правдивость, но все боятся. Притихли.

Хозяин ещё в феврале 47-го попросился в отставку с поста министра Вооружённых сил: “Очень перегружен я. Товарищи, прошу не возражать. К тому же и возраст сказывается”. И будто в насмешку над маршалами министром военного ведомства был назначен Булганин. Вскоре ему присвоили маршальское звание. Правда, новые погоны проносил он недолго. У Сталина люди долго на одном месте не засиживались. Особенно если появлялись сомнения в их профессиональной пригодности.

Но Хозяин старел. Из Москвы доходили слухи о придворной возне вокруг стареющего вождя и его преемниках. Вначале называлось имя Берии, потом Маленкова, потом Жданова и снова Маленкова...

А у Конева под рукой был один из самых насыщенных войсками округов. К тому же западные области кишели бандами “бандеровцев”, “мельниковцев” и других, более мелких формирований, люто ненавидевших “проклятых москалей”. На границе с Польшей продолжали действовать отряды Армии Крайовой, а в районах, прилегающих к Венгрии, местное население терроризировали “нилашисты” и “салашисты”.

К середине 1952 года общими усилиями всех спецслужб в результате серии удачно проведённых операций, к которым привлекались войсковые подразделения, с бандами в Западной Украине было покончено. ЦК Компартии Украины 10 ноября 1952 года отчитывался в ЦК ВКП (б): “Продолжавшие антисоветский террор оуновцы и примыкающие к ним группы начинают в массовом порядке сдаваться представителям органов советской власти...”

Осенью 1953 года в округе прошли учения. В ходе учений была осуществлена имитация ядерного взрыва. Задачу для войск поставили необычную: действия в условиях применения противником оружия массового поражения. В подготовке и проведении учений приняли участие заместитель министра обороны СССР маршал Жуков, к тому времени снова призванный в высшие командные структуры Советской Армии, генералы Генштаба, академик И. В. Курчатов, конструктор С. П. Королёв.

Молва приписывала этим учениям дурную славу: дескать, на них испытывали ядерное оружие на людях. В действительности ничего подобного не произошло. Хотя накануне шли консультации министра среднего машиностроения В. А. Малышева с его подчинёнными и специалистами-ядерщиками о возможности сброса серийной бомбы малой мощности РДС-4 с самолёта Ил-28. Но “сброса” не было.

Полковник Генштаба Андрей Жариков, помогавший маршалу Коневу работать над его мемуарами, рассказывал, что однажды спросил Ивана Степановича, бывал ли он на ядерном полигоне? Имелся в виду Тоцкий полигон в Оренбургской степи, где осенью 1954 года взорвали ядерную бомбу, а сорок пять тысяч солдат выгнали на учения. Тот ответил: “Мне там делать нечего, это дело Курчатова и Сахарова. Но запомните: когда-нибудь люди проклянут всех, кто изобретал и испытывал атомное оружие на целине. Там же хлеб! Но им-то что? Берия с Малышевым, ответственные за взрывы, на чистеньких перипах с бабами спали в Москве. А каждый взрыв бомбы — это не только распространение заразы на целине, но и вред всей планете. Вы думаете, почему участились землетрясения, ураганы, наводнения, не говоря уже о том, что люди мрут, как мухи? Я предлагал в своё время: практикуйтесь на макетах, испытывайте конструкцию бомбы при обычном взрывчатом веществе. А когда потребуете, в чём я сомневаюсь, можно и атомный заряд заложить... А вы там спектакли на весь мир устраиваете. Страх нагоняете. Кто придумал учение войск с применением атомной бомбы? Без ЧП не обошлось. Вы знаете, что там некоторые генералы и офицеры подзаразились, гражданские люди пострадали? А толк? Уже нет в армии тех солдат, которые принимали участие в учении, и генералов нет. Одни уволены, другие поумирали. Кому же этот опыт нужен? Тогда давайте каждый год проводить такие учения”.

В 1997 году А. Жариков выпустил книгу “Полигон смерти”. Книга имела шумный успех. В нее включён и этот эпизод.

Ещё в 1945 году на Потсдамской конференции американский президент Трумэн в разговоре со Сталиным как бы между прочим заявил о том, что США имеют ядерное оружие. В 1949 году успешное испытание ядерной бомбы произвёл СССР. Паритет снова был достигнут. Но для того, чтобы сдерживать Америку от желания атаковать советские города новым оружием огромной разрушительной силы, Сталин приказал держать в Европе и на западных границах огромный контингент войск. Армии, которые ещё вчера сокрушали последние рубежи немецкой обороны. Пока советские учёные в шарашках и на полигонах создавали первую советскую атомную бомбу, сдерживающим

фактором могли быть только люди, миллионы людей в военной форме и танки, армады танков, заправленных горючим и готовых к маршу в любой момент.

В мае—июле 1948 года в нескольких сотнях километров западнее, откуда эти армии три года назад вернулись, Объединённый комитет начальников штабов провел штабную игру под кодовым названием “Пэдрон”. В ходе игры бывшие союзники проанализировали возможный сценарий военного столкновения, а точнее сказать, войны между США и СССР при том, что американская армия атакует советские города с применением того запаса ядерных бомб, который к тому времени был накоплен на складах. Выводы американских военных оказались неутешительными: советские войска в первые же две недели военных действий захватывали Берлин и Вену, почти беспрепятственно выходили к Рейну...

Сталин это тоже знал, и его до поры до времени устраивала гигантская армия, которую надо было кормить, одевать, вооружать. Но после 1949 года, когда появилась бомба не хуже американской, армию можно было значительно сократить. И её сокращали. Вот почему некоторые маршалы командовали военными округами, а генералы, закончившие войну командармами, оказались командирами корпусов и даже дивизий. Некоторые же, такие, как Гордов, и вовсе были уволены в запас.

Поэтому своё назначение на округ Конев вряд ли воспринимал как ссылку. Подобную той, в которую угодил маршал Жуков. Во-первых, Конев не был столь амбициозен, как его бывший сосед справа по штурму Берлина. Во-вторых, он попал в родную стихию, в войска, которые любил. В-третьих, он понимал, что эпоха блестящих побед, боевых наград и стремительных повышений в званиях и чинах миновала.

Штаб округа находился во Львове, который войска Конева совсем недавно брали штурмом. Места знакомые, но сильно изменившиеся с той фронтовой поры.

Конев привёз сюда свою новую семью: жену Антонину Васильевну, с которой официально зарегистрировался. На этот раз — никакого гражданского брака. В том же 47-м родилась дочь. Дочь назвали Наталией.

Вот что вспоминает о львовских годах Наталия Ивановна Конева: “Помню прекрасный особняк в старой части Львова: с эркером, фруктовым садом, цветником; гостиную с пианино и даже кладовую: настоящая, как в каких-то кинофильмах о старой, дореволюционной жизни, с домашними колбасками и окороком на крючке, соленьями и вареньями. Солдат-охранник (тоже примета эпохи) должен был везде сопровождать нас с мамой. Он был человеком творческим: из каких-то катушек и питок соорудил кукольный театр, всё начинало двигаться, и он на разные голоса рассказывал мне истории — незабываемое впечатление.

Мама старалась воспитывать из меня барышню: водила в студию танцевать, сшила пачку из марли, а в качестве отделки наклеила на неё серебряных бабочек из конфетной фольги. В доме появилась учительница музыки Людмила Францевна, полька по национальности. Память зафиксировала осколки впечатлений: мелодии полонезов и мазурок, которые она наигрывала, милые польские словечки “пше проше”, “подаруничек” за хорошее поведение. Я уже понимала, что оказалась в лоне какой-то другой культуры. Скажем, на Пасху совсем не по-русски красили яйца, из костёла доносились звуки органа, а девочки из хороших семей носили шляпки и перчатки.

Маме хотелось, чтобы дочка командующего тоже выглядела достойно. В её представлении — это платье-матроска, а свеху — белое пальтишко и берет, которые она собственноручно изготовила. В этой одежде я и появилась с мамой на параде войск Львовского гарнизона.

Папа возвращался домой поздно, когда я уже спала, он работал ночами, как это было принято при Сталине.

Дома они с мамой беседовали за огромным столом. Она всегда ждала его возвращения. Иногда уезжали куда-то вместе. Помню сборы на праздничные приёмы. Отец как военный человек собирался быстро: мундир в орденах, начищенные парадные сапоги, фуражка в руке, а мама, хотя и шустрая по натуре, ещё прихорашивалась и в последнюю минуту спешила подкрасить

губы и подушиться духами “Каменный цветок”, привезёнными папой из Москвы. Коробочка, которая так симпатично раскрывалась, как малахитовый цветок, была моей вожделенной игрушкой: я уже знала сказку Бажова про малахитовую шкатулку.

Собираясь куда-либо с отцом, мама усаживала меня на диван с вязаными подушками — я и теперь храню их, хотя моя дочь Даша уговаривает их выбросить, — но это мой образ детства во Львове: уютный дом, диван, вязанные подушки и руки вокруг маминой шеи. А ещё один памятный образ — папа в военном мундире, который, приехав со службы, буквально взлетает на второй этаж особняка и бережно берёт на руки, носит, прижав к груди, долго-долго, всю ночь: я тяжело болела корью.

Когда я поправилась, папа сделал мне подарок: маленький медальон в форме сердца, внутри которого два овала для фотографий, а на крышке, как капля крови, крохотный рубин. Теперь там хранятся две фотографии — моих молодых родителей.

Из Львова папа поехал в Москву на похороны Сталина, а вслед за ним засобирались и мы с мамой”.

После смерти Сталина наступила новая эпоха.

В 1955 году Конев вновь назначили Главнокомандующим сухопутными войсками.

В 1955 году в Варшаве главы государств “социалистического лагеря” подписали военный союз “по обеспечению мира и безопасности в Европе”. В союз стран — участниц Варшавского договора — первоначально вошли Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Это был ответ военному блоку НАТО на присоединение к нему Западной Германии.

Первым командующим Варшавского военного блока стал маршал Конев и занимал эту должность до 1960 года. Штаб-квартира находилась в Москве. Одновременно за ним сохранялся пост первого заместителя министра обороны СССР. Министром был Жуков.

В 1956 году, когда в Венгрии вспыхнуло восстание, подавлять его направили Конева.

Это была, пожалуй, первая попытка *оранжевой* революции по сценарию из-за кулис. Новый президент США, бывший главнокомандующий экспедиционного корпуса союзнических войск Дуайт Эйзенхауэр объявил краеугольным камнем своей внешней политики “освобождение всех захваченных народов”. На выступлении перед студентами Колумбийского университета Эйзенхауэр заявил: “На Соединённые Штаты Америки возложена миссия руководства миром. Вашему поколению предоставлена замечательная возможность внести свой вклад в то, чтобы это руководство стало моральной, интеллектуальной и материальной моделью на вечные времена”.

Насколько последовательны американцы в выполнении заветов своего 34-го президента, мы видим и теперь.

А тогда в западных штабах операция по захвату власти в Венгрии получила кодовое название “Фокус”. Началась она с информационной атаки: тысячи воздушных шаров понесли в Венгрию миллионы листовок. В листовках — призыв к неповиновению новым властям, “Долой коммунистов!” и так далее. Тот, кто планировал эту операцию и писал тексты листовок, хорошо понимал, что их слова лягут на благодатную почву: Венгрия была самым верным и последовательным союзником фашистской Германии во Второй мировой войне. Венгерские солдаты стреляли в наши войска даже тогда, когда всё уже было кончено и сами немцы сдавались дивизиями. В каждой венгерской семье был погибший на Русском фронте, искалеченный русской пулей, обмороженный в русском поле под Сталинградом. Желавших снова пострелять в русских солдат, бросить в распахнутый люк “тридцатьчетвёрки” или БТРa бутылку с горючей смесью было достаточно.

23 октября 1956 года началось. Громили здания милиции, компартии, спецслужб. Убивали коммунистов и милиционеров. По степени жестокости, с которой борцы за свободу лишали жизни своих же соотечественников, а потом изывались над телами, это напоминало Средневековые и немецкие концлагеря.

Западные газеты тотчас вышли с заголовками вроде этого: “С заходом солнца Венгерская Народная Республика перестанет существовать”.

С заходом солнца в Будапешт вошли советские войска. Сразу же произошли столкновения. Были убиты советские военнослужащие. Войска открыли ответный огонь. Город запылал. 29 октября войска, наведя относительный порядок, получили приказ на выход. Но после того как танки покинули Будапешт, вновь начались массовые казни коммунистов. Уход войск создал у путчистов ощущение победы. И они начали тотальную зачистку сторонников советского режима.

И тогда в Венгрию вошёл Особый корпус под командованием маршала Конева. Началась операция “Вихрь”.

Походу корпуса на Будапешт предшествовал Пленум ЦК КПСС, на котором возобладало мнение о радикальном решении венгерской проблемы. 31 октября, давая санкцию на проведение операции “Вихрь”, Хрущёв сказал: “Если мы уйдём из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать. Нас не поймёт наша партия. К Египту тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет”.

Напомню о сложности ситуации: в это время на Ближнем Востоке шла война (Суэцкая, Синайская или, как её ещё называли, вторая арабо-израильская) между Египтом и Израилем. Израиль, в союзе с Англией и Францией, воевал за Суэцкий канал и прилегающие к нему территории с Египтом. Советский Союз поддерживал египетскую армию. Из arsenалов стран Варшавского договора через Чехословакию в Египет переправлялось новейшее вооружение: реактивные истребители МиГ-15бис и МиГ-17Ф, бомбардировщики Ил-28, танки Т-34. События в районе Суэцкого канала развивались с переменным успехом.

4 ноября 1956 года 38-я общевойсковая армия и 8-я механизированная армия, усиленные десантными дивизиями и артиллерийскими частями, поставили точку в венгерских беспорядках (или восстании, кому как угодно).

Это была полномасштабная армейская операция. С точки зрения военной, Конев провел её блестяще. Войска были разделены на три ударных группировки. Всем им были даны указания: войти в Будапешт и сразу же захватить особо важные объекты. И войска вошли, ломая незначительное сопротивление вооружённых путчистов.

Некоторые историки и публицисты склонны причислить маршала к списку душителей свободы. Но если взглянуть в историю пристальней и попытаться понять, что именно так, после воздушных шаров и разноцветных ленточек, начинаются гражданские войны, то можно утверждать обратное: Конев силой Особого корпуса предотвратил гражданскую войну в Венгрии. И она, получив многие свободы, стала, по шутливому, но точному определению одного политика-острослова, “самым весёлым баракком соцлагеря”. Не зря в прежние времена самыми дорогими турпутёвками в соцстраны были путёвки именно в Венгрию — оттуда можно было больше привезти.

Советские войска за два захода, если верить некоторым данным, потеряли в 1956 году в Венгрии 669 человек убитыми, 1540 ранеными и 51 пропавшим без вести.

После венгерского похода в Москве состоялась закрытая партконференция, на которой был заслушан отчёт Конева о только что завершённом походе и о его результатах. Конев отчитывался не только как командир Особого корпуса, но и как заместитель министра обороны СССР. Доклад был выдержан в мажорных тонах, что вполне соответствовало действительности. Подразделения проявили высокую дисциплинированность, выдержку, боевую выучку. Конев вновь видел перед собой армию-победительницу. Хотя в экипажах танков, в орудийных расчётах и в батальонах служили уже солдаты 1934–1936 годов рождения.

Доклад был принят более чем сдержанно.

Пока заместитель министра воевал, над министром вновь сгустились тучи. Впереди был Пленум ЦК 1957 года и злополучная статья в “Правде”.

Многое бы Конев отдал за то, чтобы вычистить этот эпизод из своей би-

ографии. Об этом свидетельствуют многие факты, в том числе свидетельства близких. Но — что было, то было...

Глава сорок первая

СТРОИТЕЛЬ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

“Ход конём...”

С новым первым секретарём ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым у Конева отношения не сложились. Причиной тому могли быть не очень приятные взаимоотношения командующего войсками 1-го Украинского фронта Конева и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Хрущёва.

Однажды летом 1944 года в разгар Львовско-Сандомирской операции, когда немцы опасно контратаковали, и необходимо было срочно выправлять положение, Никита Сергеевич со свойственной ему энергией попытался взять бразды правления, а точнее — управления войсками в свои руки. На что тут же получил пренебрежительную реплику маршала: “Не мешайте, Никита Сергеевич, сами разберёмся!” Сказано это было вежливо, но жёстко.

Хрущёв запомнил.

После шумной отставки Жукова министром обороны Хрущёв назначил преданного Р. Я. Малиновского.

Хрущёв сокращал армию, увольнял в отставку боевых офицеров, руками своего военного министра расформировывал воинские части. Конев протестовал. Настаивал на том, что нельзя огульно сокращать общевойсковые части, что не всегда и не везде человека с винтовкой может заменить техника и новое вооружение, что грядущие войны не обязательно будут ядерными. Однажды, во время очередного спора по поводу будущего вооружённых сил, Конев твёрдо занял свою позицию и не уступал ни Малиновскому, ни Хрущёву. Согласие же Конева было необходимо: первый заместитель должен был поставить свою подпись под неким важнейшим документом. Маршал подписать не хотел. Кто знает, возможно, он вспомнил историю трёхлетней давности, когда в угоду Хрущёву проявил слабость и поставил подпись под заготовленной статьёй. Видя, что Конев на этот раз не возьмётся, Хрущёв начал нервничать, сыпать угрозами, махать кулаками: “Я тебя поставлю на колени!”

Эту фразу маршал запомнил на всю жизнь. Возможно, именно тогда он понял, что надо уходить.

Но перед окончательным уходом из войск в “райскую группу”, как в министерстве называли Группу генеральных инспекторов, выполнил ещё одно задание партии. А вернее — Хрущёва. Потому что тот, посмотрев по сторонам, вдруг не обнаружил рядом никого, кто мог бы решить берлинскую проблему оперативно и решительно.

Хрущёв все больше и больше окружал себя подхалимами и людьми во всех смыслах удобными. Но когда нужно было выполнить серьёзное и ответственное задание, исполнителя выдёргивал из шеренги непокладистых и непокорных, которых придерживал в сторонке.

Летом 1961 года в Берлине разразился кризис. Послевоенная жизнь налаживалась. В западной оккупационной зоне, которую контролировали американцы, социальные проблемы решались более энергично. И берлинцы потянулись туда. Миграционные процессы стали угрожающими — народ уходил на Запад. К осени 1961 года из ГДР ушли на Запад два миллиона человек. Кроме всего прочего, берлинский сектор стал шпионским гнездом для спецслужб вчерашних союзников, а ныне — противостоящих сторон. Из этого уютного и благоустроенного гнезда, удобно нависающего над долиной, птенцы ГРУ, “штази”, ЦРУ и КГБ свободно разлетались во все стороны — по всей долине. В Берлине заработали западные радиостанции, свободно вещавшие на восточный сектор Германии. Начались эксцессы на пограничных КПЗ.

Войны, как известно, начинаются после мелких конфликтов. Но когда бензин разлит, достаточно одной спички или щелчка зажигалки. О последней мы ещё поговорим...

А в Берлине произошло следующее. На КПШ пограничники ГДР не пропустили группу американских солдат в восточный сектор на экскурсию. Те возмутились, доложили начальству. Дело в том, что восточный и западный секторы были открыты для въезда и выезда представителей армий, контролирующих эти зоны ответственности. Запрет касался только жителей двух Германий. Американцы, возмущённые запретом вопреки существовавшим договорённостям, вывели на Фридрихштрассе десять танков. Через несколько минут десять советских танков рычали моторами, выстраиваясь в затылок друг другу со стороны Восточного Берлина на той же Фридрихштрассе. Их разделяли сто шагов и хлипкая будка КПШ с перенутанными часовыми обеих армий. Танки стояли "дуло в дуло". В "чемоданах" лежал полный боекомплект. Экипажи не покидали боевых машин. Бензин был разлит с обеих сторон...

Москва торжественно отмечала возвращение своего космонавта № 2: Герман Титов только что вернулся из полёта. В Кремле Хрущёв устраивал пышный приём. На торжество пригласили и Конева. И неспроста.

Когда официальная часть приёма была преодолена, Хрущёв подошёл к Коневу и заговорил о сложной ситуации, возникшей в Берлине. Начался диалог. Конев понял, что в нём вновь нуждаются. Ещё бы, американскими войсками в Берлине командовал генерал Кларк. Конев с ним был хорошо знаком лично, успешно сотрудничал, находясь в Вене в 46-м. Другого такого маршала или генерала, на сто процентов соответствующего сложившимся обстоятельствам, у Хрущёва не было. Конева же американцы знали по Эльбе, Вене. Конев у них из-под носа выхватил Прагу. Словом, лучшей кандидатуры не найти.

— Нужно сделать ход конём, — каламбурил Хрущёв.

Конев молчал. Ждал.

— Так что, Иван Степанович, собирайтесь, надо лететь в Берлин.

— Когда нужно ехать? — ответил Конев согласием.

— Как можно быстрее. Либо сегодня вечером, либо завтра утром.

Накануне этого разговора состоялась беседа Хрущёва с Первым секретарем ЦЕНГ и руководителем ГДР Вальтером Ульбрихтом. Ульбрихт рассказал о тяжёлой обстановке, сложившейся в Берлине, сгустил краски, чтобы подвигнуть Москву к более радикальным действиям на Западе. Ульбрихт хорошо понимал, что именно теперь, когда атмосфера настолько накалена, можно закрыть своим соотечественникам дорогу на Запад. Затем он сообщил о последних разведдосесениях "штази": в Бонне готовят восстание в ГДР. Хрущёв испугался. Только этого не хватало. Германия — не Венгрия, а Берлин — не Будапешт...

— Надо прекратить эти переходы, — сказал Хрущёв. — Мы даём вам две недели, чтобы подготовиться в политическом и экономическом плане.

— Есть улицы, одна сторона которых относится к ГДР, а другая уходит в Западный Берлин. Мы замуруем ходы, где можно так, *по-чёрному* перейти, — заверил его Ульбрихт.

Хрущёв кивнул:

— Я вижу, мы правильно понимаем друг друга в этих вопросах.

Решать берлинские вопросы послали старого солдата Конева. Берлин его помнил хорошо, во всех смыслах. Ещё не все дома, продырявленные его 203-мм гаубицами Б-4, были отремонтированы.

Конев по-солдатски ответил: "Есть" — и прямо из Кремля уехал на аэродром. Там его ждал личный самолёт Хрущёва.

Перед отъездом позвонил домой и сказал жене, что срочно вылетает в Германию и что за вещами заедет адъютант.

На следующий день Конев встретился с Главнокомандующим сухопутными войсками США в Европе генералом Кларком. Когда Кларк узнал о приезде Конева в Берлин, понял, что перед этим маршалом демонстрировать маневры своих танковых частей бессмысленно. Один раз русские под командованием этого маршала Берлин уже брали...

Переговоры увенчались успехом. Танки, выстроившиеся на Фридрихштрассе, сделали разворот на 180 градусов и ушли в ангары.

Но на этом миссия маршала в Берлине не закончилась. В ночь с 12 на 13 августа 1961 года на линии соприкосновения на берлинских улицах и площадях, рассекая их на две половины, появилась сплошная стена — деревянные щиты с колючей проволокой наверху. В пределах города длина стены составляла 32 километра и 500 метров. Так появилась знаменитая Берлинская стена. Вначале она была деревянно-щитовой. Бетонные блоки появились позже.

Чтобы утром жители Западного Берлина и американские солдаты, обнаружив на улицах деревянно-проволочные заграждения, не снесли их, Конев отдал приказ: 20-й армии, дислоцированной в окрестностях Берлина, — полная боевая готовность; на линии соприкосновения от стены и в глубину обороны занять в три эшелона. Первый эшелон составляли пограничники ГДР и боевые дружины рабочих, второй — подразделения национальной армии ГДР, третий — части 20-й армии.

Впоследствии маршал, вспоминая Берлин 61-го, говорил, что обстановка была настолько накалена, что “если бы кто-нибудь случайно пальнул из пушки, могла бы начаться новая война”.

Стену строили добровольцы из боевых рабочих дружин и рабочие из Болгарии.

Конев назначили Главнокомандующим Объединёнными Вооружёнными силами стран-участниц Варшавского договора.

Жил он в служебном особняке в Вюнсдорфе в нескольких километрах от Берлина. Семью к себе не вызывал — опасался. Но потом, когда всё более или менее утихло, к нему приехала жена Антонина Васильевна. Дочь осталась учиться в Москве. Но на зимних каникулах к родителям прилетела и она. Особняк в Вюнсдорфе ожил и наполнился счастьем.

Наталья Ивановна Конева рассказывает:

— Проведённый в Германии год был одним из самых счастливых в семейной жизни родителей. Отец дал мне возможность увидеть и узнать очень многое из того, о чём до этого я читала в книгах, благо в нашей библиотеке их было предостаточно. Начали знакомство с Германией с посещения Дрездена, знаменитой галереи. Кстати сказать, это была единственная совместная поездка с отцом. Он был вечно занят. Но в этот наш к нему приезд ему захотелось ещё раз увидеть шедевры, которые он когда-то спасал. Показать их нам. И вот — дрезденские залы. Картины немецких художников, голландцев. Отец хотел снова увидеть Рафаэля. Похоже, именно поэтому он согласился поехать с нами. В первый раз “Сикстинскую мадонну” он увидел при плохом освещении. Отец долго стоял перед “Мадонной” и сказал: “Какая кротость... И в то же время — какая сила!”

Любопытная деталь. До приезда Конев в Берлин Главнокомандующим был генерал-полковник И. И. Якубовский. В 45-м он воевал у Конев командиром отдельной танковой бригады, полковником, потом заместителем командира танкового корпуса, генерал-майором. Воевал храбро и умело, за что в 44-м получил две Золотых Звезды Героя Советского Союза. Приезд маршала Конев и назначение его Главнокомандующим принял болезненно. Вот что вспоминал бывший военный разведчик и сотрудник советской военной администрации в Берлине полковник Ю. В. Басистов: “В Москве решили усилить представительство нашей группы войск, и на должность главкома был направлен маршал Иван Степанович Конев, видный полководец второй мировой войны, один из маршалов Победы, он был бок о бок с Жуковым. Якубовского оставили в группе войск, его сделали первым замом. Генерал Якубовский был очень строг. Горе тому дежурному по штабу, который утром, встречая его, докладывал бы ему: “Товарищ первый заместитель...”, надо было по-прежнему: “Товарищ главнокомандующий...”

Год пролетел быстро. Бетонная стена в Берлине и окрестностях окрепла... Её опутали колючей проволокой. Кое-где даже устроили контрольно-следовые полосы. Дело было сделано. И Конев отозвали в Москву.

Когда маршал покидал Берлин, генерал Кларк прислал ему личный подарок: настольную зажигалку фирмы “Ронсон” в деревянном корпусе с дарственной надписью. Подарок имел, конечно же, свой подтекст. Во-первых, Конев был страстным курильщиком. Во-вторых, никто из них не бросил спичку, не чиркнул зажигалкой, хотя бензин был уже разлит...

В Москве его ждала “райская группа”, общественная работа, военно-спортивные игры школьников, походы с молодёжью по местам боевой славы, работа над мемуарами, которую он постоянно откладывал.

Ему было шестьдесят пять. Ещё послужил бы. Но родина больше не призывала.

Глава сорок вторая

МЕМУАРЫ

“Я не писатель, я солдат”.

Наталья Ивановна Конева в интервью еженедельнику “Собеседник” в июне 2006 года сказала: “Однажды Симонов предложил ему написать к 20-летию Победы книгу мемуаров. Сначала отец отказался: “Я не писатель, я солдат”. Но Симонов был настойчив, предложил надиктовать воспоминания, распечатать текст и сделать правку. В итоге Конев согласился. Мемуары опубликовал “Новый мир” Твардовского, которого он чрезвычайно уважал. Потом мемуары вышли отдельной книгой — “Сорок пятый”. Там были и воспоминания о юности...”

С Александром Трифоновичем Твардовским у Конева завязалась дружба. Когда поэт узнал, что маршал, тогда ещё генерал-лейтенант, воевал на его родной Смоленщине, под Ярцевом и Духовщиной, он проникся к нему огромным уважением. А Конев любил “Василия Тёркина” Твардовского. С некоторых пор в его кабинете на даче в Архангельском появилась вышитая шёлком копия с картины Непринцева “Отдых после боя”: боец-весельчак на привале в лесу что-то азартно “заливает” своим боевым товарищам, и те в восторге... Твардовский присылал Коневу свои новые книги. В одной из них, в очередном издании “Книги про бойца”, сделал такую надпись: “Прославленному полководцу, национальному герою Родины с признательностью за доброе слово об этой книге”. Наталья Ивановна рассказала, что до сих пор в книге лежит закладка, оставленная отцом. Заложил старый артиллерист страницу, где Василий Тёркин размышлял об артиллерии:

*Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнём расслышишь
Артиллерию свою.*

У нас в стране многое делается к датам, к юбилеям. В том числе и хорошее. Конечно, именно к круглой дате — 20-летию Победы — Конев надиктовал на магнитофон Симонова первую книгу своих мемуаров. И эта книга, конечно же, была посвящена победному периоду Великой Отечественной войны, завершающему — Берлинской операции и тому, что ей предшествовало. Штурм Берлина до сих пор в сознании наших соотечественников является своего рода апофеозом войны. И только потом появились “Записки командующего фронтом”. Но — без 41-го и 42-го.

Однако в 1991 году в новом издании “Записок...” были опубликованы записи, надиктованные Коневым для Гостелерадио в 1972 году. В новое издание они вошли отдельным разделом под названием “В Смоленском сражении”. Они охватывают период с января по сентябрь 1941 года, когда Конев формировал 19-ю армию и командовал ею под Витебском, Смоленском, Ярцевом и Духовщиной. Вспоминая июль–август 41-го, маршал сказал: “В эти дни наши войска дрались буквально за каждую выгодную позицию”.

Коневы любили писатели. Часто бывали у него. Потому что и он любил писателей. Часто, когда случались свободные минуты, засиживался с ними допоздна. Он был благодарен своей родине, своему роду и книгам. Родина вырастила его, вскормила, дала начальное образование. А книги, чтение, общение с мудростью веков, историей воспитывали душу, укрепляли её.

Борис Полевой все четыре года войны день за днём старательно вёл дневники. Записывал все свои поездки на фронт, впечатления, беседы с людьми, рядовыми бойцами и командирами. На основе этих бесед и родилась его послевоенная повесть о маршале Коневе. Хотя композиционно она выстроена так.

В декабре 41-го войска Калининского фронта освобождают родной город писателя Калинина. Полевой едет в командировку, встречается с командующим войсками фронта генерал-полковником Коневым. Предлагает генералу написать о нём книгу. Тот отказывается, откладывает на будущее, “когда Красная Армия Берлин возьмёт”. И вот Берлин пал. Писатель разыскивает своего героя в замке в Южной Саксонии, где разместился его штаб. Теперь он маршал, командующий войсками 1-го Украинского фронта. И — началась беседа. Маршал частично рассказывает о себе. Частично повествование ведётся от автора. В самом начале повести рассказ о том, как писалась корреспонденция об освобождении Калинина. И этот рассказ раскрывает, как мне кажется, тот метод, которым и были созданы те, что сейчас мы называем мемуарами маршала Конева.

Полевой долго не мог попасть к командующему фронту. Генерал был занят. Наконец, член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов сказал, что генерал назначил беседу на 4 часа утра. И Полевой, опасаясь, что и эта встреча может не состояться или быть очень короткой, так что он, как корреспондент, прибывший за материалом для свежего номера, снова может остаться ни с чем, предложил, как это часто практиковалось, “сделать предварительную заготовку, проект статьи”.

— Никаких проектов и заготовок, если не хотите, чтобы он выставил Вас вон, — предупредил член Военного совета. — С одним из Ваших коллег, пожелавшим таким образом “облегчить” труд автора, такое уже случилось. От Вас требуется только приготовить бумагу и очинить карандаш — диктовать будет. Он, между прочим, хорошо диктует.

Точно так же Конев диктовал и свои приказы. Конечно, в штабе их обрабатывали. Но основу он надиктовывал сразу.

Отличие мемуаров Конева от мемуаров, к примеру, Рокоссовского в том, что Константин Константинович писал их сам. Что-то затем из черновиков убрал внутренний редактор мемуариста, а что-то — товарищи из других инстанций, где рукописи, прежде чем пойти в печать, визировались. Но для таких рукописей, где многое остаётся в черновиках и среди купюр цензоров, наступают другие времена, когда утраченное можно восстановить. После Симонова восстанавливать мог бы сам Конев. Но теперь это невозможно.

Правда, Конев оставил богатейший архив. Различные записи, конспекты, письма. Архив бережно хранит дочь маршала. И год за годом кропотливо разбирает его. Кое-что публикует.

Наталия Ивановна рассказала, что в последние годы Конев не выпускал из рук книгу мемуаров Манштейна. “Утерянные победы” читал и перечитывал заново. Словно снова и снова переживал ту войну, операции, в ходе которых пытался загнать фельдмаршала и его танковые дивизии и корпуса в решающую ловушку. Мгновенно определял, где немец не договаривал и почему. В “Сорок пятом” и “Записках...” он время от времени цитирует своего бывшего неприятеля.

Книгу Манштейна “Утерянные победы” у нас в России сейчас издают часто. В год — несколько изданий. Недавно выпустили дорогой фолиант альбомного типа, насыщенный фотографиями, особенно немецкими. А того, кто бил его, от Белгорода и дальше, до Румынии, — ни одного нового издания. Что социализм наиздавал, то и хранится в библиотеках.

Такова степень нашего патриотизма и нашей гражданственности.

“Записки командующего фронтом” написаны всё же комиссаром. Всё в них имеет оттенок партийно-государственного понимания и осознания со-

бытий, о которых идёт речь. Они академичны, а потому порой скучноваты. Понятно, что над ними поработало ещё и Главное политуправление, что, видимо, ещё сильнее, с одной стороны, выхолостило рукопись, а с другой — перегрузило её правильными идеологическими выводами.

Удивительное дело, в “Записках...” Конев очень подробен. Говорят, это раздражало некоторых читателей из его окружения. Даже те, кто воевал рядом с ним, командовал армиями и корпусами, замечали: мол, слишком много места уделено деталям, трудно читать, теряешься в подробностях и мелочах...

Для него на войне не было мелочей. Бой состоял именно из частностей. Расстановка сил, стремительный маневр...

Читая “Записки...” и “Сорок пятый”, невольно замечаешь, что главы, посвящённые подготовке к операциям, зачастую более пространные, чем описание собственно операции. Именно так было заведено в его манере воевать: подготовка к операции требовала не меньших усилий, чем её проведение. Этого он требовал и от своего штаба, от командармов и их штабов, от командиров корпусов, дивизий и бригад.

Мемуары Конева написаны хорошо. Особенно “Сорок пятый”. Иногда, явно увлекаясь, автор уходит в теорию. Но можно себе представить, какие картины перед ним развёртывались, когда он надиктовывал, к примеру, такие монологи:

“Прорыв — искусство, а не просто результат арифметических выкладок. Из опыта войны мы знаем немало примеров, как иногда трудно удавался прорыв. Как правило, основным содержанием оперативного прорыва были разгром главных сил противника в тактической зоне и создание условий для ввода в прорыв подвижных сил — танковых армий или вторых эшелонов фронта...”

Когда была закончена работа над второй книгой мемуаров, Конев задумался: как командующий фронтом, он постоянно связывался не только со Ставкой, но и лично со Сталиным, и многие решения и действия его войск были результатом этих совместных консультаций. И он пришёл к выводу, что нужна отдельная глава о Сталине. Ему хотелось подробнее рассказать о Верховном, о непростых взаимоотношениях с ним, о его достоинствах и недостатках, как видел их он, командующий войсками фронта. Посоветовался с редактором, с боевыми товарищами генералами Жадовым и Покрышкиным. Пришли к выводу, что публикация такой главы невозможна без согласования в ЦК. Написал записку с просьбой — разрешить. Вскоре из ЦК позвонили: “Пока подождите, Иван Степанович. Не время...”

Оно, время полной правды, так и не наступило.

Глава сорок третья

РАЗГОВОРЫ С КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

“Глазами человека моего поколения...”

Это отдельная история, которая, мне кажется, ещё станет достоянием нашей военной истории и истории литературы советского периода.

С окончанием строительства своего дома в Архангельском в дачном посёлке на берегу речушки Вороний брод, он наконец-то обрёл некое пристанище, где мог, после всех битв и тревог, сесть у окна и просто смотреть в сад, посаженный своими руками. Дом он построил в 1947-м, а в 1962-м, после строительства Берлинской стены, поселился здесь с семьёй уже основательно.

Там же, в окрестностях Архангельского, жили многие маршалы и генералы. Семьи Москаленко, Жадовых, Рокоссовских, Говоровых.

В Архангельском с некоторых пор стал часто бывать Константин Симонов. Жил он в доме Жадовых. Константин Михайлович был женат на дочери Алексея Семеновича Жадова Ларисе, с которой познакомился в 1956 го-

ду. Это был его третий брак, последний. Лариса Алексеевна вышла за Симонова вторым браком. Первый муж её, поэт Семён Гудзенко, от которого у неё была дочь, умер.

Симонов стал навещать Конева. В те годы он был увлечён записями фронтовиков.

Из книги Наталии Коневой: “Доверяя Жадову, отец как-то сразу по-особому стал относиться и к Симонову”.

Они ходили на рыбалку, пили чай на веранде. Симонов записывал на диктофон рассказы маршала. Рассказчиком он был великолепным. Память и ясность ума сохранил до последних дней.

Многие из записей впоследствии вошли в книгу Симонова “Глазами человека моего поколения”: взаимоотношения со Сталиным, их встречи и разговоры. Именно из бесед с Коневым Симонов, размышляя на тему “Сталин и война”, напишет: “По отношению к командующим фронтами Сталин был не только руководителем государства, партии, то есть человеком, в этой ипостаси своей находившийся на много ступеней от них, отделённый от них целой иерархией — партийной, государственной. В должности главнокомандующего Сталин был их непосредственным начальником. Это были его прямые подчинённые. И это отражалось на его отношении к ним. Это было временно, на время войны, его собственное ведомство. Его люди, его подчинённые, его самые близкие, непосредственные подчинённые.

В каком-то смысле между ним и этими подчинёнными были посредники в качестве представителя Ставки, или заместителя главнокомандующего, или начальника Генерального штаба, но это в одних случаях было, а в других не было. Во многих случаях было просто: командующий фронтом и над ним — Сталин; Сталин и под ним — командующий фронтом.

Главнокомандование во время войны для него было новым видом деятельности, и успехи в этом новом виде деятельности, так же как и неудачи, были для него особенно чувствительны. И он гордился своими успехами в этом новом для него виде деятельности и гордился успехами своих подчинённых. Прямых подчинённых, людей, с которыми он повседневно имел дело.

Вот, между прочим, секрет того положения, которое по отношению к командующим занимали члены военных советов. Сталин в конфликтах, возникавших в этих случаях, чаще становился на сторону командующих. Эти четырнадцать или пятнадцать человек были его непосредственные подчинённые как Верховного главнокомандующего”.

Наталия Ивановна Конева рассказывает, что в те дни Симонов ходил к ним, как на работу. Коневу перед этим кто-то из его боевых друзей подарил диктофон — по тем временам вещь редкую и дорогую. Конев вёл параллельную запись. Теперь эти плёнки хранятся у дочери.

В книгу “Глазами человека моего поколения” “Беседы с маршалом Коневым” вошли отдельной главой.

Иногда маршал и писатель просто рыбачили. Варили уху.

Иногда подолгу разговаривали о какой-нибудь прочитанной книге.

Конев много читал. Всю войну возил по фронтам несколько любимых книг: “Науку побеждать” Суворова, “Войну и мир” Толстого, том Пушкина. “Полтаву” знал наизусть. Любил читать какие-то куски из неё.

Любил писателей. Привечал их у себя в Архангельском. Сюда к нему приезжал Борис Полевой, вологодский поэт Александр Яшин.

Но разговоры с Симоновым были наиболее плодотворными. И прежде всего, по той простой причине, что они не исчезли вместе с носителями тех диалогов. Симонов по-корреспондентски скрупулёзно переносил записанное на плёнку на бумагу, комментировал монологи маршала своими размышлениями и наблюдениями. “Коневский” раздел в книге Симонова “Глазами человека моего поколения” один из самых сильных.

Что влекло Симонова к Коневу? Только ли “богатый военный опыт” маршала? Конечно, и это. Но ведь были у них не только разговоры — рыбалка, уха... В Иване Степановиче Коневе было то человеческое обаяние и колорит сильной личности, которая не потеряла себя даже тогда, когда всё, казалось, прожито и оставлено в прошлом.

Симонов умел видеть человека глубоко. И Конев умел видеть глубоко и быть откровенным, когда от тебя ждут откровения.

Глава сорок четвёртая

СИРЕНЬ МАРШАЛА КОНЕВА

*“И как будто устарели тотчас
оба мы с тобой...”*

Однажды, когда Коневы жили ещё в московской квартире в доме на улице Грановского, Ивану Степановичу в день рождения маршал Рокоссовский преподнёс удивительный подарок, которым всё семейство Коневых потом любовалось каждую весну, — куст белой сирени. Раздался звонок, открыли, а на пороге — высокая фигура Рокоссовского с саженцем в кадке. За окнами зима, мороз, снег искрится, а улыбающийся Рокоссовский стоит в дверях с кустом живой цветущей сирени...

Сирень весной высадили в саду в Архангельском.

Сад в Архангельском — это последнее, после мемуаров, творение маршала Конева.

Сажать сад ему помогал тесть Василий Петрович Петров.

Яблони привезли из Мичуринска, самые лучшие сорта — антоновку, пепин шафранный, штрифель. Сажали со знанием дела и с любовью. А потому яблони заплодоносили очень скоро.

Каждую новую весну он встречал с восторгом и благодарностью. На праздник Победы всегда куда-нибудь уезжал — приглашали. После встреч с боевыми товарищами возвращался в своё цветущее царство, подолгу ходил по саду, рассматривал плодовые деревья, любовался сиренью. Мир, который он сотворил по зову своего крестьянского, мужицкого начала и который теперь цвёл, благоухал и плодоносил, существовал уже сам по себе, и его творец был счастлив чувствовать себя частью этого мира. Французского лётчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери спросили однажды: “Кем бы вы хотели стать, если бы не были писателем?” — “Садовником”, — не задумываясь, ответил он. Так вот, должно быть, и Конев ответил бы так же, когда на склоне лет, уйдя от активной службы, занялся садом и погрузил руки в землю.

Сирень на даче Коневых цвела так, как не цвела, кажется, нигде в округе. Её здесь было множество сортов. И множество расцветок. Белая, нежно-сиреневая с небесно-голубым отливом, сиренево-фиолетовая, бордовая, тёмная, как майские сумерки. Она здесь не цвела, а бушевала. Как когда-то в мае 45-го в только что освобождённой Праге...

Потом возвращался в кабинет, брал с полки недавно присланную главным редактором “Нового мира” книгу, открывал наугад:

*Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой...*

Что ж, и устарели, и постарели. Как верно, насколько трогательно-глубоко и беспощадно-точно выразил поэт состояние солдата, который уже выбыл из строя и в котором уже не нуждается никто — ни командир, ни Родина.

Как рассказывает дочь, стариком Конев никогда не выглядел. Даже когда тяжело заболел. Одет всегда был опрятно. Даже в сад, собираясь работать, одевался, как на прогулку.

Не потерял и свою врождённую осанку. Правда, немного раздобрел.

У него был прекрасный садовый инструмент, тоже подаренный к 60-летию кем-то из фронтовых товарищей. Ходил, осматривал деревья и кустарники, делал необходимую обрезку, удаляя сухие и больные ветки. Ухаживал за картошкой.

Сад, его запахи и звуки в тишине, должно быть, принесли в уходящую жизнь этого человека то, что он оставил, потерял в погоне за другим, давным-давно, ещё в юности, когда уехал из Никольска, когда сбежал от тяжких комиссарских обязанностей на неведомую гражданскую войну. Сад вернул ему ощущение родины.

Второй праздник в саду, второе торжество наступало осенью, в самом её начале, когда созревали яблоки.

Выбирали ясный, погожий день. Бывают такие дни в середине сентября, на исходе бабьего лета, когда всё пространство заполнено ясным прозрачным светом последнего тепла, когда струятся, взблёскивая, невесомые паутины и хочется верить, что такое состояние будет длиться пусть не вечно, но всё же ещё долго. Конев выносил плащ-палатку, расстилал её на лужайке. Приезжала старшая дочь Майя с мужем Василием и внучкой Аней. Невестка Ирина привозила другую внучку — Лену. Но особенно радовалась этому дню младшая — Наташа. Антонина Васильевна выходила с корзиной. И начинался сбор плодов.

Кто хотя бы раз участвовал в сборе осенних яблок, кто пережил эти сдержанные, но глубокие эмоции от ощущения полноты жизни, наполненной созревшими плодами, тот поймёт радость моих героев.

Яблоки ссыпали на офицерскую плащ-палатку. Как вспоминает Наталия Ивановна, “это была мозаика — зелёная, с жёлтым отливом антоновка, ярко-малиновый пепин шафранный, розово-полосатый штрифель...”

День сбора плодов был для Конева и днём сбора семьи, и днём радости от общения с детьми и внучками. Сторонник и ревнитель семейного консерватизма и Домостроя, он любил, когда за большим столом собиралась вся семья. В такие дни на радостях мог позволить себе рюмочку-другую.

Часто в своём кабинете засиживался со старшей дочерью Майей.

Майя с успехом окончила МГУ, переводила польских писателей на русский язык, была великолепным стилистом и специалистом по польской литературе. Конев, страстный книголюб, частенько получал из ЦК книги по закрытому “спецсписку”. Каждую очередную связку “запрещённых” книг, как правило, первой перебирала Майя. Но иногда приносила такую же связку книг отцу. Она общалась с людьми из диссидентствующей и полудиссидентствующей среды. 60-е годы — время вольных ветров в советском обществе. Конев, прекрасно понимавший, что происходит в стране и мире, видел, что эти ветра всерьёз захватили старшую дочь. Не всегда и не во всём разделяя её увлечения и взгляды, он всё же относился к этому терпимо.

Майя какое-то время жила с первым мужем в Америке. Вернулась усталая. Первый её брак распался. Во втором браке была счастлива. Её муж Василий Архинов был заместителем Главного конструктора КБ Микояна. Человек увлечённый, талантливый авиаконструктор.

Так получилось, что старшие дети разделились: сын, Гелий, больше тянулся к матери. Майя была привязана к отцу.

Свободомыслие старшей дочери не особенно смущало Конева. При всём консерватизме своих взглядов и позиций он понимал, что в чём-то и она права.

Однажды Майя принесла очередную “связку”: книгу Н. А. Соколова “Убийство царской семьи”, роман “Доктор Живаго” Б. Пастернака, “В круге первом” А. И. Солженицына.

Конев книги прочитал. К их содержанию и позиции авторов отнёсся по-разному. Книга Соколова ему понравилась. К “Доктору Живаго” он отнёсся нейтрально. Стиль романа ему не понравился, а идея показалась неясной, рыхлой и слишком глубоко запрятанной, чтобы зажечь читателя. По этому поводу он процитировал Майе своего любимого Льва Толстого:

— Ясность — удовольствие ума! А здесь этого нет.

“А вот по поводу Солженицына, — вспоминает Наталия Ивановна, — у них с Майей были страшные споры, которые заканчивались на повышенных тонах”.

Надо полагать, что разговор о Солженицыне был не единичным эпизодом интеллектуальных бесед отца и дочери.

Младшая Наташа, в то время школьница-одинадцатиклассница, старалась не пропустить разговоров отца и старшей сестры о литературе, о прочитанных книгах. Она уже любила мир книг и русского языка и мечтала о том, что её будущее будет связано с языком и литературой.

Так и случится. Отец ей желал медицинского поприща. А она ушла в любимую с детства русскую словесность. Надо заметить, что, как это часто происходит в кренких здоровых семьях, на младшую большое влияние оказала старшая сестра.

— Я благодарна сестре за то, — рассказала Наталия Ивановна, — что она помогла мне полюбить поэзию, воспринимаемую тогда моими ровесниками очень остро, поскольку в литературу вошло новое поколение, оценивавшее в поэтической форме свою эпоху, нередко с критической точки зрения. Они делали это талантливо, экспрессивно и публично — на поэтические вечера в Политехническом музее собиралась масса народа. Сестра Майя сумела научить меня радоваться слову, “вкусоности” фразы. Ей очень хотелось, чтобы я смогла почувствовать, какой талантливый, не ходульный, не агитпроповский поэт Маяковский, которого мы “проходили” в школе. Был извлечён из папиной библиотеки редкий однотомник Маяковского. Но главной книгой, с которой нам всем удалось познакомиться в иностранном издании, было “Собачье сердце” Булгакова. Меня, школьницу 11-го класса, книга потрясла. С отцом мои её не обсуждали, мне показалось, что он не хотел делиться со мной возникшими после её прочтения мыслями, но ни спорить, ни возмущаться не стал”.

В это время Конев, конечно, не без участия дочерей, начал собирать новую библиотеку. Первая его библиотека, собранная в 20-е и 30-е годы, осталась в оккупированном Ростове. После войны он пытался наводить справки, но поиски никаких результатов не дали. Библиотека пропала. То ли сгорела, то ли растащили.

Для нового собрания Конев приобретал то, что любил или что хотел прочитать в прежние годы, но не мог по разным причинам. А теперь, наконец, настала пора сбора урожая. Можно было позволить себе несколько часов кряду, а то и день напролёт просидеть за любимой книгой.

В библиотеке было много книг из академической серии “Литературные памятники”. Конев всегда ценил основательность. Часто делал на полях пометки карандашом, словно намеревался к этой мысли ещё вернуться. Выписывал и читал военно-технические и военно-исторические журналы, периодику. В доме всегда были свежие “толстые” литературно-художественные журналы: “Новый мир”, “Иностранная литература”, “Октябрь”. Любил листать “Рыболов-спортсмен”, “Здоровье”, “Огонёк”.

Конечно же, политика, интерес к тому, что происходит в мире, в стране, в Кремле и на Старой площади, не оставляли его. И с некоторых пор Конев пристрастился слушать “голоса”. Наталия Ивановна рассказывает, что “отец включал свой старый ламповый радиоприёмник “Сименс” и слушал новости по “Голосу Америки”, “Радио “Свобода”, “Би-Би-Си”, иногда “Немецкой волне”. “Немецкая волна”, её передачи и стиль Коневу нравились меньше.

Сын Гелий жил своей жизнью. По выходным он тоже приезжал на дачу в Архангельское. Высокий, стройный, своей мужской статью словно повторявший юность отца, он женился на такой же красавице из ансамбля танца Игоря Моисеева Ирине Алексеевне Чагадаевой. Окончил военное училище, стал офицером. Но с сыном была беда — пристрастился к спиртному: друзья, весёлые компании.

Гелий рос весьма одарённым человеком. После школы поступил в Военный институт на факультет иностранных языков, но не окончил его, перевёлся в Военно-дипломатическую академию Министерства обороны СССР. Учился с отличием, в совершенстве овладел английским и готовился к карьере военного атташе за рубежом. Но вскоре последовало указание — детей высокопоставленных чиновников и военных на работу за рубежом не брать. Гелий окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Служил в ГРУ. Но артистическая натура, унаследованная от матери, выталкивает его из среды, подчинённой строжайшим правилам. Прекрасный музыкант, им-

провизатор, он не раз буквально покорял своей виртуозной игрой на рояле Хачатуряна и Цфасмана. Цфасман приглашал его к себе в джаз-бэнд. Но — не судьба. А тут ещё одна неприятность: дело полковника ГРУ Олега Пеньковского, работавшего на британскую Ми-5 и ЦРУ. А с Пеньковским он был хорошо знаком — учились вместе в Академии, а потом служили в ГРУ. Осталась одна дорога — в войска. Вскоре он уже — командир полка в Печенге под Мурманском. Затем поступил в Академию Генерального штаба. Москва, старые забавы и снова — срыв. Отец, разозлённый его поведением, делает всё, чтобы сына загнали как можно дальше от Москвы. “Барство”. Гелий попадает в Нахичевань на должность заместителя командира стрелковой дивизии. Но пьянство продолжается. Из армии его комиссовали в начале 70-х годов. Вернулся в Москву. Жил на пенсию, подрабатывал в какой-то конторе начальником отдела кадров. Несколько раз женился. Детей больше не было. Продолжал пить. Сестру Майю, которую он очень любил, пережил всего на полгода.

Гелий женился на Ирине Алексеевне Чагадаевой в 1948 году. Развелись они в 1965-м. С разводом связана вот такая история.

Конев не знал о том, что с его сыном случилась “русская болезнь”. Домашние и Анна Ефимовна скрывали от него всё, что было связано с запоями и “барством” Гелия. Правда открылась после того, как начался бракоразводный процесс. Сын приехал на дачу и объявил о разводе с Ириной. Отец вскипел, выгнал Гелия из дому и сказал, чтобы ни в отцовском доме, ни в Москве не появлялся до тех пор, пока он этого не позволит. Так и произошло.

Но отцовское сердце отходчиво. Забота о единственном сыне брала верх. Он даст Гелию ещё один шанс — сын поступит в Академию Генштаба...

Это была трагедия и сына, и отца.

Гелию надо было идти на сцену, а не в казарму.

Жена Гелия, Ирина Алексеевна, урождённая Чагадаева, была из некогда известного и славного дворянского рода. Её отец — князь Алексей Дмитриевич Чагадаев-Саканский — был учредителем Паркосельского Аэро-автомобильного спортивного общества, страстным автомобилистом. Развивал автомобильное дело в России и видел в нём большие перспективы. Участник первой мировой войны. Так же, как и Конев, воевал в тяжёлом артиллерийском дивизионе. Награждён офицерским Георгиевским крестом 4-й степени за бой под Молодечно. После революции, стараясь затеряться, скрыть своё происхождение, перевёз семью из Петербурга в Москву. Будучи прекрасным специалистом-автомехаником, работал в автомобильном хозяйстве ВСНХ, затем на различных должностях на автозаводе им. Сталина. Арестован и расстрелян в 1937 году как “враг народа” на Бутовском полигоне. В 1962 году реабилитирован.

Как рассказывает дочь Гелия и Ирины Елена Гелиевна Конева, “дед это знал, но никогда не говорил об этом”. Только недавно, разбирая архив маршала, они нашли записи Конева о расстреле Алексея Дмитриевича Чагадаева. Сейчас это известная история.

Да, зная то время и те нравы, царившие в обществе, взять в свой дом дочь врага народа — это взвалить на свои плечи тяжёлый и опасный крест. Конев знал историю своей невестки: сирота, после расстрела отца мать прожила недолго, оставив пятерых детей. Ирина — младшая.

Ирина была очень талантлива. Танцевала с раннего детства, потом во Дворце пионеров, в группе своих сверстниц, а затем случилось чудо. Их, всю группу, приняли в хореографическое училище Большого театра по личному распоряжению Сталина. Училище Ирина окончила перед самой войной. Поступила в Государственный Ансамбль народного танца. С ним выступала перед бойцами и в госпиталях на Дальнем Востоке и в Монголии. Получила Сталинскую премию I-й степени — за концертную деятельность. Стала Заслуженной артисткой РСФСР.

— Дед всегда очень гордился моей мамой, — рассказывает Елена Гелиевна. — Говорил, что она никогда не доставила ему неприятных секунд, а только с честью несёт его фамилию по всему миру. До конца своих дней считал её невесткой, на своём 70-летию поднял за неё тост. Мама сидела ря-

дом с Рокоссовским и его женой. Юля, жена Рокоссовского, сказала ей: “Ирочка, ведь Вы уже не замужем за Геликом, почему он называет Вас своей невесткой?” Мама ответила: “Значит, в наших с ним отношениях ничего не изменилось, а таким званием, как невестка Конева, я только горжусь”. У них была какая-то особенная приязнь друг к другу. Как-то мы приехали в Москву с дачи... Дед маме позвонил, и они гуляли по бульвару, разговаривали. Дед ей рассказывал про свою жизнь, и, как я понимаю, не про победы на фронте, а о самом личном. Рассказывал очень откровенно, о чём редко говорят, особенно мужчины. Думаю, что, зная суперпорядочность моей матери, он понимал, что об этом никто никогда не узнает, и потому так был откровенен. Разговор, видимо, касался моей бабушки Анны Ефимовны. Ещё до свадьбы мама стала жить у Анны Ефимовны и дала деду обещание её не бросать. С бабушкой мы прожили до 1969 года, хотя характер у бабушки был не сахар. Уехали мы от неё только тогда, когда Майе надо было помогать с дочерью Аней. В 1974 году мама вышла замуж за Игоря Александровича Моисеева — сейчас она его вдова, днями ей будет 87 лет. Она до сих пор работает в Государственном Академическом ансамбле народного танца имени И. А. Моисеева. Теперь она педагог-репетитор.

Дочь Гелия Ивановича и Ирины Алексеевны Елена Гелиевна окончила переводческий факультет Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. Работала в Гостелерадио, затем — старшим искусствоведом во Всесоюзном художественном комбинате им. Е. Вучетича Министерства культуры СССР. Занималась проведением художественных выставок в Москве. В 90-е годы работала с Ансамблем Моисеева, организовывала гастроли, объехала с коллективом полмира.

Карьера Майи сложилась очень благополучно. Прекрасная переводчица с польского, она открыла русскому читателю многих польских писателей. Работа в издательстве “Иностранная литература”, издавала Теодора Парницкого, Владислава Терлецкого, Яна Пиларжа. Перевела детективы Иоанны Хмелевской. В моей библиотеке есть старая книга — сборник “Современная польская повесть. 70-е годы”. В ней три повести трёх польских писателей: Вацлава Билинского, Юлиана Кавальца, Владислава Терлецкого. Составитель — Майя Конева.

Круг её знакомств и дружеского общения, связанного, конечно же, с литературой, был очень широк: Анна Ахматова, вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна Булгакова, поэты Юрий Левитанский, Булат Окуджава, Давид Самойлов, литературовед Святослав Бэлза, которого мы сейчас больше знаем как телеведущего, писатели Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев.

В те годы писательская молодежь одного из направлений в советской литературе, которое жило и творило в атмосфере очарования Западом и его ценностями, часто собиралась в небольшом подмосковном городке Тарусе на Оке, у К. Г. Паустовского. Вскоре именно здесь родился самый, пожалуй, известный литературный сборник XX века — “Тарусские страницы”. Почти все авторы сборника — друзья или хорошие знакомые Майи Коневой. Здесь, в Тарусе, в “диссидентском гнезде”, жили тогда Александр Гинзбург, Иосиф Бродский, Лариса Богораз. Сюда приезжал больной и смертельно уставший от Колымы Варлам Шаламов. Здесь бывала вдова Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна Мандельштам и многие, многие...

Как рассказала дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна Конева, родители часто ездили на Оку, в Поленово, гостили у внука художника В. Д. Поленова Фёдора Дмитриевича. Перебирались и в Тарусу. Таруса от Поленова — через реку. В Тарусе останавливались у поэтов Музы Павловой и Владимира Бурича. Муза Павлова писала свои абсурдистские пьесы, которые никто не ставил, и переводила с польского современных поэтов. А Владимир Бурич писал прекрасные верлибры и тоже переводил — с польского и сербского. Переводы печатались в “Иностранной литературе”.

В 1968 году разразился очередной кризис в нашем “социалистическом лагере”, на этот раз — в Чехословакии. В Прагу вошли советские танки. Конев хорошо знал, что это такое, по 56-му году, по Венгрии.

В эти дни он особенно внимательно читал газеты и яростно накручивал ручку своего “Сименса” — слушал то, что передают в эфир “вражеские голоса”. Советские газеты надо было читать между строк, он это умел. К тому времени Коневу уже не присылали информационный бюллетень ТАСС, который курьерской почтой доставлялся ограниченному кругу лиц. Кое-что узнавал из общения с бывшими фронтовиками, кто ещё служил, занимал различные должности в Министерстве обороны СССР и в войсках. Благо, Кирилл Семёнович Москаленко жил по соседству. В то время он был заместителем министра обороны.

Со всего Архангельского, как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в гостеприимный дом Москаленко сходилась генеральская молодёжь “крутить кино”. Молодёжь “крутила кино”, а они, старики, запирались в кабинете и под чаёк разговаривали о том, что происходило на Западе, где они двадцать три года назад громили немецких генералов и фельдмаршалов.

Во время очередного приезда на дачу старшей дочери состоялся разговор и с ней. Майя с присущей ей прямоотой назвала ввод войск в Чехословакию агрессией, защищала и оправдывала акцию на Красной площади, где семь человек вышли с плакатом “За вашу и нашу свободу!” и тут же были арестованы милицией и сотрудниками КГБ. Среди арестованных оказалась и Лариса Богораз, с которой у Майи были дружеские отношения. Тот разговор между отцом и дочерью снова окончился “на повышенных тонах”. Но их родственных чувств он не затронул.

Антонина Васильевна в эти родительские беседы не вмешивалась. Она относилась к Майе дружески, тепло. Майя платила ей тем же.

Сразу после войны Конев приехал в Москву с новой женой. Он собрал за семейным столом своих старших детей, представил им Антонину Васильевну и сказал:

— Вот хозяйка, живите вместе с нами, я буду только рад, но уважайте её. Если вас что-то не устраивает — уходите.

Майя осталась жить с отцом. Потом, когда вышла замуж, жила в родительской квартире с мужем.

Дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна окончила Военный институт по специальности “военный переводчик”. До 1992 года служила в Центральной группе войск в Чехословакии. Сейчас — директор турагентства. Живёт, как и все Коневы, в Москве.

Коневу очень хотелось, чтобы кто-то из их, коневского, рода пошёл по военной стезе. С сыном ничего не вышло. И вот из Лодейна прислала письмо сестра Мария: просит похлопотать за её сына Александра и пристроить в Суворовское училище. Сел, задумался. В тот же день, посоветовавшись с домашними, отписал сестре: “Маша, не надо портить парню детство, пусть растёт дома, запомнит родительскую ласку, семейную жизнь с братьями и сестрой. Окончит десятилетку, а там посмотрим”.

Посмотрел на вложенную в конверт фотокарточку племянника. И будто его русоволосое и светлоглазое детство оглянулось на него издали. Вспомнилось сиротство. Без отца тяжело, а без матери...

Когда племянник окончил школу, Конев помог ему подготовиться к экзаменам в Академию бронетанковых войск. Александр учился прилежно, с огромным желанием стать офицером. Успешно окончил инженерно-танковый факультет и бравым лейтенантом отправился служить в войска. Прошли годы. Служил и в Афганистане, и Группе советских войск в Германии. В запас вышел в звании генерал-лейтенанта.

Генерал Александр Головкин с благодарностью вспоминает своего дядю:

— Когда я получил лейтенантские погоны и первое назначение, дядя мне сказал вот что: “Ты только начинаешь службу, всё у тебя впереди. Служи добросовестно и честно, никогда не ври, заботься о подчинённых и будь к ним справедлив”.

Наталия Ивановна, младшая дочь Конева, — человек удивительный.

Конев очень хотел, чтобы его младшая дочь была врачом, а она стала филологом. Более тридцати лет Наталия Ивановна преподаёт зарубежную литературу в Московском военном университете. Профессор кафедры языко-

знания и литературы, редкий специалист по творчеству Киплинга. Возглавляет Фонд памяти полководцев Победы. Ведёт большую работу с молодёжью по патриотическому воспитанию. Подготовила к печати несколько книг. Автор прекрасно написанной и великолепно изданной книги “Маршал Конев — мой отец”. Книга Наталии Ивановны — это дочерний поклон и своему отцу, и замечательному полководцу Великой Отечественной войны, и дань уважения и памяти многим маршалам и генералам, которые вместе с И. С. Коневым шли к Победе. Хранительница богатейшего архива отца, который потихоньку разбирает и публикует. Многие ранее неизвестные факты и документы из этого архива, предоставленные автору, растворены и в настоящей книге.

Дочь Наталии Ивановны Дария Бажанова воспитывает троих правнуков маршала: дочь Майю-младшую, Таисию и сына Ивана. Так что в семействе Коневых снова есть Иван!

Наталия Ивановна не только хранительница памяти отца и его архива, она — центр коневского семейства. Семейство Коневых очень дружное. В своё время, после смерти маршала, Антонина Васильевна, благодаря врождённой доброте и благородству своей души, смогла так распорядиться наследством мужа и отца, что все только тесней сплотились вокруг неё. Сейчас эту миссию несёт Наталия Ивановна. Раз в год семейство собирается на Красной площади у могилы отца, деда и прадеда, а потом все идут в маленькое кафе напротив. Пьют кофе с пирогами и вспоминают всех ушедших, делятся семейными новостями.

Глава сорок пятая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

“Его прощальный взгляд был совершенно ясный...”

Когда маршал был уже неизлечимо болен, но находился дома, ставил на проигрыватель любимую грампластинку Фёдора Ивановича Шаляпина и подолгу слушал. Маршал и прежде любил этот мощный бас, от которого веяло русскими просторами, удалью, родной стариной, непобедимостью России. Шаляпин был для него воплощением “русскости” и в то же время, как заметила Наталия Ивановна Конева, “какого-то надлома, душевного смятения, predetermined драматическими поворотами нашей истории”.

Умирал он мужественно, зная, что жить ему осталось совсем немного.

У постели его постоянно дежурил кто-нибудь из родных.

Часто его навещал тогдашний Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин.

Вспоминая последние мгновения жизни отца, Наталия Ивановна рассказывала: “Я хорошо помню момент его прощания со мной. Он знал, что умирает, у него был рак. Так получилось, что я пришла в больницу, когда у него случился приступ, после которого он уже не смог оправиться. У него резко открылось кровотечение. И вот пока прибежала дежурная медсестра, пока его перекладывали на носилки, он всё это время смотрел на меня. Он не сказал ни слова, он хорошо знал, что это наша последняя встреча. Это был просто долгий прощальный взгляд. Его прощальный взгляд был совершенно ясный”.

Это произошло 21 мая 1973 года.

Летом он мечтал поехать в Лодейно, в родные вятско-вологодские края. Видимо, чувствовал, что срок его пребывания на земле иссякает. Потянуло на родину.

Недавно московский агроном-селекционер С. А. Аладин вывел новый сорт сирени и назвал его “Маршал Конев”. Один из первых черенков он подарил семейству Коневых.